

Джафар Джабарлы

ПЬЕСЫ

2-290.114

Джафар Джабарлы

ПЬЕСЫ

М. Ф. Ахундов adına
Azərbaycan P. D. B. na
KİTABXİNASI

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
БАКУ - 1969

51. 1/1/2

ПЬЕСА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

7-3-3

136-69

**ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА:**

Айдын — молодой человек.
Гюльтекин — молодая образованная азербайджанка.
Сурхай — школьный товарищ Айдына.
Довлет-бек — молодой человек, сын миллионера.
Бюкханум — жена Довлет-бека.
Балахан — неграмотный, грубый, случайно разбогатевший человек.
Новрузбек — вырос в роскоши, наделен вкусом, вдумчив, сосредоточен.
Мирза-Джавад — журналист, 45 лет.
Сусанна — шансонетка.
Пиргулу — 28 лет, человек с резким характером и твердой волей.
Селим — рабочий, 45 лет.
Гулам — рабочий, 35 лет.
Официант в кафе-шантане.
Курбан — телохранитель Довлет-бека, лезгин.
Ильяс — товарищ Сурхая.

**ДЕЙСТВИЕ
ПЕРВОЕ**

Бедно обставленная комната. Три двери. Слева на стене — увеличенный портрет Гюльтекин. На комоде лежит тар. Справа у стены квадратный стол, слева круглый.

Айдын. Все это — следствие воспитания, результат среды и условий жизни. Я рано осиротел, и меня приняла сестра. Ее муж и вторая его жена притесняли меня, а из-за меня и мою сестру. Никто не считал меня человеком. Одна лишь сестра жалела и ласкала меня. Позже судьба послала мне сельского учителя, который определил меня в школу. И тогда в детской моей душе вспыхнула дерзкая мечта: стать богатым, сильным человеком, отомстить обществу и порадовать сестру... А потом, когда я узнал о таких прославленных полководцах, как Чингисхан, Наполеон, эта моя детская мечта разгорелась еще сильнее... Я мечтал стать таким, чтобы меня знал и со мной считался весь мир. Я мечтал о славе, о почестях, о власти...

Сурхай. Постой, постой, как это ты не захотел стать самым богом?..

Айдын. Рос я, росла и моя мечта. Узнавая жизнь ближе, я замечал ее противоречия; я видел, что одни богаты, другие бедны, одни повелевают, другие подчиняются, и тогда мечта моя приняла другое направление — я мечтал уже совершить переворот во всей жизни... построить жизнь на новых основах, а для этого искупать человечество в морях крови и на истлевших костях воздвигнуть дворцы счастья для всех детей земли.

Сурхай. Но...

Айдын. Но что поделаешь, если в наш век слава и величие заперты в крепости, чей хозяин — золото, ключ—

случай, а сторож — смерть. Не владея ключом, надо было схватиться со смертью. А я был связан в действиях сначала сестрой, а затем — ею. (Указывая на портрет.) Она заставила меня отступить и покориться жизни. Ах, зачем она меня полюбила!..

Сурхай. А зачем полюбил ее ты?

Айдын. И я так думал, даже любя ее. Я хотел, чтобы любимая не отвечала мне взаимностью, чтобы для нее я бился, боролся, не спал ночей, страдал, проливал слезы, вступал в кровавые битвы... Вот, наконец, подобно Наполеону, я возвращаюсь победителем. Прекрасные девушки моей страны встречают меня рукоплесканиями, осыпают меня цветами, а она, любимая мною, дарит мне лишь улыбку одобрения. И я продолжаю борьбу. В минуты усталости и сомнений я в мыслях о ней вновь обретаю силы и вновь иду вперед, и вновь поднимаюсь выше. Вновь страдания, слезы, мучения. И только умирая, при последнем вздохе я хотел прижаться губами к губам возлюбленной: вот, я — действительность, а не ничто! И простился бы с жизнью, полный гордости и радости оттого, что достиг желанного.

Сурхай. Громко поешь. Кухадхане курочки имеет больше смысла: она дает в результате яичко. У тебя же мечты — вздор, желания — чепуха. А что до твоих дел, то это — старая баня и старый ушат. Всего-навсего.

Айдын. Ты прав. К сожалению... Но... (Указывая на портрет.) Все она... она... Она сломала мне крылья, на которых я хотел взлететь к светлым звездам на темном небосклоне. Она погубила меня, только она.

Сурхай. Неблагодарный! Ты же знаешь, что многие добивались ее руки, она отвергла всех, отвернулась от родителей и ушла к тебе, низкому, безрассудному мальчишке. А ты!.. Ведь счастье твое построено на слезах тех, кто был ею отвергнут.

Айдын. Если бы сердце мое подчинялось рассудку, я с готовностью уступил бы это счастье.

Сурхай. Ты неблагодарный. Если бы пришлось тебе в бессонные ночи проливать потоки слез и оглашать воздух стонами...

Айдын. Мой бедный друг, и ты!..

Сурхай. Молчи, Айдын. Всякий счел бы за счастье преклониться перед красотой Гюльтекин, оваянной поэзией. Но клянусь вздохом восхищения, с которым поэт и

художник любят красоту весны, что я никогда не собирался стать поперек твоего пути. Но другие...

Айдын. Вы не понимаете жизни. Тот, кто женится на любимой, не более как заключенный в золотую клетку соловей. А я считаю, что нет большего счастья, чем быть пчелой, живущей в скромном улье и извлекающей из каждого цветка его соки. Облюбовав цветок, она насыщается его сладостью и летит дальше: а вот и другой цветок, и она летит к нему... Сердце просит разнообразия.

Сурхай. Это безразвратно!

Айдын. Безразвратна сама природа. Как долго можешь ты наслаждаться увядшей розой, которая лишилась аромата? Я бы предпочел быть одним из тех, кто издали преклонялся перед красотой, о которой ты говорил с таким восторгом.

Сурхай. Почему?

Айдын. Потому что в этом жизни! Надежда, соперничество, страдания... Вот в чем смысл жизни человека, вот что заставляет любить ее. Но случилось не так. Я полюбил, полюбила и она и... стала моей женой.

Сурхай. Теперь раскаяешься?

Айдын. Боже сохрани! Пусть я ослепну, если допущу, чтобы ветер коснулся ее! Лишения, которые приходится ей терпеть, иглами пронзают мне сердце. Она же меня утешает, любит, ласкает, старается развлечь, предупреждает каждое мое желание. И все же не этого я хотел. Ее красота, ее отношение ко мне вынудили меня уступить. Но что это за жизнь? Ползая незаметной тенью, жить, подражая по-обезьянью другим, отдать себя во власть кучке баловней судьбы, чтобы при первом же желании они могли разрушить твоё гнездо? Нет, нет! Я не буду жить так. Чем плестись позади всех в рай, лучше, опередив всех, ринуться в ад.

Сурхай. Не безумствуй! (Протягивает ему тар.)

Входит лезгин Курбан.

Курбан. Хозяин велел в шесть быть на заводе и там ждать его.

Айдын. Хорошо. (Указывая на письмо в его руке.) А это что?

Курбан. Это ничего... бумажка... Нет, ничего. (Уходит.)

Сурхай. Ты понял что-нибудь?

Ай ды н. А что?

Сурхай. Так, ничего... Да ты совсем забросил свой тар. Он покрылся пылью.

Ай ды н. За шесть месяцев, что Гюльтекин переступила порог этой комнаты, я не брал его в руки. Все заботы и заботы. Я болел, потом нужда, безработица... *(Берет тар, медленно перебирает струны.)*

Сурхай. А я сегодня уезжаю. Получил пособие и еду в университет.

Ай ды н. А мне, видимо, не удастся поехать. *(Словно забывшись, хочет положить тар на место, но Сурхай его удерживает.)*

Сурхай. Как знать, что нас ждет... Сыграй на прощание, вспомни о минувших днях.

Ай ды н. *(оглядывая тар)*. И медиатора нет.

Сурхай. Раньше ты не расставался со своим таром.

Ай ды н. То было раньше. Ах, минувшие дни! Ты знаешь... два года назад, лунная ночь, благоухающий сад, два влюбленных сердца... За окном тихо плачет Гюльтекин. А в саду под моими пальцами вздрагивают и рокочут струны. Я пришел к убеждению, Сурхай, что высшее счастье в разлуке, которая отделяет мечту от ее исполнения.

Айдын и Сурхай идут в соседнюю комнату.

Сурхай. Не пожелаю и врагу такого счастья. *(Безнадежно машет рукой на прощание.)*

Входит Гюльтекин, разглядывая письмо, которое держит в руке. Чадра сползла с головы и задержалась на плечах. Усталая и печальная, она останавливается, прислушиваясь к звукам тара. Айдын поет за сценой. Гюльтекин бросает письмо на круглый столик.

Айдын *(поет за сценой)*.

Одни лишь безумцы привязаны к жизни,
Бессмыслица — жизни единственный смысл.

Айдын *(входит)*. Как хотел бы я вызволить тебя из этой ходячей тюрьмы!

Гюльтекин *(очнувшись)*. Ты ненавидишь чадру.

Айдын. Нет, просто я не могу понять, почему ты добровольно делаешь себя пленницей?

Гюльтекин. Ты думаешь, я ношу чадру, чтобы скрывать лицо? Нет... Это из-за... *(Не договаривает.)*

Ай ды н. Понимаю. Это из-за того, что платье у тебя уж слишком бедно.

Гюльтекин. Поверь, самое большое счастье для меня, когда ты доволен.

Ай ды н. Милое дитя, не расстраивайся. Наконец, я устроился на работу. И долгов стало меньше. Можно надеяться, что теперь вздохнем свободнее.

Гюльтекин. Когда же я жаловалась на трудности? Что ты так мучительно все переживаешь? С кем не бывает? Не надо падать духом. Ты болел... Потом был без работы. Теперь же, слава богу, работаешь, а я преподаю жене Довлет-бека. Сейчас нам станет легче жить.

Ай ды н. Гюльтекин! Единственное, что меня расстраивает, это тяжелые дни, которые выпали на твою долю. Я понимаю, ты привыкла к довольству, а теперь не имеешь даже приличного платья, чтобы выйти из дому. Ты скрываешь от меня свое горе и думаешь я этого не понимаю.

Гюльтекин. Я вовсе ничего от тебя не скрываю. И платьев мне никаких не надо. Лишь бы ты был здоров. На что мне платье? Я ведь вижу, что и тебе одеться не во что.

Ай ды н. Ах, ангел мой! Что мне делать, когда я ощущаю в себе достаточно сил, чтобы повелевать миром, а между тем не могу дать счастье даже одной тебе. Ты хорошо знаешь мои мысли. Никто меня не понимает, пойми хоть ты... Я не могу так дальше жить, Гюльтекин!

Гюльтекин. Айдын! Ты очень расстраиваешь меня, когда говоришь так. А ты всегда говоришь так. Уж если зашел разговор об этом, дай мне высказаться. Все мне говорят, что Айдын непостоянен. Я же всячески стараюсь чем-нибудь тебя развлечь, рассеять твои мрачные мысли. Но мне это не удается. Что мне делать?

Ай ды н. *(раздраженно)*. Уж если и красота не в силах дать вечное счастье человеку... Ах, мои мечты!.. Боже, боже, никто не понимает меня, даже ты, Гюльтекин. Пойми, что ты меня погубила. Как я мечтал, и что же? Однообразная тусклая жизнь, бесконечная пустота, и в этой пустоте скользить подобно тени, ползти как некое ничто... Прозиять в безвестности, не ждать ни-че-го... А после сорока лет...

Гюльтекин. Умоляю, не говори так. Вся жизнь я буду служить тебе. Я буду, как и сейчас, учиться по кни-

гам, по романам, спрашивать у русских женщин. Я знаю, что жена должна быть опорой для своего мужа. И я, видит бог, не пожалел жизни, чтобы тебе было хорошо... Все же ты не доволен. Прежде ты любил меня, а теперь... (Слезы душат ее.)

Айдын (некоторое время смотрит на нее, словно получая удовольствие от ее слез или открывая в них какую-то большую и горькую истину). О ты, светлая звезда темной жизни! О ты, темное дитя светлого Востока! Кого не покоришь ты своим обликом, чистым, как само божество, своей невинной кротостью! Но плачь! Плачь, сколько хватит слез! Как идут слезы к этим черным глазам, если бы ты знала! (Вдруг решительно.) Молчи, Гюльтекин! Если любишь меня, перестань Гюльтекин!

Гюльтекин (дрожащим от слез голосом). Я не плачу, милый, вот! Мне просто взгрустнулось. Услышала твою игру, и сердце не выдержало... Прежде ты играл часто... Боже, какие то были прекрасные дни!

Айдын. Прощу тебя, не плачь. Пойдем, я сыграю тебе что-нибудь хорошее. Только не плачь. Дай поцелуй эти глаза. (Целует. Потом подставляет свою щеку.) И ты. (Гюльтекин целует.)

Входит Курбан.

Курбан. Хозяин ждал вас на заводе. Выдают жалованье.

Айдын. Сейчас он там?

Курбан. Собирался уходить. Велел подождать.

Айдын. Хорошо, сейчас.

Курбан уходит. Айдын берет шапку.

Гюльтекин. Ты устаешь...

Айдын. Ничего не подлаешь. При такой безработице Довлет-бек уприсял отца взять меня на работу. И теперь всячески поддерживает меня на заводе. Даже неловко как-то...

Гюльтекин. Я думала взять из этой полочки рубля два и купить себе хотя бы сатиновое платье.

Айдын. Я и сам хотел предложить тебе это. К кому же и жалованье у меня теперь будет больше; вчера меня уже назначили заведующим... Ну, будь здорова.

Гюльтекин. С богом, мой дорогой. Только не опаздывай, пожалуйста, мне бывает тяжело одной. (Целует его. Вслед.) Не забудь принести чаю, я поставлю самовар.

дует его. Вслед.) Не забудь принести чаю, я поставлю самовар.

(Оставшись одна, Гюльтекин берет пестик от ступы и начинает прибивать каблук.) Входит Довлет-бек.

Довлет-бек (ласково). Здравствуйте. (Хочет поцеловать Гюльтекин руку. Та вздрагивает от неожиданности и отдергивает руку.)

Гюльтекин. Айдын только что ушел на завод. Будет ждать вас там.

Довлет-бек. А без него гостей не принимаете?

Гюльтекин. Почему же... я не то хотела сказать.

Довлет-бек. Может быть, вы и не хотели, но я вправе так думать. Я так несчастлив, что не страшишь никакой неприятности.

Гюльтекин. Это вы несчастливый?

Довлет-бек. Жестокая, я настолько же несчастлив, насколько счастлив Айдын. (Молчит, ожидая ответа.) Гюльтекин! Помните, когда вы были год—два назад? Те дни, когда бриллианты на ваших руках могли осветить темную комнату. Слуги окружали вас словно принцессу. Вы были кумиром молодежи. Помните? (Гюльтекин молчит, опустив голову. Довлет-бек указывает на каблук и пестик.) А теперь чем вы заняты?

Гюльтекин (взволнованно). Ну и что же?

Довлет-бек. Я хочу вам сказать: Довлет стоит колени-преклоненный перед вашей божественной красотой, а вы не обращаете на меня никакого внимания. Имея возможность повелевать всем, вы терпите столько мучений. Ради чего? Подумайте о своем положении!

Гюльтекин. Почему вы постоянно напоминаете мне о моем положении? Ни наряды, ни украшения не имеют для меня значения. Я их достаточно имела. Что ж? После смерти отца богатство его расхитили, а то, что удалось сохранить... я не скрываю... когда болел Айдын, пришлось потратить на его лечение. Теперь он здоров. Был без работы. Спасибо вам, дали ему работу. И теперь мы имеем кусок хлеба и живем, как можем.

Довлет-бек. Вы меня не поняли, Гюльтекин. Я не о нарядах, я о другом. При вашей красоте к вам идет любое платье. Но я не могу видеть в таком положении человека, перед которым преклоняюсь. Вы сами видите. Он не мог найти работу, я его устроил и теперь назначил за-

ведущим. Разве все это не для того сделано, чтобы облегчить ваше положение? Что бы я не сделал ради него. И дальше, пока я жив, не оставлю вас в беде. Но, Гюльтекин! Все это пустяки... *(Протягивает к ней руку. Та отступает.)* Вы меня губите. В вас нет ни капли жалости. Не знаю, что еще сделать, чтобы вы стали милостивы ко мне?

Гюльтекин. Право, мы очень вам обязаны. Вы...

Довлет-бек. Нет, Гюльтекин. Сегодня я хочу получить решительный ответ на чувства, что волнуют меня целых два года. Сколько писем я вам послал...

Гюльтекин. Ей-богу, не знаю, что вам от меня...

Довлет-бек. Одно слово, только одно: да или нет. Прикажите, и я брошусь в море. Я на все готов. Только...

Гюльтекин. Я... Да да, он передал мне письмо, но я забыла, даже не прочла. Вот оно. *(Указывает на стол.)*

Довлет-бек. Возьмите его. Прошу вас. Прочтите сейчас, при мне. Может быть, второго такого случая не будет.

Гюльтекин нехотя вскрывает письмо, читает и, вдруг, возмущенно смяв его, рвет в клочки.

Гюльтекин. Ни-ко-гда! Я соглашусь умереть с голоду, нищенствовать, но это... никогда!

Довлет-бек. Ну, хорошо. Пусть будет по-вашему. Но знайте, что своим ответом вы губите меня. Как же мне быть теперь?

Гюльтекин *(подавляя свое возмущение, умоляюще)*. Вы знаете, Довлет-бек, как мы были богаты. Теперь мы нуждаемся. Вы знаете, что прежде никто не посмел бы сделать такое предложение даже моей тени. А теперь... Я давно догадывалась. Потому и избегала встреч с вами. Мой муж...

Довлет-бек. Гюльтекин, я обеспечу вашего мужа, как только вы пожелаете. Но и вы уступите моей любви. Я говорю прямо: люблю вас. Я знаю, у вас есть муж. Знаю, любовь моя безрассудна, но сердцу не прикажешь, я умоляю вас. Не отталкивайте меня...

Гюльтекин. Поймите, Довлет-бек, я люблю своего мужа, я безумно его люблю. Как бы мы ни были бедны, но рядом с ним я чувствую себя счастливой. Только он еще слаб. Недавно встал с постели. И врач предупредил меня, что ему нельзя волноваться, он может умереть или потерять рассудок.

Довлет-бек. Я готов сделать все, что вы скажете. До сих пор я старался помогать вам и дальше буду помогать...

Гюльтекин *(в отчаянье)*. Зачем вы делаете нам зло? Вы же видите... Вы предлагаете мне такое... *(Слезы душат ее.)* Разве бедные лишены чувства самолюбия? Будь я по-прежнему богата, послели бы вы делать мне подобные предложения? Забыли вы...

Довлет-бек. При виде вас я забываю весь мир. Вы знаете, у меня миллионные доходы. Но я готов отдать все, что имею, лишь бы я мог целовать эти глаза, эти черные глаза.

Подходит к Гюльтекин. Та бросается в сторону.

Гюльтекин *(резко)*. Не забывайте!

Довлет-бек. Я уже признался вам, что при виде вас я все забываю: и страх, и светский этикет, и даже самого себя. Чего только я ни сделал для вашего мужа за последние несколько месяцев! И теперь, и после я готов делать все, что вам надо, отказаться ради вас от всего моего состояния до последней копейки.

Гюльтекин. Так вы хотите купить меня на ваши деньги?

Довлет-бек. Боже сохрани меня от подобных грязных намерений! Я хочу стать вашим рабом навеки.

Гюльтекин *(плачет)*. Довлет-бек, заклинаю вас всем, что вам дорого. Мы живем впроголодь, горячо любя друг друга. Не разрушайте нашего тихого счастья. Я не могу изменить мужу. Он отдаст вам свой труд на заводе. Я занимаюсь с вашей супругой. Если хотите, буду стирать белье, убирать ваши комнаты, ваш двор, но не делайте мне подобных предложений. Я не в силах буду смотреть в глаза мужу, если нарушу клятву верности. Лежачего не бьют, Довлет-бек.

Довлет-бек. Я ведь ничего не хочу. Гюльтекин. Но разве виноват я в том, что вы так обесцельно прекрасны? Я люблю вас, одна вы в моем несчастном сердце. Моя мечта — целовать эти черные, лучистые глаза. Хоть в этой радости мне не откажите. Умоляю вас!.. *(Подходит к Гюльтекин. Хочет взять за руки. Гюльтекин отталкивает его.)*

Гюльтекин. Прочь!

Довлет-бек. Гюльтекин!

Гюльтекин. Оставьте! Прочь от меня! *(Уходит в другую комнату.)*

Довлет-бек стоит минуту растерянный, задумывается и вдруг словно вспоминает о чем-то.

Довлет-бек. Телефон! *(Он оглядывает комнату и, не обнаружив телефона, самодовольно вскидывает голову и быстро уходит.)*

Спустя минуту входит Гюльтекин, рассеянная и печальная. Вытерев глаза, она берется за самовар. Входит веселая, довольная Бекюкханум.

Бекюкханум. Где ты пропадешь, Гюльтекин? Сколько дней я жду тебя, чтобы заниматься. Я успела позабыть и то, что знала... Что с тобой? Ты плакала? У тебя глаза красные.

Гюльтекин. Что-то голова болит. Как это вы собьетесь к нам? Садитесь, пожалуйста.

Бекюкханум. Спасибо, некогда. Довлет меня дома ждет. И потом автомобиль тут, у дверей. Сколько я с утра каталась! Весь город исколесила. Наверное, автомобиль совсем испортился. Купила себе браслеты. Погляди-ка! Нравятся? *(Показывает браслеты на руках.)* Эти купила, потом увидела другие. Понравились. Я заказала себе и такие... А кто на таре играет?

Гюльтекин. Носите на здоровье. Айдын играет.

Бекюкханум. А я-то жду ее столько дней, беспокоюсь, уж не захворала ли. А она тут развлекается: муж играет, жена поет. *(Поправляет волосы.)* В автомобиле совсем растрепались. Нет ли зеркальца? Да, я купила себе новое зеркало вот такое. *(Показывает.)* За семьдесят пять рублей... Давай сядем в автомобиль и поедом ко мне, кстати и зеркало посмотришь. *(Гюльтекин подает ей маленькое зеркальце.)* Да в нем ничего не увидишь... Ну, скажи, почему ты такая расстроенная?.. А вчера Довлет говорил, что назначил Айдына заведующим. И очень хвалит его. Способный, говорит, и старается очень.

Входит Айдын, озабоченный и расстроенный. Бекюкханум опускает чадру и понижает голос.

Бекюкханум. Ну, хорошо. Я поехала. А ты не хочешь?

Гюльтекин. Нет, право, мне нездоровится.

Бекюкханум. Ну, так что ж? В автомобиле и вернешься.

Айдын пишет что-то на столе.

Гюльтекин. Спасибо. Очень болит голова. Да и поздно уже!

Бекюкханум. Ну, ладно. Только завтра обязательно приходи. До свидания. *(Уходит.)*

Гюльтекин. До свидания. *(Айдыну.)* Что ты пишешь, милый? Почему расстроен?

Айдын. Нет, ничего.

Гюльтекин. Ты опять уходишь? Чай принес?

Айдын. Нет. Денег не получил. Я был уже у кассы, вдруг вызвали управляющего к телефону. А потом я не знаю, что там произошло, он заявил мне, что я уволен.

Гюльтекин. Ну, ничего. Не горюй. Лишь бы здоровье было. Никто с голоду не умирал. И мы не умрем. А куда ты теперь собираешься?

Айдын. Тут кое-какие бумаги. Надо их отнести. Он все время ко мне придирался. Не будь Довлет-бека, давно бы рассчитал.

Гюльтекин. Ничего, милый. Не огорчайся.

Айдын. Нет, я уверен: Довлет-бек никогда этого не допустит. Я пойду к нему. Наверное, он сам пошлет за мной...

Уходит в соседнюю комнату. Гюльтекин опускает голову на руки. Айдын возвращается с пачкой бумаг и направляется к выходу.

Гюльтекин *(нерешительно)*. Может быть, я к Бекюкханум пойду.

Айдын. Разве не она была только что?

Гюльтекин. Может быть, все-таки пойти...

Айдын. Хорошо.

Оставшись одна, Гюльтекин, глубоко вздохнув, садится, задумывается, плачет. После долгих колебаний вытирает глаза и, точно решившись на что-то, встает. Берет головной платок, заменяющий чадру. Окидывает комнату прощальным взглядом, как человек, идущий на опасное дело. С платком в руке идет к выходу, останавливается, еще раз окидывает комнату прощальным взглядом, громко всхлипнув, накидывает платок и выходит усталыми, нерешительными шагами.

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Прошло три месяца. Гюльтекин и Довлет-бек.

Довлет-бек. Значит, не хочешь ехать?

Гюльтекин. Право, не могу решить.

Довлет-бек. Воля твоя. Но могут продать, жалко. Эти браслеты я хочу подарить тебе на память. Потом не говори...

Гюльтекин. Боюсь, что спросят: откуда все это? И Айдын... Бедняга! Он уже начал подозревать.

Довлет-бек. Автомобиль закрытый... И потом, если уж на то пошло... Я всегда тебе говорил, что мой дом, завод, промыслы, все принадлежит тебе. В месяц у меня двести тысяч дохода. Сорю деньгами направо и налево. Девять моих скважин дают нефть.

Гюльтекин. Ах, боже мой! Мне ничего не надо, лишь бы ему было хорошо!

Довлет-бек. И какая же ты трусишка, Гюльтекин! Деньги—сила, они и черта заставят в мечети молиться. Айдына я берусь уломать. Сговориться с ним будет не труднее, чем с тобой. А ведь мужчины по сей день с дрожью вспоминают о тебе. Боялись мимо тебя проходить. Помнишь, три месяца назад в этой самой комнате ты вопила: о, моя верность, не разрушай нашего счастья!.. И что же? Скажи, теперь ты довольна?.. В то время кое-кто держал со мной пари...

Гюльтекин *(в сильном смятении)*. Ах!.. Ты меня погубил! Боже, боже, что я делаю? Порой, когда отдаюсь своим мыслям, весь мир пылает в моих глазах. Но видит

бог, я пошла на это только ради него; он был немощен, он был болен. Снова безработица, снова нужда, заботы—этого бы он не перенес... Но я... я... Какая я была и какую стала!

Довлет-бек. Моя дорогая, это я о другой говорил...

Гюльтекин. Все равно. Как я была чиста, честна, невинна; в каждом мужчине я видела брата. Свободно жила, говорила, смеялась. И как была горда собой! А теперь никому не смею смотреть в глаза. Мне кажется, будто все мои поступки отражены на лице. Все видят, смеются надо мной. Я боюсь задержать на ком-нибудь взгляд, мне чудится, что выдам тайну своего сердца. Три месяца я не смею поднять на него глаза. Я сама себя боюсь. Мое самолюбие...

Довлет-бек. Гюльтекин, дорогая, не придирайся к словам. Насчет самолюбия...

Гюльтекин. Чего вам еще? Не одно только самолюбие, но и сердце, и душу, и всю меня вы у меня отняли... На все я шла только ради него, ради его благополучия. А теперь он, несчастный, стал совсем мне чужд. Бывало, я угадывала без слов каждое его желание и старалась исполнить его, а теперь я изменяю ему. Не разговаривая с Довлет-беком, просит он, а я не слушаю его. И все виною вы, паук! Ах, будь проклята та минута, когда я встретилась с вами! Какой позор! Боже, боже! Шел с другим на пари, что овладеет мною!

Довлет-бек. Душа моя, клянусь аллахом, я солгал. Просто вырвалось глупое слово. Клянусь черными глазами, что пошутил с тобой. Ты же знаешь, как я тебя люблю. Вчера я приобрел небольшой заводик. Я передам его в полное распоряжение Айдына. Ты будешь довольна?

Гюльтекин. Теперь уж все равно. Ты растоптал мою душу, сломил мою гордость, и слово «я» стало мне чуждо. Теперь Гюльтекин вся в твоей власти.

Довлет-бек. Как жаль, что ты не видишь моего сердца, а я не в силах выразить словами то, что там творится. Поэтому я и говорю: за тебя я отдам все, что имею: мои заводы, дома, вышки, все, все, лишь бы ты мне поверила.

Гюльтекин. Ах, если бы я могла вернуть белую невинность, мою гордость! Она бы спасла меня тут же!

М. Ф. Ахундов эднина
17 Азербайжан Р. и Дж. Ака
КИТАПХАНАСЫ

умереть с голоду. Но увы, былого не вернешь! Нет, не вернешь!..

Довлет-бек. Моя дорогая, не мучь меня. Я так тебя люблю. Браслеты упустил. Прошу тебя, поедem за ними. После этих слов я должен непременно подарить эти браслеты тебе, чтобы почувствовать себя удовлетворенным. За что ты меня мучаешь?

Гюльтекин рассеянно смотрит в одну точку, потом откидывает голову.

Гюльтекин. Поедем.

Довлет-бек. Зеница ока моего! Если ты собираешься ехать, зачем так долго мучила меня? Клянусь твоими глазами, я чуть не расплакался!

Уходит. Через некоторое время слышится голос Айдына. Он входит усталый и раздраженный.

Айдын. Опять дверь заперта! *(Оглядываясь вокруг, он заглядывает в соседнюю комнату. Смотрит на портрет Гюльтекин. Задумывается. Потом, кусая губы, с силой ударяет кулаком по столу.)*

В это время входит Бейюкханум, закутанная в чадру. Разговаривая с Айдыном, она до самого конца стоит к нему спиной и говорит, обращаясь к стене. Только иногда, горячась, поворачивается лицом к Айдыну и, как только кончат говорить, снова отворачивается к стене.

Бейюкханум. Я хотела поговорить с вами, Айдын. Все время я ждала вас тут. Только не надо, чтобы Довлет-бек знал об этом, не то он убьет меня.

Айдын. О чем вам говорить со мной, я ведь не миллионер.

Бейюкханум. Ты лучше уйми свою жену. Я хотела, чтобы она приходила заниматься со мной, а не для того, чтобы... Обуздай свою жену. Зачем она дни и ночи проводит с Довлет-беком? Я тоже женщина. Но разве я когда-нибудь сидела при тебе с открытым лицом, разве ты прежде слышал мой голос?

Айдын. Это потому, госпожа, что я не миллионер.

Бейюкханум. Какое мне до этого дело? Если ты не миллионер, значит, можешь дать волю своей жене, пусть делает, что хочет? Вот еще! «Я не миллионер...»

Айдын. Жаль, что в нашем городе нет никого богаче Довлет-бека, иначе вы... Вы что, себя ангелом считаете?

Бейюкханум. Мало ли что? Вот еще... Что это значит?

Айдын. Вы такая же женщина, как она. *(Указывает на украшение Бейюкханум.)* Видите это золото, эти драгоценности — вся ваша жизнь в них. Женщины! Рабыни золота! *(Вдруг встает. Строго.)* Вы видели ее с вашим мужем?

Бейюкханум. Видела своими глазами.

Айдын. Вы это подтвердите при них?

Бейюкханум. Ну и что же, что не видела. Не соображаю, что ли? Что она вот уже три месяца делает с посторонним мужчиной? Если знакомые, пусть поговорят час, ну два часа. Пусть встречаются пять раз, десять раз. Но ведь не каждый день, утром и вечером, вечером и утром. Вот что, Айдын, я знаю, ты хоть и беден, но человек честный. Сколько бы ни понадобилось денег, я дам, — пятьсот, тысячу, пять тысяч... Пожалуйста! Уезжайте в другой город. И всегда я буду посылать вам деньги, иначе сам ты опозоришься на весь город.

Айдын. Деньги... Всюду деньги...

Бейюкханум. Какую же ты мужчина, если твоя жена в эту самую минуту раскатывает с Довлет-беком в автомобиле? Вот еще! Что это значит? Сам сиди дома, а жена пусть разъезжает с посторонним мужчиной? Что это значит? Вот что, Айдын, предупреждаю тебя. Ты же знаешь моего брата. Если он узнает, пеняй на себя; одним выстрелом уложит вас обоих. Теперь поступай, как знаешь.

Айдын *(усмехнувшись)*. Хорошо, госпожа, идите, скажите вашему брату, пусть одним выстрелом уложит нас обоих.

Бейюкханум. Как хочешь. Я тебе все высказала. Только Довлет-бек не должен знать о нашем разговоре. Если нужны деньги, пожалуйста. Все, что нужно, к вашим услугам... Мне больше нечего сказать.

Айдын. Ступайте, госпожа, ступайте. Не очень-то гордитесь. Все ваше достоинство, все ваши чувства так же связаны с тщеславием, с деньгами... Идите, сударыни!

Бейюкханум *(уходя)*. Вот еще! Что это значит? Утром и вечером, вечером и утром... Что это значит?

С ужасом и негодованием смотрит Айдын на портрет и опять из-за всех сил бьет кулаком по столу. Потом растерянно и как бы равнодушно достает из шкафа вино и пьет. Входит Гюльтекин с букетом

том цветов. Она робко подходит к Айдыну, пытаясь определить его настроение.

Гюльтекин. Мой Айдын! Ты дома! Что так рано? Это что ты опять пьешь? *(Айдын осушает бокал и поднимает глаза на Гюльтекин, та подносит цветы к его лицу.)* Разве ты не знаешь, что вино тебе вредно? И кто это приучил тебя к вину?..

Айдын вырывает букет и швыряет его в лицо Гюльтекин.

Айдын. Прочь с глаз моих! Кто приучил к вину? Ты! Подними голову, посмотри мне в глаза. Видишь? *(Приносит коробки с краской, пудрой, зеркальце.)* Смори! Я стал пить с того дня, как в нашем доме завелась эта косметика. *(Бросает коробки на пол.)* Вот что приучило меня к вину! *(Подносит зеркальце к лицу Гюльтекин.)* Взгляни на себя, найдешь ли ты хоть следы былой невинности и чистоты? *(Указывая на портрет.)* Там — чистая, непорочная, как само божество. И вот ты нынечная, настоящая. Для кого эти раскрашенные щеки? Правда, нежность, гордость, простота светятся в тех глазах. А эти бегают трусливо, стараясь скрыть свои преступления. *(Гюльтекин, плача, направляется в другую комнату.)* Где ты была?

Гюльтекин. У Бююк-ханум... на уроке.

Айдын. Урок состоялся?

В дрях показывается Сурхай.

Гюльтекин. Дома не застала. *(Скрывается за дверь. Айдын возмущенно кричит ей вслед.)*

Айдын. Ах, меня обманывать!..

Сурхай *(входя)*. Что случилось, друг? Что ты неистовствуешь?

Айдын *(не слушая его)*. Ублажать меня цветами любовника!

Сурхай. Да ты постой! В чем дело? *(Подходит ближе.)*

Айдын. Уйди! И ты уйди с моих глаз!

Сурхай. Кажется, на этот раз тебя укусила слишком большая муха... величина из верблюда.

Айдын. О-о, смех скорпиона, хохот змеи! Смейтесь! Созовите сюда весь мир, и пусть он в один голос смеется надо мной. Единственное, что в силах заглушить этот

ядовитый смех,— кровь, кровь! *(Бросается в другую комнату, но Сурхай удерживает его.)*

Сурхай. Нельзя же так, Айдын! Из-за чего ты терзаешь себя? Как будто нельзя спокойно...

Айдын. Опять спокойно! Опять я ошибаюсь, снова утешения, ложь, обман... Эта ложь меня убьет. Великий творец, неужели ничего, кроме лжи, ты не нашел, чтобы одарить этих человекоподобных летучих мышей, что так боются правды! Господи, господи, почему я не в силах перевернуть мир, распотать и стереть с лица земли, как муравьиную кучу, эту людскую толпу!

Сурхай. Айдын! Как можешь ты говорить все это человеку, который любит тебе больше родного брата? Ведь ты болен! Нельзя же терять самообладание из-за пустяков.

Айдын. Что ты хочешь, Сурхай, что? Я знаю, ты опять лачнешь уверять меня, что я ошибаюсь, опять стараешься меня бранить. Но покаявшись своей совестью, что, вернувшись из Москвы, ты застал Гюльтекин точно такой же, какой ты оставил ее три месяца назад, уезжая в Москву.

Сурхай. Клянусь!

Айдын. Ложь! И тебе больше не верю. Не верю, никому и ни во что не верю! И в аллаха, и в святых, и в коран не верю. К черту все! Если есть на земле сила, то она в золоте, в одном лишь золоте! Все подчинено ему, все преклоняется перед ним.

Сурхай. Какое тебе дело до коранов и святых? Сам же снова убедишься, что ровным счетом ничего нет. Не знаю, что тебе померещилось, опять ничтожную муху превратил в слона.

Айдын. Я понимаю тебя, Сурхай. Ради бога, молчи! Ты всегда говоришь так, чтобы успокоить меня. Собственно, так делают всегда. Я понимаю, что все это говорится лишь бы успокоить меня. Но ведь мы с тобой еще с детства связали себя обетом ничего друг от друга не скрывать и быть одной душой в двух телах. Нет, и ты меня не понимаешь. Зачем ты познакомил меня с ней, зачем?

Сурхай. Но ведь ничего плохого не случилось.

Айдын. Можешь ли ты утверждать, что есть правда на земле, если даже она, воплощение чистоты и искренности, могла продаться золоту?

Сурхай. Успокойся, Айдын, и выслушай меня. Уже месяц я здесь и все время слышу от тебя одно и то же. С этим надо покончить раз и навсегда. Я знаю, ты не здоров. Помнишь, и врач говорил, что нервная система у тебя настолько расшатана, что многое представляется тебе в превратном свете. Ты нуждаешься в отдыхе, в покое.

Айдын. Врач!.. *(Усмехается.)* Слушай, Сурхай. Два месяца назад она по моим глазам догадывалась о каждом моем желании, переживала со мной малейшую мою боль, а теперь совсем остыла ко мне. Прежде взгляд ее был так покоряюще силен, что я весь отдавался ее власти, а теперь она опускает глаза, чтобы я не мог заглянуть в них. Я, желавший внушить свою мысль всему миру, не могу понять открывшуюся передо мною действительность!

Сурхай. Только из-за болезни ты копаешься в таких мелочах. Если бы Гюльтекин была падка на богатство, то выбрала бы себе мужем одного из тех богачей, что искали ее руки. А она вышла за тебя.

Айдын. Вот в этом-то и беда!

Сурхай. И потом, вспомни, не ты ли говорил, что человек не должен противиться своим желаниям. Всякое желание свято, если оно не направлено против другого. Ты даже говорил: если моя жена полюбит другого, я не стану препятствовать ей потому, что человек—раб своего сердца. Ну вот, допустим на минуту, что так оно и случилось.

Айдын. Да, я говорил все это, но теперь отрекаюсь. Когда чей-нибудь взгляд чуть дольше задерживается на ней, у меня темнеет в глазах, кровь приливает к голове, и я чуть не лишаюсь сознания.

Сурхай. Ха-ха-ха! Все это я говорил тебе. Голова твоя получена в книжном переплете из Парижа, а сердце на кончике копья с Алтайских гор. Ты существо, заблудившееся между западными мыслями и восточными чувствами. А между тем ведь ничего не случилось. Просто ты неблагодарный человек. Ради твоего благополучия бедная женщина жертвует всем, даже жизнью, а ты приписываешь ей бог знает что.

Айдын. Ах, Сурхай, сомнения меня убивают, подозрения терзают сердце. Ни минуты покоя! Тело мое слов-

но варится в кипятке. К тому же и жена Довлет-бека говорила сегодня то же самое.

Сурхай. Ну, вот видишь? Словам обезумевшей от ревности бабы ты придаешь больше значения, чем моим. Она с детства приучена к чадре, росла вне мужского общества и теперь все кажется ей диким. А ты...

Айдын. Что делать? Как ни боюсь эти два месяца сам с собой, ничего не получается. Сомнения не дают мне покоя, отравляют душу. Я погибая. И я готов поверить, но такое поведение... Дай бог, чтобы я ошибался, но...

Сурхай. Сегодня же дай себе твердое слово выкинуть из головы всякие сомнения. Я видел, как ты швырнул цветы ей в лицо, бедняжка. Ты сильно изменился, Айдын. Сегодня я помиру вас. Отвергни подозрения и, если ты до конца жизни заметишь в ней что-нибудь, отсеки мне голову. Какая несправедливость! Какое безумие! Швырять цветы в лицо такой невинной женщине, как Гюльтекин. А между тем вся ее вина заключается в ее простоте и невинности.

Айдын. Я предупредил ее, чтобы она не встречалась, не разговаривала с Довлет-беком.

Сурхай. Прогнать гостя, который пришел к твоему порогу! И такой гостеприимной хозяйке, как она? Могла ли она допустить, что в голове у тебя завелась такая подозрительность? Знай она о твоих сомнениях, стала ли бы она разговаривать с ним? Ты сам после убедился в этом. Только я боюсь, как бы она не наложила на себя рук. *(Айдын задумывается.)* Может ли хладнокровно принимать все это человек, который выше жизни ставит свое человеческое достоинство? И Довлет-бек ничего плохого тебе не сделал. В свое время ты сам не находил слов, чтобы похвалить его. Нет, друг мой, после болезни все тебе видится в превратном свете. Хватит! Если в сердце твоём осталась хоть капля любви к ней и ко мне, сейчас же ступай и приведи сюда бедняжку.

Айдын, словно раскаиваясь, встает задумчиво, чтобы идти за ней, но вдруг останавливается, что-то вспоминая.

Айдын. Не пойду.

Сурхай. Что с тобой?

Айдын. Поверь мне, Сурхай, сейчас я и сам себя не понимаю. И хочу и не хочу. И люблю и ненавижу. Три месяца назад она меня тяготила, а сегодня—словно

впервые увидел ее, и снова я раб ее... Ах, и в самом деле я безумен.

Сурхай. Ты просто болен, болен, понятно? Иначе ты не мог бы ни за что, ни про что так глубоко оскорбить бедную женщину. Кровь ударяет мне в голову. Сейчас же иди. Выйдем вместе. Проветришься, нервы успокоятся. Взамен тех цветов купишь другие, свежие. Сегодня надо это решить навсегда. *(Берет его под руку. Айдын молча подчиняется ему.)* Ты болен, нервы ослабли. Тебе нужен отдых, иначе такое безумие нетерпимо.

Выходят. Спустя немного входит Довлетбек с коробочкой в руке. Оглядывается. Подходит к двери, собираясь войти по вторую комнату.

Довлетбек. Разреш... Что? Сами выйдете? Я привез. Хорошо. Выходите. Буду ждать.

Проаживается по комнате, тихо насвистывая. Входит Сурхай.

Сурхай *(сурово)*. Довлетбек, я только что шел с Айдыном и увидел вас. Он вас не заметил. Я пришел сказать вам несколько слов.

Довлетбек. Пожалуйста. К вашим услугам. Вы, кажется, техник? Работаете? Я слышал о вас. У меня на заводе...

Сурхай. Речь не о заводе и не о фабрике. Вы губите семью, губите ее счастье, надежду, будущее.

Довлетбек. Боже упаси. Меня знает весь город. Спросите кого угодно. Спросите самого Айдына, и если я кому-нибудь сделал зло... Может случиться, что мы будем полезны друг другу. Если вы поступите ко мне на завод, тогда увидите.

Сурхай. Я очень хорошо вас знаю. И не тычете в глаза вашими заводами и миллионами. Последний раз говорю вам: вы не должны больше встречаться с Гюльтеки.

Довлетбек. Что это значит? Не понимаю. Женщин я не видел что ли? Все на свете связано с деньгами. Мало ли в нашем городе женщины? Стыдно вам. Если бы еще кто-нибудь другой, а то вы, образованный молодой человек, говорите вещи, которые под стать какому-нибудь отсталому фанатику-гаджи.

Сурхай. Вы — развращенный человек и на все смотрите, как на забаву, которую можно купить за деньги. Вы же видите, что эта несчастная только что покину-

ла материнский дом, избавилась от чадры, не знает общества, не знает жизни, которую изучала в стенах школы, по учебникам. Она еще не сталкивалась с жизнью лицом к лицу, не успела вступить в жизнь, как вы опутали ее своей паутиной.

Довлетбек. Я не понимаю, о чем вы говорите. Я просто поражен. Дело мусульм...

Сурхай *(перебивая)*. Муж ее серьезно болен. Ваше поведение может погубить его.

Довлетбек. Чего только я не сделал для этого человека! Спросите его самого. Если хотите, я перестану даже ходить по этой улице. Очень мне надо... Я только... Как будто я прихожу сюда, бог знает с какими намерениями. Мы знакомые, близкие люди, друзья. А то — не дай бог...

Сурхай. Я все понимаю, и вот мое последнее слово: если вы еще раз попытаетесь встретиться с Гюльтеки, то прежде всего будете иметь дело со мной. Теперь поступайте, как хотите. Прощайте. *(Выходит.)*

Довлетбек усмехается. Входит Гюльтеки с покрасневшими от слез глазами, удрученная и подавленная.

Довлетбек. Гюльтеки, дорогая, что так рано легла? Ты плакала? *(Молчание.)* Что с тобой? *(Молчание.)* Хорошо, что подоспел вовремя. Не то могли их продать. Я послал за ними, и вот только что принесли. Полу-чай! *(Протягивает коробочку.)*

Гюльтеки. Я их больше не хочу. Оставьте себе. Довлетбек. Почему? Что случилось? Почему ты такая расстроенная?

Гюльтеки. Довлетбек, умоляю вас, не ищите больше встреч со мной. Пусть это будет последней встречей. Если есть хоть капля правды во всем, что вы мне говорили, если есть в вас хоть чуточку любви ко мне, то оставьте меня навсегда. Даже при случайной встрече не подходите ко мне.

Довлетбек. Что ты, моя красавица? Как я вынесу разлуку?

Гюльтеки. Довлетбек, что было, то прошло. Ради него, ради него одного я отдала вам душу, себя. Теперь я хочу снова стать такой, как прежде. Если это не удастся, я покончу с собой.

Довлетбек. Если это случится, и я не стану

жить... Жизнь без тебя... Ни одной минуты... Упаси меня господь от подобного ада! Но, дорогая моя, знатные люди города у моего порога... А ты так себя мучаешь...

Гюльтекин. Довлет-бек! Я — слабая женщина, умоляю вас на коленях, оставьте меня... Вы меня погубили. И теперь, плача, я молю вас: оставьте меня!

Довлет-бек (*поднимает ее*). Я обманулся во всех своих надеждах. Но будущее покажет... Сейчас же разреши мне в последний раз прильнуть к пурпурным губам.

Гюльтекин (*отступает*). Заклинаю вас этими невинными слезами, не подходите ко мне!

Довлет-бек (*приближается к ней*). Я на все согласен, Гюльтекин, только...

Гюльтекин. Умоляю вас, уйдите!

Довлет-бек. Без последнего, прощального поцелуя никуда не уйду. (*Хватает Гюльтекин за протянутые вперед для защиты руки.*) Ах, эти глаза... эти чарующие глаза! (*Он обнимает Гюльтекин и, прижав губами к ее губам, целует. Входит Айдын с цветами в руках. Не веря своим глазам и онемев от удивления, он застывает на месте, потом покачнувшись, теряет равновесие и падает без чувств. В этот момент Гюльтекин вырывается из цепких объятий Довлет-бека и замечает Айдына.*)

Гюльтекин. О боже! Все кончено! (*В отчаянии закрывает лицо руками.*)

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Отдельный кабинет в казино. Сквозь занавешенную дверь видна сцена в общем зале. В кабинете круглый стол, вокруг которого сидят Довлет-бек, Балахан, Новруз-бек, Мирза-Джавад, Сусанна. При открытии занавеса они уже навеселе. После второго действия прошло три года.

Балахан (*щиплет Сусанну*). Пей, гяурова дочь, пей!

Сусанна. Я не хочу вина.

Балахан. Теперь гяурова дочь будет разыгрывать муллу.

Сусанна. Не хочу. Мне шампанского.

Довлет-бек. Она особа нежная, потому и напитокка хочет нежного.

Балахан. Кого ждешь, Новруз-бек? У тебя бокал пустой. Это не по-товарищески.

Новруз-бек. Я заказал себе ликер.

Балахан. Между нами говоря, друг, ты пьешь дамский напиток, ха-ха-ха! Ты извини, это я говорю, любя... И ты свою долю получишь в рай! (*Пьет.*) Что твой ликер? Вот красненькое, это да! (*Лакею.*) Эй, ты! Наливай бокалы. Я поехал! (*Пьет.*) Что твой ликер? С красненьким ничто не сравнится, это райский напиток. Не бери бокалы в руки... Не ставь на стол... Мирза-Джавад, как это ты сказал? А ну, послушайте!

Мирза-Джавад (*декламирует*).

Всегда старайся, если можно, не брать бокала в руки, друг,

Но если взял бокал ты в руки, не стоит выпускать из рук.

Балахан. Подожди. Ну, выпускать не стоит... Дальше?

Мирза-Джавад *(продолжает)*.

У вина цвет губ твоих, сердце тянется к нему.
А иначе чашу с кровью даже в руки не возьму.

Балахан. Брать не стоит... Будьте здоровы!
(Пьет.) Эй, девичка, почему не пьешь?

Мирза-Джавад. Балахан, когда пьет, смотреть на него одно удовольствие.

Новруз-бек. Все на свете ему нипочем.

Довлет-бек. Это и хорошо. Надо жить весело: ведь вторично мы не рождемся.

Балахан *(Мирза-Джаваду)*. Слушай, племянник, ты меня не знаешь, сегодня повстречались впервые. Но Довлет-бек и Новруз-бек меня хорошо знают. На этом свете... Одним словом, надо жить в мире. Бери бокал, Новруз-бек! Для друга надо жертвовать всем, или я ничего на свете не понимаю. *(Указывает на Сусанну.)* Видишь ее? Эта такая вещь, что всегда доступна. Только деньги дай и готово. А хороший друг... Берите бокалы!

Сусанна. Как бы не так!

Балахан. Я перно говорю: любую женщину я ставлю вверх ногами стать. *(К Сусанне.)* А ты не стнешь?

Сусанна. Этого еще не хватало!

Балахан. Станешь. А ну, отойди, Довлет-бек, в сторону. Посмотри, чем это кончится. Станешь! За деньги и дед твой с бабушкой станут.

Довлет-бек. Балахан прав. Весь мир держится на золоте. Как бы строга ни была девушка...

Балахан. Пей, райская птичка, пей!

Новруз-бек. Это правда, но не всегда деньги имеют такую силу. Я знал одну девушку. Сколько богачей поклонялось одной ее тени! И как я любил ее! Но ничего у меня не вышло. Близко не подпускала.

Балахан и Мирза-Джавад запиты Сусанной.

Довлет-бек. Вы вообще на этот счет мямля, а меня ведь вы знаете. Только покажите!

Новруз-бек. Нет, это было совсем другое дело. Я готов был отдать все до последней рубахи, лишь бы... Какая она была гордая, неприступная. О ней легенды рассказывают. И в конце концов вышла за какого-то голдранца.

Довлет-бек. От меня она не отбилась.

Новруз-бек. Как-то я заказал даже любовные стихи и послал ей. «О, гвоздика, в разлуке с тобой дни мои превратились в пытку, а ночи — в ад...».

Довлет-бек. Ее имя Гвоздика?

Новруз-бек. Нет, ее звали Гюльтекин. Но я видел ее в окне с гвоздикой в руке, потому в стихах она была названа гвоздикой.

Довлет-бек. Пойдите, пойдите! Ее звали Гюльтекин? Носила чадру, но лица не закрывала?

Новруз-бек. Да, Гюльтекин. Был такой полковник Аслан-бек...

Довлет-бек. Ее отец? Пейте, пейте на здоровье, а меня вы все еще не знаете. Она у меня здесь в кулаке *(сжимает руку)*. Хотите, сейчас привезу сюда?

Новруз-бек. Нет, вы о другой говорите. Мимо той и пройти нельзя было.

Довлет-бек. Именно о ней говорю, о ней. Плохо же вы меня знаете.

Новруз-бек. Я знаю вас, вы всегда своего умели добиваться, но...

Довлет-бек. Вы мне не верите, а я вам докажу.

Новруз-бек. Я верю, но она сюда... Это, наверное, не она.

Довлет-бек. Ладно, раз на то пошло... *(Встает.)*

Новруз-бек. Пойдите, Довлет-бек. Если это действительно она, то пусть меня помилует аллах! Эта, подобная ангелу девушка... Я не соглашусь, чтобы она пришла в такое место. Но все-таки как это, однако...

Довлет-бек. При отце я бывал у нее в доме. Когда она вышла замуж, я видел ее однажды у наших. Потом пошел к ней. Рассердилась. Тогда обвинил ее мужа в краже. Она ко мне с просьбой... Одним словом, шаг за шагом, помаленьку, потихонечку, там колечко, тут браслетик, потом ботинки, за ними платице и немного насили... Одним словом, теперь живет отдельно, служит учительницей... А я... Ну, в общем, целая история.

Новруз-бек. А муж?

Довлет-бек. После того случая исчез куда-то. Три года ничего о нем неизвестно. Вы все еще не знаете меня.

Новруз-бек. Может быть... Если только она... Но кланусь аллахом, не верится.

Довлет-бек. Если так... *(Поднимается.)* Сейчас вы меня узнаете.

Н о в р у з - б е к . Да постоит! И вы хотите привести ее сюда? В такое место?

Д о в л е т - б е к . А кто здесь? Свои же люди. Что особенного? Сюда ходят с семьями. Тут есть и другой ход. *(Идет к выходу.)*

Н о в р у з - б е к . Довлет-бек!

Д о в л е т - б е к . Теперь уже я заупрямился, и все! *(Уходит.)*

Б а л а х а н *(пьет с Сусанной на брудершафт)*. Выпьем так, вот так! *(Заметив отсутствие Довлет-бека.)* А куда он ушел?

М и р з а - Д ж а в а д . Какие у вас мягкие волосы, Сусанна, совсем, как шелк.

Б а л а х а н . Сама еще мягче. *(Щиплет.)* Вот, прямо вата!

С у с а н н а . Ой, больно...

В дверях показывается Довлет-бек с Курбаном.

Д о в л е т - б е к . Я предупрежу, проведешь через другой ход. Ни одного лишнего слова. Скажи, что и сестрица Гамер здесь. Живо! *(Отходит.)*

Б а л а х а н . Да что вы, заснули, что ли? Наливайте бокалы! Куда это он?

М и р з а - Д ж а в а д . Да... *(Поднимает бокал.)* Милостивые государи! Здесь кто-то сказал, что мир держится на золоте. Я не собираюсь это опровергать. *(В дверях появляется Айдын. Прислушивается.)* Хочу лишь добавить, что мир держится на нежном волоске красавицы.

А й д ы н . Ой, люди, держитесь крепко, волосок оборвался, мир полетел к чертям! Ха-ха-ха! *(Входит.)*

Б а л а х а н *(обращаясь к Мирза-Джавад)*. Хи-хи-хи!.. *(Повернувшись к Айдину.)* Это еще кто?

А й д ы н . Ты лжешь! Не может круглый, как арбуз, мир держаться на волоске!

С у с а н н а . Кто это такой?

Б а л а х а н . Эй, что это за человек?

А й д ы н . Я это я! И знает меня весь свет. А вы что за люди? Не то, что другие, вы сами не знаете, кто вы.

Б а л а х а н . Где этот... *(Звонит.)*

А й д ы н . Этот захохотал в нефтяной скважине. Труп его спрятали за досками вышки.

С у с а н н а . Что он, сумасшедший?

А й д ы н . Если вам нужен такой, я могу, но денег у меня не хватает. *(Входит лакей.)* Подай мне вина!

Б а л а х а н *(лакею)*. Ты что, ослеп что ли? Почему пукаешь в наш кабинет посторонних людей?

Л а к е й . Простите! *(Айдину.)* Зачем вы входите в чужой кабинет? Уходите!

А й д ы н . Не уйду... Я заплачу.

Л а к е й . Прошу вас не задерживать меня, иначе...

А й д ы н . Не уйду. Зовите полицию, губернатора, хоть самого царя, все равно не уйду. И никого я не боюсь.

М и р з а - Д ж а в а д . Вот влипли в историю...

А й д ы н . Без истории жизни не понять.

Б а л а х а н . Выйди сейчас же!

А й д ы н . Не только сейчас, до утра не выйду.

Н о в р у з - б е к . Прошу вас, Балахан, не трогайте его. Это очень забавно.

Б а л а х а н . Да что вы, он все нам испортит...

А й д ы н *(лакею)*. Я сказал вам: вина!

Л а к е й . Я вас прошу выйти. Сейчас же!

Н о в р у з - б е к . Клянусь жизнью, он пьян вдребезги. *(Лакею.)* Не трогайте! *(Балахану.)* Пусть останется.

Б а л а х а н . Новруз-бек!

Н о в р у з - б е к . Пожалуйста, не трогайте. *(Лакею.)* Подай ему вина. Он ничего не сделает, я ручаюсь. Не замечайте его, представьте себе, что это стена. *(Лакею.)* Ступайте. *(Лакей уходит.)*

А й д ы н . Это вам не удастся. Я не могу оставаться незамеченным. Каждый должен видеть и знать меня. Потому что я — действительность. Я не ничто, не стена. Три года я сияююсь по свету, и весь свет меня знает, даже малые дети. Вот сумасшедший Айдын! — кричат они и гурьбой бегут за мной. Лишь вы меня не знали, но теперь и вы будете знать.

Л а к е й подает ему вино и уходит.

Н о в р у з - б е к . Однако, милейший, как бы то ни было, надо же соблюдать законы, обычаи... В чужой кабинет...

А й д ы н . Законы, обычаи!.. Цепи, надетые на свободу. Враги гения, палачи разума и воли! Кто ломает свое бытие и хочет навязать его миру, не может подчи-

няться никаким обычаям и законам. Я знаю лишь свои собственные желания. Обычай!.. Источник унижения человеческой личности. Ничто не должно становиться поперек желаний человека. Вот мой принцип. Я топчу ногами все и всякие законы, все и всякие обычаи.

Балахан. Да не может быть!

Айдын. Ваш отец торговал соломой, а потом на вашем гумне забила нефть!

Мирза-Джавад. Вот тебе и на!

Айдын. А вы, можно сказать, были писателем. Только не написанное вами лучше написанного. Выпьем по этому случаю за здоровье фабрикантов бумаги.

Балахан. Велик аллах!

Айдын. Иначе говоря, старший жандарм.

Новрузбек. Ради меня, не трогайте его! Хорошо, милейший, раз у вас такие светлые мысли, оставим в стороне то, что вы вошли без разрешения, но почему вы не уходите, когда вас просят? Благовоспитанные люди...

Айдын. Так поступают благовоспитанные люди. А вот я, чтобы доказать миру свое бытие, поступаю не так, как все прочие люди, а так, как они не поступают. Увидел дверь, взбрело в голову войти, и я вошел. Вы предложили уйти, а я не ушел.

Новрузбек. А это почему?

Айдын. Потому что, если бы я ушел, вы приняли бы меня за любого другого. Понятно?.. А, впрочем, что вы понимаете?

Мирза-Джавад. При взгляде на эти шелковые кудри, мне пришла в голову интересная мысль.

Айдын. Если вам в голову могло что-нибудь прийти, то по закону Торичелли в ней имеется пустота.

Мирза-Джавад. Пустота в моем бедном сердце.

Айдын. О, нет, сударь, если уж вы хотите знать правду, пустота в вашем кармане; вот почему и слова ваши лишены всякого смысла.

Новрузбек. Милейший, я вам разрешил остаться, но зачем вы вмешиваетесь в наши разговоры?

Айдын. Я не противлюсь моим желаниям, что придет в голову, то я и делаю. Если хотите, останусь; если не хотите, все равно останусь. *(Стучит по столу. Вошедшему лаете.)* Винна!

Новрузбек. Подайте ему вина. За мой счет.

Балахан. Эх, Новрузбек, нашли кого угощать.

Новрузбек. Не трогайте его, прошу вас. Пусть говорит, что хочет.

Довлетбек *(из-за средней двери)*. Что у вас там за шум?

Новрузбек. Да где вы пропали, идите скорее, тут...

Айдын. Тут скоморох дает бесплатное представление.

Довлетбек. Иду, иду! Сейчас. Ангела к вам веду, ангела.

Сусанна. Подумаешь, ангела!

Балахан. Мой ангел—ты!

Сусанна. Давайте в молчанку играть будем.

Балахан. Идет. Кто заговорит первый, того все расцелуют.

Мирза-Джавад. Смеяться тоже нельзя.

Сусанна. Хорошо... Хоп! *(Закрывает рот рукой.)*

Айдын. Если хотите целоваться, не к чему искать предлог. Она—существо покорное: целуйте, сколько хотите, она не станет противиться.

Сусанна. Это не в счет.

Балахан. Ага, заговорила.

Новрузбек *(указывая на Айдына)*. Первым заговорил он. Его и надо целовать.

Айдын. Я буду целоваться со стеной: на ней краска прочная, не сойдет.

Сусанна. Вот еще!

Балахан. Жульничать не годится, поворачивайся сюда!

Сусанна. Нет, нет, это не в счет.

Балахан. Ничего подобного! Клянусь твоей жизнью, не выпущу. *(Целует насильно.)*

Мирза-Джавад. А я? Теперь моя очередь. *(Целует.)*

Айдын *(протягивает ему платок)*. Вытрите губы, сударь, вы их испачкали.

Мирза-Джавад. Вот пристал, черт!

Сусанна. Что вы так смотрите? А глаза-то какие черные, пронизывающие! Настоящие кавказские глаза. Все хочется в них посмотреть без конца.

Айдын. Это потому, что здесь он самый богатый.

Сусанна. Ах, как будто из-за богатства и глаза черные.

Ай ды н. Конечно. Богатство такая сила, что светлые глаза превращаются в черные, а черное лицо—в белое.

Музыка.

Балахан. А ну, танцуй! Эх, что-то скучно становится. Наливайте бокалы!

Сусанна. Это не танцевальная музыка.

Балахан. Все равно, танцуй!

Сусанна. Не получится.

Балахан. Тебе говорят, танцуй! Значит, танцуй, чертовка!

Сусанна. Замолчи, бесстыдник.

Балахан. Раз я сказал—конечно. Что значит не получится? Поднимешь руки и валяй.

Мирза-Джавад. Танцуй, вы будете походить на мечту!

Ай ды н. Бедное человечество! Оно закрывает глаза на действительность и за нее принимает все воображаемое. Да, сударь. Она будет, как мечта.

Балахан. Что он тут болтает? Велик аллах! Ну, танцуй же!

Ай ды н (*нехотя встающей Сусанне*). Танцуйте, мадам-музель. Хозяин так приказывает. Танцуйте!

Сусанна (*раскидывая руки*). Вот видите, не выходит, не то...

Балахан. Выйдет, выйдет. (*К сцене.*) Музыканты, сыграйте какой-нибудь танец.

Ай ды н. Ха-ха-ха! Живая кукла, смешная забава. Развлекай, дитя мое, развлекай!

Танцевальная музыка, Сусанна танцует.

Балахан. Слава матери, родившей такую! Вы только поглядите на нее! Я твои глаза съем! Роза, настоящая роза! (*Обнимает Сусанну и несет на диван.*)

Сусанна. Ой, упаду! Пусти! Еще ноги искалчишь.

Балахан. Кого пугаешь? Отец не прибьет, мать не обругает. Пускай одной скважиной меньше будет. Я на краю света ноги раздобуду. Поглядите на нее: картинка, настоящая картинка!

Ай ды н. Картинка хорошая. Только жаль, что краска от жары расплывается.

Мирза-Джавад. Ах, Сусанна! Чью ночь сегодня вы превратите в рай?

Балахан. Что за вопрос? Ясно, мою.

Сусанна. Я уже Новруз-беку дала.

Балахан. Что? Что? Ни за что!

Новруз-бек. Пусть сама решает.

Балахан. Нет и нет! Что бы ты ни говорил, Новруз-бек, но мой нрав ведь ты хорошо знаешь.

Новруз-бек. Я не возражаю. Решайте сами.

Балахан. Новруз-бек, если обижаетесь... Нет, не хочу. Если... наконец.

Лакей. В зале продается с аукциона картина в фонд борьбы с туберкулезом. Не желаете ли принять участие? (*Выходит.*)

Ай ды н. Чем та картина лучше Сусанны?

Балахан. Конечно. Пойдите! Давайте Сусанну пустим на аукцион. Кто больше даст, с тем она и останется.

Ай ды н (*поднимается*). Торг буду вести я!

Балахан (*решительно*). Без всяких шуток. Хорошо я придумал? Что скажете, Новруз-бек? Пусть никому обидно не будет.

Ай ды н. В кредит? За наличные?

Балахан. За наличные! За наличные! (*Высыпает золотые на стол.*)

Сусанна (*Балахану*). Ах, оставьте!

Балахан. Как оставьте? Торговля—не шутка.

Ай ды н. Продается с аукциона живая девушка! С руками, с ногами, даже с сердцем. За наличные! Живая игрушка девятнадцати лет. Пять тысяч рублей! Кто больше?

Балахан. Шесть тысяч! А ты, Новруз-бек?

Ай ды н. Шесть тысяч—раз! Держитесь прямо, мадам-музель, чтобы все ваши стати были видны. Не стесняйтесь. Правда, несколько страдает ваше человеческое достоинство, но зато вы получите деньги... Шесть тысяч—раз!.. Шесть тысяч—два!..

Новруз-бек. Пусть будет шесть пятьсот.

Ай ды н. Шесть тысяч пятьсот—раз! Кто больше?

Балахан. Восемь тысяч!

Ай ды н. Восемь тысяч—раз!..

Довлет-бек (*за дверью*). Эй, что у вас там делается? Что вы, биржу открыли?

Балахан. Сусанну с аукциона продаем. Идите скорее.

Айдын. Товар налицо. Можете смотреть. Волосы черные, глаза черные, красивая девушка девятнадцати лет... Краска на щеках немного стерлась, но в сумочке еще имеется... Восемь тысяч—два!..

Довлет-бек. Девять тысяч.

Айдын. Девять тысяч—раз!

Мирза-Джавад. Да тут и в самом деле биржа.

Айдын. Ты молчи! Потому что нет у тебя денег... Девять тысяч—два!..

Входит Гюльтекин.

Гюльтекин. Ой, что это! Где я? *(Увидев Айдына, терзается.)* Айдын!

Айдын *(с оскорбительной нежностью)*. Гюльтекин!.. Ха-ха-ха! Подойди, дитя мое, подойди. Это последняя ступень. Подойди, цветок мой, подойди. *(Берет ее за руку.)* Продается честь невинной женщины! Пять тысяч! Кто больше?

Гюльтекин. Айдын.

Балахан. Ты что тут безобразничаешь? Или нас мужчинами не считаешь? *(Протягивает руку к поясу.)*

Гюльтекин. О, боже! Не трогайте его!

Новруз-бек. Балахан! *(Удерживает его.)*

Айдын. Ищите свое оружие не у пояса, а в кармане. Там ваше оружие, там и мужество ваше.

Гюльтекин. Айдын мой!

Айдын. Подойди, дитя мое, я шучу! *(Подводит ее к своему столику.)* На, пей! Три года мы не виделись... Пей!

Гюльтекин. Разве ты не знаешь, Айдын, что я не пью?

Айдын. Пей, пей, говорю тебе. Пей!

Гюльтекин. Разве ты видел меня пьющей, Айдын?

Айдын. И в таком месте я не видел тебя... Пей!

Гюльтекин. Мой Айдын!..

Айдын *(возмущенный и страшный)*. Пей, говорю! Видишь вот! *(Указывает на Сусанну.)* Все продажные женщины пьют! Пей и ты!

Гюльтекин. Айдын, ты не узнал меня, да? *(Плачет.)*

Айдын. Разве ты не знаешь, кто ходит сюда? Сюда ходят одни падшие женщины... Ступай! *(Отталкивает ее.)* Ступай!

Гюльтекин. Ой! *(Стремительно идет к выходу и сталкивается в дверях с Довлет-беком, который входит под руку с какой-то шансонеткой.)*

Довлет-бек. Ангела я привел, ангела! *(Увидев Айдына и столкнувшись с Гюльтекином, оставляет шансонетку и отходит в сторону. В то же время не замечающий его Айдын, опрокидывает стакан с вином и, громко смеясь сквозь рыдания, с силой бросает стакан на пол. Стакан разлетается вдребезги. Ни на кого не глядя, Айдын направляется к выходу.)*

Айдын *(обернувшись)*. Продается с аукциона честь невинной женщины! Пять тысяч! Кто больше? Ха-ха-ха!.. *(Выходит.)*

Через другие двери выскакивает из кабинета и Гюльтекин. Довлет-бек медленно идет за Айдыном.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

● После третьего действия прошло четыре года. Кухиня на заводе. Пиргулу в накинута на плечи ладяжке сидит у какого-то станка и тихо пасивствует.

С е л и м (входит торопливо). Ты что сидишь тут, как ослинок-трехлетка и беззаботно пасивствуешь? Мы— что, слуги твои, кто ли?

П и р г у л у. Что с тобой? Чего порохом взрываешься? Что случилось? Конец света?

С е л и м. Тебе-то что? Детей нет, чтобы у тебя хлеба просить, и жены нет, чтобы платья требовать.

П и р г у л у. По-твоему, значит, и горя у меня нет? Клянусь богом, бедная сестрица моя так больна... А на врача денег нет.

С е л и м. А ты еще сидишь тут и пасивствуешь!

П и р г у л у. Будто если не буду свистеть, сразу деньги добуду или сестра выздоровеет. Что мне делать? Не плакать же.

С е л и м. К черту! Не слышал ты, как утром объявили: собирайтесь в одно место. Каждому в отдельности докладывать, что ли?

П и р г у л у. Что случилось, что ты на весь завод кричишь? Гулам вернулся?

С е л и м. К черту! Надо бы сказать мне: чего ты мнешься, глухой человек? Как все, так и ты. Недаром говорят: кто плачет о народе, без глаз остается. Можно подумать, что я тут один голый и голодный. С утра кричат: собрание будет, не расходитесь.

П и р г у л у. Да ты скажи, пришел Гулам или нет?

С е л и м. Гулам пошел к хозяйну спросить, можно ли при такой дороговизне... Клянусь аллахом, вчера от сты-

да на детей смотреть не мог. Так и легли голодные. Если хозяйни удовлетворит наши требования, приступим к работе, а нет, тогда видно будет.

П и р г у л у. Это и я знаю, что он пошел к хозяйну. Сегодня хозяйн должен был ответить. Вот я и спрашиваю: вернулся тот, кто за ответом ходил?

С е л и м. Нет, нет, нет! Клянусь аллахом, у вас нет единения, нет ничего... К черту!

П и р г у л у. Чего кричишь? Ведь собрание будет, когда он вернется с ответом. А ты уже теперь...

С е л и м. Говорят, заранее соберитесь все вместе, чтобы начать, как только посланный вернется. Да мне-то что! Делайте, как хотите. Объявил забастовку... И я, как все. Как будто один я голодаю... К черту! (Поет к выходу.)

П и р г у л у. Ладно. Поди скажи, что я не бастую и буду работать.

С е л и м (возвращаясь, возмущенно). Это не пойдет! Кто приступит к работе, того бросят в канаву и избьют до полусмерти.

П и р г у л у. Ладно, скажи, пусть бросят меня в канаву и бьют.

С е л и м. К черту!.. Мне-то что. (Уходит.)

Пиргулу сидит в задумчивости. Входит, продолжая беседу. Сурхай и Ильяс.

С у р х а й. Я жил в одном дворе с этой девушкой. (Увидев Пиргулу.) Как дела? Я говорил по телефону...

П и р г у л у. Дела у нас такие, Сурхай-бек: такой дороговизны мы не можем выдержать. А голодным работать не под силу. Кроме того, пока не примут обратно Айдына, старика Курбана и Расула, мы не приступим к работе. Мы и так голодаем, так пусть уж сразу все и подохнем. За что уволили Айдына? Что с того, что он не в силах работать весь день? За два-три часа он делает столько, сколько другой и за два дня не делает. Мы не выйдем на работу, пока их не возьмут обратно и нам не дадут прибавки. Лучшее смерть! (Хочет идти.)

С у р х а й. Пиргулу, я слышал, у тебя сестра больна! (Молчание.) Зайди ко мне потом, может быть, что-нибудь придумаем.

П и р г у л у. Пусть сохранит вас аллах! (Уходит.)

Ильяс. Итак, вы жили с ней в одном дворе... Дальше?

Сурхай. Да... Я не мог открыть ей свою любовь. Этот Айдын учился со мной вместе. Мы очень дружили. Как-то я познакомил ее с девушкой, расчитывая при его посредничестве поведать о своих чувствах. Он о моих чувствах ничего не знал. Случилось так, что они полюбили друг друга. Я не хотел нарушить счастье любимой, которая выбрала другого. И потом дружба с Айдыном! Я пересилил сердце и скрыл свою любовь. Прошло с тех пор девять лет, и вот впервые я открываю эту тайну тебе. Вот почему я не женюсь. До последнего вздоха я буду помнить и любить ее. И до последнего дня своего я буду искать случая, чтобы отомстить Довлет-беку.

Ильяс. Значит, он виновник болезни Айдына?

Сурхай. Я уехал в Москву учиться. Когда возвратился инженером, его уже здесь не было. Оказывается, спустя три года после нашей встречи он был в этих краях, но после какого-то события снова исчез. Четыре года он где-то скрывался. Он был такой способный, такой умный... Если бы мог учиться... Но что поделаешь! С одной стороны, слишком дерзкие и путаные мысли, с другой стороны—нужда, болезнь, слабость и, наконец, эта история, особенно вино. За восемь лет бедняга исходил весь свет и вот месяц тому назад снова вернулся, сюда жалкий, опустившийся...

Ильяс. Бедняга!

Сурхай. Теперь он совсем опустился. Чтобы спасти его от голодной смерти, я определил его на работу у себя. Шесть дней назад Довлет-бек приобрел этот завод. Услышав, что Айдын работает здесь, он приказал его уволить. Узнали рабочие. А сам он еще ничего не знает: кто того, чей это завод, ни того, что он уволен.

Ильяс. И с тех пор он не видел ее? А она жива?

Сурхай. Он ее не видел. Недавно я случайно встретил ее. Куда-то шла печальная, усталая, бледная.

Ильяс. Он вспоминает ее, говорит о ней?

Сурхай. Ни слова. Ни он, ни я. Точно мы стесняемся друг друга. К тому же душевное состояние у него тяжелое. Все пропаивает. Поэтому я перестал выдавать ему деньги на руки. Из столовой отпускаю ему обед, а я расплачиваюсь. И не слушает никаких уговоров. Но недавно приказали больше не кормить его. Сегодня третий

день он голоден. Слова у него не добьешься. Лишь порой смотрит на меня с такой тоской, что сердце разрывается.

Ильяс. Несчастный!

Сурхай. Вот жизни! О чем только ни мечтал этот сумасброд Айдын и до чего дожил.

Селим (за сценой). К черту! Где наше единство? Да мис-то что...

Сурхай. Что там происходит? Давай, посмотрим. (Направляются к выходу.) Пропасть, непроходимая пропасть лежит между мечтой и действительностью. Ее, эту пропасть, удалось перейти лишь единичным великим личностям, и на протяжении всей своей истории человечество гордится ими. (Уходят.)

Через некоторое время входит Айдын с увядшим цветком в руке, растроенный, печальный. Прикрепляет цветок к станку. Приводит станок в действие и прислушивается к его шуму, внимательно следит за его работой. Со двора доносятся грустная песня, Айдын слушает.

Голос. Пусть лучше б нас аллах любви лишил
Или красавиц чество наделил.
Тогда бы я, любовью опозорен,
Клейма насмешек злобных не носил.
За верностью тантис вероломство.
О, лучше б тех плодов я не вкусил.

Прислушиваясь к песне, Айдын вспоминает Гюльтекин, и ему кажется, что слова песни относятся к ней. Айдын слушает в сильном душевном волнении.

Голос. Жестокая, жалостью пусть одарит тебя бог
И силы мне даст, чтоб разлуку я вынести мог.

Айдын возбужденно бьет молотком по станку.

Айдын. Ты, гнусный образ мрачного прошлого!
Селим (за сценой). К черту! Народ тут собрался и ждет, а он там свистит, ты здесь поешь... Делайте, что хотите. Вот напляшется, когда хозяин даст вам расчет. Мне-то что? Будто я один умираю с голоду. К черту! (Входит.)

Айдын вздрагивает от голоса Селима. И тут замечает, что станок остановился и что вошел Селим.

Айдын (станку). Почему остановился, товарищ? Что? Как? Не хочешь работать? (Угрозительно поднимает

молоток над станком.) Клянусь творцом, так ударю, что на части разлетиться!

Селим (*выглянув за дверь*). Эй, ребята, сюда! Этот сумасшедший станки ломает.

Входят Пиргулу и другие рабочие. Айдын не обращает на них никакого внимания.

Айдын. Так ты не хочешь работать? Дурак!

Пиргулу. Что с тобой, дорогой?

Айдын (*по-прежнему*). Видишь молоток? Так ударю, что потом частей не соберешь!

Селим. Конечно, он опять нашлся. Ну и к черту!

Айдын (*никого не замечая*). Ты не смеешь возражать мне, потому что у тебя нет ни разума, ни чувств. Ты обязан работать, и я тебя заставляю. У меня хватит на это сил. Да, да! Пока что я — действительность, а не ничто. Я беспощаден в борьбе. Клянусь творцом, я так хвачу тебя, что каждая деталь твоя ляжет мостом через золотые моря.

Рабочие смеются.

Селим. К черту! Пусть бьют. И хозяин будет нас ругать, и Сурхай-бек.

Пиргулу (*удерживает поднятую для удара руку Айдына*). Что ты буянишь? Из-за чего?

Айдын (*обращаясь к станку*). Дурак ты этакий, я заставляю тебя работать. Послушайте только, что он мелет... Я, говорит, работаю, части мои стираются, я режу металл, я делаю дело, а жалованье получаешь ты. А раз так, то я не хочу больше работать. Так это и должно быть: ты должен работать, а я буду получать жалованье. Потому что ты не мыслишь. Неблагодарная тварь! А я еще обращался с тобой не так, как другие. Я смазывал тебя маслом, украшал цветами. И все же ты бунтуешь. Несчастный, а я? А я почему молчу? (*Хватает напильник и проводит по железу*.) Вот видишь, если у тебя вращается колесо, то у меня двигаются руки, у тебя действуют твои части, а у меня — все тело. Части твои стираются, а у меня руки покрываются мозолями, сам я от усталости ночей не сплю. Ты требуешь себе прав, а мои права? Где мой заработок — третий день я хожу голодный...

Селим. Он под большим градусом, и вы глазете на него, а собрание, значит, пускай не состоится. К черту!

Айдын. А ведь у тебя нет разума. Нет способности мыслить, чувствовать. Нет у тебя сердца. У меня и разум, и мышление. Это я тебя создал. Я приладил к тебе маховик, я дал тебе силу движения. А меня создало не золото, нет. Меня, как некое чудо, создала творческая сила природы. Она одарила меня способностью созидать и подчинила мне весь мир. И что же? Работаю я, создаю я, а кто пожинает плоды? Золото! Почему? Несчастный, разве я не такая же машина, как ты, только живая? Разве не используют меня, как машину? Работаю я, страдаю я, создаю я, и голодаю я, и попрошайничаю я...

Селим. К черту! Дай тебе хоть весь мир, все равно будешь голоден, все пропустишь (*щелкает по горлу*) сюда.

Айдын. Я не в счет. А вы? Кто вы, несчастные? Разве не те же живые машины?

Селим. Так что же прикажешь нам делать?

Айдын. Ложитесь, пусть над вами читают отходную.

Пиргулу. А что мы можем сделать?

Айдын. Восстать.

Пиргулу. Против кого?

Айдын. Против всего человечества, против обычаев, законов. Против вселенной, луны, солнца, звезд, даже против твора, этого жандарма над мыслью и душою людей. Пока существуют понятия: власть и подчинение, угнетатель и угнетенный, не улыбнется лицо человечества.

Селим. Вы поняли что-нибудь? Будь я проклят, если я понял, что он тут нагородил.

Айдын. Вы не в силах понять... Ха-ха-ха! Вы — баранта, что бессознательно топчитесь в ожидании ножа мясника. Кто вы? Кто ваши повелители? Кто вы? Чему вы поклоняетесь? К чему эта власть? К чему эта покорность? Что за страдания и что за расплата?

Селим. В конце концов, что ты хочешь?

Айдын. Я хочу такого мира, чтобы народы в нем были свободны, личности свободны и вся жизнь свободна. Такого мира, где нет цепей насилия, нет золота, роскоши, пышности, приказаний, где каждый — хозяин своего труда и раб своих желаний. Вот так! (*Достает из кармана бутылку и пьет из нее*.) Ха-ха-ха!..

С е л и м (поет, прицеливая пальцами).

Хотел бы у крепости птицей я быть,
Без еды, без питья опыннным быть.
То курочкой быть, а то соколом быть...
Обвалилася крыша, я в раму попал!
Не знаю, как вышло, что в раму попал!

Вся эта каша заварилась из-за него, а ему все нипочем. Ясное дело, за такое поведение можно и с работы снять...

П и р г у л у. Будет тебе болтать... Нет у вас никакого понятия.

С е л и м. К черту!.. Пошли, ребята! (Поворачивается чтобы уйти, но снова возвращается.)

П и р г у л у. Они тебя не понимают, Айдын. С первого дня, как ты поступил к нам, я стал тебе верным товарищем. Много слышал о тебе. Только сейчас узнал, что три дня ты голодаешь. Братец, все, что я имею,— вот эти руки да еще это (показывает ниджак). Дадут за него фунта два хлеба. И что бы ты ни решил делать, я последую твоему примеру.

А й д ы н (долго смотрит). Баранта!.. (Выходит.)

С е л и м. Вот и баранами стали. К черту! (Поспешно выходит Гулам.) Наконец-то, пришел, пришел! Не шумите, ребята, собирайтесь... Ну, как?

Г у л а м. Дайте дух перевести. Всю дорогу бежал.

С е л и м. Но, слава аллаху, все устроилось?

Г у л а м. Довлет-бек говорит, всего шесть дней, как купил завод, еще не знаю, что к чему, так что пока гроша не прибавлю.

С е л и м. Правильно говорит человек: не знает еще...

Г у л а м. А что касается Айдына то, мол, с ним у меня свои счеты. И что еще несколько человек уволил, так это тоже его, хозяйина, дело. Поговорили, поспорили. Наконец, он заявил: получайте расчет, всех увольняю: новых рабочих, говорит, набирать буду.

С е л и м. К черту! Худо ли, хорошо ли, все же работу имели. Теперь попробуй найди новую работу.

П и р г у л у. Не будем работать и никого сюда не пустим.

Г у л а м. Сейчас сам явится.

П и р г у л у. Пускай! Моя четырнадцатилетняя сестра умирает сейчас дома без врача, без лекарства, го-

лодная. Куда же дальше? Хуже не бывает. Никого к работе мы не допустим.

С е л и м. К черту! Если будет много разговаривать, пересчитаем ему ребра.

Г у л а м. А где остальные?

С е л и м. Ждут во дворе.

П и р г у л у. Чем умирают постепенно, каждый день, лучше сразу... Пойдем во двор.

С е л и м (идет). Пошли. Если что, избею до полу-смерти... Что он нам сделает? К черту! (Выходит.)

Входит Айдын, жуя черствую корку хлеба, а в другие двери входят Сурхай и Ильяс и, проходя по сцене, замечают Айдына.

С у р х а й. Где ты взял хлеб? Кто дал? (Ощупывая хлеб.) Как камень. Брось его. Вредно слабому. Пойди в столовую. Там получишь обед. (Молчание.)

А й д ы н. Не даю.

С у р х а й. Я уже распорядился, дадут.

И л ь я с. Возьми эти пятьдесят рублей. Я их дарю тебе.

После некоторой паузы Айдын протягивает руку, словно желая взять деньги, но вдруг поднимает голову, долго и вытливо глядит на обоих, резко одергивает руку и в сильном волнении, со слезами на глазах направляется к выходу. Поспешно входит Селим.

С у р х а й. Айдын! Айдын! Обиделся... Айдын! (Идет за ним.)

С е л и м (вслед Айдыну). Сурхай-бек зовет тебя. Не слышишь, что ли, дурень?

И л ь я с. Я же ничего не сказал обидного... (Выходит.)

Д о в л е т - б е к (разъяренный, входит в сопровождении Курбана). Где они? Что тут делается?

С е л и м (испуганно). Да ничего особенно, хозяйин... Собрались тут ребята, один говорит одно, другой другое, не пойму.

Д о в л е т - б е к. Что говорят? Кто говорит?

С е л и м. Ничего, хозяйин. Говорят, если бы хозяйин накинул нам гривенник, другой, то жили бы мы его милостями.

Д о в л е т - б е к. Какой еще гривенник? Я таких вещей не потерплю. Забастовки, то да се... Бросать работу? Получайте расчет, все! Набираю новых рабочих... Не хватает жалованья, приходите ко мне, скажите по-чело-

вечески. А что уволил кое-кого, так это мое дело. А то... Получайте расчет. Закрываю завод.

Селим. Будьте великодушны, хозяин, простите уж. Многого люди не понимают. Раб, как говорится, не без вины, хозяин не без милости. Сейчас приступят к работе. Не поняли тебя... Все этот помешанный мутит... Вообще, к черту, что мне...

Довлет-бек. Какой помешанный? Откуда здесь помешанный?

Селим. Не знаю. Мы, говорит, работаем... Один словом...

Довлет-бек. Но кто же это разглагольствует?

Пиргулу (*неожиданно входя*). Я говорю, я! Тружусь, а хожу голодным.

Селим. К черту! Сидит в лодке, а с лодочником ссорится.

Довлет-бек. Вы правы. Я вас попрошу пожаловать в контору за расчетом.

Пиргулу. Никуда я отсюда не уйду! Пока целы, уходите сами.

Довлет-бек. Вы мне угрожаете? Мне? Вы думаете, страна без хозяина? Нет властей, нет законов?

Пиргулу. Я умираю с голода, и мне не до твоих законов.

Курбан (*отталкивает Пиргулу*). Ты что тут разорался, эй?

Пиргулу (*толкает Курбана*). А ты еще откуда взялся?

Курбан. Ты не смей кричать. Никто тебя не боится! (*Курбан бьет его по лицу. Они схватываются.*)

Селим. К черту!

Довлет-бек. Уложи этого бездельника, Курбан!

Селим (*суетится*). Ой, хозяин! Ради аллаха! Не допусти!

Довлет-бек. Говорю тебе, уложи!

Селим (*после некоторого колебания*). Как это уложи? Мы что, не мусульмане? (*Бросается на Курбана.*)

Рабочие. Ребята, сюда! Бей их! Не выпускай! Хватяй их!

С молотами, брусками, кусками железа, напильниками, ножовками в руках бросаются на Довлет-бека и Курбана, который успел уже выхватить револьвер.

Айдын (*бежит впереди рабочих с молотком в руке*). Держитесь, братья! Закон! Вот это будет настоящий закон! (*Бросается на Довлет-бека.*)

Довлет-бек (*растерявшись*). Айдын! Айдын!..

Айдын (*вдруг узнает его и останавливается. Швырнув молоток в сторону, поворачивается к рабочим*). Это он!.. Не трогайте его, братья... Ради бога! Это он!..

Воспользовавшись замешательством, Довлет-бек и выронивший револьвер Курбан бросаются в боковую комнату и запирают изнутри. Пиргулу поднимает револьвер Курбана. Рабочие отбегивают Айдына в сторону и бросаются к дверям. Из-за дверей слышен разговор по телефону.

Довлет-бек. Полиция! Полиция!

Рабочие пытаются взломать двери. Шум.

Рабочие. Откройте! Дайте сюда молот! Ломайте! Неси лом! Бей ногой, к черту! Выходите отсюда!

Айдын стоит в стороне и спокойно наблюдает.

Айдын. Остановитесь, несчастные. Неужели на кусок хлеба вы готовы променять всю сладость существования, красоту жизни, ее волнения, слезы? Наестесь, выпьете, потом снова есть, снова спать—и это по-вашему жизнь? Жизнь—это слезы, а их могут вызвать только те, за дверью. Не трогайте их, им надо жить, чтобы создавать тысячи Айдынов. (*Некоторое время молча наблюдает за рабочими, которые стараются выбить дверь. В гневе на рабочих, которые не слушают его.*) Несчастные! (*Уходит.*)

Рабочие продолжают ломать дверь, но вдруг врываются полицейские и начинают разгонять их. Раздаются выстрелы. Пиргулу и несколько рабочих падают.

Пиргулу. Ах... Бедная сестра!.. (*Умирает.*)

Селим (*бежит*). К черту! Когда говорят... Всех к черту! (*Падает, умирает.*)

Полицейский. Не выпускать никого! Оцепить двор! (*Уходит во двор.*)

Довлет-бек (*показывается в дверях*). Задержите всех. Стрелять не надо. В полицию всех! (*Выходит вместе с Курбаном.*)

Входит Айдын, останавливается над телами убитых. О чем-то мучительно думает, опустив голову.

Сурхай (*поспешно входит*). Кого ты ждешь? Зачем ты здесь?

Айдын (*не глядя на него*). Теперь на кровавых косяках этих убитых воздвигнуты дворцы счастья. Ха-ха-ха!..

Сурхай. Ты слышишь меня? Зачем ты здесь?

Айдын. А что мне делать?

Сурхай. Сейчас придут полицейские. Уходи, пока никого нет, и скройся.

Айдын. Куда? Куда скрыться, чтобы избежать острых зубов и смертоносных когтей золотого идола? Куда исчезнуть, чтобы тяжким молотом не опускался на тебя кулак сильного?

Сурхай. Говорят тебе, уйди, пока есть время!

Айдын. Не уйду!

Сурхай. А что ты будешь делать?

Айдын. Спалю это гнусное гнездо золотого идола!

Сурхай на минуту задумывается. Потом хгатает бидон с бензином.

Сурхай. Месть! Пока никого нет, бежим!

Входит в другую комнату. Айдын берет один из бидонов с бензином и поливает стены. Поджигает и вдруг, перерешив, начинает топтать ногами пламя, пытаясь погасить. В это время из комнаты, куда ушел Сурхай, вырывается огромное пламя и освещает весь завод.

Айдын. Не жги, заклинаю тебя. Туши! (*Бросается в соседнюю комнату и сталкивается с Сурхаем.*) Туши, безумец! Ты хочешь лишить людей всех прелестей жизни, борьбы, смеха, слез... Туши!

Сурхай. Чего ты медлишь? (*Хочет поджечь кузницу, но Айдын мешает ему.*)

Айдын. Не смей!

Сурхай. Слышишь, не задерживайся, беги! (*Хочет идти.*)

Айдын. Не уйду. Надо тушить! Воды! (*Суетится.*)

Сурхай (*хватает его за руки*). Уходи, говорят тебе. Безумец!

Айдын (*вырывается из рук Сурхая*). Воды! (*Сурхай уходит.*) Пожар! Воды!

Входит Курбан и несколько полицейских. Бросаются на Айдына.

Курбан. Держите его! Это он!.. Кто поджег завод?

Айдын (*очень спокойно*). Сам творец.

Курбан. Скажи правду, не то на куски изрежу!..

Айдын. Не стойте! Несите воду! Нет, нет, слез, по-

больше слез несите. Ничто не в силах потушить этот пожар, кроме слез обездоленных! Только слезы!..

Курбан. Ты не пугай! Я хорошо тебя знаю. (*Полицейским.*) Вяжите его! (*Айдыну.*) Там ты все нам скажешь. (*Связывает Айдыну руки.*)

Айдын. Укажите мне суд, где торжествует справедливость, и я все скажу. Тогда вы узнаете, кто виноват.

Курбан. Ведите его! (*Айдына уводят.*)

У выхода Айдын поворачивается и окидывает взором объятый пламенем завод.

Айдын. Ха-ха-ха! Гори, источник радости тиранов, источник слез угнетенных! Гори, ненавистное гнездо золотого кумира! (*Уходят.*)

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

●
Обстановка первого действия. Но все поблекло и обветшало. Портрет Гюльтекин в раме висит со стены и стоит на полу. Темно. Падающий через окно бледный свет луны придает всему призрачный вид. Издали, как во сне, доносятся неясные звуки скрипки. Когда открывается занавес, сцена пуста. Через некоторое время медленными неверными шагами входит изможденный, усталый, постаревший Айдын. Разглядывает кусок хлеба в руке и швыряет его в сторону. Останавливается посреди комнаты и растерянно озирается.

Уловив звуки скрипки, медленно подходит к окну и, послушав немного, невольно хватается за сердце, точно его тревожат какие-то воспоминания. Тяжело вздохнув, отходит от окна и нечаянно задевает ногой портрет Гюльтекин. Поднимает его и начинает разглядывать при слабом свете луны. И, глядя на портрет, начинает тихо напевать. И эта песня наломаном горькой стон истрадавшей души.

Айдын (поет).

Печалью сердце сожжено, счастливое когда-то сердце.

Свободой гордое вчера, заботами объято сердце.

Что в чарке нравится ему? Что вечно тянется к нему?

Зачем пирует, не пойму, любившее так свято сердце?

В это время медленно входит печальная Гюльтекин. Увидев Айдына, останавливается, потрясенная, и слушает.

Айдын (поет).

От жизненных невзгод, тоски растаяло, как свечка,

Такое стойкое всегда, не вынесло утраты сердце.

Айдын бессознательно опускает голову на стол. Гюльтекин бесшумно приближается к нему и говорит тихо, дрожащим голосом.

Гюльтекин. Айдын мой! (Айдын вздрагивает и, подняв голову, с удивлением смотрит на Гюльтекин.) Я слышала, что вы вернулись... (Молчание.) Потом узнала, что были арестованы. (Молчание.) Пошла просить, чтобы освободили...

Айдын (со сдержанным волнением, точно слова вырываются из самого сердца). Да, вернулся. Был аресто-

ван. Но зачем вы беспокоились? Теперь нет на земле уголка, который не был бы мне тюрьмой.

Гюльтекин. Как я хотела вас видеть!

Айдын. Что вам до меня?.. Теперь вы окружены миллионерами... вы в объятиях миллионера... А я...

Гюльтекин. Не говорите так, мой Айдын!.. Все эти миллионы, жемчуга и бриллианты, все эти сверкающие драгоценности ничего, кроме обид и страданий, мне не принесли. Веселье ценой унижений, смех сквозь рыдания—я не в силах переносить все это. Блеск и роскошь опротивели мне. Душа лишилась света. В ней страшная пустота. Да, я поняла, что счастье лишь в нашем темном, убогом жилище. Бог свидетель, что за эти восемь лет разлуки не было ни одной минуты, когда бы я не любила... тебя. Ах, сердце! (Хватается за грудь.)

Айдын. А я... Я ничего больше не хочу, кроме смерти.

Гюльтекин. Молю тебя, Айдын, молчи. Зачем ты терзаешь мое сердце? Оно и так истерзано.

Айдын. Какой смысл в моем существовании? Надежды разбиты, любовь отвергнута. Молодость ушла. Силы покинули меня. К чему мне жить после этого? Одни мучения, адские мучения... Кто я? Никто... Бездомным бродягой барахтаюсь в бездне нищеты.

Гюльтекин. Не говорите мне так, мой Айдын! Я пошла на все только ради вас. Я отдала жизнь, чтобы спасти любовь. Но меня не поняли, меня обманули, совершили насилие над моей душой и волей. Как хищные волки растерзали они сердце одинокой, несчастной женщины, которая просила о жалости, о пощаде. Ради вас я погубила себя... А вы... Жестокий...

Айдын. О Гюльтекин, я вас не виню. Но я уже не в состоянии любить. И смотрел я на этот портрет не потому, что кого-то люблю. В нем вижу я лишь минувшие дни моей жизни, молодость мою. Теперь уже не вас я люблю, а свои воспоминания, ими и живу.

Гюльтекин. Вы правы, Айдын, во всем правы. Но видит бог, я не виновата. Я была обманута, но вас любила все время. Пять лет тому назад я была потрясена, уничтожена, увидел вас в ужасном состоянии, вас, кого я любила, как свою собственную душу, свою жизнь и счастье. Дважды я пыталась покончить с собой, но оба раза меня спасали. И вот через восемь лет разлуки я ре-

шила последний раз повидать... тебя и проститься навеки.

Айдын. Хорошо... Теперь уходите, дитя мое!.. Уходите...

Гюльтекин. Не торопите меня... Я скоро уйду, и навсегда... Дайте мне в последний раз взглянуться на этот печальный уголок, где впервые испытала я свое кратковременное счастье.

Айдын. Вас, вероятно, ждут.

Гюльтекин. Никто меня не ждет, и мне никого не надо. Все мне опротивело. Я от всего устала и от всего отошла. Что может быть мне дороже этой маленькой скромной комнатки! *(Пошатываясь, подходит к окну.)* Ах, была пора! Как счастлива была я в те дни, как красива! Теперь же... *(Смотрит на свой портрет, потом в зеркало.)* Какой была и какая стала... *(Гюльтекин смотрит в окно и, погрузившись в раздумье, опускает голову на широкое лунный луч, упав на бледное лицо, освещает поллицу по щеке слезу. Глубоко втащившие черные глаза широко раскрыты, они смотрят, не мигая, точно ослепшая о чем-то давно минувшем. Издали доносятся полные скорби звуки скрипки. Несколькоми минутами раньше изводивший Айдын любовался воображаемым образом Гюльтекина. Сейчас, увидев перед собой полюбленного, он весь охвачен нахлынувшими воспоминаниями.)*

Айдын *(едва слышно)*. Гюльтекин...

Гюльтекин. Ах, этот голос. Какой он знакомый, родной. Десять лет тому назад... в освещенном лунной садом... звучал так...

Айдын. Не двигайтесь, Гюльтекин. Умоляю вас, стойте так, я хочу видеть вас божественно прекрасной. До конца моей несчастной жизни хотел бы я видеть вас такой и с этим видением сойти в могилу.

Гюльтекин. Что теперь?... Когда-то я была действительно красива и любима... Не скорбные звуки скрипки, а радостные призывы тара ласкали влюбленную душу мою. Все ушло...

Айдын. Молчите, Гюльтекин. Никогда вы не были прекраснее, чем сейчас. Нежное лицо и невинные, детские чистые слезы в бледном сиянии луны. Какая изумительная красота! Вы явили мне живой образ того, что я создал в моем воображении, Гюльтекин!.. Дайте, дайте мне прикоснуться к этим бледным губам!..

Гюльтекин. О, нет, не подходите! Не прикасайтесь ко мне!

Айдын. Гюльтекин, ваш облик оживил в моей памяти все, что было предано забвению. Ах, Гюльтекин, как я любил тебя! Ты вновь вернула мне жизнь. Исповни же мое последнее желание!

Гюльтекин. Мой Айдын, оставь меня. Не прикасайся.

Айдын. Гюльтекин, божество мое! Сейчас я вижу в тебе не женщину, а свой идеал, которому отдаю душу. Жизнь, полная бурных полнейших, истомила и измучила меня. Ты вновь влила в меня жизнь. Дай руку, мой Гюльтекин, уйдем подальше от шума и суеты жизни, скроемся в глуши. И там, среди природы, проживем остаток жизни в радости и счастье. Я страдал десять лет, ради этого не отвергай моего последней просьбы, Гюльтекин!

Гюльтекин. Разве когда-нибудь я отвергала твою просьбу. Айдын? Я любила тебя больше всего на свете. Исполняя твои желания, я чувствовала себя счастлившей в мире. И теперь я люблю тебя. Я тоже хотела бы слиться с тобой губами в последнем поцелуе и умереть... Но судьба лишает меня и этого счастья.

Айдын. Умоляю тебя, Гюльтекин! Что это значит?

Гюльтекин. О, я больше не в силах... Иди сюда... *(Молчание.)* Я приняла яд... Я не хочу отравлять твои губы.

Айдын *(в ужасе)*. Боже, боже! Жизнь моя!.. Счастье мое! Врача!.. Скорее врача! *(Мечется по комнате.)*

Гюльтекин. Поздно, мой Айдын. Теперь ничто не поможет... Яд уже сделал свое дело.

Айдын. Ах, зачем ты на это решилась, Гюльтекин, несчастное существо?... Дни мои проходили в невыносимых страданиях и муках. Я жил лишь мечтой о тебе. Я ненавидел тебя и поклонялся тебе, мысленно обращал к тебе свои жалобы и мольбы; ты была моей путеводной звездой, к которой я вечно стремился. Куда я пойду теперь, куда? Для чего, ради кого буду жить? Великий творец, за что ты преследуешь меня так жестоко, за что? Но довольно! Ненависть овладела моим сердцем. Ненависть ко всему—к жизни, к вселенной, и к тебе, бог, если ты существуешь. Ненавижу и презираю тебя, невидимый тиран, который упивается слезами людей, как вином, и

радуется страданиям. Гюльтекин, моя Гюльтекин! Что ты сделала с собою и со мною!

Гюльтекин. Ах, какие муки! Яд разлился по всему телу, жжет своим пламенем, терзает сердце... Я не могу...

Айдын. Ты снова вернула меня к жизни и снова отнимаешь у меня жизнь. Зачем? Дай мне, дай поцеловать тебя! Ты хочешь уберечь меня от отравы, но я ведь и так не стану жить без тебя!

Гюльтекин (*удерживает его*). Не надо. Я не отвергала ни одного твоего желания. Я хотела бы... Последним желанием моим было... умереть в нашей комнате в твоих объятиях. (*Гюльтекин падает. Айдын в ужасе подхватывает ее и опускает на пол, подставив колено ей под голову.*)

Гюльтекин. Но я не виновата... Я была неопытна... Прости меня, мой Айдын!

Айдын. Я никогда не считал тебя виновной, дитя мое. Ты любила меня... но золото...

Гюльтекин. Как я счастлива теперь... Ах, как хочется жить... Как хочется в последний раз слить губы с твоими... Но, увы... (*Умолкает, лишившись сознания. Айдын обнимает ее.*)

Айдын. Гюльтекин, дитя мое! Звезда жизни моей, почему ты погасла? Встань, дитя мое!.. Встань, божество мое!

Издали доносится, вторя стонущим звукам скрипки, страстная, но проникнутая грустью песня:

Из-за любви к тебе я выпил чашу яда.
Страдал из-за тебя, но жалости не надо.
Однажды скажешь ты, войдя в мой светлый дом:
Пусть нам свиданья час не станет судным днем.

Айдын (*оглядывает комнату растерянным, бессмысленным взглядом, переводит его на Гюльтекин. Говорит так, что трудно понять, плачет он или смеется*). Итак, я больше не действительность, я ничто... Ха-ха-ха... Богатство... Золото... Ха-ха-ха.

Опускается на колени и прижимается губами к поспевшим холодным губам Гюльтекин.

ЗАНАВЕС

ПЬЕСА В ДВАДЦАТИ ОДНОЙ КАРТИНЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эльхан из Билэгэна.
Абу-Убейд — арабский губернатор Азербайджана.
Алтунбай — владетельный азербайджанский феодал.
Рэби } приближенные Абу-Убеида.
Зубейр }
Торгут — слуга Алтунбая.
Акшин — дядя Эльхана, называемый им братом — арабский военачальник.
Солмаз — невеста огня.
Горхмаз из Баку.
Донмез Картаал-оглы.
Тогрул Гачмаз-оглы.
Алтай.
Соратники Эльхана.
Ильдрым Эльдар-оглы.
Гюльгюль — девушка-крестьянка.
Янардаг — главный жрец храма огнепоклонников.
Оддамды.
Соимез.
Жрецы храма огнепоклонников.
Посол Византии.
Народ, арабские воины и др.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Храм огнепоклонников.

Солмаз стоит неподвижно, созерцая священные огни. Две группы жрецов, олицетворяющие Ормузда и Ахримана. Балет исполняет танец нападающих и обороняющихся.

В глубине мужчины и женщины; весь народ поклоняется пылающим у ног Солмаз неугасимым огням. Вдали Эльхан зачарованным взглядом смотрит на одну Солмаз; в то время как народ склоняется в молитве, только он, взволнованный, остается на ногах. При вторичном коленопреклонении Торгут злобно хватает его за руку и грубо опускает на колени...

Все.

Снега вершин, великий бог,
Лишь ты огнем возмутишь.
Луга долин, великий бог,
Лишь ты лучом оживишь.
Сады равнин, великий бог,
Лишь ты теплом напоишь.
Лишь ты один, великий бог,
Поля зерном озолотишь.
Судьбу улыбкою одной,
Великий бог, освежи!
Нам горемычным путь земной,
Ормузд, Ормузд, укажи!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Перед храмом огня.

Солмаз и Алтунбай выходят из храма. Эльхан откидывает полог паланкина. Алтунбай проходит. Проходя мимо Эльхана, Солмаз на мгновение задерживает на нем свой взгляд. Эльхан задумчиво и вдохновенно смотрит в глаза Солмаз. Его взгляд словно пугает ее, и, отвернувшись, она быстро входит в паланкин. Эльхан,

как прикованный, застывает на месте. Рабы с трех сторон поднимают палинки, конец, за который должен был взяться Эльхан, остается свободным, и палинки крестятся набок. В тот же миг плеть Торгута обрушивается на голову Эльхана. Солмаз, вздрогнув, бросает на Торгута недовольный взгляд. Очнувшись от глубокого раздумья, Эльхан берет за четвертый конец носилок. Торгут с плетью в руке следует за носилками. Процессия медленно скрывается из виду.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Рабы переносят тяжелые клады. Проходит Эльхан с тюком на спине, услышав пение Солмаз, останавливается.

Солмаз (в саду).

Я тот невянувший цветок, с которым все цветы милей,
Я тот немолкнущий порыв, что затаен в сердцах людей,
Я та, что ради жениха душой пожертвует своей.
Сад, не цвети ты без меня, река, прерви свой путь

земной!
Пой, соловей мой, громче пой, пускай проснется милый
мой!

Я та далекая звезда, чей чистый луч—бессмертный луч,
Я тот влюбленный соловей, что на свободе лишь певуч,
Я сокровенный, тайный мир, и лишь любовь—мой

верный ключ.
Ах, солнце, солнце, без меня не разгоний ты мрак
ночной,
Пой, соловей мой, громче пой, пускай проснется милый
мой!

Как зачарованный, стоит Эльхан, слушая Солмаз. Подкравшись к нему, Торгут осыпает его ударами плети.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Зал Алтунбая в роскошном дворце. В раскрытые окна виден сад. Вдали огнедышащие горы.

Алтунбай (*нервно шагая*). Клянусь этими дышащими огнем горами, клянусь этим неугасимым пламенем, что если я в твоих словах найду хотя б крупшу

правды, в жилище сов я обращу мои роскошные палаты, дворцы в руины превращу и в ужасах столпотворения погибнет он... и ты... и я! Говори!

Торгут. О, господи! Во всей я наготе и с трепетом душевным тебе поведал все, что знал. Сказать осталось лишь одно: тот дерзкий, что направил взгляд на красоту Солмаз, твой раб Эльхан из Билэгэна.

Алтунбай. Ха, ха, ха! Жалкий раб, что весь в крови еще вчера за несколько дирхемов* мной куплен был на рынке... Как забавно!

Торгут. Он и теперь день каждый окровавлен. Но пусть его несчастный вид вас не обманет... Он пламенные речи произносит... Его бранят, и гонят, и камнями побивают, все же он не умолкает. Он говорит, он убеждает, объясняет. Солмаз к нему благоволит, работы трудные ему не поручает, переносить не позволяет тяжести больше. Пускай не кажется он жалким вам. В нем кроется огромная опасность...

Алтунбай. Еще опасней расположение Солмаз к такому оборванцу.

Торгут. Господин наш!

Алтунбай. Ступай, я жду его!

Торгут (*сделав несколько шагов, останавливается*). Господин мой, и Солмаз?

Алтунбай. Обоих... Впрочем нет, его. Со связанными руками. Нет, нет, обоих... Постой... Что за шум?

Торгут (*выглядывает наружу*). Господин мой, то крестьяне ваши.

Алтунбай. Впусти, пускай войдут. Ах, мне они безмерно надоели.

Вслед за Торгутом шумно входит толпа крестьян.

Христиане, огнепоклонники, вся преисподняя, соединись, сюда явилась. Что нужно вам? (*Торгуту*). Ты ступай. Я жду их.

Горхмаз. Господин наш! В тебе все наши упованья! Они последнее сдирают одеяло с нас, кусок последний хлеба вырывают изо рта.

Алтунбай. То ли будет! Уведут они и ваших жен, невест и дочерей.

Торгул. Они уже уведят, господин! У этого бедня-

* Дирхем или драхма — старинная денежная единица Греции.

ги в доме не осталось и иглы. Они, схватив, уволокли его сестру.

Все. Наш господин, мы голодны, измождены, жить так мы долее не в силах. Нас грабят, обирают!

Алтунбай. О, хитрые лжцы! И этого вам мало! С вас шкуры следует спустить. Еще недели две тому назад сдать подати обязаны вы были.

Донмез (заикаясь). Господин наш... М-м... мы не успели.

Горхмаз. Мы не могли собрать...

Все. Засуха была... Все град побил.

Алтунбай. Мне дела нет. Ведь не могу же вместо вас на виселище злых арабов я болтаться.

Тогрул. Наш господин! Хоть ваших податей отсрочьте платежи.

Алтунбай. Неблагодарные! Чью пашете вы землю? Кем живете?

Все. Вами, вами, господин наш!

Алтунбай. Сады разводять, чтоб собирать плоды!

А вы от податей хотите уклониться за мои же собственные земли? Хитрые лисицы!

Горхмаз. Господин наш!..

Алтунбай. А ты, Горхмаз, еще вчера заявлял, что семьдесят хозяев тут у нас, что, коль арабы—наши господа, то нечего считаться с Алтунбаем. Подойди поближе, ближе... Я покажу, кто я. Тебя, Горхмаз, еще сегодня разлучу с твоею детворой и на борзую обменяю. Тогда меня узнаешь ты. Подойди, ближе подойди! Смотри, вот кто я! (Размахнувшись, сильно бьет его в лицо.) А ты, Тогрул, поганый христианин, иди поближе!

Все. Господин наш, помилуйте, простите, не гневайтесь.

Алтунбай. Иди-ка! Говорят тебе, поближе!.. Ну!.. (Схватив его за руку, бросает наземь.)

КАРТИНА ПЯТАЯ

Во дворце Алтунбая. Сад Солмаз и Эльхан.

Солмаз. Уйди, уйди, Эльхан! Со смертью беспощадно затеял ты игру.

Эльхан. Смерть... Солмаз, скажи, дитя мое! Какая цель у жизни, каждый миг которой—ад клокочущий, страдания и зло? Роскошные пиры, изысканный наряд, сверканье золота, палат великолепье, пышность, блеск дворцов—ужели в этом цель? И даже так желанная для нас свобода не может стать нам целью жизни. Есть—чтобы жить, роскошные палаты—чтобы не погибнуть в беспощадных лапах рока...

Солмаз. А свобода?..

Эльхан. Свобода нам для жизни, но не для свободной жизни дана. Все это только средства, в чем же цель?

Солмаз. Склониться можешь ты заставить честнейшую из женщин. Как молнии, слова твои пронзают мозг, и взгляды, словно стрелы, проникают в сердце. Но все же никогда твоей не буду я...

Эльхан. Но почему же, почему, Солмаз?

Солмаз. На пальце я ношу священный перстень храма. Я... я—невеста Алтунбая.

Эльхан. Но, Солмаз, ведь ты его не любишь?

Солмаз. Зато меня он любит. И если я в живых останусь, лишь ему принадлежать должна. Невеста я огня и, по обычаям народа, нареченным может быть мной могущественный и знатнейший человек страны. А это—Алтунбай. И у него отнять меня лишь храм священный может.

Эльхан. Вот грозное чудовище, что долгие века терзает человечество! Вот беззаконце, что веками именем закона правит! Но почему он—господин, а я—лишь жалкий раб? Скажи, кому принадлежать должны зеленые луга, холодные и чистые источники в горах, обширные поля и нивы плодородные, что щедро так природа-мать в дар детям создала своим? Чьи они и почему его? В то время, как в своей крови неукротимой мощи чувствую бьенье, какая сила меня в игрушку обратила в руках игрушки жалкой, что тени собственной боится? Тебя, в чьем сердце нежном рой надежд теснится, тебя, чей тонкий слух всечасно трели соловья ласкать должны, чье тело гибкое одето быть должно в наряд из лепестков и каждый день все новыми цветами украшаться, тебя, твое живое сердце что за сила под пятою рабства вечного терзает? Зачем же лишь ему принадлежать должна ты?

Солмаз. Несчастное дитя! Мне жаль тебя! Вопросами своими ты отдашь себя в безжалостные руки Ал-

тунбая и себя погубишь. Жесток и кровожаден он. Он груды золота рассыпал, чтоб руки моей добиться. И не забудь, что взгляды тех, что домогаются меня, в прах обращать должны камни. Пред мощью их меча, копья и злата преклониться все должна земля.

Эльхан. Нет, не перед мечом и не перед моим копьём и златом, но перед свободным чувством, совестью свободно склониться все живущее должно. С лица земли раз и навсегда должна исчезнуть вся мораль кровавая, что старый мир в наследие нам оставил. И под обломками орудий смерти и насилия быть должен погребен кровавый бог войны, что человечество злосчастное в своих неумолимых лапах душил. Иного нет пути. Путь избавления может быть проложен лишь по ненавистному кладбищу.

Солмаз. Увы, с обломками клинков достичь ты не сумеешь ничего.

Эльхан. Но, прежде чем сломать клинок, разрушу основание я этой статуи зловещей. И уничтожу я религию, опору мира произвола, власть золота, насилие, законы все и старые обычан. И дряхлый тиранни мир, и все, что им сотворено, что для него священно, по ветру я развею. На развалинах разрушенного цветущий путь расчищу в мир свободы, правды и добра. И под лучами золотыми солнца счастья, что новый мир тот озарит, склонюсь к твоим ногам и красоте божественной твоей я поклонюсь.

Солмаз. Ты с мыслями такими недолго проживешь. Да знаешь ли, что надобно тебе для этого иметь?..

Эльхан. Одну надежду, цель живую, путеводную звезду!

Солмаз. Еще? Еще?..

Эльхан. Ах, Акшин, Акшин!

Солмаз. Акшин?

Эльхан. О, да, Акшин. Так брата звали моего. Еще ребенком с ним расстался я. Его всем сердцем я любил, и до сих пор любовь к нему я сохранил. И он меня тогда сильней, чем жизнь, любил. Как лев, был он неустрашим и храбр.

Солмаз. Потом?

Эльхан. Отсюда убежав, его я разыщу. И вместе с ним восстану против всей вселенной мы поднимем.

Солмаз. Эльхан, а знаешь ли, наместник халифата здесь Абу-Убейд послал приказ во храм и Алтунбаю; меня в гарем багдадского халифа хочет он отправить...

Эльхан. Слыхал об этом я.

Солмаз. А знаешь ли и то, что Алтунбай отказом не ответил им и отвечать не смел?..

Эльхан. И это знаю. Не откажет! Страхится он за золото свое.

Торгут показывается и прячется в стороне.

Солмаз. А знаешь ли еще, что храм решил меня перед алтарем заковать, чтоб Ахримана грозного ослабить гнев и от насилия арабов тем спасти народ?

Эльхан. Да, знаю. Еще я знаю, что приказ исходит от халифа, храм же предает тебя мечу...

Солмаз. Тебе известно ль, что в огне я рождена и что восстать против вельний храма не могу? Хитер и кровожаден Алтунбай. Весь мир арабы силою оружия покорили. Ты сам бежал от виселицы их. Ты знаешь, что от них теперь судьба моя зависит.

Эльхан. Знаю...

Солмаз. Тогда ступай, подумай. Тебя никто со мной заставить не должен, иначе оба мы погибнем. Но не забудь, в мужчине доблесть и отвагу я ценю. С подобными речами больше не являйся ты ко мне. Теперь все знаешь ты, уйди! И если из беды тебе удастся выручить Солмаз... кто знает... может быть... Да, может быть.

Эльхан. Я ухожу, Солмаз. Но помни: что бы ни случилось, Эльхан из Билэгзана красоты божественной твоей забыть не сможет. Где ты, Акшин? Явись хоть из глубин земли.

Торгут. Стой! Отсюда не уйдешь! И черная земля, что попираешь ты ногами, твоим убежищем последним станет.

Солмаз. О, бое мой! Торгут, молю я о пощаде! Не предавай нас Алтунбаю!

Торгут. Все знает он. Стой!

Несколько человек набрасываются сзади на Эльхана и связывают его по рукам.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Храм огнепоклонников.

С о н м е з. Арабы раньше хоть в крупных городах шадли храмы и молельни, а теперь, утвердившись, насильно стали обращать народ в ислам, и тем, кто отказывается, отрезают языки. Вот почему народ из страха не посещает храма. Бывало, раньше сколько жертвенных баранов закалывали мы. А теперь...

О д д а м д ы. Вчера за целый день притащили в храм всего-то семь общипанных цыплят да двух хромых козлят. Да много ли толку в них? А раньше какие поступали и куры откормленные, и жирные бараны. Наешся, бывало, и резвишься трехгодовалым осленком. Не правда ли, Сонмез?

С о н м е з. Брось, Оддамды. Тут дело не в курах да цыплятах. Вопрос тут посерьезней.

О д д а м д ы. Серьезней-то оно серьезней, но, между нами говоря, в конечном счете все сводится опять-таки к цыплятам. Ну, какое дело мне, что народ не ходит в храм? По мне, пускай хоть и домой к себе никто не ходит...

С о н м е з. Ведь ты всю жизнь усердно брюхо только набивал, а в голову даже соломинку отправить не позаботился. Оттого-то и брюхо твое набито куда основательней, чем голова.

О д д а м д ы. Если поискать, да посмотреть, то у всякого брюхо полнее головы. У тебя же сроду не бывало головы. Так что ты—одна лишь требуха!

С о н м е з. О чем толкуешь, Оддамды? Тут разрешается вопрос о судьбах целого народа. Чтобы избавиться от произвола ненавистных арабов, народ ждет помощи у нас, в храмах священных огня. Вот о чем нам надо бы подумать... Иначе отвернутся все от нас.

О д д а м д ы. Эх, Сонмез! Охота же тебе так углублять вопрос. Хоть тайно, но народ ведь посещает все же храм!.. Только в цыпленке-то мало корысти. Ты лучше скажи, что люди стали скупеньки, и дело все с концом.

С о н м е з. Народ весь обнищал. Народ весь разорен. С одной стороны, его арабы обирают, с другой—свои же господа. Да что там говорить, народ до крайности дошел.

О д д а м д ы. Еще вчера Янардаг говорил, будто при-

чина охвативших страну бедствий в гневе на нас Ахримана. Чтобы умилостивить грозного бога, красивейшая девушка страны, Солмаз...

С о н м е з. Да, бедняжка... прекрасная Солмаз...

О д д а м д ы. Да, Солмаз должна принесена быть в жертву и в храме сожжена.

С о н м е з. Да, Солмаз погибнет. Но ты не знаешь ведь, в чем тут секрет, не так ли?

О д д а м д ы. Душа моя, пусть делают, что им угодно. Но что толку в жертвенном даре девушкой? Вам, видно, мозги отморожило. Так дело надо повести, чтоб в храм побольше курочек, цыплят поступало. Ведь многие к нам ходят в храм, чтоб любоваться красотой Солмаз. А после гибели ее наш опустеет храм.

С о н м е з. Что поделаешь! Арабы, все арабы!.. Солмаз—чудесная невеста храма. В ее лице сверкает красота великого Ормузда. Но что Солмаз? Ее сожгут! А вот арабы! Эти черные, клякстастые арабы!.. Они ведь требуют уничтожения Солмаз, чтоб погасить огни во храмах всей страны, ты понимаешь?

О д д а м д ы. Кто? Я? По-моему, вопрос о курочке хохлатой, рябенкой куда важнее. Эх, батенька, что проку нам от жертвенного дара девушкой, о курочке ты толкуй, о курочке.

С о н м е з. Тут дело, друг, не в жертвенных дарах. В мече, в мече тут дело. Уступая силе, Янардаг ее огню предаст.

О д д а м д ы. Увы, Сонмез, меня ты огорчил. Значит, разорив все храмы, теперь добрались и до нашего. Так, что ли?

С о н м е з. Они хотят Солмаз отправить в гарем багдадского халифа. Народ позора не снесет такого. Восстанет он... и тогда арабы всех предадут мечу. Предвидя это, Янардаг упал к ногам насильников и умолял, чтоб дали в жертву принести огням Солмаз. Вот—изнанка дела.

О д д а м д ы. Беда! Увы, погибли мы.

С о н м е з. Тише! Что за крик!

Народ с шумом входит в храм.

Г о р х м а з. Если бы даже мы остались живы, какой в том толк? Что пользы от униженной толпы, жизнь жалкую влачащей под ярмом?

Народ. Погибнуть лучше раз. Мы больше так не можем жить. Помогите!

Сонмез. Потихо говорите. Что случилось?

Горхмаз. Что может худшего случиться? Мы так не можем жить. Вчера сестру мою уволокли.

Сонмез. Кто?

Все. Арабы... Мы гибнем. Укажите путь к спасению!..

Горхмаз. Ужели не найдется смерти и нет для нас могилы, где навеки скрыться б мы могли?

Народ. Мы разорены, мы обнищали. Укажите выход.

Сонмез. Братья, потерпите! Явится сейчас к вам Янардаг.

Доимез (*заикаясь*). Имущество оставим в стороне, под именем сийта! они на нашу посягают честь.

Ильдрым. От страха пред арабами ни дочери, ни жены наши не смеют и вздохнуть.

Народ. Так дальше жить не можем мы. Мы гибнем, ждем и молим помощи против арабов у огней святых.

Сонмез. Тише, братья! Не произносите имени арабов.

Горхмаз. Доколе нам молчать? Теперь уж незачем молчать. Нет ничего, что нас остановить могло бы.

Народ. Укажите выход! наших жен уводят, жилища разоряют!..

Оддамды. Тут криком не поможешь. Побольше приносите жертв. Цыплятами и курами, барашками и козами, кто чем и сколько может. Носите же, носите да побольше и крупней даров огням священным.

Горхмаз. Нож дошел до кости, наконец. Мы должны остерегаться этих извергов-мусульман, этих хищных зверей.

Оддамды. Конечно, жертвенные дары все исправят, всему помогут. А то...

Сонмез. Тише, Янардаг идет. Только ни слова о мусульманах. (*Оглядывается*.) Повсюду здесь расставлены шпионы.

Входит Янардаг.

Горхмаз. Пусть так. Скажите сразу: если мы на смерть обречены,—пойдем, поищем петли для себя; если биться,—искать оружие будем; а если суждено остаться нам в живых, то разбьемся, чтобы жизнь себе спасти. Обратился мир в обширную, жестокою темницу; стал этот гнет невыносим.

Народ. Да, да, невыносим, невыносим!

Янардаг. О, дети великого, пречистого Ормузда! Грозный Ахриман охвачен неутолнимым гневом на наш народ, и его обычной жертвой умиловить невозможно. Вот почему наш храм решил жемчужину ценнейшей страны, красавицу красавицу, чистую Солмаз, огня невесту, в жертву богу принести.

Доимез. Кого? Солмаз?

Ильдрым. Ужасно! Прекрасную Солмаз, огня невесту?

Янардаг. Иного нет пути. С благословения великого Ормузда целомудрие Солмаз посвящено Ормузду, и по свершении торжественной молитвы будет предана она огню.

Входит Рэби в сопровождении арабских вонюх.

Рэби. Ни с места!

Всобщее волнение.

Народ. Увы, погибли мы!

Сонмез. О, господин, наш храм не разрушайте.

Рэби. Это мы посмотрим! Я требую правдивого ответа: кто среди вас Эльхан из Билэгзна? Он здесь под именем Бабека проживал.

Янардаг. Его здесь нет.

Сонмез. Невольник Алтунбая он. Там можете вы справиться о нем.

Оддамды. Помалкивай! Еще пристанет, что это ты и есть иль с ним знаком ты. Поди тогда и докажи. Господин мой, то—безумец и безбожник нечестивый. Сюда он—не ходок.

Рэби. Молчать, ты вратарь ада! Мы сами лучше знаем, где кого искать.

Горхмаз. И вовсе не безумец он. То—мудрый и честнейший из людей. С него бы верующим братья пример.

¹ У *магометан* — особая форма временного непродолжительного брака, по существу, узаконивающая проституцию.

Рэби. Как честнейший? Кто так осмелился его назвать? Выступи вперед.

Горхмаз выходит.

Связать его.

Янардаг. Господин мой! Против ислама... клянись...

Рэби. Брось! Своими клятвами не собирай сюда весь жар и пламень ада. А кто средь вас Горхмаз из Баку?

Горхмаз. Я!

Рэби. Великолепно, все понятно. Откуда знаешь ты Эльхана?

Молчание.

Не ты ль вчера ударом топора воина ислама умервил? Горхмаз. Они сегодня брата моего схватили и увели сестру. Ужели милосердия не знает ваше сердце?

Рэби. Прекрасно. Кто Эльдар-оглы Ильдрым?

Ильдрым. Я!

Рэби. Выступи вперед! Кто Гартал-оглы Донмез?

Донмез. Я!

Рэби. Выйди! Сосчитайте!..

Донмез. М... мою... мать... э... э... эти... в... в... воньи... ууу...

Рэби. Довольно. Брось мычать!.. Кто среди вас Гачмаз-оглы Тогул?

Ильдрым. Он — христианин, этот храм не посещает.

Сонмез. Сюда не ходят христиане.

Оддамды. Да замолчи же ты! Что лезешь ты в беду?

Рэби. Вчера он не был разве здесь?

Ильдрым. Иногда в часы богослужений сюда заходит он.

Рэби. В часы богослужений! Сюда вы ходите не богослужений ради, а куртизанок лицезреть.

Горхмаз. Издевательствам наступит ли конец?

Рэби. Молчать!.. *(Бьет его плетью по голове.)* Не торопись. Сегодня счета мы сведем. Отвечайте правду: кто Тогул?

Янардаг. Мой господин, клянись...

Рэби. Довольно. Забирайте всех. На месте выясним.

Уходит. С отчаянными воплями вбегает Гюльгюн.

Гюльгюн. Ах! Убили! Зарезали!.. Помогите!..

Голоса из толпы. Кто? Кого?

Гюльгюн *(падая к ногам Янардага)*. Наш сборщик податей увел мою сестру в доплату за долги. Сестра, не выдержав, домой сбежала. Теперь явился он со стражей. Отец мой ранен, а сестра убита. На моих глазах бедняжку изрубили на куски... О, помогите мне! Вы, вы, приверженцы ислама, поклонники огня, христиане, верующие, безбожники, — все, все мне помогите!.. Убили!.. Изрубили!..

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Покон Алтунбай.

Алтунбай, Солмаз и Эльхан.

Алтунбай *(нервно шагая)*. Да, любопытно! В невольнике презренным такая доблесть и отвага! Очень интересно! Скажи, скажи, и ты, прекрасная невеста, ты, на пальце чьем красуется священный перстень храма, в чьих очах воплощена небесная Ормузда красота, и ты его, Эльхана, любишь?

Солмаз. Я ничего не знаю...

Алтунбай. Клянись горячими лучами солнца, если в ваших речах окажется одно лишь слово лжи, погибнете вы оба: и он, и ты.

Солмаз. Я ничего не знаю, лишь слова его меня чаруют.

Алтунбай. Да, его слова чаруют. А я, чтобы еще сильней тебя обворожить, велю, отрезав, выкинуть его язык волшебный. Нет, нет, погибнете вы оба. Ужасны будут пытки, наказания, которым я подвергну вас.

Солмаз. Я и не думаю о нем.

Алтунбай. Солмаз, Солмаз! Как горько сознавать, что променяла ты и мощь мою, и власть, и имя на этого презренного раба.

Солмаз. О, Алтунбай, наш господин...

Алтунбай. Солмаз, бедняжка, ты погибнешь... (К Эльхану.) Ну, ладно, продолжай, философ дорогой, — ведь, недосказанной осталась речь твоя.

Эльхан. Мне больше нечего сказать тебе.

Алтунбай. Мне только объясни, кто ты, откуда?

Эльхан. Я... Я—сила та, что в мире этом счастье создает.

Алтунбай. Ха, ха, ха! (Кричит.) Торгут!

Входит Торгут.

(Указывая на Эльхана.) Торгут, скажи, кто он, бедняга этот?

Торгут. То—раб ваш, господин мой.

Алтунбай. Где и за сколько он был куплен?

Торгут. За пятьдесят дирхемов на невольничьем рынке.

Алтунбай. Ты слышишь? Что сделать с ним могу?

Торгут. Все, что угодно вам, мой господин. Вы можете простить его...

Алтунбай. Но почему же с этого ты начал, низкий раб, бездельник?! (С силой ударяет его в грудь. Торгут падает.) Сердце раба в груди твоей заключено.

Торгут. Мой господин, вы также можете велеть его убить. И в вашей воле задушить, в колодезь бросить или живьем похоронить...

Алтунбай. Ты слышишь?

Эльхан. Пускай позор за беззаконие такое на жалкую среду падет.

Алтунбай. Пойми, весь ты в моей всецело власти и в мгновение любое в прах обратить тебя могу я.

Эльхан. Знаю я. Что же нужно вам?

Алтунбай. Если действительно, в твоей груди живет и бьется сердце мужа,—правду отвечай: Солмаз ты очень любишь?

Эльхан. Да, очень. Жизнь без нее мне в тягость, мир без нее пуст для меня. Могу ль я не любить волшебницу, в чьем взгляде каждому улыбаются манищие миры, в чьих нежных и трепещущих устах скрывается великой жизни тайна, чье каждое явление рождает новое желание, новую мечту? О чем еще спросить ты хочешь?

Алтунбай. Ужасно! Неблагодарный, о, неблагод-

дарный! Человека, в доме чьем живешь, чей хлеб ты ешь...

Эльхан. Тот хлеб, что ем я, мной взращен! Дворец роскошный, в котором ты живешь, мозолями построено рук моих. Его песок и глина потом моего чела, моих очей слезой замешаны.

Алтунбай. Так, значит, моего здесь нету ничего?

Эльхан. Нет.

Алтунбай. Иль и то, что влюбился ты в мою невесту...

Эльхан. Нет у тебя невесты. Не вижу разницы меж девушкой, носящей перстень жениха, и быком, чей бок тавром украшен.

Алтунбай. Так кто же, по-твоему, Солмаз?

Эльхан. Во всяком случае, невеста не твоя она и быть твоею не должна.

Алтунбай. Так, если не моей, уж не твоей ли быть ее удел?

Эльхан. Нет! Не должна она и мне принадлежать.

Алтунбай. Тогда кому же?

Эльхан. Никому. Все ей и всем она принадлежит. Она своим желаниям, сердцу своему должна быть отдана.

Алтунбай. Своим желаниям, великолепно. Откуда же закон такой тобою взят?

Эльхан. Из отрицания законов. Для меня на свете слова нет «закон». Свободные желания,—вот высший мой закон! Лживых догм, искусственных законов, что вам созданы для утверждения насилия, защиты вашего господства—я не признаю. Мой бог—свободные желания, что другим не приписывают зла.

Алтунбай. Прекрасная религия! Моя супруга может и не быть моей!

Эльхан. Супруги навсегда не может быть. Не глупо ль говорить о праве человека над себе подобным, когда я право собственности на камни голые, на вещи, на бессловесную скотину отрицаю. Ни на одну минуту жизнь не может стать, остановиться. В движении вечном жизнь; и каждый шаг ведет вперед, и перемена новое рождает чувство, что новые желания вызывают. Тут говорить о вечных браках, значит, останавливать движенье жизни. Женищина, которая с тобой сегодня будет, завтра, пожелав, воляна уйти с другим.

Алтунбай. Да. Твоя религия весьма занята. И, верно, это-то Солмаз и соблазняет, и во дворец багдадского халифа она подобными речами бредить станет.

Солмаз. О, пощади, творец! Стрелой познано в сердце это имя! Нет, Алтунбай, я предпочту гаремной жизни у халифа смерть в объятиях родных огней.

Алтунбай. Да, Солмаз, но этот появившийся прок тебя спасти не сможет.

Эльхан. А ты спасешь?

Алтунбай. Могу ли я противостоять той силе, что миром управляет всем? Нет, я не могу спасти ее.

Эльхан. А я бы мог!

Алтунбай. Пойми, что ты—ничто пред грозной силою враждующих сторон.

Эльхан. И все ж, я—петина.

Алтунбай. Так ли? Послушай-ка меня. Твои слова весьма заняты. И вовсе—не безумец ты. В жизни каждый может обмануться. Ты же умолял...

Эльхан. Обману я не предаюсь. И все, что говорю, то—мысль глубокая моя. Мысль же вам не слышать от меня.

Алтунбай. Так! Очень хорошо! Солмаз, оставь нас. (*К Торгуту.*) И ты ступай! Я позову. (*К Эльхану.*) Дополню. Наконец, я изменил решение свое. Теперь, пророк мой появившийся, приблизься, выслушай меня. Стрелок искусный ты. И девушка, любимая тобой, красивейшая девушка страны, огня невеста. В будущем сравнясь мы, и победителю достанется она. Теперь же в дар багдадскому халифу поднести ее хотят арабы. Не то наш храм огням священным в жертву принесет ее. И держатся одни на силе грубой штыков, другие же—на нежесте толпы слепой. Мышень одна и результат один—ничто.

Эльхан. А ты не протестуешь, трепеща за золото свое!

Алтунбай. Послушай! Замечательный оратор ты, и проповедь твоя—острейшее оружие против сил, что борются у нас в стране. Эльхан из Билэгэна! Коль любишь ты Солмаз, коль чувствуешь в себе ты силу спасти ее, со мною заодно быть поклянись!.. Зачем молчишь? Клянись же, если правда есть в твоих словах и если смерти не страшешься ты!

Эльхан. Клянусь, хотя б весь мир против меня стоял, всем существом своим и до последнего издыха буду защищать ее. Но без тебя!

Алтунбай. Почему же?

Эльхан. Потому, что различными путями мы идем.

Алтунбай. Меж тем духовную твою я силу, мужество и храбрость помощью своей и златом поддерживать могу. Будь ты и подлинно пророком, все равно без золота не обойдешься.

За своей слышны стоны, постепенно переходящие в вопли и могила и пощаде.

Эльхан. Я не хочу быть повторением пророков лицемерных и тупых, что всю мораль своих учений строили на милосердии богатых палачей и на смиреннии голодных бедняков. Судьбу всех слабых, немощных в собственные руки их вручу и не отдам я их на милость сильных и богатых. Ни вздохни жалкие, ни милосердие, ни щедрость богачей не установят счастья вечного, свободы, братства и любви. И пока не создан мир любви, свободы, единения, к которому стремлюсь, оправдываю я голодом рожденные разбой и воровство, провозглашу неограниченную свободу и безвластие, и миру старому смертельную войну я объявляю. Вот путь, который я избрал, и, если хочешь, можешь следовать за мной.

Алтунбай. Эльхан из Билэгэна! Не будь ребенком. Без золота существовать не может мир. Не отвергай пути, что мы могли б плечом к плечу пройти! Своим богатством помощь тайную тебе могу я оказать.

Эльхан. Решив последовать за мной, тотчас же бросить должен ты несметные сокровища свои, от власти отказаться и начать борьбу.

Алтунбай. Эльхан, не забывай, что убежал от виселицы ты арабов. Лишь одному известно мне, что ты—Эльхан. Ну, а теперь пооди сюда (*Берет его за руку и тащит к окну.*) Взгляни, что видишь там?

Эльхан. Один из ужасов, которые приходится мне видеть очень часто: то Дашдамира жалкого, что каждый день плечом к плечу со мною паланкин Солмаз несет, распластав на земле и розги предварительно смочив, по обнаженной быот спине. Брызжет кровь из ран...

Алтунбай. Он, зная о твоей любви к Солмаз, молчал.

Эльхан. Ложь! Он невинен. Ничего не знает он. Во всем виновен я один.

Алтунбай *(завет)*. Торгут! *(К Эльхану.)* Не забывай, что в миг один погибнуть можешь ты.

Входит Торгут.

Эльхан. Ни в чем несчастный этот не повинен.

Алтунбай *(к Торгуту)*. Кровь на твоих руках? Что значит это?

Торгут. Вы приказали вашему рабу сто палочных ударов дать.

Алтунбай. И что же? Дали сто ударов?

Торгут. Нет, на восьмидесятом умер он.

Эльхан. Ужасно! Небо и земля в крови.

Алтунбай *(к Эльхану)*. Вот предложение последнее мое: не будь ребенком, образумься, согласишься идти со мной по одному пути.

Эльхан. Нет, невозможно, ты пойми! Пока проклятый рабства держится закон, пока царит власть золота и правит миром меч, пойми, не будет смыта эта кровь с руки. Сейчас невинные навек заставили умолкнуть сердце. И это тот, что бросил свой топор в меня и ранил в грудь, когда я их к восстанию против золота, религии и рабства призывал. И рана вот не зажила еще... Нет, не бывать по-моему. Я—враг кровавой власти злата и меча. Пути борьбы моей проходят по политым кровью развалинам дворцов. Ты понимаешь? И на обломках деспотизма построить счастье человечества хочу, безоблачное, вечное и всеобщее счастье! Понимаешь? В борьбе, которую замыслил я, мой первый враг—поработители арабы, второй мой враг—религия, обманом, лицемерием подавляющая волю слабых, третий враг—весь нынешний общественный уклад, что рабство создает, и это—ты и палачи, подобные тебе. Иного нет пути. И мой тебе враждебен путь.

Алтунбай. Тогда и я тебе враждебен. *(С силой бьет по лицу.)* Торгут!..

Входят несколько человек.

Что, по душе ль?

Эльхан. Иного я не ожидал. Я знаю, что великие идеи возникают из противоречий общества, среды, и каж-

дый вождь становится вождем, пройдя тяжелый путь гошений и страданий.

Алтунбай. Ах так!.. Торгут!..

Эльхана отводят в сторону, осыпая ударами.

До смерти! Так!.. Так!.. Ты о пощаде взмолишься еще!.. Так!.. Сильней!..

Эльхан. Скорей язык я откушу, чем обращусь к врагу с мольбою о пощаде. Но есть одно желание у меня: коль жив мой брат Акшин, меня разыщет непременно он. Ему последнее прости!..

Алтунбай. Торгут! *(Избиение продолжается.)* Сильней!.. Так!.. Еще!.. Еще!..

Торгут. О, господин мой, кровь зальет ковры.

Алтунбай. Пускай, сильнее, так!..

Солмаз *(в сильном волнении врывается на сцену)*. Пощады, Алтунбай! Никто мной не любим! О, не губи его, прости!

Алтунбай. Гм! Сдержаться не могу! Сильней! Так! Так!

Солмаз *(в ужасе припадая к ногам Алтунбая)*. Прости, помилуй, пощады, не убивай его!

Алтунбай. Прочь, тварь презренная, что потеряла стыд и честь! Замолчишь ли ты? *(Схватив ее за горло, начинает душить. В сопровождении воинов входит Рэби.)* Рэби. Остановитесь! Что все это значит?

Все стоят молча.

В чем их вина?

Алтунбай *(льстиво)*. Прелюбодей он, господин!

Рэби. Он? Хорошо. *(Воинам.)* Взять его! Закон особый для таких у нас. Камнями всенародно должен быть побит. Теперь, скажите, кто Эльхан из Билэгэна? Под именем Бабека здесь он жил.

Молчанье.

Солмаз *(Алтунбаю тихо)*. Ты не предашь его, не правда ль?

Рэби. Зачем молчите вы? Я спрашиваю: кто Эльхан?

Эльхан. Я!

Рэби. О, очень хорошо. Все ясно. Так это ты мятеж против ислама и против единого аллаха поднимаешь?

Это ты народ к восстанию против владычества арабов, на путь безбожия и греха зовешь?

Эльхан. Да, я...

Рэбн. Ты был однажды уж под стражей?

Эльхан. Нет, дважды. В последний раз от виселицы я бежал.

Рэбн. Великолепно. Наконец, на этот раз ты смерти уж не избежишь. Готова виселица, и вот приказ в моей руке. И ты таких бездельников скрываешь, Алтунбай?

Алтунбай. Не знал, мой господин. Купил его на рынке я.

Рэбн. Так с нами ты последуешь. А этой девушке что надо?

Алтунбай. Так, господин! Помиловать его она просила. Я сам все доложу Абу-Убейду. Сонзвольте, быть может, вместе пообедать, а там пойдем к правителю.

Рэбн. Брось речи эти! Ну, живей!

Алтунбай (*проходя мимо Эльхана, тихо*). Безумный нечестивец! Погибли мы!

Эльхан (*глядя на Солмаз долгим прощальным взглядом*). Пусть что угодно, только бы она спаслась!

Уходит.

Солмаз (*смотрит им вслед*). О, горькая судьбина!.. О, горькая судьбина!.. (*С плачем падает на колени.*)

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

У губернатора халифата.

Абу-Убейд и Зубейр.

Абу-Убейд. Пиши: по верованию поклонников огня, бог света и добра Ормузд пребывает во всем, что светло, чисто и прекрасно. Вот почему та девушка обязана в часы богослуженья и молитв, дом жениха покинув, в храме красоту чудесную свою являть народу. Хотя тому служители огня религиозную дают окраску, но целью здесь является желание дать народу лицезреть совершеннейшую красоту и тем во храм его привлечь. Чтоб красоте невесты огня увидеть, стеается народ со всех концов

страны. Сюда идут и юноши, и зрелые мужи, и даже женщины и старики. Чтоб храма главного основы согрести, необходимо во что бы ни стало девушку из храма удалить, уничтожить. Однако подкрепление, что ждем, еще не подоспело, и, чтоб не вызвать повсеместного восстания, мы выжидательные меры принимаем. Пиши, что небольшие храмы на местах мы постепенно разрушаем. Где увещеваниями, где действительно стремимся мы к распространению ислама, утверждению духа арабизма и халифской власти. Все попытки к мятежу мы беспощадно душим. Мятежники, особенно их главари, преследуются и тотчас казни предаются. Дать собираем. Письмо, что византийский император с целью поднять здесь восстание огнепоклонников и христиан сюда прислал, а также дань и караваны нефти—посылаем. Нижайшие поклоны шлем главе ислама. Прилав к стопам святейшего халифа, смиренно руки мы его целуем.

Акшин (*входя*). Салам алейкум!

Абу-Убейд. Ва-алейкум! Прошу, Акшин. (*Зубейру.*) Допишешь остальное сам. (*Акшину.*) Поход ваш затянулся. Но удалось ли разузнать о вашем брате что-нибудь?

Акшин. Нет. Вот уж три дня, как на коне избородил я горы и ущелья. Село, в котором жили мы детьми, разрушено. О брате же моем никто вестей мне не дал.

Абу-Убейд. Когда отправиться хотите в Туркестан?

Акшин. Письмо отправил я. И вечером сегодня еду. Но еду в сильной я тревоге за участь брата.

Абу-Убейд. Его нам назовите, и разыщем мы его. Найдется если он, в письме вас известим.

Акшин. Ах, это было бы чудесно. Мне удалось найти лишь дядю-старика. Но тот со мною говорить не стал.

Абу-Убейд. Почему?

Акшин. Узнав, что мусульманном я стал, воскликнул в гнев дядя: «Поклонился богу ты арабов, что отчизну нашу топчут под пятнами, наши храмы разрушая, угнетают наш народ. Уйди, изменник, прочь! Ты изменил великому Ормузду и народу своему. Уйди, с предателем говорить я не желаю!» И с этими словами горько он заплакал. О брате я спросил его, но сколько ни молил, он ничего открыть не захотел. Я вышел из себя. Хотел убить, и только седине его и возрасту преклонному простил.)

Рэби (входя). Эльхана, наконец, я разыскал. Мне удалось схватить немало бунтарей. И Алтунбай здесь ваших приказаний ждет.

Акшин. Рэби, кого назвал ты, кто Эльхан?

Рэби. Из Билэгэна, раб, безбожник.

Акшин. Эльхан из Билэгэна?

Абу-Убейд. Акшин, ведь, он—сама беда. Исчадие ада он!

Акшин. Увы, что ты сказал? Эльхан из Билэгэна! Ужели это брат мой? Возраст?

Рэби. Лет двадцать или чуть побольше.

Акшин. Сомнения нет, то—он: единственная память брата моего, дитя его родное.

Абу-Убейд. Если так, то очень жаль. Он—враг ислама, всех религий непримиримый враг. Огнепоклонник даже быть таким не может. Безбожник просто он.

Акшин. Увы, что говорите?

Абу-Убейд. Единственной причиной убийств и зла считает он правительство, закон, религию и веру. Ненужным, вредным это все он почитает. Создал религию свою, иль секту, что ли, которая права владения собственности, даже права над женой, не признает и самый брак насилием зовет. Это еще не все. Он лют и нетерпим, для нас готовит смерть, отряды создает, стремясь народ весь против нас поднять.

Акшин. Что говорите вы? Ужасно!

Абу-Убейд. И есть приказ казнить его.

Акшин. Казнить? Но он—единственный наследник брата моего. Разубедить, на путь я истины вернуть его берусь.

Абу-Убейд. Большого он ума, и, если перейдет в ислам, собою целый полк заменит. Он сможет важный пост занять. Однако едва ли путь изменит свой он. Его я наблюдаю. Решителен и непреклонен он.

Акшин. Нет, нет, ко мне он так привязан! Мы братьями друг друга называли и, как родные братья, друг друга мы любили. Его на праведный я путь ставлю.

Абу-Убейд. Введите Алтунбая.

Рэби вводит его.

Его рабом он был. (К Алтунбаю.) Известно ль было вам, что человек, которого держали вы под именем чу-

жим, звал к мятежу, к восстаниям народ, что составлял отряды он повсюду?

Алтунбай. Нет, ничего мне не было известно, господин! Я сам его казнить хотел. Презренный तो безбожник, гнусный развратитель. Могу я доказать...

Рэби. Войдя к ним, я его распростертым на земле застал. Там розгами его жестоко избивали.

Акшин. Увы, несчастный брат! Рэби, ждать более не в силах я. Веди меня к нему. Его спасти я должен от греха!

Абу-Убейд. Идите, только не забудьте, что, если не откажется от пагубных идей, его в живых мы не оставим.

Акшин. Нет, нет, на верный путь его верну я.

Уходят.

Абу-Убейд. Ну, Алтунбай, ваш раб повешен будет, вы же...

Алтунбай. Мой господин, принять ислам решил я. Абу-Убейд. Когда же? Не после ли того, как будете повешены?

Алтунбай. Нет, господин! Со дня вчерашнего... иль завтра...

Абу-Убейд. Приветствую решение ваше. Но еще сегодня утром подати представить были вы должны.

Алтунбай. Мой господин, я обложил деревни. Но урожай еще не собран. И даже личные мои я подати не получил с крестьян.

Абу-Убейд. Я ничего и слышать не хочу. Доставить завтра же все подати, вы слышали? Еще один приказ: в течение месяца полностью представить вы должны одежду и вооружение на две тысячи бойцов да пятьдесят верблюдов для отправки нефти в центр, в Багдал.

Алтунбай. Мой господин, крестьяне не дают, бунтуют.

Абу-Убейд. Ты хочешь, чтоб мечу я их предал? И чтоб ты сам повешен был?

Алтунбай. Ведь я ислам приму!

Абу-Убейд. Мне безразлично. Все, что приказано, доставить в срок!

Алтунбай. Еще, мой господин, для вас есть у меня бесценный хвост. Вот он, извольте...

Абу-Убейд. Ну! А что Солмаз? Надеюсь, наконец.

мусульманином ставши, от святейшего халифа вы скрывать не станете ее! Ступайте. Три дня даю вам срок и не более того.

Алтунай. Мой господин! Солмаз передается в храм: на этих днях принесена огням священным в жертву будет.

Абу-Убейд. Так. Можете идти. Позвать я вас велю потом.

Входит Рэби.

Все в точности исполнено должно быть.

Алтунай. Слушаюсь. *(Уходит.)*

Абу-Убейд. Рэби, я слышал, что сегодня в храм Солмаз передается.

Рэби. И мне известно это, господин!

Абу-Убейд. Зачем же мне о том не сообщили? Ту девушку нельзя ни на мгновение из виду упускать. Она должна погибнуть. И, по возможности, скорее. Впусти теперь просителя, чтоб черт его побрал. *(Смотрит на бумагу. Затем обращается к вошедшему и ставшему у двери Олдамды.)* Что надобно тебе?

Олдамды. Наш господин! Один из ваших воинов был так любезен, что, схвативши дочь мою... Как бы сказать... Ну, в общем, он с большою милостью и торжеством, держа за косы, поволок ее с собой и того-с. Ребенку только десять минуло... Она возилась у ворот с цыплятами и курами.

Абу-Убейд. Ты что же, вратарь ада, не нашел, куда бы обратиться с мелочью такой! Рэби!

Рэби. Господин, он говорил, особо важное к вам дело у него.

Олдамды. Светлейший господин, ведь мелкие служаки слушать не хотят. Ходил я, но они бока намяли мне. Девочка, впрямь, совсем еще дитя.

Абу-Убейд. Ей десять лет? Какое же она дитя?

Рэби. Приказом право воинам дано брать жен на краткий срок — сийга. Кроме того, они — язычники, и по фарману¹ казни²...

Абу-Убейд. По шарияту у язычников все брать вы вправе перед богом. Возьми его. За то, что он солгал,

чтобы ко мне пробраться, пятьдесят ударов дать ему и на шесть месяцев в темницу заточить.

Олдамды. О, пощадите, господин! Хотите, пусть и курочек, и всех цыплят возьмут...

Абу-Убейд. Прочь, прочь отсюда!..

Олдамды. Простите, господин мой, не губите! *(Падает к его ногам.)* Еще пять, шесть баранов жирных я имею! Возьмите все! Меня же пощадите!.. Я стар и хил... Есть дети у меня.

Абу-Убейд. Прочь! Уберите!..

Рэби *(выталкивает Олдамды в шею)*. Раз, гонят, так ступай. *(Страже за дверью.)* Его держите здесь.

Абу-Убейд. Рэби, Акинн ушел?

Рэби. Он птицей полетел в тюрьму. Как сильно брат любит он!..

Абу-Убейд *(тайно)*. Рэби, я знаю, этот человек от убеждения своего не отречется. И плохо то, что он не одинок. *(Глядя на бумагу.)* Горхмаз, Тогрул, Донмез, Ильдым... Повешены должны быть все они. Эльхан ж тайно обезглавить. И слух пустить, что он сбежал. Акинн так думать должен. Поторопиться с этим надо и нынче ж ночью все покончить. Ступай и помни о Солмазе.

Рэби. Исполнено все будет, ваша светлость!

Олдамды *(протискивая голову в дверь)*. О, повелитель, еще пять коз отборных у меня...

Абу-Убейд. Прочь, исчадие ада!

Бросается к двери.

КАРИНА ДЕВЯТАЯ

Темница. Заключенные лежат на полу. Слышны стенания и вопли.

Горхмаз. Однако ты безмерно терпелив. Я видел раз: громадная толпа, проклятыми и бранью осыпая, в злобе тебя каменьями убить хотела. А ты на следующий день кусок последний хлеба отдал старику, что накануне осыпал тебя камнями. Я, право, сердцу изумляюсь твоему.

Донмез *(заикаясь)*. Раз сам народ своей не понимает пользы, что тебе? Ты изрешечен весь, на тебе живо-го места нет.

¹ Узак.

² Духовное лицо у магометан, несущее обязанности судьи.

Эльхан. У народа на глазах повязка. И часто он своих друзей не узнает. Признательности не жду я от него. Вот почему те камни, что в меня они бросали, мне не были обидны. И рана каждая на теле, как цветок победы, дорога мне. Ах, если бы народ меня понял и если бы бесстрашно искренне мне помощь оказал... Ах, Акшин, Акшин! Я ждал, ты не явился, искал и не нашел тебя.

Ильдрым. Итак, все кончено. И завтра не увидим мы ни шаловливого луча зари, ни свежести весны мы не познаем. Однако муки почти этой и ожидание страшнее смерти.

Эльхан. Смерть не страшит меня. Мои мечты оплавиваю я. Подобно розам, что мороз побил, они погибнут, не успев расцвести.

Акшин (за сценой). Несчастные... ушель на дно коловца брошены они?

Эльхан. Постой, чей голос это? Мне так знаком, так дорог он!

Акшин. Дай свет, ни зги не видно.

Эльхан. Акшин? Возможно ли? Тот голос, как смывок воспоминаний, струны сердца тронул, их звучать заставил. Оттаяла заледеневшая душа. Еще детьми, мы сидя на коленях у отца, сказаниями его внимали. Ах, детство!.. Если он узнает, что в темнице я... Увы, ушел он далеко, я ждал, искал, я знал его, он не явился. Туркестан родимый поглотил его. Кто знает, может быть, он умер!?

Акшин (взволнованно вбегает в темницу). Эльхан, Эльхан, где ты?

Эльхан. Акшин, возможно ль?

Акшин. Эльхан, Эльхан, встань, голубь мой. Своё лицо мне покажи, ты ль это?

Эльхан. Кто ты, Акшин ли?

Акшин. Это ты, Эльхан?

Эльхан. Да, я.

Акшин (взволнованно обнимает его). Тебя я наконец нашел.

Эльхан. Акшин, Акшин! Да, это ты! Я чувствую биеще сердца твоего, Акшин! (Словно дитя, льнет к нему.) Какое счастье, что тебя пред смертью увидеть я могу. Где был ты долгие года?

Акшин. С того дня, как расстались мы, весь мир:

Египет, Андалузию, Сирию я обошел. Всегда, везде, повсюду помнил я тебя, искал тебя, Эльхан!

Эльхан. И я тебя искал, Акшин. День каждый, каждый час, повсюду... И что же? Нас свела судьба в темнице этой мрачной. Ужели и тебя в темницу заключили?

Акшин. Нет, мой Эльхан! Нет, я спасти тебя пришел. Бедняга, как исхудал ты, одни лишь кости! Ты весь дрожишь. Садись, родной! Три дня, как на коне верхом тебя ищу я. Деревья наша в разорена дотла. Скажи, что с домом нашим стало? Мой брат, отец твой что?

Эльхан. Его убили. Соседний феодал напал на нас. Деревню разгромили. Отца убили. А я захвачен в плен и в рабство продан был.

Акшин. И с той поры ты—раб?

Эльхан. Не спрашивай, Акшин. Событий много. Как животное, с тех пор переходил из рук в руки. После тебя чего не перенес я только! Много раз бежал, меня ловили, избивали, снова продавали. На виселю даже потащили раз меня. И вновь я убежал. С того дня, как расстались мы, каких страданий перенести мне не пришлось!?

Акшин. Что значит эта кровь? Ты ранен? Грудь твоя в повязке? (С ужасом ощупывает его тело.) Бедняга! На тебе живого места нет.

Эльхан. Не спрашивай, Акшин. Несчастный, темный наш народ не хочет верить, что он—сам судьбы своей творец. За эти годы не оставил места я, где б ни искал тебя; не пропустил я человека, чтоб о тебе не расспросить. Теперь опять я чувствую себя ребенком. Как горячи, близки и сильны твои руки! Именно таким тебя я представлял. Детями, бывало, помнишь, мы сидели каждый на одном колене у отца? Однажды сжал мою ты руку. И, записав, заплакал я. Всегда в тебе я эту силу чувствовал... Ты и теперь такой же, как тогда, здоровый, сильный. Каждый раз, когда из рабства я бежал, в горах безлюдных так хотелось мне найти тебя... Чтоб вместе, чтоб плечом к плечу с тобой идти...

Акшин. Эльхан, ты плачешь?

Эльхан. Подобно сердцу нежного младенца, мое смягчилось сердце. Ах, наконец, тебя нашел, и думает слезы радости меня. Неж тем ни пытки, ни побой, ни оскорбленья у меня слезы исторгнуть не могли.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Вечер. Темница.

А к ш и н. Как счастлив я, что разыскал тебя! Освобожу тебя из мрачной я тюрьмы и не покину больше никогда.

Э л ь х а н. Спаси меня, Акшин, спаси. Фарман о казни уж подписан. Мы все обречены на смерть. Спаси же нас. Умирать мы не хотим... Мы больше не расстанемся с тобой.

А к ш и н. Да, не расстанемся! За брата ж я злодею отомщу.

Э л ь х а н. Нет, нет, Акшин! Не говори о мести! Месть—удел ничтожных душ. Детство миновало... Выбравшись отсюда, мы стремиться будем к светлым идеалам; двое братьев, дав друг другу руки, за счастье вечное бороться станем мы. Мир на два лагеря разбит. В одном вооруженные и сильные тираны, а в другом—несчастный, нищий, угнетенный люд. Мы будем во втором. Весь трудовой народ, все бедняки пойдут за нами. И мир грядущий будет наш. Не правда ли, Акшин?

А к ш и н. Тебя я не оставлю больше. С тобою не расстанусь никогда!

Э л ь х а н. Да, никогда!

Издали донеслись глухие звуки азана¹.

А к ш и н (*торжественно*). Велик аллах и Мухаммед его пророк!

Э л ь х а н (*вскочил, как ужаленный*). Как, Акшин! Нет, нет! Акшин!.. Ужели ты ислам принял? Ужели в рядах ты воинства ислама? Быть не может!

А к ш и н. Да, это так, мой брат. Единого аллаха я признал и по пути священному пророка я иду. Религию великого ислама принял я!

Э л ь х а н. Ты... и меня к исламу призывать пришел?

А к ш и н. Да, мой брат. И ты не станешь уклоняться от пути единого аллаха. Убедись вскоре сам, что...

Э л ь х а н. Ах, знаю, знаю. Все погибло! Ах, лучше Иден, чайня, стремления и надежды—все погибло! Ах, лучше бы, тебя не встретил с надеждой умер я! Теперь же...

О д д а м д ы. Смерть близка, лучше соглашайся.

А к ш и н. Эльхан!

Э л ь х а н. Прочь от меня! Мечты!.. Стремленья!.. Надежды!.. Ах! Злосчастная судьба моя! Несчастный я! (*Падает без чувств.*)

Э л ь х а н. Акшин, пусть каждый будет собственной судьбы творцом. Ужели не довольно столько войн, потоков крови, что именем религии вы пролили. Зачем людей, на секты разделив, на растерзание друг другу отдадите. Ужели кровью не упились вы? Когда-нибудь, заколотов в своих бурливых волнах, эта кровь потонит старый мир, что вами на насилье создан.

А к ш и н. Эльхан, довольно! Сегодня ночью в Туркестан я отправляюсь. Отец твой сыном называл меня, тебя звал братом я. Как горячо друг друга мы любили! Проклятие судьбе, что вероломно так друг с другом различает нас навек. Как жаль, что ты своим идеям грешным остался верен. Отцу последний долг сыновий отдавая и тебе последний брата долг, поцеловать тебя хочу, затем же навсегда проститься и уйти.

Э л ь х а н. И я, Акшин, тебя любил безмерно. До нынешнего дня тебя с сердечным трепетом я ждал. Теперь же... брата, что в рядах воинствующей армии насильников терзает мир и топчет жизнь, знаять я не хочу. И я тебе уж говорил: два лагеря есть в мире этом. Рабы и господа. С тобой мы братьями душой и телом были, но оказались в разных лагерях: ты—там, я—здесь.

А к ш и н. Ах, Эльхан! Что делать? Тщетно долгие тебя искал я годы.

Э л ь х а н. Поверь, Акшин, и я тебя искал. Но изменил ты угнетенным братьям, край родной ты предал палачам. Тебя не поцелую я! Нет брата у меня. Взгляни сюда! Вот те, кого избрал я в братья! Они под сводами темницы изнывают за свободу! Эти храбрые, достойные герои за свои идеи светлые на смерть, на виселицы с гордо поднятой главой идут. Мои родные братья те, что от кровавого меча ревнителей ислама убежали. Это все труженики, все рабы, все слабые, что, разбежавшись по горам, своим богам моления воздают, рабочий люд, тиранам лишенный родины, свободы, человеческих достоинств и прав своих!

А к ш и н. Эльхан, ты собственной рукой себе могилу роешь! Меж тем, приняв ислам, получишь ты богатства, почести и славу.

¹ Призыв, созывающий могометан на молитву.

Эльхан. Свои свободные идеи я не сменяю на блага все земные. Прикрыв свой лик религии забралом, я не могу смириться и насиле чужого ига оправдать.

Акшин. Эльхан, пойми же, не захват и завоевание армии—ислама цель. К спасению, к счастью человечество заблудшее оно вести стремится.

Эльхан. Ложь! Наглая, бесстыдная, бессовестная ложь! Спасение, счастье! Вот слова, которыми все палачи терзали жалкий мир! Спасение, счастье!.. *(Указывая на свои окопы.)* Вот их спасение и счастье! Ступай и детям сказки эти расскажи! Путь истинный! Они явились, чтобы кровь отцизны нашей высосать до капли, чтобы кусок последний хлеба у голодных, слабых, нищих и бездомных вырвать и в Багдад, в притоны своего халифа, отослать.

Акшин. Мне жаль тебя, Эльхан! Клянусь могуществом единого аллаха, клянусь любовью братской, что огнем в моей груди горит,—завтра ты умрешь! Спасения нет. Молю тебя, прими ислам, пока не поздно.

Эльхан. Акшин, Акшин! Не раз меня, как бессловесную скотину, продавали. Мои же идеи не могут быть предметом торга тех, кто совестью и честью торговать привык.

Акшин. Они несут великой веры свет!.. *(Издали доносится голос муэдзина! Акшин распахивает окно. Открывается вид на виселицы, на полуогребенных или побитых камнями людей. С отдаленных крыш доносится голоса «аллаху акбер»—«велик аллах». К ним примешиваются молитвенные песнопения оленепоклонников и глухой перезвон церковных колоколов. В сочетании с этими звуками вид распростертых на земле заключенных представляет собой жуткую картину. Акшин подводит Эльхана за руку к окну.)* Взгляни, Эльхан, послушай, внитки, сколько в этих звуках величавой простоты, какая грусть, какая мощь, какая сила, сколько глубины!

Эльхан. Да, глубины, но эта глубина не глубже пропости, что перед человечеством религия развращает.

Акшин. Внемли, Эльхан, аллах велик, аллах един, и нет иного бога, кроме него. Вот истина, вот мудрость! В этом гласе бьется и звучит смысл истинный всей жизни нашей. Прислушайся. Эльхан, ты слышишь?

¹ Служитель религиозного культа у мусульман, сзывающий с минарета верующих на молитву.

Эльхан. Да, слышу. Но и ты гляди и слушай. Наряду со звуками азана, слышишь ли молитвенное пение, что красоту великого Ормузда восхваляет? Видишь ли огни, что в храмах нашей родины пылают? А чуть подальше, слышишь ли печальный перезвон колоколов церковных, что о трех существах единого говорят? А тут, немного в стороне, ты видишь ли повешенных на окровавленных веревках? Видишь погребенных живяво несчастных? Ужели этот вид твоё не тронет сердце? Поди и проповедникам ислама, что меня повесить так спешат, ты объяви: я говорю,—нет бога, нет аллаха! Религии все—оплот лишь для штыков насильников-тиранов! Все песнопения, азаны, колокольный звон, молебствия—лишь для того, чтоб стоны угнетенных заглушить. Кроме меня и вне меня нет бога! И счастья, и жизни на земле творец я сам. Во мне весь смысл и сущность всякой силы, что небесной ты считаешь. Бог—это я, аллах во мне самом! Не верю Мухаммеда я, что женщину в предмет бездушный обратили, что рабство узаконили, торговлю человеком оправдали. Не верю я в Христа, что жизнь, судьбу и счастье миллионов слабых милосердно немногих сильных поручил, и в Моисея я не верю так же, как не верю тысячам других пророков и святых посредников аллаха, что торгуют, опираясь на оружие. Не верю я в их ложных, выдуманных, ими созданных богов. Не верю я, не верю!

Горхмаз *(поднимая голову)*. И я не верю.

Тогрул. Не верю также я.

Ильдрым. И я!

Донмез. А я-таки совсем не верю.

Оддамды. Я тоже! *(Захлебывается.)*

Все. И я, и я не верю.

Эльхан. Мой путь ведет в свободный мир, где слова жалкого «мое» не знают. Вот мой закон! Свободная любовь, свободные желания, чувства, помыслы и действия свободные—вот мой закон! Без страха и упрека сообщь—вот мой бог! Ступай и объяви, что виселицы жду я!

Горхмаз. И я с тобой!

Тогрул. И я!

Донмез. И я с тобой!

Акшин *(задумчиво холодно)*. Пусть так. Мне больше нечего сказать. Друг другу мы—враги.

Абу-Убейд (входя в сопровождении Рэби). Я предупреждал тебя, Акшин, что все попытки бесполезны.

Акшин. Он непоколебим. Суrowый он, неумолимый враг, и верен шарията¹ приговор.

Абу-Убейд. Сковать им руки. На заре повешены мятежники все будут.

Эльхан (многозначительно и насмешливо). Вот счастье, вот спасение, что человечеству несут поборники злаха—торгаши.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Покой Солмаз.

Алтунбай. Ах, Солмаз! Как эта ночь последняя страшна! Тебя со мною разлучат. Уж больше я—не самый сильный и могучий человек в стране. Ах, арабы!.. Храм!.. (Умолкает, как бы в ожидании ответа. Потом продолжает, припад к ее коленям.) Но ты, но ты, Солмаз, зачем ты отвернулась от меня? Сколько трудов я положил, чтобы тебя добиться, сколько золота рассыпал!

Солмаз. Почему меня ты губишь?

Алтунбай. Любого наградить улыбкой тебе не запретила бы я. Но я скорее согласился б тебя в объятиях ядовитых гадов видеть, чем на груди его. Моя Солмаз, никто тебя, как я, любить не будет. Но ты...

Солмаз. Я и тебя, и каждого, и всех любить должна. Ценнейшее богатство женщины—краса ее, и я б хотела, чтоб весь мир моей красою наслаждался. Он то же говорит.

Алтунбай. Солмаз, его ты любишь? Зачем молчишь? Откройся мне!..

Солмаз. Не знаю. Хоть убей меня, но стоит мне его увидеть, как сердце сильно биться начинает, нервы, точно струны кеманчи², дрожат. Его я взгляда выдержат не в силах. Кто знает, может быть...

¹ Свод мусульманских религиозных, бытовых, уголовных и гражданских законов, основанных на коране, в отличие от адата, основанного на обычном праве.

² Азербайджанский струнный музыкальный инструмент.

Алтунбай. Зачем же ты ему об этом не сказала? Солмаз. Он слишком молод. Он—еще дитя. Он—раб. Бессиден он пред вами. Но трепещет на его губах улыбка новой жизни. В его очах прекрасный мир, счастливую вселенную я вижу. Впереди вся жизнь его. Смушать покой его души я не хотела. Не хотела в ваши лапы отдать его. Своей любви ему я не открыю никогда.

Алтунбай. Увы, теперь уж не откроешь: завтра он умрет.

Солмаз. Умрет?

Алтунбай. Солмаз!

Солмаз. Что надо от меня?

Алтунбай. Ты плачешь? Из-за него ты плачешь? Как ужасно, ты участи, что ждет тебя, не знаешь. Смерть, как хищник, обнажив кровавые клыки, вонзит их в это тело хочет.

Солмаз. Зачем мне сердце ты терзаешь? Пути спасения ведь нет?..

Алтунбай. Есть два пути: или в Багдад затворницей гарема, или в объятия священные огней.

Солмаз. Молчи, жестокий Алтунбай. Ты милосердия не знаешь. Я гибну, путь мне укажи.

Алтунбай. Ислам я принял. Я до последнего дыхания спасти тебя стараться буду. В храм не ходи. Смерть верная там ждет тебя. Я сам в Багдад отправлюсь и паду к ногам халифа. Может быть...

Торгут (входя). Мой господин, жрецы и граждане из храма к нам толпой пришли и ожидают у ворот.

Алтунбай. Во дворец их не впускай. Солмаз, останься, не ходи, иначе ты погибнешь. Я знаю, разлучить они меня с тобой навек пришли. Они хотят предать тебя огню и в жертву богу принести.

Солмаз. Ах, Алтунбай! Вертел ты всей страной, как игрушкой, и как же слаб сейчас ты перед силой! Не суетись! Разумный укажи мне путь!..

Алтунбай. Нет, нет, прекрасный ангел, тебя не отпускаю. Скажи, что ты—моя супруга. Жену мусульманина тронуть не посмеют.

Солмаз. А как арабы? Ведь, они внимать не станут мне.

Алтунбай. Я сам отправлюсь и паду к стопам халифа. Ты также перейдешь в ислам.

Солмаз. О, нет!.. Влечься в прахе?.. Это не помо-

жет. Встань, Алтунбай. Я разрешаю. *(Снимает со стены обнаженный меч и протягивает ему.)* Возьми и охраняй меня.

Алтунбай. Немыслимо, Солмаз. Противник наш силен. Я сам...

Торгут. Мой господин, толпа взбесилась, в двери ломится.

Алтунбай. Не уходи, Солмаз! *(Торгуту.)* Нет, нет, запри все двери! Скажи, что увезли Солмаз арабы. Солмаз!

Солмаз. Впусти,пусти их. Пусть войдут.

Алтунбай. Солмаз, Солмаз, себя ты губишь. Опомнись, там огонь и пламя!. Там смерть ждет верная тебя. Да, смерть...

Солмаз. Врагам на милость мне отдаться? О, нет! Огня невеста в пламенных объятиях огня поконься должна! Пускай войдут.

Входит Янардаг, Соимез и другие.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ночь. Темница.

Эльхан. Бежать готов я, умереть днем раньше или позже, разницы нет в этом для меня.

Донмез. А для меня так разница большая. Немного погода, настанет утро. Умереть и не увидеть больше солнечных лучей, не чуют аромата горного цветка, утренней росой алмазной не упиться, нет, нет. Бежать я предлагаю.

Горхмаз. Когда забрезжит свет, Эльхан умрет. И я умру. Торгул умрет. И ты умрешь, и ты, и ты, и ты... Все мы умрем. Но это—риск, попытка не удастся,—завтра все равно погибнем мы. А если же удастся,—смерти избежим.

Донмез. Удастся,удастся.

Ильдрым. Увы, все это—лишь мечты! Неумолимой лапой смерть за горло нас схватила... Нам нет спасения. И солнца яркого лучей мы больше не увидим. Олдамды, ты не умрешь. Несчастной матери моей скажи, что...

Донмез. Довольно, нечего оплакивать меня. Подожди, быть может, дело выгорит у нас...

Ильдрым. Не выгорит, Донмез! Уверен я, отсюда нет спасения.

Донмез. Положим, что и нет. Так что ж прикажешь, лечь и умереть заранее?

Ильдрым. Ну, спасся ли кто бегством из могилы этой?

Донмез. Все из-за трусости...

Горхмаз. Братья, Эльхан готов. Готов и я.

Донмез. И ладно. Трое мы готовы. Так кто же остается? Всего каких-нибудь пятнадцать человек.

Торгул. И я готов.

Донмез. И он согласен. Ну, айда! Вставайте.

Ильдрым *(к Эльхану)*. Несчастный, ведь тебя же брат хотел спасти.

Эльхан. Братья! Жизни первый долг—со смертью бороться! Лишь трусы от страха перед смертью могут голову свою подставить под топор. Пусть каждый сам решит свою судьбу. Мы бежим. Кто хочет, пусть последует за нами!

Горхмаз. А руки кто развяжет нам?

Донмез. Где кур, цыплят могучий повелитель?

Горхмаз. Ведь правда, у него свободны руки.

Эльхан. Скорей, друзья! Сейчас тюремщик наш придет.

Торгул. Встань, Олдамды, мне руки развяжи.

Олдамды. Смотри, меня не тронь, не то я закричу. Меня ведь не убьют.

Донмез. Тебя я сам убью. Ну, поднимайся, старая лиса!

Эльхан. Оставь, Донмез. Обиду сердцу нанести тот может лишь, кто сердца не имеет.

Олдамды. Ах, батенька, сказать по правде, я боюсь. По одному все волосы повиыдергают мне. Ведь детвора, семья есть у меня.

Эльхан. Семья! Не это ль сеет рознь между людьми и не она ль кидает их из края в край в поисках кусочка хлеба для семьи? Не это ли основу единенья разрушает?..

Торгул. Ну, Олдамды, кому я говорю? Вставай и развяжи мне руки.

Оддамды. Я, батенька, боюсь!

Донмез. Вставай, тебе я говорю, иначе...

Оддамды. Ну, ладно! Не трогайте меня. Я развяжу, но вы не говорите, что я вам развязал.

Донмез. Ну, старый филин! Брось морочить нас! Встань, говорят тебе.

Оддамды. Сейчас, сейчас! *(Быстро вскочив с места, нерешительными шагами подходит к Эльхану.)*

Донмез *(заикаясь)*. На-на-назад, па-падишах щиплят. И так, мои ру-руки развязались! *(Быстрым движением развязывает руки Эльхану.)*

Эльхан. Ах, наконец-то, братья! Наконец, свободны руки у меня. Теперь уж сами мы себя освободим. Горхмаз, поди поближе. Ты, Тогрул, не мешкай! Помогни другим, Донмез! Поторопись!

Донмез. Им всем давно уж развязал я руки.

Горхмаз. Друзья, связав тюремщика, мы убежим.

Эльхан. Но могут нас и задержать. Кто с нами, пусть ответит.

Донмез. Я.

Ильдрым. Куда вы можете бежать, чтоб не поймали снова вас? В стране клочка земли вы не найдете, чтоб не был он в руках арабов...

Эльхан. Об этом, братья, я вам говорил. Живыми если вырваться отсюда, нам никто не будет страшен. Покуда скроемся в высоких мы горах отчизны нашей. Туда мы соберем всех угнетенных и, объединившись, создадим там новое мы общество, где совесть, сердце, мысль свободны будут. Свою общину от арабов и поработителей других, от грубой силы будем грудью, до последней капли крови защищать. Кто с нами и кто не страшится смерти, голос пусть подаст.

Горхмаз. Эльхан! Я помню, как однажды пред толпой о лицемерье и ничтожестве религии держал ты речь. Тебя я в грудь ударил. Ты упал. Но взгляд твой в миг падения меня потряс. В нем я прочел любовь и сострадание ко мне. С минуты той в душе твоим сторонником я стал. Сегодня же, когда ради идей своих ты от родного брата отвернулся, душой и телом я тебе предан. Неустрашимого помощника ты жаждал. Прими же меня! Мы братьями по духу станем! Твой путь я принимаю. Бороться вместе станем мы и вместе мы умрем.

Эльхан. Идеальный брат родного брата ближе! Дай

руку мне, Горхмаз! Пускай оковы эти и темница наш союз скрепят.

Горхмаз. Я до последнего дня жизни твой.

Ильдрым. И я!

Тогрул. Вот крест мой на груди! *(Сорвав, бросает крест к ногам.)* А вот рука моя! Я с вами.

Донмез. А вот моя рука и ноги вот мои. Так, значит перегал немного вас.

Горхмаз. Однако, братья, не забудьте, что сегодня, от позорной смерти убежав, готовы умереть мы смертью славной! Разгромлены сегодня наши семьи будут. Отныне о покое мы забыть должны. Отныне каждый шаг грозит нам гибелью, зовет к борьбе, готовит муки нам. Но несмотря на все, последнюю мы каплю крови отдадим, чтоб старый мир разрушить, возвести свободный, новый мир. Сражаться на смерть будем мы со старым миром, с жизнью старой и если смерть кому страшна, кто остановится на полпути, пусть с нами не идет. Кто умереть готов, пусть клятву принесет.

Донмез. Ты хорошо сказал, но кем и чем теперь нам клаяться! Мы бога и религию отвергли. Так чем же клаяться станем?

Эльхан. Не клятва к цели двигает людей, — желанья! Свободными желаньями и совестью свободной я клаянусь!

Горхмаз. Избрав твой путь, и я клаянусь, что в борьбе за жизнь свободную и новую себя и кровь свою не стану я шадить.

Тогрул. И я клаянусь!

Донмез. Клянусь и я!

Остальные. И я, я тоже, и я...

Оддамды. Скажите, а у вас куда же будет жертвоприношение доставлять народ?

Горхмаз. Постойте, кажется, идут!

Оддамды. Ой, страшно.

Тогрул. Молчи!

Горхмаз. Не забудьте рот тюремщику заткнуть.

Донмез. Дай только мне добраться до него. По-попока он душу не отдаст, его...

Эльхан. Нет, нет, Донмез! След каждой лишней капли крови—пятно на совести. Против кровопролития сражаться будем мы.

Горхмаз. Идут...

Тогул. Идут...

Горхмаз. Молчите, все ложитесь!

Все ложатся.

Тюрешник. Эй, где вы? Не их как будто завтра, а меня повесят. Можно ли так спать? Эй, вы, вставайте!

Когда тюремщик пинком ударяет Тогула, Донеа тихо поднимается и сзади зажимает ему рот. Все, вскочив с мест, связывают его по рукам.

Оддамды. И общипают же, как цыпочку, меня! Клянусь, не я развязывал им руки. Они все сами...

Эльхан. Ну, братья! Мы свою судьбу впервые испытываем. Ты, Оддамды, скажи Солмаз, что, если мне живым удастся выбраться отсюда, яркое свобода знамя, что подниму я, ее цветущие ланиты поцелует.

Все выходят, шепча друг другу: «тише».

КАРИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Стан Абу-Убейда.

Рэби. Аскеры обыскали все вокруг. Никто сообщить о них не может ничего. Опять все было делом рук Эльхана.

Абу-Убейд. Темницу оставлять без стражи? Возможно ли так свободно содержать приговоренных к казни?

Рэби. До сей поры таких попыток не было. Вот почему все трое стражников уснули в полночь.

Абу-Убейд. На виселицу всех трюх. Я так повеваю. Какие ведь мятежники, бунтовщики сбежали! И это служба?..

Рэби. Они о том, кому куда бежать, что делать, где людей собрать, пред бегством говорили.

Абу-Убейд. И что же?

Рэби. Не будучи захвачены, они восстание поднимут вновь. Я воин послал в места, что указал нам старый жрец, их разговор подслушавший в темнице.

Абу-Убейд. Клянусь аллахом всемогущим, если беглецы не будут найдены, вас вместо них на виселицу вздернуть я велю.

Рэби. Наш господин!

Абу-Убейд. Ступай! Повсюду разошли глашатаев. Всем объяви, что десять тысяч дирхемов я дам тому, кто мертвым иль живым Эльхана мне доставит. А тот, кто скрывать его посмеет у себя, или не выдаст беглеца, казнен без рассуждений будет. Возьми отряд, и вновь разошли повсюду. Без устали пусть ищут беглецов.

Алтунбай (входя). Увы, край гибнет! Вверх дном перевернули всю страну.

Абу-Убейд. В чем дело, Алтунбай?

Алтунбай. Крестьяне подняли мятеж и сборщиков повидали из сел. Лавиной огненной несясь, все сполнит на пути своем восставший темный люд.

Рэби. А как Солмаз?

Алтунбай. Она исчезла. Увели ее.

Абу-Убейд. Кто?

Алтунбай. Толпа, народ.

Рэби. Куда же? В храм уведена Солмаз?

Абу-Убейд. Оставим это. Пока безбожник этот на свободе, не уgomонится чернь. Я знал, предвидел, что сидеть спокойно он не станет. Теперь народ опору в нем нашел и будет следовать за ним. И потому без всяких промедлений надо отыскать его, где б ни был он, и мертвым иль живым доставить мне. Ступай. Иначе, помни, виселица ожидает вас.

КАРИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

У деревни, раскинувшейся у подношвы высокой горы, собрался народ.

Эльхан. В быстротекущей жизни, что каждый день рождает новые желания и новую любовь, возможно ли поклониться перед вечностью и непреложностью законов? Возможно ли связать обетом нерушимым человека, если он сегодня проклинает то, что лишь вчера так было сердцу мило? В товар, в предмет для купли и продажи женщины обратит, навек связать их неразрывными цепями брака—имени такому высокому нет! Святое средство то, что служит размножению рода, общению полов, что продолжению жизни помогает, люди, как тяжелый грех, скрывают. Все это—вымысел горсточки счастли-

цев, что на золото все радости земные покупают. При-
своив разными путями блага все, что мать-природа ими
щедро одарила так своих сынов, они на нет-народа
сводят труд, его на нищету и голод обрекая!

Н а р о д. Верно, верно.

Э л ь х а н. И для того, чтобы несметно накапливать со-
кровища земли, чтобы захваченные силою меча и злата
у отдельных лиц, племен, народов блага от других таких
же жадных хищников или от союза бедняков голодных
охранять, чтобы в душе закрепощенной женщины все
чувства светлые убить и правом на ее любовь и сердце
овладеть, чтоб, защищая собственное право и добро, бросать
безропотную массу в ужасы войны, сражений и
убийств, они, используя рожденные бессилием и трусо-
стью людскою суеверья, создают религии, законы и бо-
гов, которым сами же не верят. И мысли верные, когда-то
брошенные в мир великим другом истины, впоследствии
на пользу деспотам пошли для усиления военной мощи
их, для духовенства и жрецов в предмет торговли пре-
вратились, став для угнетенных, слабых и голодных бед-
няков грозным призраком, который призван их держать
в повиновении, устрашать и усыплять. Вот, точно так и
армия арабов попирает страны, по которым шестует по-
бедоносно. Как и в других захваченных оружием краях,
как и другим поработенным или слабым племенам, ара-
бы, и в наш край ворвавшись, нашу родину поправ, на
острие меча нам принесли коран и своего насильно всем
называемого бога, чтобы беззаконие свое в приличия
одежды облачить. Но истинная цель у них одна: кусок
последний хлеба, что от местных беков удержали мы, на-
сильно вырвать у голодных и отправить ненасытному
багдадскому халифу.

Н а р о д. Верно, правильно.

Э л ь х а н. И это так не только здесь, не только у ара-
бов—деспотов. Везде и всюду так. Так поступали все: и
римляне, и греки, вавилоняне, иудеи. Все Иисусы, Моисе-
и, Искендеры¹ палачи — все поступали так. И будет
так, пока теперешний порядок существует. Бессильных
сильные терзать и мучить будут; живой, живого погло-
щая, будет жить; и беззакония все эти лживыми ученья-
ми, религией, законом лицемерным прикрываться будут.

¹ Александр Македонский.

Чтобы избавиться от бесконечных распрей, битв и войн,
от угнетения и зла, имеется один лишь путь: до основа-
ния разрушить старый мир, где кровью пропиталась
каждая песчинка, и прекрасный новый мир, мир правды
и любви построить.

Н а р о д. Верно, верно.

Э л ь х а н. И мы по этому пути идем. На время мы
отступим и свой стан на неприступных родины горах ра-
скинем. Мы создадим там мир, что человечеству всему
примером будет. Никаким законам подвластно там не
будет сердце. Царить там будут лишь свободных душ
свободные влечения: по доброму желанию, кто мужем и
женой, а кто—сестрой и братом будет. Не станет там ни
бедных, ни богатых, слабых или сильных также там не
будет. Как братья, там делиться и трудиться станут все
и составлять единую семью. Ни власти там не будет, ни
стеснительных законов. Свободные желанья, что другим
не причиняют зла, и действия свободные—святым у нас
законом будут. Религий лживых и богов не будет там.
Свободная лишь совесть, лишь свободная любовь—вели-
ким богом каждого там будут. Там цель сольется с
жизнью и к цели будет жизнь вести. Там зимний холод
всех равно морозным вихрем будет обдавать и согреть
равно всех будут солнца яркие лучи.

Н а р о д. Долой неправый старый мир!

Э л ь х а н. Вы, угнетенные, истерзанные под араб-
ским игом, верные, неустрашимые сыны Страны Огня
Вы, пасынки людского рода, обездоленные бедняки, вы,
богачами обращенные в рабочий бессловесный скот! Вы,
слабые, которых сильный угнетает! Вы, женщины неща-
стные, которым мир обширный стал темнищей. Вы, де-
вушки, невесты, чьи сердца, подобно бусинкам бездуш-
ным, с торга продаются. Вы, юноши, чью в бойню
обратили жизнь. И ты, о человечество, на тысячи на-
родов, рас, племен, религий разделенное! Сегодня я про-
тив отжившего, гнилого мира, против всех захватов,
войн, сражений и насилия, неволи, рабства, деспотии,
злата, против власти, против всех законов, всех религий
и кумиров, против всей жизни старой восстанья знамя
поднимаю! Кто со мной, пусть выступит вперед, мне го-
лос пусть подаст!

Н а р о д (в смешанном гуле голосов). Я, я с тобой.
И я, я тож...

Эльхан. Братья! Враг следует за нами по пятам. Кто может, пусть готовится к защите.

Народ (голоса). Тащи топор! Готовь дубину! Дай мне серп!

Гюльгюн. Пойдите, хочу сказать я. Этот вот платок принадлежал моей сестре. Ее насильно увели в уплату долга. Ее зарезали за то, что мужа-деспота покинув, убежала. И я тот окровавленный платок, как знамя поднимая, за тобой хочу идти.

Народ. Урра!

Эльхан. Братья, сестры! Под знаменем свободы, за жизнь свободную, вперед!

Народ. Урра!.. Урра!..

Горхмаз. Со всех сторон войска арабов окружили нас. Нет выхода!

Эльхан. Не раз они нас будут окружать еще теснее!

Тогрул. Братья, за свободу, вперед! В бой! Пойдем!

Народ. Урра!..

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Покои Абу-Убеда.

Абу-Убейд. Вот для чего призвал я вас. Уж длится много лет суровая жестокая борьба. И в чем причина, если не в поддержке, что мятежники от служителей религии и богачей имеют? Быть может, раньше к вам чрезвычайная суровость и проявлена была, теперь же вы могли бы убедиться, что к святыням вашим мы относимся терпимо. Мы вас за верующих в бога признаем. Не облагаем данью непомерной. Эльхан—безбожник, он—наш общий враг. Страну он разоряет. И положить решительный предел нам надо затянувшейся борьбе. Скорее прекратить кровопролитие—это вам, пожалуй, выгоднее будет.

Молчание.

Зачем молчите вы? Мы, Янардаг, от вас, как от главы религии, ответа ждем.

Янардаг. Что в силах сделать мы? Эльхан—безбожник нечестивый и в храм не ходит наш.

Алтунбай. Большая часть страны в его руках. Он до порога жилища нашего добрался. Причина же?

Абу-Убейд (сурово). Вам лучше знать.

Алтунбай. Мы знаем только то, что ни с одной деревни мы и шерсти клочка собрать не можем. Благополучие мое поставлено в зависимости от сельской сходки Рабы, как черви из земли, поднялы головы и, точно стрелы, очи колят. Стоит слово молвить—завтра же мятежники твоей окружают дом. Повинны ль в этом мы?

Абу-Убейд. Решительно я заявляю вам. Его святительство халиф ислама в удивленье. Огромную прислал он силу мне и требует немедленно восстание подавить, убраться Эльхана. Пособниками бунтарей считает местных богачей, служителей религии и знать. Они Эльхану и духовно и деньгами помогают.

Янардаг. Наш храм ему не помогает. К нему вся молодежь и весь народ идет. И те, что с ним связались, в храм не ходят больше.

Оддамды. За эти дни и дохлого цыпленка не принес никто, чтоб было что в зубах поковырять.

Алтунбай. Его поддерживают не жерцы и богачи, а немущие, что податей не платят, не желают дань вносить, все нищие, рабы, бездомные бродяги и женщины. Богачей и знать они нещадно разоряют. В огне восставший чьи пылают села? Плодами чьих обширных пашен и садов мятежная толпа живет? И что у богачей осталось? В захваченных местах они до нитки обобрали знать.

Оддамды. Оставили поклажи ровно столько, что петушку под стать.

Алтунбай. Да и какую помощь оказать могли бы им богачи и знать? Золото у них хождения не имеет. Для них железо во сто крат ценней. Удивительный народ! И власти нет у них. Поочередно каждый день они страню управляют. Одни работают, другие варят пищу, третьи на войну идут. Ни старших там, ни младших нет. Ни страха, ни почтения, ни бога, ни религии не знают там.

Рэби (входя). Последние известия с поля битвы... Войско в беспорядке отступило.

Абу-Убейд. Что ты сказал? Как отступило? С таким огромным войском поражения терпеть и от кого? От

буитаря, разбойника безбожного? Какой позор священной армии ислама! Где Абу-Муслим?

Рэби. Здесь у дверей смиренно приказаний ваших ждет.

Абу-Убейд. В темницу, в заточенье! И там смиренно так же пусть петлю на шею ждет. Ступай!

Рэби выходит.

Алтунбай. Меня страшит все это не на шутку. Он всю страну вверх дном перевернет.

Оддамды. Кто будет в храм тогда ходить? (Подмигиваясь.) Пойду я, батенька, да загоно, пока не поздно, в курятник всех цыплят.

Янардаг. Кто победит, тот будет прав. А наше дело маленькое: божеству в закрытом храме поклоняться. (Хочет отстать.)

Алтунбай. Постояй! Все время я присматривался к вашему молчанию, Янардаг. Ему ль, глупцу, от имени религии и духовенства говорить? Глупцу, что ничего не может видеть, кроме жареных цыплят?

Янардаг. Бессильны мы. Но оскорблять духовное лицо приверженцу ислама не пристало.

Алтунбай. (Абу-Убейду.) Извольте выслушать, мой господин. Не раз докладывал я вам и говорю в последний раз теперь: Эльхана вдохновляет на борьбу, мощь придает ему, сюда влечет его Солмаз! Пока Солмаз жива, он устал и не будет ведать. Похитив же ее, еще опасней и сильнее станет он. Ведь за святую чит ее народ.

Абу-Убейд. Согласен с вами. Потому я вас призвал сюда. Слышите ли вы, Янардаг? По соглашенью между нами...

Янардаг. Простите, господин! Законы наши жертву приносить людьми не разрешают. Если же ислам...

Абу-Убейд. Оставить ислам. Я прямо заявляю: умереть Солмаз должна.

Оддамды (тихо Янардагу). Разгневан он. Уступим.

Янардаг. Народ не трудно обмануть, но те, что перестанут посещать наш храм после Солмаз, все до единого уйдут к нему.

Абу-Убейд. Так не рассуждал ты прежде, Янардаг. Припав к ногам, молил униженно меня ты.

Янардаг. Мой господин!

Абу-Убейд. Пусть весть о поражении не вводит в заблуждение вас. Подойди, взгляни. Что видишь там?

Янардаг. О, бесконечное там море человеческих голов.

Абу-Убейд. То тридцать тысяч войск! Сегодня прибыли и завтра же на поле брани выйдут. Лишь внутреннее распри в халифате отвлекло меня. Так, значит, решено, и завтра умереть Солмаз должна. Что скажешь?

Янардаг. Мой господин... народ...

Абу-Убейд. Не надо лишних слов. Солмаз мы сами уничтожить можем. А тех, кто возражать осмелится, мечу со всем потомством предадим. Что же до вас, то оба вы к себе домой уж не вернетесь больше. (Зовет.) Рэби!

Рэби (входя). Последние известия с фронта. Атака бунтарей отбита, наступление приостановлено.

Абу-Убейд. Прекрасно.

Рэби. Прибыл гонец из Туркестана от эмира нашего Акшина. Он говорит, что по приказу халифата с армией священной идет сюда Акшина. Вот и письмо.

Абу-Убейд. Прекрасно, значит, тридцать тысяч новых воинов отправятся на фронт. Безбожник вскоре будет уничтожен. (Янардагу.) Теперь и с вами и с народом рассчитывать я смею. Их уведи. Мне завтра же их головы представить. Забрать Солмаз. И всех, кто вздумает препятствие чинить, мечу предать.

Оддамды. О, повелитель, пощади! Я не хотел идти сюда. На все согласен я.

Янардаг. Создатель не снесет такого гнета!

Абу-Убейд. Уж это наше дело!

Оддамды. И он, и он согласен! Все согласны мы!

Янардаг. Мы ничего. Народ-то как?

Абу-Убейд. С народом копы наши вступят в разговор. Послушай, Янардаг, вот предложение последнее мое: Солмаз должна быть завтра сожжена. Согласен или нет?..

Оддамды. Прекрасно! Хорошо! На все, на все согласны мы.

Янардаг. Но объясните толком мне, в чем обвиняется невинная Солмаз?

Абу-Убейд. Так толком объяснить? Прекрасно. Рэби, ступай! Постояй! Ответь Акшину, что его мы ждем...

Но... до его прибытия... Эльхан погибнуть должен... И вам идти я разрешаю.

Оддамды. И мне? Благодарю, мой господин, благодарю. Хвала великому Ормузду, я спасен! *(Выбегает стремительно.)*

Абу-Убейд. Итак, ты правду хочешь знать? Вина Солмаз — в красе ее, в любви народа к ней. Расстаться с ней он не желает. Пока жила Солмаз, он толпами стекаться будет в храм и привести его на путь пророка и заставить истинному богу поклониться невозможно... В безбожника Эльхана силу, вдохновение она вселяет. Ее иль мы возьмем, причем всех уничтожим, кто противиться начнет, иль вы ее сожжете сами и народу как-нибудь по-своему все объясните. Так или иначе, Солмаз погибнет завтра. Да, иль нет?..

Янардаг. Склоняемся пред силой вашей. Помните, однако, что Солмаз измождена, мирские наслаждения чужды ей и духом светлому Ормузду уподобилась она. Святое целомудрие ее творцу посвящено и в сердце места нет земным желаниям. Вам дорого святая жертва эта обойдется. Да примет сам премудрый наш Ормузд ее мучения и да спасет во имя их народ.

КАРТИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Храм огнепоклонников.

Солмаз стоит неподвижно у алтаря со священным огнем. Возле нее жрецы — Сонмез и Оддамды. Вокруг народ в молчаливом ожидании.

Оддамды *(Сонмезу)*. Как сердце бьется утешенно! Когда ж они придут?

Сонмез. Я нескольких послал гонцов, и все застряло там.

Оддамды. Хотя б один вернулся, весточку принес. Первый гражданин *(вбегая в волнении)*. Янардаг идет!

Второй гражданин *(так же)*. Янардаг идет!

Третий гражданин. Янардаг идет!

Входит сумрачный, озабоченный Янардаг. Все вопросительно смотрит на него.

Сонмез *(со страхом и тоской)*. Умрет?

Оддамды. Умрет Солмаз?

Четвертый гражданин *(вбегая в испуге)*. Войска ислама окружили храм.

Пятый гражданин *(вбегая)*. Храм оцеплен. Парящих в небе птиц и пресмыкающихся гадов легче считать, чем их.

Толпа *(в страхе)*. Тише! Тише!

Янардаг. Ответствуй, о, огня священного невеста! О, олицетворенье святости божественной и чистоты великого Ормузда, о, прекрасная Солмаз! Ты чувствуешь, как после долгих лет тяжелых испытаний от земных и низменных желаний отрешившись и исполнишь святости премудрого Ормузда, с ним слилась воедино ты? К великому Ормузду отпривляясь, от земных страстей отречься ты должна.

Молчанье.

Сонмез. Так значит, решено, умрет она!

Оддамды. Умрет она!..

Янардаг. Ответствуй!

Сонмез. Простите, но известно вам, что в час молитвенного бдения не говорит, не движется она.

Янардаг. Ответствуй же, огня невеста! Надежды все свои мы возложили на величие и святость чистоты божественной твоей.

Солмаз. Ночами я, изнемогая от мучений тяжелых сердца, перед лицом святым его стояла, днем под бременем усталости невыносимой от священных не отходила и огней и после длительных десятилетних пыток и терзаний отрешилась я от всех земных желаний и страстей. Я потеряла все надежды и теперь, кроме огней неугасимых этих, кроме смерти неизбежной — ни о чем земном не помышляю.

Янардаг. Хвала тебе, священного огня прекрасное дитя! Так знай же, что Ормузд святой во имя чистоты и непорочности твоей вернет народу нашему спокойствие и мир, и святостью твоею будет побежден суровый Ахриман. Для счастья всего народа и страны ты искупительную будешь жертвой. Столь длинный ряд физических и нравственных страданий испытав, ты удостоилась Ормузда. И, наконец, час жертвенный настал!

Солмаз. Готова я. И если для спасения народа

искупительной быть жертвой я должна, пред смертью я не дрогну. В груди моей ни для чего земного больше места нет, и ни одна земная мысль меня не занимает. Теперь о небесах, о боге, об Ормузде, о слиянье с ним лишь помышляю я.)

Я и а р д а г. Хвала тебе, огня невеста! Так вместе вознесем последнюю молитву. Пускай подходят все молящиеся по порядку. Пускай костер священный приготовят.

Входит Рэби. Все теряется от страха.

Рэби (подходит к Янардагу). Для поддержания порядка здесь во время жертвоприношения, по приказу повелителя Абу-Убеида, храм ваш воинством ислама оцеплен. Творить обряд вы можете спокойно. Войска не тронут никого. Но ежели порядок будет здесь нарушен, пусть вина падет на вас. (Уходит.)

Я и а р д а г. Великий бог, Ормузд, тебя мы призываем! Последнюю начнем молитву.

Солмаз неподвижно стоит у священных огней. Начинаются пляска и пение.

Все. Снега вершин, великий бог,
Лишь ты огнем возмутишь.
Лука долин, великий бог,
Лишь ты лучом оживишь.

В храм беснуемо входит Эльхан и Горхмаз. По окончании молитвы все один за другим подходит и склоняется перед священными огнями и Солмаз и кладет к ее ногам различные жертвенные дары.

Эльхан. Вот обольстительная дева, что в течение долгих лет мою крепила волю и сносить все бремя тягот, весь ужас помогала. Горхмаз! Как тяжело жить в разлуке с этими небесными очами!

Горхмаз. Не забывай, что мы окружены, что всюду здесь враги, и если нас узнают, мы погибли.

Эльхан. Горхмаз! Ее сегодня уничтожить, сжечь ее хотят сегодня.

Горхмаз. Что можем сделать мы? Над нею мы не властны. Враг победил. Как лютой зверь, он жаждет новой крови. Ведь ты хотел взглянуть лишь и вернуться. Иначе выдашь ты себя. Смотри, Эльхан!

Эльхан. Нет, себя не выдам я. Но только не мешай. Хочу последний раз и наглядеться на нее, на красоту чудесную Солмаз. Мой друг, Горхмаз, в объятиях жестокого огня увидеть это неземное существо, цветущие ланиты, нежные уста, проникновенные, глубокие глаза, что столько долгих лет в мечтах, в своей душе носил. Ужасно!

Горхмаз. Эльхан, о долге не забудь!

Оддамды (собирая жертвенные приношения, замечает их). Эй, господа, все услыш, что вам здесь надо?

Горхмаз. Эльхан, ни звука. Он узнает нас. (К Оддамды). Да ничего, святой отец, мы ждем, чтобы ушли и вы. Невесте всемогущего огня хотим мы поклониться; у нас есть тайное желание.

Оддамды. Ну, ладно, что же в дар вы храму принесли?

Горхмаз. Что?..

Оддамды. Барашка, козочку, иль курочку, цыпленка, что-нибудь...

Горхмаз. Издалека идем мы, потому с собою ничего мы не сумели захватить.

Оддамды. Как может, сын мой, принято быть желане без жертвенного дара божеству? Тогда ступайте, во дворе народ костер слагает, им помогите. За нею, за Солмаз, сейчас придут. А вот, уже идут. (Собирает приношения.)

Горхмаз. Эльхан, теперь наедине ее ты больше не увидишь. Вот взять ее идут. Уйдем.

Эльхан. Горхмаз, каким суровым сердцем обладаешь ты!

Я и а р д а г. О, сыновья великого Ормузда! В последний раз прекрасная Солмаз, огня невеста, перед вами. Пускай таящие желания в сердцах откроют их. Потом Солмаз навеки нас покинет.

Оддамды. А остальные пусть дары несут скорей.

Эльхан невольно следует за толпой. Смешивается с нею. Горхмаз следует за ним. Молящиеся поочередно, громко высказывая свои желания, складывают дары к ногам Солмаз.

Первый. Огня невеста! Дочь моя, сбегав, к мятежникам примкнула. Помог, верни ее отцу.

Второй. Моя невеста скрылась. Пусть она найдется.

Третий. Мой сын к мятежникам бежал. Прости и помоги.

Четвертый. Мой охромел единственный кормилец-бьяк! Пошли же исцеление ему.

Пятый. Мой сын арабами в темницу заключен. Темницы дверь раскрой пред ним.

Шестой. И также дочь моя. Да испошлет Ормузд великий на халифа беды все. Терпенья истощилось, наконец.

Все (*в страхе*). Молчи! Что ты сказал? Молчи!

Оддамды. Эге... Вот тут ты, братец, маху дал. Давай-ка мне цыплят, а сам пройди сюда.

Шестой. Простите, братья! Пылает сердце скорбию и гневом.

Все помогают ему пройти.

Эльхан (*склоняя голову*). Я преклоняюсь пред божественною дочерью великого Ормузда, прекрасною невестою огней неугасимых.

При виде его Солмаз приходит в сильнейшее волнение.

Солмаз. Увы! То он! Ормузд великий, я погибла!

Янардаг. Что с тобой, священного огня невеста?

Солмаз. Так, ничего!

Горхмаз (*тихо*). Эльхан, довольно! Давай уйдем.

Эльхан. Оставь, я говорю! Оставь меня! Похоронив свои мечты, откинув все желанья, без любви бродя в пустыне, не луну ли ищешь ты? В пустынях голых этих, что без нее в могилу обратятся для надежд, лишь совы будут голосить.

Оддамды. Потихе, не шумите.

Эльхан (*вторично склоняя голову*). Перед невестою огня, богиней одиноких душ, повелительницей чувств неизъяснимых, я склоняюсь!

Солмаз (*изменяемая от волнения*). О пощади, творец. То он, то он. Помилуй, о святой Ормузд! Погибло все: молитвы, бдения, что годами совершала я. Уйди! Уйди, жестокий человек! Не подходи! Ах, гибну я! Ради творца, уйди скорее, скройся! (*Зашатавшись, падает без чувств.*)

Янардаг. Невинная огня невеста, что с тобой?

Солмаз. Ах, ничего! В очах темно! Я нездорова!..

Янардаг. Суровый Ахриман не унижается! Что делать нам?

Солмаз. Меня одну оставьте.

Янардаг. Хорошо. Пойдем, друзья. Пускай священная невеста тут, в объятиях великого Ормузда, исцеление обретет. Помилуй нас, Ормузд премудрый.

Горхмаз. Эльхан, уйдем и мы.

Эльхан. Оставь меня.

Все выходят.

Оддамды. Эй, сударь, выходи и ты! Большая огня невеста.

Эльхан. Нет, у меня есть слово к ней!

Оддамды. Нельзя, нельзя. Так не годится. Выходи! (*Хочет вытолкать его.*)

Солмаз (*словно очнувшись*). Оставь, не тронь его. Оддамды. Не трону! Долг священный наш тебе повиноваться. (*Уходит.*)

Солмаз. Скажи! Скажи же, ради светлого Ормузда! Как и зачем сюда явился ты? Скажи, жестокий человек, что от меня ты хочешь? Почему меня ты губишь?

Эльхан. Солмаз! Богиня одиноких душ, Солмаз! Что может от тебя хотеть тебе отдавший сердце человек, что горы и ущелья все, скитаюсь, обошел, что всюду был в опасных битвах и сраженьях, что грудь свою подставил под удар единственного брата?

Солмаз. Как брата? Ты нашел его?

Эльхан. Да, Солмаз, нашел. Но он... Взамен объятий радостных, передо мною дверь темницы он раскрыл, и, вместо братских рук, оковы протянул и меч кровавый. Ах, Ахшин, Ахшин!

Солмаз. Меч?

Эльхан. Ах, Солмаз! Как я любил его! Но мусульманином он стал.

Солмаз. С какой же целью ты ко мне пришел? Что от меня ты хочешь?

Эльхан. Солмаз!..

Солмаз. Уйди, молю тебя, уйди, оставь меня! Я никогда твоей не буду.

Эльхан. Куда пойду я без тебя, Солмаз? Я гордое чело свое, что ни пред царями, ни пред богами не склонял, перед тобою трепетно склоняю. Негнущиеся руки я свои к твоим ногам сложив, тебе я открываю душу. Препрежь тебя хочу я умереть.

Солмаз. Нет, нет! Уйди. Тебя ждет жизнь. Никто меня отсюда увести не в силах. И я отсюда не уйду. Се-

годня мой последний день. Свою я жизнь великому Ормузду посвятила: душу я со святостью его слала. Я—целомудренная дочь Ормузда и такой пред ним предстану. Ты ж удались и... навсегда.

Эльхан. Уйти, Солмаз? Куда уйти? Молю тебя, молчи! Куда уйдет несчастный человек, кому отрезаны пути, чьи попораны надежды, чьи в прах погребены желанья все? Нет, никуда я не уйду. С тобою здесь останусь, с тобою и умру.

Солмаз. Нет, нет! Со священными огнями я не могу расстаться. Я—дочь огня. В объятиях огня родившись и созрев, огня я не страшусь. Неугасимые огни и этот пламень вечный я сильней себя люблю.

Эльхан. Уйдем со мной, бежим! Ты—дочь огня. Я сердца своего огонь неугасимый и души священную любовь в лучистый храм твой обращаю. Тебя любить я буду любовью беспорочной. Под секию знамен своих, собирая на цветущих склонах вольных гор нарядные цветы, тебя я в лестники одену, твой покой я нежностью и ложе поцелуями украшу.

Солмаз. Бежать? В своем ли ты уме? Из многотысячной толпы, из окружения несметных войск узнать меня? Иль забыл, где ты? В мгновенье ока ты погибнешь. Нет, никуда я не уйду. Достоин ты любви. Но никогда твоей не буду я. Уйди же и, когда в объятия огня я ринусь, при последнем вздохе не показывайся мне. Меня ты любишь?

Эльхан. О да, Солмаз!

Солмаз. Уйди и больше не являйся. Я так хочу!

Эльхан. Уйти! Расстаться с этими печальными глазами?

Солмаз. Нет, не смотри так, не смотри так, не смотри, Эльхан. Твой взгляд перенести не в силах я. Меня приводит в трепет он. В них пламя, молнии, огни, вулканы всей вселенной!.. Эльхан, я гибну!.. (С плачем бросается в объятия Эльхана.)

Оддамды (войдя, останавливается растерянно). Ого!.. Божественная дочь огня любви утехам предается здесь. Больная?! А Янардаг твоей клянется чистотой! Спасенье края в святости твоей он хочет обрести. А ты?.. (Подходит к Эльхану и, вдруг узнав его, окончательно теряется.) А... А... То ты? Эльхан!.. Арабы!.. Войско!.. Ты

погибнешь... (Осторожно пятится к выходу. На пороге чья-то тяжелая рука опускается ему на плечи).

Горхмаз. Стой!

Оддамды (струсив еще больше). А!.. А!..

Донмез. О... о... от... м... м... с... ня ты не уйдешь!

КАРТИНА СЕМНАДЦАТАЯ

Храм огнепоклонников.

Широкая площадь. Посреди возвышение, к которому ведут высокие ступени. В глубине из-за возвышения поднимаются языки пламени. Впереди Абу-Убейд, Рэби, Алтунбай и множество арабских воинов. Направо среди толпы Эльхан, Горхмаз, Донмез, Тогурул и другие сторонники Эльхана. Слева у двери храма священнослужители, местное население. Всюду, насколько видит глаз, народ.

Абу-Убейд (тихо). Рэби, расставь людей. Пускай займут дороги. Толпу держать под наблюдением надо. Пусть незамеченной и муха не пролетит.

Рэби. Все сделано. (Садится на свои места.)

Горхмаз. Тогурул, сумел ты сделать что-нибудь?

Тогурул. Не видишь, сколько войск? Что можно сделать тут?

Горхмаз. Я опасаясь, себя он выдаст...

Тогурул. Хотя б нам удалось отговорить его, и в том великая заслуга.

Горхмаз. Уйти не хочет он. Ни на одно мгновение из виду упустать его нельзя.

Эльхан. Горхмаз, вы все еще здесь? Уходите! Я сам вернусь.

Горхмаз. Эльхан, со смертью ты играешь. Среди такой толпы ты подойти к ней не сумеешь. Кого ты ждешь? Себя погубишь ты! Подумай!

Эльхан. Горхмаз, я долго думал, а теперь подумай ты. Мечте о ней всю жизнь я поклонялся, любовью к ней годами я горел, уста мои ее твердили имя... И вот, она в объятиях яростных огня должна сгореть, погибнуть в адском пламени, без смысла! Погибну с нею я. Вы уходите, я не вернусь уж больше.

Тогурул. Но ты ведь слово дал стоять поодаль, ни-кому в глаза не попадаться!

Эльхан. Ну, хорошо, не попадусь.
Горхмаз. А ей ты обещал в последнюю минуту на глаза ей не являться!
Эльхан. Да, не явлюсь.
Донмез. Когда же адский кончится обряд? Как бьется сердце...
Горхмаз. Идут!

Появляются Янардаг, Сонмез, Оддамды и другие.

Эльхан. И Алтунбай здесь.
Горхмаз. Эльхан, вся наша участь от пустяка сейчас зависит. Как бы ни изменились мы за эти годы, все же могут нас узнать. Со всех сторон окружены мы. Будь осторожен, смерть над нами реет.

Эльхан. Горхмаз, не в силах это я снести.
Янардаг. (О вы, безгрешные сыны великого Ормузда, верные пылающим огням Азербайджана! И вы, благочестивые паломники, что из Ирана, Индии, Китая, из глухих, безвестных уголков вселенной на поклон огням священным к нам пришли! Суровый Ахриман, за эти годы ниспославший на страну огней несчастье за несчастьем, обычной жертвою довольствоваться более не хочет. Нужна ему иная жертва. Вот почему решили божеству мы в жертву принести прекраснейшую девушку страны, жемчужину ценнейшую отчины, огня невесту, красавицу Солмаз, что после долгих испытаний и молитв достигла чистоты и святости божественной. Быть может, наша родина благословением великого Ормузда и мудрым управлением справедливой армии халифа.)

Горхмаз (гневно). Гм... Справедливой!.. Какая красивая ложь!..
Донмез (забывшись, громко). Не... не... пра... вда!..
Лл... лжете...

Горхмаз. Тише! (Быстро закрывает его собой.)

Тогрул. Молчи, Донмез! Что с тобой?

Донмез. Я... я... я... забылся, Тогрул!

В толпе движение. Каждый с любопытством хочет отыскать говорившего. В толпе шныряют шпионы халифата. В этот миг в дверях храма появляется Солмаз и приковывает к себе всеобщее внимание.

Янардаг. В тот миг, когда огня невеста бросится в объятия пламени, пусть каждый шлет свою мольбу великому Ормузду.

Сонмез. Взойдя на первую ступень, Солмаз впитать священным песнопением будет, на второй,—каждому в лицо взглянув, высокой святостью своею тайное желание его прочтет и, наконец, на третью ступень поднявшись, в объятия кинется огня.

Оддамды. Кто жертвенные обещал дары, цыпленком, козочкой или барашком, кто чем богат и кто что может и, как можно больше, пускай задумает желание, но при условии—не позже завтра все дары доставить в храм.

Под звуки молитвенных песнопений взволнованными и неровными шагами подходит Солмаз.

Абу-Убейд. Однако Алтунбай, прекрасна твоя бывшая невеста! Смотри, Рэби!

Рэби. Да, обольстительна она. Ей равной в мире нет. Абу-Убейд. Хвала творцу, создавшему ее!

Эльхан. Она! Она идет. Богния грезит мох! Та, о которой я в ночи у звезд, а днем у солнца яркого лучей расспрашивал. И что ж? Она должна пасть жертвой трусости безумной.

Под звуки священных песнопений Солмаз поднимается на первую ступень, и темная масса потоком устремляется к ее ногам, моля ее.

Народ. Огня невеста! Ты расстаешься с нами! Моли о нас! Огни священные нам прегрешенья наши да прости! Святое пламя, помоги, помилуй нас!

Алтунбай (подойдя к Солмаз, тихо). Солмаз, тебе я долг последний отдаю. И без тебя могу я жить, но, без меня прожить ты не смела. Вот, я здесь, а где же он, презренный твой пророк? И что ж осталось? Ты да жаркий пламень.

Солмаз. Прочь, Алтунбай! Уйди. (Гневно поднимается на вторую ступень.)

Янардаг (народу). Довольно! Тише! Отойдите!

Все отступают.

Огня невеста! На каждого теперь взглянув и святостью божественной прочтя в глазах желанья их, великому Ормузду ты передать должна.

Солмаз оглядывает толпу.

Эльхан. Она все ближе, ближе. В этот миг хотел бы грозной молнией я стать и во мгновение ока опроки-

нуть, гнусный жертвенный костер, во имя божества сооруженный. О мать-природа, почему меня таким бессильным сотворила ты? Хотя бы силу ветра я имел, я б вихрем страшным здесь пронесся. Будь солнцем я, объял бы адским пламенем весь этот храм и алтари. Зачем же морем, иль огнем, пургой, тайфуном, бедствием не создан я, а только немощным, но полным сладостных желаний человеком. Ах, Горхмаз, она глядит! Все мысли, все сердца, желанья все стремятся угадать. Гляди, дитя, у твоего несчастного Эльхана в сердце ничего ты не найдешь, кроме любви к этим очам, слезами полным! Возьми, возьми, его с собой! Оно твое!

Горхмаз. Эльхан, не забывайся!

Вдруг взгляды Солмаз и Эльхана скрещиваются и останавливаются.

Солмаз. Его здесь нет.

Янардаг. Солмаз, сегодня ни одно желание земное волновать грудь не должно твою. С божественной, неомраченной чистотой души должна вступить ты на небо. Во имя святости твоей Ормузд великий да простит наш край, народ и всех молящихся!

Донмез. Она все ближе, ближе!..

Тогрул. Вот на последнюю ступень взшла...

Солмаз *(вдруг решительно обернувшись)*. О, ты, своей идее верный, скованный цепями, бессильный, словно червь, что пресмыкается у ног, ты, обреченный раб! Я гибну, но ты встань из праха! Узнай же в час последний мой,—тебя любила я! *(Решительными шагами подходит к огню и хочет броситься в пламя.)*

Эльхан. Прочь, презренный мир меча и крови! Еще живет Эльхан из Билэгэна! *(Молнией бросается на третью ступень и хакает Солмаз.)* Тебя одну не отпущу я.

Горхмаз. Тогрул, готовься!

Оддамды. Увы, как щыпенка его общиплют.

Всёобщее волнение и движение.

Янардаг. Безумец, что с тобой? Ее божественной нельзя касаться чистоты!

Эльхан. Прочь, ее ни вам, ни Ахриманам, ни Ормуздам не понять. Лишь я могу ее понять. Она моя! Долой все адские костры. *(Пинком ноги швыряет в огонь обрядные знаки.)*

Янардаг. О, дети мудрого Ормузда! Святыню вашу охранять бессилен я.

Солмаз. С тобой я больше не расстанусь! Умрем же вместе!

Толпа. Погибнет пусть безбожник! Смерть нечестивцу!

Наступают на Эльхана.

Эльхан. Остановись, игрушка жалкая тиранов, несчастный раб! Слепая, бессознательная масса! Не враг тебе Эльхан из Билэгэна. Вот кто твои враги! Они! Они! *(Указывает на Абу-Убейда и храм.)*

Толпа *(отступая)*. Кто? Что? Эльхан? Он!!

Горхмаз. Тогрул, айда!

Абу-Убейд. Рэби, вот Эльхан, живей! *(Обнажив меч, бросается к Эльхану.)*

Рэби. Вперед, святое воинство ислама, окружите площадь.

Тогрул. Вперед, поборники свободы! Вперед! Ура!

В толпе закипает ожесточенная схватка. Дерутся, кто чем попало—кулаками, камнями, палками. Слышны крики: «Бейте безбожника! Долой его». «Да здравствует освобожденный раб!», «Да здравствует свобода!». В то время, как Абу-Убейд готов опустить меч на голову Эльхана, обнявшего Солмаз, Донмез бросается вперед и поражает его в грудь. Абу-Убейд падает. В наступившем мраке, в тумане пыли слышится ляг оружие.

Горхмаз *(из темноты)*. Свободные орлы, вперед. Урраа!..

Рэби. Священного ислама воины, вперед! С нами сам аллах!

В непроходимом мраке продолжается шум ожесточенной битвы.

КАРТИНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Широкая, многолюдная площадь в Хуррем.

Посол Византии. Какое странное явление, господин! За звонкую монету ничего здесь не дают.

Ильдрым. У нас в стране золото не в ходу. Кому и для чего оно?

П о с о л. Интересно! Но я—посол чужого государства. Хотел бы видеть одного из представителей власти.

И л ь д р ы м. Здесь власти нет. Здесь каждый власть.

П о с о л. Господин мой, или вы смеетесь надо мной, или же... Как, то есть, власти нет? Страна без власти обойтись не может. Ну, если кто-нибудь проворовался или случилось что-нибудь? Не следует над гостем издеваться. Хотя не ты один, но все так говорят.

И л ь д р ы м. Никто не думал издеваться над тобой. Никто здесь ничего украсть не может, и красть-то не у кого. Все здесь всем принадлежит. Все трудятся здесь сообща и пользуются всем.

П о с о л. Брат мой, а если кто жену заденет или дочь другого?

И л ь д р ы м. В сущности, ни у кого жены, в том смысле, как принято у вас, здесь нет. Когда желают двое, сходятся, а нет—расходятся.

П о с о л. Но все ж ведь должен быть какой-нибудь закон...

И л ь д р ы м. Законов нет. Один у нас закон: свободное желание, что другому не причиняет зла. Делами же народа сам народ поочередно правит.

П о с о л. Как странно! Ей богу, очень странно! Но я, чужой в этой стране, имея деньги на руках, от голода погибнуть что ли должен?

И л ь д р ы м. Да нет же, брат! Для иностранцев, для гостей повсюду здания большие и все, что нужно, есть у нас. Они живут там, сколько им угодно. А тот, кто хочет в нашу общину вступить семью, трудиться должен. Вот и сегодняшний правитель. *(К проходящему с огромной корзиной на плечах Алтаю.)* Алтай, сегодня ты правитель, так ли?

А л т а й. Да. Устал сегодня я! А завтра твой черед?

И л ь д р ы м. Я знаю. Но этот человек—посол страны большой и дело к нам имеет.

А л т а й. Пожалуйста! Откуда вы?

П о с о л. Идите прочь, плути!.. Бездельников, подобных вам, немало я встречал. С тяжелой ношей на плече явился уверять, что, дескать, я—правитель. Меня не проведешь! Простите, я погорячился, но...

А л т а й. Мы не в претензии на вас, однако...

П о с о л. Слыхали мы, что будто у кормила власти здесь стоит Эльхан Бабек.

А л т а й. Ни власти, ни главы ее вы не ищите здесь. И л ь д р ы м. Ведь я ж предупредил вас, путник, что Эльхан—один из самых умных, знающих людей страны.

П о с о л. Во всяком случае, могу ль его я видеть?

А л т а й. Если хотите... По этой улице пройдите. Четвертый двор, его найдете там. Сейчас дрова он колет. Ильдрым, ты проводи его, я скоро возвращусь. *(Уходит.)*

П о с о л. Брат мой, что за двор, что за дрова и что за дровосек? Я об Эльхане, о Бабеке говорю, о бунтаре, что вот уж двадцать лет упорную войну с халифской армией ведет. Оставьте шутки, ради бога.

И л ь д р ы м. Не гневайтесь, и мы вам говорим о нем. Да лучше бы оставил бога нам в покое. Здесь не найдете человека, что бога и пророков признает и читит.

Проходит группа провинившихся.

П р о в и н и в ш и е с я:

— Я ленью проявил!

— Солгал я!

— Я с пленным был жесток!

— Я ревновал!

— Своим желанием причинил я вред другому.

Д о н м е з. Насиле над сердцем совершил я, насиле над сердцем...

Н а р о д. Бессовестный! Бесстыдник! Лжец!..

П о с о л. А это кто такие?

И л ь д р ы м. Время от времени виновных мы наказываем так. На третий раз его мы изгоняем.

Юноши и девушки с зажженными факелами в руках проходят с песней, музыкой и танцами.

(Девушки и юноши поют.)

Вперед! Мы—молодость земли!

Ушло навеки царство тьмы!

Весь мир—необозримый сад!

Его цветы—это мы!

Мы—дети матери-земли,

Ее родною мы зовем.

Свободны совесть и любовь,

И стала ночь нам светлым днем!

П о с о л. С факелами куда идут они?

И л ь д р ы м. Вон на вершину той горы они взойдут.

Это—гора Желаний. Ежегодно в эту ночь там задается общий пир. Там юноши и девушки поют, танцуют, веселятся.

Посол. Удивительно! Немало я прожил на свете, но таких вещей встретить не приходилось мне.

Алтай (подходя в сопровождении двух лиц). Любезный гость! Для вас готовы кров, и пища, и все удобства. И люди наши для переговоров ждут вас. Прошу пожаловать.

Посол. Нет, нет, хочу пройти я раньше на четвертый двор, с Эльханом повидаться.

Алтай. Хотите, мы проведим вас?

Посол. Нет, нет, один отправлюсь я и правду ваших слов проверю.

Алтай. Как вам угодно. Мы здесь вас подождем. (Посол уходит.)

Ильдрым. Бедняга, он нашей жизнью, нашим бытом поражен. Эльхану же покой неведом, он лишь вчера со смертного одра поднялся.

Алтай. Да! Несчастный от душевных мук изнемогает. Разлукою с Солмаз он угнетен.

Ильдрым. Его терзает и вражда с Акшином. Родной ведь брат ему. Легко ли?

Алтай. Родной, к тому же единственный, любимый брат. В тот страшный день, когда его без чувств мы вынесли, очнувшись и узнав, что в плен Солмаз взята, он смерти жаждал, без сомненья.

Показываются посол и Горхмаз.

Горхмаз. А вот и сам Эльхан.

Посол. Почтенный господин! Неустрашимому герою и вождю, что двадцать лет воюет доблестно против арабов диких, что армию халифа потрясает, из страны ее тесня, Эльхану славному от византийского царя привет и предложение помощи я приношу. А вас, достопочтенные, прошу простить меня за недоверие мое.

Один из пленных арабов (подойдя к Эльхану). Меня, избрав, послала группа пленных к вам. Община отпускает нас на родину. Увы, кроме огня, железа, крови и рабства, мы ничего там не найдем. У вас, в стране свободной мы остаться с вами и войти в вашу семью трудиться, вместе жить и вместе умереть хотим.

Эльхан. Почтеннейший посол! Ответить вам один не вправе я. Но трижды вам ответ был ясно дан. Против арабов не воюем мы. Нет разницы для нас между арабом, фарсом, римлянином или иудеем. Взгляните, он—араб. Свою он протянул нам руку трудовую. И он—наш брат. Воюем мы с арабскими тиранами, с багдадским халифом. Воюет с ними в двух шагах от нас и царство Ширваншахов. Но с ними нам не по пути. Равно враждебны нам и шах ширванский, и халиф багдадский, и император Византии. Мы—человечества друзья и его врагов враги. Во всяком случае, на предложение ваше сам народ ответит. Народу ж вашему—привет сердечный наш.

Алтай. Уважаемый посол! Покой для вас готов. И там же наши люди ожидают вас. Пожалуйте, проведите вас туда. (Арабу.) А с вами мы поговорим в общине.

Посол уходит. Снова показывается шестие девушек и юношей с факелами. Пенье, танцы, музыка. Молодежь направляется к горе Желаний.

Алтай. Как молодость прекрасна!

Ильдрым. Не потеряй же в страшные те дни Солмаз, она бы также бурной радости теперь могла отдаться и свободной грудью бы дышала.

Алтай (толкая его). Тише!

Эльхан. Увы! Несчастливая Солмаз! Какие муки грудь ее в плену терзает! О, подлые враги свободы! (Задумчиво прислоняется к дереву и глядит на веселящуюся толпу.)

КАРТИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Темница.

Прислонясь к стене, стоит Солмаз перед окном и, освещенная полной луной, поет печальным голосом.

Солмаз.

Я—тот бессмертный лепесток, что все цветы обновит.
Я—чувства вечного поток, что все сердца вдохновит.
Я та, что ради жениха себя казнить велит.

Ведь без тебя цветам увянуть, потокам с гор замолчать!
Пой, соловей, чтоб милый мог услышать!
Я—одинокая звезда, что никогда не уснет.
Я—соловей, что о любви поет всю ночь напролет.
От розы к розе он летит, пока своей не найдет.
Ах, без тебя и солнца нет в горах родников.
Я для тебя сплету венок из цветов.

Солмаз, смолкнув, стоит в задумчивости. Дверь бесшумно приоткрывается, и в комнату входят две прислужницы с подносом. Поставив поднос, они хотят уйти.

Первая прислужница. Бедняжка, как грустна, задумчива она. Как соловей в осенний листопад, она стонет и плакать не устает.

Вторая. Еще бы! Легко ли дни и ночи в заточенье проводить, не говоря ни с кем, не видя никого?

Первая. А что, если заговорить мне с ней? Спросить хотя бы, что ее печалит?

Вторая. Нельзя, запрещено. Да и сама она не станет говорить. Как Рэби и другие ни старались—она молчит. И даже сам Акшин не мог ни слова от нее добиться. Ее в Багдад хотели отослать, но Акшин приехал и не позволил.

Первая. И как она прекрасна! Бедняжка! От одиночества она погибнет.

Вторая. Молчи, уйдем. Не наше это дело. Злая участь ждет ее. Сегодня, или завтра... (Выходят, прикрыв дверь.)

Солмаз отходит от окна. Задумчиво приближается к двери, толкает ее. Видя, что дверь заперта, начинает метаться по темнице. Затем снова подходит к окну и, прослышав к стене, продолжает петь.

Солмаз.

Чудесных роз я нарвала, чтоб для тебя венок сплести,
Любимому несу венок—не преграждайте мне пути!
Весь век в скитаниях проведу, но я должна тебя найти!
Пусть без тебя цветы в саду завянут майскою порой,
Пой, соловей мой, громче пой, пускай проснется милый мой!

В камеру тихо входят Акшин и Рэби и, став неподвижно, слушают Солмаз. Когда та умолкает, они подходят к ней.

КАРТИНА ДВАДЦАТАЯ

Гора Желаний.

Молодежь. Музыка, танцы. По окончании танцев Доимез и Гюльгюи состязаются.

Доимез (заикаясь).

Нос свой в сторону направь,
Чтоб не выколол он глаз!
Прикажи любимой, чтоб
Не дразнила бровью нас!
Пусть она свои глаза
Не тарачит всякий раз!..
О, не убивай меня.
Кровь прольется, черт возьми!..
Дай глазами я упрясь—
Душу ты мою возьми!..

Но у-у-устал я говорить. Пу-пу-пуская теперь те, что молчали, говорят. Ведут себя, как в храме. Че-чего же вы молчите? Начинайте. Хо-хорошо, тебя, кажется, зовут Гюльгюи¹, не правда ли?

Гюльгюи (смеясь). На то похоже.

Доимез. А меня пока, на месяц Сюрюни². Настоящему же звать меня Доимез. Ну, это так...

Гюльгюи. Ага, ты, значит, высланный. И что ж ты совершил?

Доимез. Особенного ничего. Девушка есть одна, хорошенькая, прехорошенькая. Может, знаете? Глазки маленьенькие, рот же пребольшой. Маленького роста, лысенькая.

Гюльгюи. Нет, с красавицей такой я не знаком. Доимез. И ростом уж не так мала она, да только чуть горбата. Вот почему и кажется такой. И если бы головка не была... того-с... пожалуй, выросли бы косы у нее.

Гюльгюи. Потом, потом...

Доимез. Потом ничего. Я, значит, полюбил ее, она же—нет. Я взял да и, не выдержав, поцеловал ее. Вот почему уж третий день я за насилье над душой обрел себя на наказание и без дела по улицам брожу.

¹ Женское имя, означающее — цветущее, жизнерадостное.

² Смыслный, изгнанник.

Гюльгюн. Ну, это хорошо. А разве нет у тебя жены?

Донмез. Есть, да только мало проку. Вороной обернулась курочка моя и яйца на горах кладет.

Гюльгюн. Как то есть?

Донмез. Да так: считается моей женой, а другим—любовницей.

Гюльгюн. Но как же так?

Донмез. Да очень просто: любит всех мужчин, кроме меня.

Гюльгюн. Ну, ладно, а сюда не приходила?

Донмез. Прийти—пришла, да только с вечера мне на глаза не попадалась что-то. Не знаю, уж кого теперь облюбовала.

Гюльгюн. А ты ступай, да поищи.

Донмез. Ну нет, уж у меня нет сил опять три дня подряд твердить: я совершил насилие над сердцем.

Гюльгюн. Быть может, ищет и она тебя?

Донмез. Да это пустяки. Где б ни была, в конце концов домой вернется. А знаешь что, Гюльгюн? Мне очень нравятся твои глаза.

Гюльгюн. А знаешь, что Сюрюн? Совсем не нравятся мне нос твой.

Донмез. Совсем?

Гюльгюн. Совсем!

Донмез. Как хочешь! Знаешь, что? Немного погоды, как солнце сядет, тогда приду и стану рядышком с тобой я. Как только солнце сядет...

Гюльгюн. Знаешь, что? Немного погоды, как солнце сядет, я отойду и стану от тебя так далеко, что ты и с факелом меня найти не сможешь.

Донмез. Ну, это мы еще посмотрим. Эй, послушайте, чего вы не играете? Алтай, начни же! Вот я уж начал...

Знаешь, мне б всю жизнь в горах

Тужить без тебя.

Я спустился, сжался, мне

Не жить без тебя.

Пляшет без музыки.

Ильдрым. Эй, Донмез, чего ты разошелся?

Донмез. Постой, постой. Я целый месяц Сюрюном буду зваться.

Ильдрым. А кто ж тогда пустил тебя сюда?

Донмез. Я умолял, просил и, так как это в первый раз, то лысая красавица мне разрешила. А это что такое? Как козы, на гору карабкаются все. Пойду и я.

Гюльгюн. Нет, ты не уходи, попой еще.

Донмез. Ты знаешь что? Тебе не нравится мой нос, а мне... не нравятся твои мне уши: они не слышат ничего, что я твержу. Вот почему у нас с тобой не выйдет ничего.

Гюльгюн. Ты пой себе. Мне кажется, твой нос уж лучше стал.

Донмез. Ну то-то же! Раз, так, начнем.

Сосну в лошадку обратил—

И скачу к тебе!

Пойми, чтоб косы заплетать,

Я хочу к тебе!

Ильдрым. Алтай, Эльхан не приходил?

Алтай. За ним огромная толпа пошла. Сейчас вернется все.

Донмез (*танцует без музыки, поет*).

Есть коза, а луга нет.

Есть жена, а друга нет.

Есть саз—ашуга нет!

Нос свой в сторону направь!

Есть козел, а рожек нет.

Есть сапозник—кожи нет.

Есть друзья—и все же нет!

Нос свой в сторону направь!

Алтай. Идет, вот он идет.

Эльхан (*входит в сопровождении большой толпы*).
Хвала свободным сынам страны свободной!

Народ. Хвала непоколебимому борцу за новый мир Эльхану!

Девушки и юноши пляшут.

Народ (*поет*).

Во все века трудились мы, как быки.

Но были мы от светлых дней далеки.

Восстань из праха и сожми кулаки.

Встань, встань, встань, земля рабов!

Как воду, пили нашу кровь палачи,
Влачили цепи мы и днем, и в ночи.
Одним порывом их порви, не молчи!
Встань, встань, встань, земля рабов!

Эй, голову свою, палач, береги!
Пусть рухнут смерти и тоски очаги!
Земля, как мать, нас обними, помоги,
Встань, встань, встань, земля рабов!

Врагов свободы уничтожь ты навек!
Чтоб человека не топтал человек!
Чтоб в мире не было рабов и калек!
Встань, встань, встань, земля рабов!

Пение и танцы.

Да здравствует создатель новой и свободной жизни
Эльхан из Билэгэна!..

Донмез. Да здравствует Донмез-Сюрюн—мшень
для женских кулаков!

Девушки и юноши пляшут.

Хор.

Вперед! Мы—молодость земли!
Ушло навеки царство тьмы!
Весь мир—необозримый сад!
Его цветы—это мы!
Мы—дети матери-земли,
Ее родною мы зовем.
Свободны совесть и любовь.
И стала ночь нам светлым днем!

Все играют, поют и пляшут в головокружительном вихре. Один Эльхан стоит задумчиво, печально глядя на этот весело движущийся человеческий поток. Выступает невец. Когда Донмез отвлекается разговором с Ильдырмом, Гюльгюн подходит к Эльхану.

Гюльгюн. Опять все о Солмаз ты думаешь? Но... что пользы тосковать?

Эльхан. О, да, Гюльгюн! Мы здесь свободны так и рады, она же там в каких мученьях дни проводит?! Мне кажется, что больше никогда ее я не увижу. Ни ее, ни брата моего Акшина...

Донмез (оглянувшись и не найдя Гюльгюн). Эге, я потерял свою подругу. (Увидев Гюльгюн с Эльханом, подходит к ним.)

Народ.

Живой природе не к лицу
Тяжкий гнет.
Свети же нам, солнце! Ветер, вой!
Пой, вода!
Никто заборов на земле
Не найдет!
Свободен мир, свободны мы
Навсегда!

Всобщее движение. Свет гаснет.

Донмез (в темноте). Ах, что б тебе, опять я потерял ее.

Слышишь голоса.

Нашел!
Ни зги не видно!
Донмез. Э-гей! Остался я один. Кто в том же положении,—ко мне! Сюда, к костру! А это чья рука? Ага, узнал! Теперь уж не уйдешь! О-отверни-ка нос! Ка-как бы глаз не выколоть.
Голоса. Несчастье! Беда! Зажгите свет! Зажгите свет!

Свет. Юноши и девушки стоят воярно. Смотрят изумленно. Один Эльхан стоит в стороне, прислонившись к дереву.

Народ. В чем дело? Что случилось?
Тогрул. Приказом из Багдада утвержден военачальником арабских войск ваш брат Акшин. На нас он с новой силой идет. У Севаланских гор наш храбрый Эртогрул разбит и отступает.

Голоса. Увы, опять беда! Опять несчастье!
Эльхан. Несчастье—тень людского счастья! Чем ярче жизни свет—тем гуще тени. Ну, что ж, пускай! Горхмаз, готовься! Сами мы отправимся туда...

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Луная ночь.

Обширное поле битвы у подножия высокой горы. Вдали красноватые огоньки города. Тускло освещены груды тел, оторванные головы и конечности. Слово тень, Горхмаз ползает среди раненых, кого-то ищет. Найдя лежащего без чувств Эльхана, нагибается над ним.

Горхмаз. Вот он! Он здесь. Не умер он. Эльхан жив. Он ранен! Эльхан, вставай, вставай, Эльхан!..

Эльхан (*медленно приходя в себя*). Горхмаз, ты?

Горхмаз. Да, я. Ты ранен?

Эльхан. Горхмаз, мои несчастные товарищи погибли? Не правда ли, их всех мечу предали?

Горхмаз. Да, большие мы потери понесли.

Эльхан. Несчастные, ужель никто не спасся?

Горхмаз. Нет, никто бежать не пожелал. Да и бежать-то было некуда. Со всех сторон кольцом железным были мы окружены. Сдаваться не желая, многие со скал бросались в бездну. В плен мало кто захвачен был.

Эльхан. В плен? Бедняги, что им было делать? Численностью в двадцать раз нас враг превосходил.

Горхмаз. С невиданной отвагой, с беспримерным мужеством все бились. Бесстрашно верной смерти шли навстречу. Тогурул убит.

Эльхан. Убит?

Горхмаз. Да. Героическую проявил он доблесть. Эльхан, со мной он рядом был.

Эльхан. Горхмаз, я истекаю кровью.

Горхмаз. А рана тяжела? Перевязать ее нам надо. (*Перевязывает его.*)

Эльхан. Горхмаз, нельзя ли выбраться отсюда?

Горхмаз. Нет, мы окружены со всех сторон. Вокруг непроходимый океан из копий и мечей. Мы—остров среди кровавого, бушующего моря.

Эльхан. Горхмаз, меня не жди и, если путь есть избавления, беги, спасись хоть ты...

Горхмаз. Нет, я с тобою не расстанусь! Я тоже ранен, только не опасно.

Акшин (*за сценой*). Кто не признает бога, пощады тот не жди. Неверующие будут преданы мечу.

Эльхан. О, этот голос! Не Акшин ли это?

Горхмаз. Мне кажется, что он. Нас ищут. К нам они идут.

Эльхан. Акшин, Акшин! О, горы, что от вас спасенья ждал, и вас глубокий снег покрал. Я так надеялся на брата! Горхмаз, беги и спрячься в стороне.

Горхмаз. Мне некуда бежать. Куда б ни скрыться, нас найдут. Да если бы и можно было, я без тебя не двинусь никуда.

Донмез. Воды! Во рту огонь!

Эльхан. Горхмаз, кто это?

Горхмаз (*посмотрев*). Донмез, Донмез, то ты? Вот и Тогурул.

Эльхан. Тогурул? Горхмаз, найди воды хоть каплю для него.

Эльхан (*подходя к Донмезу*). Донмез!

Горхмаз. Жив и Тогурул.

Эльхан. Он жив еще? Тогурул, Тогурул, вставай!

Донмез. Воды! Горю! Глоток воды!..

Эльхан. Донмез! Мой доблестный Донмез! Вставай.

Донмез. Не встану больше я. Не сдамся я. Воды, воды, хотя бы капельку одну...

Эльхан. Горхмаз, тут нет ли где поблизости воды? Донмез!.. Не нужно! Ушел бедняга навсегда...

Горхмаз. Вставай Тогурул.

Эльхан. Тогурул, то я. Встань, поднимись, мой сокол!

Тогурул (*приподнимаясь с их помощью*). Ах, это вы? Я не виноват. Я бился до последних сил, но было их так много...

Эльхан. Я видел сам, как до последней крайности ты бился, чтобы знамя удержать.

Тогурул. И раненый, я, увидав, как знамя наше неприятель захватил, собрал остатки сил и ринулся вперед, чтобы не дать его врагу. Древко я преломил и знамя разорвал.

Эльхан. Ты—храбрый муж, Тогурул.

Тогурул. Я умираю, но спокоен: знамя, что я нес, во вражьи руки не попало... Я... (*Умолкает, падает.*)

Эльхан. Несчастный! И он скончался! Но почему, когда на свете каждая букашка жить свободно может, человеку жить свободно не дают? Тогурул, отважным и

настоящим был героем ты. Но каждая весна свою имеет осень. Цветок, что на груди ликующей весны родился и едва расцветь успел, предчувствует дыхание осенних вихрей; на его лепестках мерцает блеклый луч идущего к закату солнца. Таков закон неотвратимый и жестокий. Не перед трупами, что груды мяса и костей собой являют, а перед стойкостью духу юношей, что за идею жизнь отдали, благоговейно я колени преклоняю! Колени эти, что не согнула армий мощь, теперь склоняются пред вами здесь. Горхмаз, и ты стань на колени.

Оба опускаются на колени.

А к ш и н (за сценой). Отсюда скрыться не могли они. Ищите. По одному все трупы осмотреть.

Г о р х м а з. Акшин идет. Кто с ним? Ужели то Солмаз?

Э л ь х а н. Она, она! При тебе ль твой меч?

Г о р х м а з. При мне. Но с ними, если нужно, в бой вступаю я сам. Ты ранен. Подняться с места ты не в силах.

Э л ь х а н. Нет, нет, не в состоянии биться ты. А я, хоть ранен, но еще не умер. А вот и меч. Но только сломан он.

Поднимает меч. Входят Акшин, Рэби, за ними Солмаз и пленные.

А к ш и н. Кто здесь?

Э л ь х а н. Кто нужен вам?

С о л м а з. Эльхан!..

Э л ь х а н. Солмаз!..

А к ш и н. Это—они, они! Нашел!.. Благодарение аллаху! Он жив еще Эльхан, мой бедный брат!

Э л ь х а н. Ко мне! Еще не умер я. С тобой еще успею мы сразиться.

С о л м а з. Всегда он сердцем львиным обладал.

Э л ь х а н. Солмаз, чем теперь в плену тебя мне видеть, лучше б потерять тогда.

С о л м а з. Увы, ты ранен, кровью истекаешь. Пустите, раны я перевяжу ему.

А к ш и н. Эльхан, мой милый брат! Сдавайся! Теперь на вас не только из Аравии арабы, но и монголы из родного Туркестана наступают. И даже Ширваншах, что силой пользуясь твоею, голову осмелился поднять, теперь

власть халифата над собой признал, а центр мятежа, Хуррем, что двадцать лет безбожия гнездо собой являл, как гряда щепок, пламенем объят. Смотри, поверженное в прах твое растоптанное знамя здесь, в моих руках. Все кончено. Довольно, брат мой, от безбожья отрекись! Не беззаконье, а законы миром правят. На путь признания великого аллаха ты вступи! Скажи два слова: ла илахэ иллаллах—есть аллах,—и ты прощен. Большие милости его святейшество халиф тебе сулит.

Э л ь х а н. Акшин, не из породы я презренных муравьев, что, ползая в ногах имущих власть, на милость победителя сдаются. Нет, нет! Перед аллахами, что кровь сосут и кости гложут, я главы не преклоню. Ты к трупу моему с словами теми обратиться можешь... Еще не умер, жив я, и с тобою биться буду.

А к ш и н. Так пусть же знает мир, что на пути единого аллаха, за святой ислам на брата своего я поднял меч и поразил его своей рукой.

Э л ь х а н. И пусть история, грядущий мир свободы знают, что за дело светлое свое пред братом я родным не безоружен.

Бьются.

Г о р х м а з. Эльхан, ты не один. С тобою я, тебя я не покину.

Э л ь х а н. Ах! (Хватается за грудь и, выронив меч, падает.)

Воины арабов хватают сзади Горхмаза, обезоруживают и связывают его руки.

А к ш и н. Держите.

Он сам и воины бросаются к Эльхану.

С о л м а з. Не убивайте! Пощадите, раненых не добивают.

Г ю л ь г ю н. Он всех прощал.

Э л ь х а н. О, встань, Солмаз! Мольбой не унижай себя!

А к ш и н. Велению его святейшества противиться нельзя. Безбожник он. И по закону шарната строгую он кару понесет.

Э л ь х а н. Я этой кары жду.

Солмаз. Эльхан! Последний луч моей печальной жизни! Не бойся, в час последний буду я с тобой.

Акшин. Никто не смеет подходить к врагам великого аллаха. Разойдитесь!

Солмаз. Нет, с ним я не расстанусь.

Эльхан. Я ухожу. Сама судьба нас разлучает. Поди ко мне, Горхмаз! Сратник мой бесстрашный в длительной борьбе! Простимся.

Горхмаз. Эльхан! Великий брат людей! Всегда, всегда с тобою я.

Эльхан. Солмаз, Солмаз, тебя со мной навеки разлучает рок.

Солмаз. О, нет, с тобою не расстанусь я.

Эльхан. Солмаз! О, меркнувшее солнце жизни гаснущей моей! Не надо горевать. Жизнь—загадка. Не вечен мир цепей и крови. Другому можешь сына подарить ты, а я навеки из жизни ухожу.

Акшин. Довольно! Разойдитесь!

Солмаз. Нет, нет, пока жива, я с ним не разлучусь.

Акшин. Ничто живое нарушить не может его святейства халифа волю. Расстаньтесь, говорю.

Рэби. Человек подчиняется силе. Расстаньтесь, расстаньтесь.

Обнажив меч, опускает его между ними. Эльхан хочет схватить меч руками. Акшин хватает Эльхана, а Рэби — Солмаз.

Солмаз. Нет, не расстанусь, не расстанусь. Жить без него я не хочу. *(Бьетсся.)*

Эльхан. Копье—зловещая сова. Пусть будет так.

Акшин. Эльхан, несчастный брат! Ты храбр. Твой вид меня гнетет. Хотя б меня ты пожалел! Идя сюда, свой меч к стопам его святейства халифа я поверг и испросил тебе помилование его. Тебя прощает он, но только, брат, на праведный вступить ты должен путь. Скажи же, ну, скажи: ла илахэ иллаллах!

Эльхан. Акшин, Акшин! Не забывай, что я—не ящерица, которую легко так раздавить. Ах, Акшин! Если бы ты знал, как и теперь глубоко я тебя люблю. Морщина каждая в твоём лице мне о мгновениях счастливых детства говорит. Даже теперь объять, поцеловать, всю боль, все горе высказать свое тебе хочу я. Увы, прокля-

тые мрачной бездне, что стоит меж нами. На свете лишь два существа любил безмерно я. Одно—она, другое—ты! И отняли обонх у меня. Тебя—пророк, ее же—ты.

Акшин. Эльхан!

Эльхан. Я—это я! И до последнего мгновенья самим собой останусь. С религией я всякою могу мириться лишь до слов: ла илахэ¹.

Акшин. Эльхан, последнее условие его святейства халифа я передаю: возьми Солмаз. *(Развязав веревку, связывавшую руки Горхмаза, передает ее Рэби.)* На ветку перекинь. *(Рэби берет веревку и перекидывает на ветвь ближайшего дерева. Акшин водружает на нем знамя Эльхана.)*

Солмаз ты очень любишь. Ее тебе я возвращаю. Перед тобою два пути. Или Солмаз и с ней коран священный, или смерть под побежденным знаменем твоим, забвенья, бездна. Выбирай.

Эльхан. Мой идею, что указывают к счастью и свободе путь, мысль мою, что в бесконечности любви парила, мой желанья, что ласкали красоту вселенной, не вместишь вам в раму узкую служебного приказа. И для меня Солмаз, зажавшая в руках коран, не больше, как окровавленный цветок. Моим очам открыт теперь ликующий свободы мир и вижу человечество счастливым и свободным. И в этот светлый мир один лишь путь—под знаменем изодраным моим. Его я выбираю.

Солмаз. И я твой выбор одобряю!

Бросает коран к подножию виселицы. Под звуки зана Эльхан подходит к виселице.

Акшин. Несчастный! Хотя б на суд к аллаху отправлялся, в последний раз скажи: «ла илахэ иллаллах».

Эльхан. Ла илахэ иллаллах? Прислушайся, и он твердит: «Ла илахэ иллаллах!» И этот пламень, что пожрал жилища тысяч бедняков, вопит: «Ла илахэ иллаллах!» И кровь невинная, которой так обильно залита земля, кричит: «Ла илахэ иллаллах!» И виселицы гнусные, что палачами счастья человека воздвигались от Адама и до наших дней: «Ла илахэ иллаллах»—восклицают. Все эти тюрьмы, все мечи и копыя, черные веревки, кандалы и цепи вторят им: «Ла илахэ иллаллах!» И эти тру-

¹ Нет бога, кроме одного бога.

^{*} Нет бога.

ны, кости, руки, ноги, эти черепа, что под ногами, словно муравьи, чернеют, и они твердят: «Ла илахэ иллаллах!» И только я один тех слов не повторяю. И только я один, стоя под знаменем великим братства и свободы, что воцелодает солнца луч, биенье сердца, мысли дерзновеье, громко возглашаю: «бога нет!» Лишь я в свой смертный час, один пред полчищем врагов, пред властью мясников и палачей, что кровь народа пьют, твержу: «нет бога, бога нет!» Лишь я один против правителей жестоких, против армий, сеющих повсюду смерть, несущих горе, твердо заявляю—«бога нет!» Лишь я в последний жизни час, лицом к лицу со лживыми законами, обычаем, религией, несущими отраву, рабство и насилие, лицом к лицу с богами и кумирами, пророками, что именем богов торгуют и зловещим криком оглашают мир, неводи гнусный мир, твержу—«нет бога!» Сам я—бог! Я—сам создатель жизни, счастье на земле творец! В себе я заключаю глубину небес, вселенной красоту, улыбку жизни! И потому я—бог! Бог во мне!

С этими словами вдевает голову в петлю и умирает. По одну сторону виселицы у ног Эльхана в глубоком молчании стоит Солмаз, по другую—Акшин, впереди Горхмаз и Гюльюн. Среди царящего вокруг молчания и полной неподвижности издали доносятся звуки азана и виднеется зарево пожара над Хурремом.

А к ш и н. А правда ли, что есть аллах?..

ЗАНАВЕС

ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

●

Севи́ль.
Балаш — се муж.
Гюлюш — сестра Балаша.
Атакиш — отец Балаша.
Бабакиш — отец Севи́ль.
Дильбер — возлюбленная Балаша, впоследствии его вторая жена.
Мамед-Али-бек } приятели Дильбер.
Абдул-Али-бек }
Тафта — служанка в доме Балаша.
Гюндюз — сын Балаша и Севи́ль.

ДЕЙСТВИЕ
ПЕРВОЕ

●

Дом Балаша. Комната в восточном стиле.
Севи́ль сидит одна.

Севи́ль (поет).

Друг неверный мой,
Как тебя забыть?
Вместе нам с тобой
Суждено не быть.
Ах, жестокий друг!
Ах, жестокий друг!

Друг жестокий мой,
Нас злой рок разлучил.
Ты ведь не был такой,
Кто тебя подучил?
Ах, жестокий друг!
Ах, жестокий друг!

Входит с лампой Гюлюш.

Гюлюш. Ты что такая бледная, Севи́ль? Может, заболела?

Севи́ль. Нет, Гюлюш-джан, ничего...

Гюлюш. Как ничего? Глаза красные. Опять плачешь?

Севи́ль. Тоскливо, Гюлюш-джан. Уже так поздно, но Балаша опять нет.

Гюлюш. А ты, как всегда, сидишь голодная со вчерашнего дня и ждешь его?..

Севи́ль. Что же делать, Гюлюш? До еды ли мне? Мы здесь сдим, а бедный Балаш, голодный, день и ночь работает. На часок не может заблуждаться домой поесть. Его опять уже два дня нет дома.

Гюлюш. И что же?

Севи́ль. Как что же? Раньше мы жили бедно, трудились целый день, да зато вечером спокойно ели свой кусок и горя не знали. А теперь аллах сделал нас побогаче, но мы видеть-то не видим друг друга вдоволь. Он работает голодный, и мне в горло кусок не идет.

Гюлюш. Ах, Севи́ль, бедная головушка! Да откуда ты знаешь, что Балаш действительно день и ночь работает, да еще голодный?

Севи́ль. А как же мне не знать?

Гюлюш. Ты ведь не рядом с ним?

Севи́ль. Но он сам говорит... Да где ему быть как не на работе? А домой придет, наспеш выпьет стакан чаю и тут же опять бежит по делам. Чтоб аллах уничтожил такую работу!.. Ни днем нет спасения, ни ночью. Бедные наши женщины! Русским и армянкам гораздо лучше. Вот, к примеру, жена Ивана получает больше, чем он сам. А мы сидим и ждем что муж подаст. Умела бы я что-нибудь сделать, как бы я помогла Балашу!

Гюлюш. Ах, бедная Севи́ль! Жалко мне тебя. Знала бы ты, чего только ни бывает на свете!.. (Открывает книгу, вынимает оттуда письмо.) Чье это письмо?

Севи́ль. Лежало среди книг Балаша. Сегодня выпало...

Гюлюш. Опять от нее?

Севи́ль. От кого, Гюлюш? (Гюлюш комкает письмо.) Не падо, Гюлюш. Смотри, помяла. А там, внутри, красивая женская карточка. На голове такой гребень, на груди цветок... Дастань, посмотри.

Гюлюш. Какая ты несчастная, Севи́ль. Над тобой измываются, а ты днями сидишь голодная и ждешь Балаша.

Севи́ль. Что же делать, Гюлюш-джан? Балаш работает, он сам голодный, вот и мне в горло кусок не лезет.

Гюлюш. Ты знаешь эту женщину?

Севи́ль. Откуда? Только карточку видела. Другой ее портрет Балаш принес и повесил на стену. Работаем, говорит, вместе. Я сказала ему: пойдём и мы сфотогра-

фируемся и тоже придем на стену... Не захотел. Интересно, Гюлюш-джан, а я выйду на карточке? Ах, если б у меня был мой портрет! Интересно, как я выйду?

Гюлюш. Пойдем, Севи́ль. Сведу тебя к фотографу. Севи́ль. Нет, что ты? Разве Балаш позволит? Как я пойду без его разрешения? Ах, Гюлюш, будь я такая, как ты, я бы училась и помогала Балашу.

Гюлюш. Ах, бедная, Севи́ль! Бедняга.

Севи́ль. Гюлюш-джан, ты почему в последнее время так часто называешь меня беднягой?

Гюлюш. Да ведь ты действительно бедняга, Севи́ль. Ты на все смотришь неверными глазами Балаша. Тебе нужно, чтобы весь мир служил его счастью. А для себя ты ничего не хочешь?

Севи́ль. Конечно. Да благословит аллах его тень над моей головой!

Гюлюш. Его тень—вот эта черная чадра. Пока она на тебе, ты будешь несчастной.

Севи́ль. Что я могу сделать?

Гюлюш. Сними ее, порви, брось!

Севи́ль. А что Балаш скажет? Разве он согласится? Он даже тебе не разрешает ходить с открытым лицом.

Гюлюш. Но ведь я хожу.

Севи́ль. Ты всегда была безумной. Балаш бесилен, не может ничего сделать. Он тебя сестрой своей не считает и всегда говорит: «Гюлюш сумасшедшая, она не понимает человеческого языка». А я жена его, я должна его слушаться. Ведь муж—это тень аллаха.

Гюлюш. Чепуха! Нет ни аллаха, ни его тени!

Севи́ль. Что ты!.. Что ты!.. Молю тебя, Гюлюш-джан, не говори так!

Гюлюш. Бедная Севи́ль! Как ты веришь людям! У тебя на глазах черное покрывало. Я хочу сорвать его. Но за ним столько ужасного... Я даже не верю в то, что ты перенесешь весь этот кошмар...

Севи́ль. Что, что?.. Ты порвешь кашемир?

Гюлюш. Какой кашемир?

Севи́ль. Не знаю. Ты сама только что сказала: хочешь сорвать покрывало, порву весь этот кашемир. Гюлюш, ради аллаха, объясни мне, что происходит?

Гюлюш. Эх, Севи́ль, Севи́ль!.. Сейчас земной шар

сорвался со своего старого стержня. Вся жизнь переживает землетрясение.

Севиль. Что? Говоришь, будет землетрясение?

Гюлюш смеется.

Прошу тебя, Гюлюш-джан, не смейся. Объясни получше. Зачем тебе рвать какое-то покрывало?

Гюлюш. Ах, Севиль! Игра уже подходит к концу. Так долго не протянется. Скоро ты сама все увидишь.

Входит Атакиши с ребенком на руках.

Атакиши (поет).

Эти коровки—жертва тебе,
Скоро ль наш мальчик пойдет по земле?
Змейку готовы в жертву отдать,
Скоро ль наш мальчик начнет лопотать?

Гюлюш. Где ты так научился, отец?

Атакиши. Хей... доченька! Когда-то это твоя мать пела.

Севиль. Как ты хорошо запомнил, ами!

Атакиши. Знал больше, да все выветрилось из головы.

Просо под ветлами,
Зернышки светлые,
Женщины бедные—
Жертва тебе.

Кони с подковами,
Сбруи их новые,
Женщины вдовы—
Жертва тебе.

Гюлюш. Хорошо, но почему только женщины, да еще вдовы? Почему не мужчины?

Севиль. Мужчина это опора дома. Вот почему. А что женщина? Сидит себе в углу дома, как мешок с мякиной, ни богу свечка, ни черту кочерга. Только знаешь, ами, Балашу не понравится, что ты поешь такие вещи ребенку. Расшумится: «При людях не пой, а то скажут—мужичья песня». Вот есть другая, «Баяушка», что ли? Вот ее, скажет, пой.

Атакиши. Ну и что ж, что мужичья? Подумаешь—«Баяушка». У него, наверно, от чтения бумажек разум помутнел.

Севиль. Как я просила Балаша научить! Времени нет.

Гюлюш. Где ж там? Требовать он время находит, а научить—так нет.

Атакиши. Хорошо, раз ему не нравится, больше не буду. Поздно уже. Возьми ребенка, я схожу за водой.

Севиль. Нет, ами. У тебя рука сломана... Я сейчас пошлю кого-нибудь.

Атакиши. Нет, дочка. Думаешь, труд—принести воды. Без дела-то тяжело. Я в своей жизни ни дня не сидел без работы. А сейчас... Проклятая машина искалечила меня и загнала к вам в угол. А то б вы меня дома не увидели.

Севиль. Страшного, слава аллаху, ничего нет.

Атакиши. Понимаешь, доченька, таков уж порядок на свете. Раз человек без заработка, грош цена ему в доме. И мать любит сына богатого... Разве я такой был? Мы с твоим отцом Бабакиши в молодости героями были. Славный мужик! Давно я его, черта, не видел.

Севиль. Я и сама с ним шесть лет не виделась?

Атакиши. В молодые годы-то Бабакиши был здоровяк. Да, мы с ним частенько хаживали в лес по дрова. Видишь мою правую руку? Я вот такой толщины деревня вырывал с корнем из земли. И дубинка моя неплохо работала. Гора не могла перед ней устоять. Однажды я так огрел односельчанина Хасана по мягкому месту, что ему два месяца сырое тесто прикладывали. Эх, дочка! А теперь вот сгубила меня проклятая машина. Живу милостью сына. Каждый кусок кажется горьким.

Севиль. Ради аллаха, не говори так, ами. И без того на сердце тяжело. Балаш услышит—скандал будет. Что это за сын, если не поможет отцу.

Атакиши. Верно, дочка. Плохой ли, хороший—а все-таки сын. Но ты понимаешь, в чем дело? Я с детства жил вольно, не бил лба в полклонах аллаху. В горах, долинах, на склонах и по сей день остались копыта моего коня. Эх, была бы у меня рука целая! А сейчас, дочка, ведро воды да охалка дров—мое единственное утешение. Уж вы хоть этого не отнимайте у меня.

Се в и л ь. Боже, что вы говорите! Бедный Балаш день и ночь трудится. Для кого же?..

Г ю л ю ш. Отец, ты верно говоришь. Своей кривой рукой ты не поймашь рыбы в водовороте нашей жизни. В таком виде ты ни к чему не пригоден, кроме смерти.

Се в и л ь. Что, смерти?

Г ю л ю ш. Да, смерти. Но ты еще молод, отец, и крепок. Балаш не понимает тебя. Он прячет тебя от жизни, обманывает. Он может бросить тебя из огня да в поляны, когда ему захочется. Но ты не бойся, отец. Делай так, как я тебе скажу. Я помогу тебе вернуться к жизни.

А т а к и ш и. Я и так, дочка, прошу смерти у аллаха. Что бы ни было, лучше умереть, чем довериться на милость женщины.

Г ю л ю ш. Отец, это не милость. Я сведу тебя к врачу, он вылечит твою руку, ты будешь работать. Я буду беспощадна к тебе. В летний зной, когда язык вспухает от жажды, я буду заставляя тебя таскать воду. Студеной зимней ночью, когда птицы будут падать на лету от мороза, я заставлю носить тебя дрова, топить печь. Мы вместе будем греться. Твоему большому сердцу милость—оскорбление.

Се в и л ь. Не слушай ее, ами. Слава аллаху, у нас есть все—дом, деньги, мы ни в чем не нуждаемся... Пойстой, ами, сейчас я опорожню ведро.

Г ю л ю ш. Отец, я запишу тебя на курсы машинистов. Хочешь?

А т а к и ш и. Нет, нет, дочка. К машинам ни за что! Это дьявольская вещь! Боюсь!

Г ю л ю ш. Ты не прав, отец. Наш век—век машин. От них нельзя бежать. В один прекрасный день вулкан цивилизации, великое землетрясение снесет этот дом вместе с его узлами, и ты останешься один среди страшных машин... Помни, машина это пулемет: будешь сзади нее, она твоя раба, впереди—твоя смерть. Ну, пока! *(Хочет уйти.)*

Се в и л ь. Пойстой, пойстой? Ты говоришь, будет землетрясение и наш дом погибнет? Скажи, Гюлюш, когда это случится?

Г ю л ю ш. Для тебя, Севиля, это случится очень скоро.

Се в и л ь. Приходи быстрее, объясни мне. А то нелюбопытная и уходишь. Позавчера Балаш сказал, что у него се-

годия гости будут. Вдруг они придут, а я одна... Скорее возвращайся.

Г ю л ю ш. Ладно, ладно. *(Уходит.)*

А т а к и ш и. Ну, дочка, давай ведра, пойду за водой. *(Уходит.)*

Слышатся чьи-то шаги.

Се в и л ь. Эй, кто там? *(Подходит к двери.)* Боже, отец! Входи же. Шесть лет не виделись! Какими судьбами?

Входит Бабакиши.

Бабакиши. Этот год, доченька, так сказать, у нас дождей не было. Засуха, так сказать. Я в долги влез. Продал немного угля, так сказать, да гроши получил. Приехал в город, так сказать, может работенку какую найду. Перебьюсь как-нибудь. Аллах милостив!

Се в и л ь. Хорошо что приехал. Все равно я хотела нанять кого-нибудь в помощники Атакиши.

Бабакиши. Нет, доченька. Так сказать, если я здесь останусь, для тебя наступят черные дни.

Се в и л ь. Что ты, отец! Мы сейчас, слава аллаху, живем хорошо. Хотя за эти шесть лет всего пришлось потерпеть, но как царя свергли, Балаша сделали большим начальником. Затем он стал еще больше. А сейчас он совсем большой. Сам племянник Тагьева зовет его в гости. Переводчик следователя кланяется ему. Родственник бывшего пристава перед ним по швам вытягивается. Оказывается, это проклятый царь портил нам все дело.

Бабакиши. Значит, так сказать, он стал большим человеком?

Се в и л ь. Да... Очень большим... Все сокровища старого царя при разделе достались ему.

Бабакиши. Прямо, так сказать, ему самому?

Се в и л ь. Ну да, все ему самому. Он дает людям в долг, а потом собирает. На днях я посмотрела в замочную скважину... К нему пришел такой важный человек. Пузо огромное, сам толстый, на руке золотые часы, на пальце золотое кольцо. Говорит Балашу: «Прошу тебя, ты должен уладить это дело!» Балаш подписал его бумагу, и тот ушел, качая головой... *(Достает из шкафа пачку денег, показывает отцу.)* Смотри, это все наши

деньги. Здесь очень много денег... «Погоди,—говорит Балаш,—я стану тем, кто сейчас вместо царя!»

Бабакиши. Зачем? Пусть лучше деньги крепче держит, так сказать.

Севи́ль. Деньги—они наши. Нет, ты не бойся. Дела у нас, слава аллаху, идут хорошо. Да я и так хотела нанять человека.

Бабакиши. Хвала создателю, доченька! Ты порадовала меня, так сказать.

Севи́ль. Кто только вокруг нас ни кормится... Нет, я тебя не отпущу.

Бабакиши. Ладно, доченька, быть по-твоему. Тогда, так сказать, я сейчас побегу... Дай мне только кусок хлеба... Пойду, узнаю, не едет ли кто в селение? Так сказать, отправлю эти мешки.

Севи́ль. Сядь, поешь, тогда пойдешь.

Бабакиши. Нет, нет. Так сказать, съем по дороге.

Севи́ль. Ну, хорошо. На, иди... Только скорее возвращайся... Я к твоему приходу ужин приготавливаю.

Бабакиши уходит. Севи́ль берет ребенка, уходит в соседнюю комнату.
Поэт.

Друг жестокий мой,
Нас злой рок разлучил.
Ты ведь не был такой,
Кто тебя подучил?
Ах, жестокий друг!

Входит Балаш.

Балаш. Севи́ль! Эй, Севи́ль!

Входит Севи́ль.

Севи́ль. Балаш, ты? Пришел, а я не заметила. Клянусь тебе, с утра сижу у окна, думаю: вдруг пройдет, а я не увижу. Раздевайся скорей. Ты ведь умираешь с голоду. Наверно, со вчерашнего дня ничего не ел... Живенько сними это!

Балаш. Постой, не тронь. У меня нет времени раздеваться. Я ведь сказал тебе, ко мне гости придут.

Севи́ль. Да ты сядь, поешь. Тебя, наверно, мутит с голоду. Я тоже есть хочу. Вместе поужинаем... А гости придут—у нас все есть. Мясо куплено, сделаю что скажешь.

Балаш. Вот это да!.. И мне еще не верят, когда я говорю, что жизнь моя отравлена. Как я тебе велел?... Дело к полуночи, а она говорит: «Сделаю что скажешь!»

Севи́ль. Я ведь не знала, что гости придут обязательно.

Балаш. Ладно, ладно, хватит... Разве из тебя человек выйдет? Кого еще ждешь? Живо за дело! Быстрее приberi дом, затопи печь. Просто ума не приложу, кто же будет подавать, и кто будет с гостями сидеть?

Севи́ль. Разве я не смогу, Балаш? У меня есть новый платок. Хочешь, я накину его и буду подносить вам.

Балаш. Нет, что ты! Ты сиди на своей половине и не показывайся сюда. Старик у постелишь в задней комнате, пусть быстрее ляжет. А то вылезет к нам в своем тряпье—осрамится.

Севи́ль. Хорошо, тогда сам занимайся гостями.

Балаш. Тоже нельзя. Если бы, допустим, пришли одни мужчины, было бы полгоря. Но ведь и дама будет. Поэтому кто-нибудь из женщин дома должен подавать на стол.

Севи́ль. Балаш, а эта, что на фотографии, придет? Балаш. Она-то как раз и будет. Что ж особенного?

Севи́ль. Нет, ничего... Мне только интересно, она будет сидеть вместе с мужчинами?

Балаш. Где же ей сидеть еще? Может, она будет с тобой лепить пельмени?

Севи́ль. Балаш, почему ты меня никогда не показываешь людям? Почему ты никуда меня не берешь с собой? Может, я хуже других женщин? Разве я хуже той, что на карточке?

Балаш. Ну, хватит! Довольно проповедей. Я теперь человек из большого общества. Я имею дело с докторами, писателями, философами.

Севи́ль. Балаш, а родственник пристава все так же вытягивается перед тобой?

Балаш. Ну, скажи, куда я могу тебя взять в таком наряде? В этих чулках, в этих башмаках.

Севи́ль. Ну и что ж! Купи и ты мне хорошее платье.

Балаш. Да разве тебя можно показывать людям? Ты и ходить-то как следует не умеешь. А когда говоришь, язык заплетается. Стола накрыть не можешь, несчастный апельсин и тот не очистишь правильно. Куда же я тебя

такую возьму? Ты, как верблюд в ювелирной, переколотишь всю посуду.

Се в и л ь. Накрывать стол? Апельсин очистить? Что здесь трудного? За час я на сто человек приготовлю обед. И как еще стол накрою! Даже дыни с арбузами очистищу.

Б а л а ш. Эхе-хе! Тебе до самого светопреставления не втолкуешь. Ну, верно, для наших женщин, для мужиков ты приготовить... Но для того общества, в котором я сейчас вращаюсь, ты не годишься. Там есть тысяча способов, как можно очистить апельсин, тысяча способов, как нужно складывать салфетку. Нет, в таком виде я не могу показать тебя людям. Мне стыдно! Ведь скажут: «Кто это притачил из леса медведицу?» И с отцом в его драной чохе нельзя нигде показаться. Еще скажут: «Какой сам, и каков отец!»

Се в и л ь. Мне было тринадцать лет, Балаш, когда я пришла в этот дом. Шесть лет мы жили кое-как, полуголодные, ели один черствый хлеб. У меня не было ни дня радости. Сейчас аллах взглянул нам в лицо, дал достаток, но ты по-прежнему никуда не ходишь со мной. А если бы ты брал меня, выводил к людям, я бы раз ошиблась, другой, а потом, глядя на других, научилась бы всему. Ведь и они тоже, ну, скажем вот та, что на карточке, не из материнской же утробы вышла такая умная?

Б а л а ш. Это образованная женщина. Из богатой семьи. Ее отец был прежде губернатором. Она знает все на свете. Окончила в Париже курсы маникюриш. По-русски говорит лучше русского, по-французски—лучше француза. Философию знает как свои пять пальцев. Ты знаешь, что такое философия? Да откуда тебе!

Се в и л ь. Филсафет... филсафет...

Б а л а ш. Ты даже правильно сказать не можешь.

Се в и л ь. Как не могу. Я у жены Ивана научилась складывать салфетки. Знаю как свои шесть пальцев.

Б а л а ш. Боже! Жизнь моя отравлена! Гноить душу в болоте невежества—это адская пытка! Это сущий ад!

Се в и л ь. Постой, постой! Может, ты говоришь про себет—плетенку для фруктов?

Б а л а ш. Нет, я говорю про пресные лепешки!

Се в и л ь. Балаш! Скажи, пожалуйста, что такое филсафет? Это едят, пьют, одевают? Узнать бы только,

как его делают. Я себе руки отрежу, если не научусь делать лучше этой женщины!

Б а л а ш. Ну, все! Кончили. Довольно с меня этой борьбы за свободу! Повторяю: закройся и сиди у себя в комнате, сюда не лезь... Вот тебе мой сказ!

Се в и л ь. Хорошо, Балаш, раз ты так хочешь, я не выйду. *(Плачет.)*

Б а л а ш. Будет нюни распускать! Стаканы у нас есть?

Се в и л ь. Куда же они могли деваться? На пятьдесят человек хватит.

Б а л а ш. Не такие. Маленькие, для водки.

Се в и л ь. Гости будут пить водку?

Б а л а ш. Нет, они придут молиться на тебя.

Се в и л ь. Балаш! И эта женщина пьет водку?

Стук в дверь.

Б а л а ш. Пришли! Живо, живо, иди в ту комнату. Закройся и сиди там.

Се в и л ь. Хорошо, Балаш, раз ты говоришь, я не покажусь им. Но вдруг эта женщина сама войдет ко мне?

Б а л а ш. Не войдет, не войдет. Постели старику, пусть никуда не выходит. А если вдруг появится Гюлюш, пусть тут же идет к тебе. Она ведь сумасшедшая. Еще войдет к гостям и ляпнет что-нибудь. Для меня лучше смерти! Поняла?

Се в и л ь. Клянусь, Балаш, я не смогу ей ничего сказать. Я боюсь. Она и так сегодня говорила: порву, говорит, кашемир.

Б а л а ш. То есть, как это—порву кашемир?

Се в и л ь. Откуда я знаю. Потом говорила: «Сорву все занавеси и покрывала!» Затем сказала, что будет землетрясение и дом наш развалится.

Б а л а ш. Как это—сорву все занавеси и покрывала?

Се в и л ь. Я ничего не знаю. Это она так говорила.

Б а л а ш. Ну, хорошо, ступай. Тогда я сам выйду и скажу ей! Черт! Каждый по-своему бесится. Когда же аллах вырвет меня из этого сумасшедшего дома?

Балаша зовут.

Иду, иду. *(Уходит.)*

Появляется Атакиши.

Атакиши. Эй, кто там стучит? Кто там?
Севиля. Ами, ами! Не ходи туда. Вернись. В ту комнату нельзя. Скорей, скорей! У Балаша гости. Он велел, чтобы ты никуда не выходил.

Атакиши. Никуда не выходил? Где же мне быть?
Севиля. Иди сюда, в эту комнату. Скорей, скорей сюда!

Атакиши. Хорошо. Раз так нужно, иду.

Севиля и Атакиши уходят. Входят Балаш и гости.

Балаш. Пожалуйста! Прошу вас. Добро пожаловать, Эдия. Я был бы счастлив, если бы вы знали, как я рад нашему приходу!

Дильбер. Однако я немного поражена. Неужели, кроме вас, в этом доме больше никому встречать гостей?

Балаш. Откровенно говоря, Эдия, я ни с кем не хотел делить счастье прислуживать вам.

Дильбер. Ну, это само собой. Однако я вас и так вижу у себя каждый день. Вам отлично известна причина моего визита. Мне хочется видеть всю вашу семью.

Балаш. Дильбер!

Дильбер. К тому же такое обхождение с гостями в порядочной семье—это по меньшей мере непочтительно.

Балаш. Я не считал достойным...

Дильбер. Ну, если ваша жена не достойна показаться нам, у вас, кажется, есть сестра... К тому же к вам хотел заглянуть мой дядя. Уж отец-то ваш должен выйти к нам! Иначе что получается?

Балаш. Эдия! Моя сестра немного странная. А отец такой...

Дильбер. Я решительно протестую. Вот сейчас оденусь и уйду. Как это можно? Дядя придет, а отца твоего нет. Дом очень красивый! Только фу... Как безвкусно убрано! По-моему, этот стол нужно сюда, эти вещи туда... Так будет гораздо лучше. Не так ли, Абдул-Али-бек?

Абдул-Али-бек. Верно! Абсолютно верно! Я сам только что об этом думал.

Мамед-Али-бек. Что такое? В чем дело?

Абдул-Али-бек. Ничего особо важного нет. Мы только изволили заметить, что такие западные изобретения и принадлежности, как пианино и гардероб, не гар-

монируют с такими восточными инструментами, как кюрик и кувшин. Происходит, как изволили видеть, нарушение стиля.

Мамед-Али-бек. Кто это говорит?

Абдул-Али-бек. Так изволили высказаться Дильбер-ханум. Мы тоже так думаем.

Мамед-Али-бек. Ерунда. Я тоже так думаю. Здесь очень красиво. Так и должно быть. Это бесстиле—уже есть особый стиль.

Абдул-Али-бек. О! И это верно! Я тоже так подумал.

Дильбер. Ну раз вас завели, теперь все пропало.

Мамед-Али-бек. Хорошо. Я сейчас докажу вам.

Дильбер. Не нужно. Не нужно. Не такая уж это важная проблема. Зачем спорить?

Абдул-Али-бек. Верно. Абсолютно верно! Я тоже сейчас об этом подумал.

Мамед-Али-бек. Вот и неверно! Это очень важная проблема. Это самый животрепещущий и болевой вопрос для нашего будущего культурного развития. Этим мы определим отношение Востока к европейской цивилизации.

Абдул-Али-бек. И это верно! Я сам только что об этом подумал. Ведь иностранцы переняли свою цивилизацию у нас. А мы, как известно, не воспользовались культурой ислама, которая так и заржала. Мы должны усовершенствовать ее. Но я не отвергаю и западную культуру. Что здесь особенного? Скажем, намаз. До сих пор мы совершали его на полу, теперь будем на столе. До сих пор мы стелили ковры на пол, теперь будем вешать на стену.

Мамед-Али-бек. Не то, не то! До сих пор мы пили водку тайком, а сейчас—открыто. До сих пор мы пили ее рюмками, а теперь глупым стаканам.

Балаш. С вашего позволения, я тоже хочу добавить пару слов.

Дильбер. Чем спорить здесь, лучше пойдемте и осмотрим другие комнаты.

Абдул-Али-бек. Верно, и я об этом подумал.

Балаш. Пожалуйста, прошу вас.

Мамед-Али-бек. Вот и неверно!

Абдул-Али-бек. Что неверно?

Мамед-Али-бек. Ну... а что ты сказал?

Абдул-Али-бек. Ничего.
Мамед-Али-бек. И я ничего.
Абдул-Али-бек. Эдия, не забудьте про бумагу
своего дяди...

Абдул-Али-бек и Мамед-Али-бек уходят.

Дильбер. Ага, хорошо, что вспомнила! Балаш, по-
стойте. *(Ищет.)* Где же она?.. Где же бумага?.. Да, вот...
Возьмите и подпишите ее.

Балаш. Дильбер, я знаком с этим делом. Старая
история... Вопрос идет о двенадцати тысячах рублей.

Дильбер. Подпиши.

Балаш. Эдия!

Дильбер. Ну, довольно, я дала слово. Понимаешь?
Ты должен сделать, и все.

Балаш. Хорошо, Эдия. Я не смею отказать вам, я
подпишу... Только если это вскрыется, выйдет вроде как
бы кража...

Дильбер. Ничего подобного! Люди не такие еще
делишки проворачивают. Караваны вместе с товаром
съедают, а караванщиков—с одеждой. Подписали? Вот
и чудненько!

Балаш. Только, Эдия... Право, я не считал достой-
ным, чтобы в такое общество... Прощу, если можно...

Дильбер. Ты опять про жену?

Балаш. Да... это совсем ни к чему, она нездорова,
и к тому же...

Дильбер. Пусть придет сестра. Жена твоя не нуж-
на, а вот отец должен показаться. Как это можно? Дядя
придет, а его нет.

Балаш. Дильбер!

Дильбер. Я не меняю решений. Пожалуйста, мо-
жете этого не делать. Но я здесь больше не останусь, и
мы уж никогда с вами не встретимся. *(Уходит в другую
комнату.)*

Балаш. Севиль!.. Севиль!..

Входит Севиль.

Севиль. Что тебе, Балаш?

Балаш. Где старик?

Севиль. Я постелила ему, он давно уже спит. Кля-
нись тебе, он никуда не выходил.

Балаш. Не знаю, как быть. Гости хотят его видеть.
Вот и думаю, что делать.

Севиль. Не знаю, решай сам. Хочешь, я пойду, по-
зову его?

Балаш. Клянусь аллахом, ума не приложу. Что де-
лать?.. Хорошо, зови. Посмотрим, что будет.

Севиль уходит. Через некоторое время входит Атакиши.

Как быть? Гости хотят тебя видеть. Не знаю, что приду-
мать...

Атакиши. Пусть поглядят...

Балаш. Но это невозможно. В этом тряпье нельзя.
Надо как-нибудь сделать так, чтобы было поприличней...

Атакиши. Ну, коли так, делай как знаешь.

Балаш. Ты подожди, я пойду, взгляну, может, под-
беру что из одежды. *(Уходит.)*

В этот момент из разных комнат появляются Дильбер и Севиль.
Увидев друг друга, вскрикивают и убегают.

Дильбер *(за сценой)*. Балаш, что случилось?

Севиль *(за сценой)*. Эй, ами, что с тобой?

Входит Балаш с одеждой в руках.

Балаш. Ну, снимай свою коху.

Атакиши. К чему это, Балаш?

Балаш. Снимай, говорят, эту попону.

Атакиши. Балаш, сынок, ради аллаха, позволь
мне уйти, убраться к себе. Эдак лучше будет. Я человек
трудолюбивый, эта одежда не ползет на меня.

Балаш. Ничего, старик! Одень на часок, потом
опять снимешь... Ведь в твоем тряпье людям нельзя пока-
заться.

Атакиши. Сынок, умоляю, лучше убей меня. Все
ничего, но ведь эта одежда покойного... Человек только
вчера умер, труп его остыл еще не успел...

Балаш. Боже, какой я несчастный. Даже в собст-
венном доме меня никто не понимает. Никто и не думает
о моем положении. Нет, если вы все-таки считаете меня
человеком, должно быть так, как я сказал.

Атакиши. Хорошо, сынок, только не сердись. Сде-
лаю как хочешь.

Балаш. Я не сержусь. Только нехорошо... Живо сни-
май коху.

Атакиши. Но это не ползет на меня.

Балаш. За час не умрешь, потом снимешь, выбросишь. Да, вот еще что... С гостями держись почтительно, учтиво. Во время разговора выражайся как можно тоньше, как можно изящнее... Эфендилер, гелишинизден пек мемнунум...¹ Так и скажи им... По-турецки в слове «мемнунум» на конце должно быть «нум». Потом надо говорить не «апармарам», а «апармарым». Впрочем, я сам не знаю, как турки говорят—«марым» или «мазым». Например, нужно говорить не «апарардыг», а «апарыйордыз». Проклятый язык, зююкает как! А лучше всего сиди молча. Ничего не говори. Рта даже не раскрывай. Скажу, что ты немой.

Атакиши. Немой? Это я-то?

Балаш. Ну, да, немой. Так будет лучше.

Дильбер (из соседней комнаты). Балаш, в чем дело?

Балаш. Иду!.. Подожди здесь, сейчас вернусь.

Входит Севиль, увидев переодетого Атакиши вскрикивает и убегает.

Тише, тише. Чего орешь?

Севиль (за сценой). Мертвец пришел, мертвец!..

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

●
В том же доме.

Балаш. Эдия, простите, я заставил вас долго ждать.

Дильбер. Наша будущая жизнь зависит от этой ночи, Балаш. Вы должны мне при них доказать свою любовь и преданность.

Балаш (хватает руки Дильбер). Я у ваших ног. Клянусь, вы всегда были и всегда будете моей повелительницей!

Дильбер. Ваш отец выйдет к нам?

Балаш. Только прикажите, вся моя семья будет целовать эти прекрасные руки. Дильбер, но мой отец немой. Его появление...

Дильбер. Тем лучше. Лишь бы показался...

Абдул-Али-бек. Верно! Я тоже так думаю.

Мамед-Али-бек. Вот и нет! Что верно-то? Ты всегда твердишь «верно», что бы я ни сказал.

Балаш. Эфендилер! Аркадашлар!¹ Извольте сказать: кто что хочет? Я велю музыкантам начинать.

Дильбер. Садитесь! Я хочу веселиться этой ночью и веселить весь мир! (Открывает пудреницу.) Господа! Товарищи! Отвернуться всем! Раз... два... три... (Мамед-Али-беку.) А ты куда уставился?

Мамед-Али-бек. Куда надо. Не могу же я смотреть туда, куда и они.

¹ Господа! Друзья! (Турецк.)

¹ Господа, я рад вашему приходу. (Турецк.)

Дильбер. Отвернись, говорю!
Абдул-Али-бек. Верно! Надо делать так, как все.
Мамед-Али-бек. Ерунда. Со всеми я только в са-
ван могу вернуться.

Дильбер. Балаш, вам смотреть можно. Мы ждем
вашего отца.

Балаш. Он сейчас придет. Сидите, он сию минуту
явится. *(Открывает дверь.)* Папаша, пожалуйста, гости
ждут вас... Сейчас... *(Уходит в соседнюю комнату.)*

Дильбер. Сейчас я оставила вас, хотела пройти в
ту комнату. Открываю дверь, смотрю—а там стоит ка-
кой-то чабан, да еще голый. Вы понимаете?

Мамед-Али-бек. Может, это родственник Бала-
ша?

Абдул-Али-бек. Верно, и я так думаю.
Дильбер. Да нет, милый. Говорю вам—это чабан!
Настоящий чабан!

Абдул-Али-бек. Верно! Вполне возможно.

Мамед-Али-бек. Мне кажется, он совсем не при-
дет.

Дильбер. Кто посмеет меня послушаться? Я прика-
зала, значит придет.

Входят Балаш и Атакиши. В это время из другой двери
появляется Гюлюш. Увидев отца, она застывает в недоумении.

Гюлюш. Отец!.. Отец! Кто тебя вырядил таким чу-
чком? Что с тобой?

Атакиши. Сам не знаю, дочка, что здесь со мной
вытворяют...

Дильбер. А в чем дело?

Гюлюш. Ладно, отец, не криви рот. Вот и мать была
точно такой же. Вечно глаза на мокром месте. Чуть что—
сразу в слезы. *(Обращаясь к Дильбер.)* Простите, ханум,
я не заметила. Рада вас видеть. Отец, сними свою папа-
ху. В присутствии дорогих гостей невежливо сидеть в па-
пахе. К тому же она и не держится на твоей голове. Тебе
нужна хорошая шапка, вот, скажем, такая. *(Снимает со
своей головы фуражку.)* Но ее надо пригвоздить к го-
лове!

Атакиши. Что? Пригвоздить?

Гюлюш. Пригвоздить, именно пригвоздить! Иначе
она не будет держаться. Но только не эту. Эта слишком

стара и не подходит к тебе. Но ты не бойся. Жизнь при-
колотит. Сам ты не сможешь... А эту папаху сними.

Балаш. Гюлюш!

Гюлюш. Балаш! Погоди, я представлю ему гостей.
Отец, познакомься с гостями. *(Указывает на Балаша.)*
Его ты знаешь, это твой собственный сын. Неплохой ма-
ляр. Только вот не знает, что для каждой вещи нужен осо-
бый цвет. *(Показывает на Дильбера.)* Это одна из обра-
зованнейших женщин нашего времени. Окончила в Па-
риже курсы маникюра. Здесь же думает заняться ското-
водством. Звать Дильбер. Для благозвучия—Эдиль. Ха-
нум, вы, конечно, знаете великосветские правила? Дайте
поцеловать моему отцу свою ручку. Отец, вдовам надо
целовать руки... Целуй.

Атакиши. Что, целовать?

Гюлюш. Целуй. Целуй же, говорят тебе! Не бойся,
целуй! Да нет, не в лицо. В руку. Иначе Балаш рассер-
дит. *(Показывает на Абдул-Али-бека.)* Прежде этот
господин владел ювелирным магазином, потом стал ма-
кером, а сейчас надумал издавать газету. В глаза его
зовут Абдул-Али-бек, за глаза—Надул-Верно-бек. Зна-
комьтесь... Мужчин не целуют.

Абдул-Али-бек. Верно, я сам об этом думал. С
помощью аллаха, хочу наладить издание ежедневной га-
зеты.

Гюлюш. Нет, нет, его не целуй. *(Показывает на Ма-
мед-Али-бека.)* А этот был журналистом, затем поэтом,
поэзию сменил на философию. Кем будет потом, пока не-
известно. Из оригинальности всему противоречит. Даже
боюсь назвать его имя. Вздредет в голову—от себя отка-
жется. А вообще-то его звать Мамед-Али-бек.

Мамед-Али-бек. Вот и нет! Имя—вещь условная.
Если договориться, можно вместо Мамед-Али-бек сказать
Тарелка-бек. Поэтому уже сам термин «имя» является
неверным.

Гюлюш. Отлично. Пусть будет Тарелка-бек. А те-
перь, отец, садись, я займусь гостями. Сегодня я блестя-
ще сдала экзамен, а сейчас иду из спортзала. Настроение
чудесное. Сегодня я сама буду вам прислуживать. Сию
минуту. *(Выходит в другую комнату.)*

Дильбер. Балаш, не мешало бы вашей сестре по-
сле такого блестящего спорта принять немного брома или
валерианки.

Балаш. Эдия, молю вас, извините! Она никогда не говорит по-человечески.

Дильбер. У вас дома знают о нашей связи?

Балаш. Клянусь, никто!

Дильбер. А почему же вы говорили, будто ваш отец немой?

Балаш. От него годами, месяцами не добьешься слова.

Дильбер. Ах, вот оно как!

Гюлюш вносит посуду.

Балаш. Гюлюш.

Гюлюш. Балаш, прочь с дороги. Не путайся под ногами, посуду уронить. Вам понравился наш дом? Наверно, вы нашли его безалаберным?

Абдул-Али-бек. Верно! И Дильбер-ханум так говорят, и мы так думаем.

Дильбер. Я ничего не говорила.

Мамед-Али-бек. Ничего подобного мы не думаем.

Гюлюш. Дом—вещь неживая. Я его за час могу прибрать так, как мне вздумается. Каждый может его прибрать и переделать по своему вкусу. Сегодня он прибран так, завтра придет Эдия-ханум и все сделает по-своему. Появится другая—еще что-нибудь придумает... А мне кажется, этот дом надо совсем снести и построить новый. Здесь люди живых людей на свой манер перекраивают. Что же говорить о самом доме!

Абдул-Али-бек. Верно! И я так думаю!

Дильбер. Однако, Гюлюш-джан, у вас остренький язычок. Не правда ли?

Гюлюш. Прошу прощения, только что из точильной мастерской. Прямо с оселка.

Дильбер. Вот я и говорю... Только смотрите, не сломайте его о камень.

Гюлюш. Я не боюсь. Уже испытано: он режет камень. Только вот баранью шкуру не берет... Я вонзаю, а он не лезет. Но я и этого не боюсь. Я не из пугливых! Говорят, жизнь принадлежит смельчакам. Пожалуйста, можете начинать. Балаш, не забывай Эдию, а с этими я справлюсь.

Балаш. Я?... Я—Эдию? Может ли человек забыть дышать?

Дильбер. Где мой стакан? Сегодня я буду пить. Балаш не оставит меня одну. Не так ли?

Гюлюш. Даже не сомневайтесь. Балаш не привык оставлять людей одних.

Дильбер. А вас, Гюлюш, я теперь прекрасно понимаю. Но я тоже не пугливая. Я чертовски боевая. У меня крепкая голова и острые рожки. Не рано ли торжествовать? Смеяться можно. Но смеется тот, кто смеется последний.

Гюлюш. За ваше здоровье, Эдия-ханум! Сейчас я «Смех»¹, а вырасту—стану «Хохотом»! Будем здоровы. (Пьет.)

Абдул-Али-бек. Верно! И я так думаю. За ваше здоровье, Эдия-ханум!

Балаш. С вашего позволения, хочу добавить несколько слов. Это уже стало истиной, что женщина красит общество. Общество без женщины—что гнилое дерево! Но не отрицаю, в чадре тоже есть своя прелесть. Глядишь: вдали, как привидение, мелькает женский силуэт, окутанный в прекрасный, цвета ночи, шелк. Как бытие неведомого нам рода человеческого, тут тоже не известно, куда она идет, откуда... Однако вот что получается. У других наций мужчины появляются в театрах и на вечерах со своими женами. А мы всегда ходим одни и поэтому скучаем, в то время как женщина, подобно красивой куколке, должна развлекать своего мужа, разгонять его мрачные думы. Однако ходить без чадры не значит, что женщина может гулять с кем ей вздумается. Разумеется, она будет делать то, что ей прикажет муж. Поэтому выпьем за здоровье свободной женщины! Выпьем за здоровье Эдии!

Гюлюш. Ура!.. Музыканты!..

Абдул-Али-бек. Верно. Я тоже об этом думал!

Мамед-Али-бек. Мне кажется, что и вы решаете проблему женской эмансипации с изнанки.

Гюлюш. Однако, господа, как общество загивает без женщины, так и женщина гинет без общества. Я не вижу здесь жены моего брата.

Балаш. Гюлюш!

Гюлюш. Очевидно, Эдия-ханум неизвестно, что

¹ Гюлюш — по-азербайджански значит «смех».

у Балаша есть жена. Мне кажется, было бы неплохо, если бы она пришла сюда. Возражений нет?

Б а л а ш. Эфендилер, прошу вас...

Г ю л ю ш. Сейчас я позвоню ей.

М а м е д-А л и-б е к. Есть возражения!

Г ю л ю ш. Кто это говорит?

М а м е д-А л и-б е к. Я.

Г ю л ю ш. Что вы предлагаете?

М а м е д-А л и-б е к. Предлагаю, если она не придет, просить, чтобы пришла.

Б а л а ш (*отводит сестру в сторону*). Прикуси язык, Гюлюш! Я завяжу его тебе узлом и выдерну из глотки!

Г ю л ю ш. Заточить слабую женщину в застенок! Захлопнуть перед ее носом дверь! Привести в дом любовницу и измываться над женой! Нарядить отца в безобразную одежду покойника! Заткнуть ему рот, как скотине, прикрутить язык и заставить плясать на веревке, словно мартышку, словно бездушную марионетку! Нет, теперь я тебе не безумная Гюлюш, я совиный хохот, который будет всю жизнь раздражать тебе уши! (*Выходит.*)

А б д у л-А л и-б е к. Господа! И мне хотелось бы сказать вам несколько слов. Что касается цивилизации, разумеется, мы не можем от нее бежать. Ведь иностранцы позаимствовали у нас науку. Ну, а женщина пусть учится. Чадра не лишает ее головы. Пусть изучает коран. В коране все буквально сказано. Выполни мы то, что записано в коране, мы победили бы всех иностранцев. Ведь некогда армия ислама дошла до Андалузии. Ну, а женщины—это ведь не камешки, чтобы бегать по горам, и не садовники, чтобы разгуливать по паркам. Поэтому выпьем, так сказать...

М а м е д-А л и-б е к. Ну... За здоровье аллаха?

А б д у л-А л и-б е к. А что касается женщин, то раньше они сидели дома, теперь пусть выходят во двор. Но если женщина все время на глазах, она теряет свое целомудрие. Ее истинная прелесть в чадре. Ведь если женщины смешаются с мужчинами, то или мужчины оженоподобятся, или женщины оженеподобятся. Разве не так?

М а м е д-А л и-б е к. Конечно, не так! Абсолютно неверно! Говорят, есть солнце. Неправда! Говорят, есть луна. Неправда! У ислама есть только две вещи—намаз и молитвенный коврики. Говорят, у Европы цивилизация. Неправда! У Европы только две вещи—пушки да золото!

Все остальное—рабочий скот, бараны для стрижки. Ты скот, я скот, он скот! Я баран, ты, он! Мы бараны, вы бараны, они бараны! Я утверждаю, что в мире есть лишь один атрибут цивилизации: водка! Вот где цивилизация! Голова болит—пей водку! Глаза болят—пей водку! Европейцы пьют рюмками, а мы, на Востоке, будем глотать чашками! Все остальное ложь! На свете нет ничего! Меня нет, тебя нет, его нет! Нет ничего! Есть только водка! Ура!

Играет музыка. Гюлюш вводит Севиль.

Г ю л ю ш. Вот и жена Балаша. Ни один режиссер еще не поработал над ней.

Б а л а ш. Гюлюш!

Г ю л ю ш. С дороги, Балаш. Не пугайся под ногами. Возьми ее чадру, ширины в тот ящик и заколоти его навски! Иди, Севиль, иди. Общество кружит человеку голову. Но ты не бойся, тверже ставь ноги! Знакомые! Это вот Эдия-ханум. Целуйтесь. В знатном обществе с гостями можно целоваться. Вот так! А это Абдул-Али-бек. Тихо, его не целуй, а то жена побьет. Целуются только с вдовцами, и то тайком... А вот это, как он сам себя величает, Тарелка-бек или же Кастрюля-бек. Ему все равно, как бы ни сказали.

М а м е д-А л и-б е к. Вот и нет. Неверно! Меня звать Куншин-бек.

Г ю л ю ш. Отлично! Словом, Посуда-бек. А это мой отец. На нем костюм покойного родственника. Не бойся, через час он снимет его.

Б а л а ш. Гюлюш!

Г ю л ю ш. Теперь иди, садись со мной.

Д и л ь б е р. Но у Севиль пустой стакан!

Г ю л ю ш. Севиль и без того пьяна.

М а м е д-А л и-б е к. Чашку ей дайте, чашку!

Д и л ь б е р. Шах и мат, Гюлюш-джан! У Севиль стакан пустой.

Б а л а ш. Нет, нет, ей нельзя!

С е в и л ь. Но я и так не пила.

Г ю л ю ш. Постой, я принесу твоего сына. (*Выходит.*)

А т а к и ш и. Севиль, что это в стакане?

С е в и л ь. Клянусь, ами, сама не знаю.

М а м е д-А л и-б е к. Водка это, водка! Голова бо-

лит—пей водку! Глаза болят—пей водку! Да чашками! Чашками нужно! Чашками!

Абдул-Али-бек. Верно, и я так думаю!

Входит с ребенком Гюлюш. Дильбер идет ей навстречу.

Гюлюш. Вам жарко, ханум? У нас есть чудная холодная вода, на астраханском льде...

Дильбер. Брось язвить, Гюлюш. Скажи, что тебе нужно от меня?

Гюлюш. Жалости к этому ребенку!

Дильбер. Не понимаю тебя.

Гюлюш. Чье это письмо?

Дильбер. Я люблю его.

Гюлюш. Вы любите его положение.

Дильбер. Это меня не касается. Вы знаете, что жизнь—борьба!

Гюлюш. Но вы видите, как слаба ваша соперница.

Дильбер. Причем здесь я? Да и вас это не касается.

Гюлюш. Вы ни при чем, но меня это касается. Поднять ее, поставить на ноги, сделать способной сражаться с вами—это мой долг!

Дильбер. Вам это не удастся. Вы совсем ребенок.

Гюлюш. Будущее покажет.

Балаш (подходит к ним). Если не ошибаюсь, у вас сугубо интимный разговор?

Гюлюш. Мы кончили.

Дильбер. Балаш! Я не знала...

Балаш. Молю, Эдия, простите меня!

Дильбер. Если ты сегодня же не сделаешь так, как я скажу, между нами все кончено!

Балаш. Приказывайте, Эдия. Моя жизнь принадлежит вам!

Дильбер (гостям). Господа, вы молчите? Сегодня у вас, кажется, пост?

Абдул-Али-бек. Верно и мы так думали.

Мамед-Али-бек. Ерунда! Ничего мы не думали. Я уже разговелся целой чашкой и сейчас составляю экономическую программу нашей партии!

Гюлюш. А что у вас за партия?

Мамед-Али-бек. Партия «Даешь светопредставление!»

Атакиши. Ну и скоро оно будет?

Мамед-Али-бек. Нет еще. Я сам тогда зайду на тот свет и договорюсь там.

Дильбер. Выпьем!

Гюлюш. Я готова.

Дильбер. У Севиль стакан пустой. Отец тоже не пьет.

Атакиши. Что? И мне пить водку?

Гюлюш. У Севиль полный стакан.

Севиль. Но я никогда не пила...

Балаш. Не считайте ее за человека, Эдия. Она не может.

Гюлюш. Нет, она многое может лучше других!..

Мамед-Али-бек. Чашку дайте, чашку!

Гюлюш. Ура... Музыканты!

Дильбер. Вальс!

Входит Бабакиши.

Балаш. Это еще кто?

Бабакиши. Это я, Балаш. Ну, конечно... Так сказать, привез немного угля.

Севиль. Отец!

Атакиши. Бабакиши, ты? Вот так случай! Какими судьбами? Рад тебя видеть, старина! Дай мне тебя обнять, дружище! Сколько лет не виделись!

Дильбер. Кто это?

Балаш. Сегодня, кажется, все странники и нищие земного шара хотят свалиться мне на голову!

Бабакиши. Эй, Атакиши! Что за вид, так сказать? Когда это ты, так сказать, успел заделаться таким эфенди? Ха-ха-ха! В поле он—хлеб, на базаре—зерно. Если так сказать, в таком наряде ты взвалишь на спину восьмипудовый мешок, все по швам треснет.

Балаш. Будет болтать, старик! Иди в ту комнату.

Бабакиши. Что?..

Атакиши. Сынок!

Балаш. Нечего болтать. Уходи!

Атакиши. Стой, не тронь его! Неблагодарный сын! Я отрывал от себя кусок хлеба, чтобы накормить тебя. Выучил тебя! Мои двери были открыты каждому бездомному солдату. А ты гонишь из дома моего гостя! Довольно! (Срывает с себя одежду.) На, возьми, вот тебе! Не хочу! Верни мой тулуп и чоху!

Гюлюш. Ха-ха-ха! (Бросает одежду в печь.) Вот

твой тулуп, вот твоя чоха... Вот, вот... Вот, и вот... Конеч! Твой жизненный путь пролеет по узкому мосточку через пропасть. Назад дороги нет. Вернуться нельзя. Только вперед!

А т а к и ш и. Гюлюш! Зимой, в такой холод?.. Голым?

Г ю л ю ш. Голым, да, голым! Ты теперь наг перед жизнью. Лето ты проспал, наступила зима! Это не он тебя раздел. Жизни! Но она сама и оденет тебя. А одежда покойника тебе не подходит. Тебе нужен хороший костюм.

А т а к и ш и. Проклятый сын! Неблагодарный сын!

Атакиши, Бабакиши и Севиль уходят.

Б а л а ш. Сегодня весь мир восстал против меня!

Г ю л ю ш. Ха-ха-ха! Ведь я сказала, крепко нужно пригвоздить! Пригвоздить! *(Выходит.)*

М а м е д-А л и-б е к. Говорят, есть солнце. Враки! Горючат, есть луна. Враки! Говорят, есть мир. Тоже враки! Точка!

А б д у л-А л и-б е к. Ну, а что же есть?

М а м е д-А л и-б е к. Ни-чего! Ни-чего нет.

Мамед-Али-бек и Абдул-Али-бек выходят.

Д и л ь б е р. Я уйду!

Б а л а ш. Прости меня, Дильбер. Ты видишь, это адская мука. Меня никто не понимает в моей семье.

Д и л ь б е р. Оказывается, Балаш, твой немой отец великодушный актер!

Б а л а ш. Дильбер!

Д и л ь б е р. Вот мое последнее слово, Балаш. Кроме тебя и меня, в этом доме не должно быть никого!

Б а л а ш. Дильбер, позволь остаться Севиль. Она будет сидеть в углу, как мешок, и до страшного суда не подает голоса. А я буду вечно с тобой.

Д и л ь б е р. Нет, невозможно. Я требую, решительно. Не хочешь—прощай навеки! А хочешь—вот моя рука и губы. Выбирай!

Б а л а ш. Я готов на все. *(Целует Дильбер.)*

Входит Севиль со стаканом воды.

С е в и л ь. Балаш...

Б а л а ш. Кто тебя звал? Ты что пришла?

С е в и л ь. Клянусь, Балаш, сама б я не пришла. Меня Гюлюш послала. Сказала, вы хотите воды.

Входит Гюлюш.

Г ю л ю ш. Да, это я ее послала. В этом доме все чуждо друг другу. Эти ниши, карнизы, вот это, муж, жена—все-все чуждо друг другу. Вот оно, бедняга, землетрясение. Я сказала, рано или поздно этот дом развалится. Так пусть скорее.

Д и л ь б е р. Что она, с ума сошла, что ли?

Г ю л ю ш. Ханум, вы, кажется, хотели протанцевать последний вальс? Сию минуту. Музыканты, вальс! *(Севиль.)* Бедняга. Не стой так, иди. Жизнь—борьба. В волчьей схватке побеждает сильный. Иди же!

С е в и л ь. Оставь, у меня кружится голова.

Г ю л ю ш. Кружись! В жаркой пляске жизни никто ради тебя не остановится, если даже у тебя кружится голова. Чтобы научиться твердо стоять на ногах, надо много раз падать.

С е в и л ь. Оставь, я не могу...

Г ю л ю ш. Я швырну тебя в головокружительную пляску жизни! Не сможешь устоять—вальсы! Хочешь жить—вставай, не то растопчут!

Севиль падает к ногам Дильбер и Балаш.

Д и л ь б е р. Ха-ха-ха!.. Вот, Гюлюш, ты и осталась одна!

Г ю л ю ш *(берет на руки ребенка и кружится с ним по комнате)*. Я не одна. К тому же—смеется тот, кто смеется последний.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

●
Комната Дильбер в доме Балаша, обставленная
в европейском стиле. Балаш один.

Б а л а ш (поет).

У соловья вдали от розы сердце полно муки,
Молчит, а если и поет, так только о разлуке.
Садовник, больно ей. Не трогай. Осторожно!
Ведь нежный черенок, ее попортить можно.
Я сердца не отдам красавице теперь,
Навеки для любви в душе закрыта дверь.
Отняла веру у меня, опустошила душу,
Даю зарок забыть ее и клятвы не нарушу!

Эй, Тафта! Тафта!

Входит Тафта.

Тафта. Что прикажете, господин?

Б а л а ш. Где Гюндюз?

Тафта. В той комнате.

Б а л а ш. Приведи сюда.

Тафта. Нельзя, господин. Дильбер-ханум приказала не пускать мальчика к себе. Рассердится!

Б а л а ш. Почему рассердится?

Тафта. Не знаю, рассердится, и все.

Б а л а ш. А где она сама?

Тафта. Кто ее знает. Утром, вечером, днем и ночью приходит и уходит, разговаривает вот с этим ящиком, берет в руки трубу, бормочет что-то, смеется... Утром, не знаю с кем, говорила... Сказала: «Пойду к полутмах-тару».

Б а л а ш. А где она до этого была?

Тафта. Кто ее знает? Давеча ходила резать ногти. В доме есть такие ножницы: иди в лес—дерева режь! А она и часу не сидит спокойно. С утра до вечера штукатурит себя да белит, штукатурит да белит.

Б а л а ш. Сегодня я раз пять звонил домой.

Тафта. Горничная-татарка звала ее... Занята была, не подошла.

Б а л а ш. А чертова девка сказала, что нет дома.

Тафта. Это она так велела. Бедная татарка ни при чем. Она велела: пойди, скажи, никого нет дома.

Б а л а ш. Это почему же?

Тафта. Не знаю я. У нее был какой-то мужчина. Как это: карта... карты?... Словом, в это самое играли... Я кувшин мимо пронесла и слышала ее голос. Говорит: «Если я отойду, ты карты посмотришь».

Б а л а ш. Когда она запретила входить сюда Гюндюзу?

Тафта. Он им карты смешивает... А откровенно говоря, кроме этой татарки, она никого сюда не пускает.

Б а л а ш. Хорошо, хорошо. Иди, приведи Гюндюза.

Тафта выходит.

(Наневает.)

Я сердца не отдам красавице теперь.

Навеки для любви в душе закрыта дверь.

Отняла веру у меня, опустошила душу.

Даю зарок забыть ее и клятвы не нарушу!

Входит Тафта и Гюндюз.

Ну, иди ко мне, Гюндюз. Ты где был?

Тафта. Скажи: «В той комнате».

Б а л а ш. Где твоя мама, Гюндюз? Ты не знаешь, где Севиль, Тафта?

Тафта. Сейчас не знаю, господин. Да где ей быть? Врагу не пожелаешь такой судьбы. Раньше встречала... Камень и тот расплачется.

Б а л а ш. Когда последний раз видела ее?

Тафта. Вот уже несколько месяцев будет... Сначала она была служанкой у Гаджи-Самеда. Потом Гюлюш давала ей уроки. Но какая скромная женщина! Я сама была свидетелем... Гюлюш ей все уши прожужжала:

сними, говорит, чадру, довольно! А та ни в какую. Однажды встретила меня на улице, кинулась на шею, целует... Так просила... Ради аллаха, говорит, лучше смотри за моим сыночком. Потом про тебя спросила, а слезы из глаз так и капают...

Б а л а ш. Несчастная. Кто знает, что с ней сейчас.

Т а ф т а. Упаси бог каждого от такой судьбы! Словно с того света пришла. Глаза ввалились, взгляд колючий. Куды делся румянец. Бледная как смерть.

Б а л а ш. Хорошо, Тафта, возьми ребенка. Иди, сынок, к тете. Тафта, ты позвала бы ко мне Гюлюш.

Т а ф т а. Не хочет. Говорит: «Нечего мне делать в вашем доме!» С тех пор, как Севиль ушла, ее ноги здесь не было. Ходит с открытым лицом, ноги тоже на виду. Собрала двадцать ребят, выстроила парами, учит их чему-то... Детский сад называется. Видел бы ты, как они там поют, как прыгают! Когда она просит, я вожу к ней Гюндюза.

Б а л а ш. Ладно, Тафта, я вздремну немного. Придет Дильбер, скажи мне. *(Выходит.)*

Появляются Дильбер, Абдул-Али-бек и Мамед-Али-бек.

Д и л ь б е р. Ох, как я устала! Ноги не держат.

А б д у л - А л и - б е к. Верно. Я сам об этом думал. Мы ведь шли пешком.

М а м е д - А л и - б е к. Ничего подобного. Пусть скажет, кто видел, сколько мы прошли. От одного угла до другого пять шагов с четвертью.

Д и л ь б е р. Обычно я оттуда на фазтоне подъезжаю. Сегодня не было... Раньше, когда Балаш работал в банке, его фазтон с утра до вечера возил меня. Теперь он ушел оттуда, но я по-прежнему катаюсь на фазтонах. Пешком ни шагу не могу сделать.

А б д у л - А л и - б е к. Верно! Эти нежные ножки не могут ходить пешком. Тело женщины создано изящно. В древности женщины передвигались в паланкинах. Самое главное для женщины—это чтобы она могла быстрее вернуться, куда бы ни пошла... Пешком им ходить не пристало.

М а м е д - А л и - б е к. Неправда! Я видел на улице женщину, так она одного младенца к спине прикрутила шалью, а другой на руках. На голове тук с бельем—в

море полоскала, домой несла... Холод собачий, а она бо-
ськом.

Д и л ь б е р. Но это просто не человек!

М а м е д - А л и - б е к. Вот и нет! Настоящий человек, с сердцем и душой. Личико кругленькое, бровки черные, носик маленький, губки нежные...

Д и л ь б е р. Довольно, ради бога. Для вас нет разницы: прачка это, или жена губернатора.

А б д у л - А л и - б е к. Верно, я только что об этом думал.

М а м е д - А л и - б е к. Думал? Что ты думал? Говори!

А б д у л - А л и - б е к. Я, да будет вам известно, хотел сказать, что каждому овощу свое время, у каждого цветка свой аромат. Прачка, рабочая женщина—сама по себе. Дильбер-ханум—сама по себе. Однажды, да будет вам известно, божественный Шах-Аббас проезжал опушкой леса и увидел, как крестьянка, отстав от табора, легла на землю, родила ребенка, заперенала его, взяла на руки...

М а м е д - А л и - б е к. Послушай, Абдул-Али-бек. У меня со вчерашнего дня голова трещит. Ты погоди, я сбегаю в соседнюю аптеку, хлопну там пять-шесть рюмок. Подлечусь, тогда ты мне здесь хоть с утра до вечера про Шах-Аббаса рассказывай. Посмотрим, чем дело кончится?

Д и л ь б е р. Довольно, хватит, ради аллаха! Вы просто упрямец.

М а м е д - А л и - б е к. Ладно, я пошел. Посмотрим, чем кончится? Или я ухлопаю Шах-Аббаса, или он меня! *(Уходит.)*

А б д у л - А л и - б е к. За что Балаш уволен из банка? Дильбер. Не знаю. Я не вмешиваюсь в его дела. Какое мне дело? Знать ничего не хочу. У дяди была какая-то бумага, я дала ему, он подписал... Да вам это известно. Теперь Балаш говорит, будто из-за этого вышла неприятность. Ну, а мне-то что?

А б д у л - А л и - б е к. На днях Али-бек, да будет вам известно, говорил, что у него есть дело к вам.

Д и л ь б е р. Да, помню, говорил. Балаш помочь не может, но я дала слово уладить все. Погоди, дай мне только найти парочку хороших друзей,—я такие дела закручу!

А б д у л - А л и - б е к. Ну, конечно, у человека, да будет

вам известно, всегда должны быть знакомства среди высокопоставленных лиц.

Дильбер. Алик мне очень нравится. Воспитанный, деликатный. Вчера ночью, расставшись с вами, мы пошли с ним в одно место. Как он сладко, чудно говорит! Дильбер, говорит, я обожаю вас. Будь вы мой, я бы день и ночь играл с вами, точно с куклой. Если бы был Рафазль, говорит, я бы, вместо Мадонны, нарисовал ваши глазки... Он без ума от них. Когда я смотрю на него, у него язык заплетается. Он молит меня: «Не смотрите!» Говорит: «Если ваши волосы обовьют мне шею, я не двинусь с места тысячу лет!»

Абдул-Али-бек. Верно, женские волосы крепче цепей.

Дильбер. И парикмахер сегодня сказал: «Ханум, я никогда еще не видел таких мягких волос. Точно шелк!» Закройте глаза. Я переодену чулки. Только не смотрите!»

Абдул-Али-бек. Если я и посмотрю, светопреставления, да будет вам известно, не случится. Смотреть на чужие ножки такое счастье! Вы лишаете меня великой радости!

Дильбер. Можете открыть глаза. Теперь сознайтесь, смотрели?

Абдул-Али-бек. Как я мог, да будет вам известно, смотреть, когда вы запретили?

Дильбер. У вас нет ни смелости, ни чувственности. Пеняйте на себя. Ведь я не закрывала ваших глаз рукой. Вот Алик, он бы не упустил такого счастья. Более всего женщины не любят тех, кто закрывает глаза на их прелесть.

Абдул-Али-бек. Верно, я тоже так подумал. Уж теперь, если прикажете, я не закрою глаз. Надо быть пророчным.

Дильбер. То есть, как не закроете? Ведь вы проповедуете мусульманство... Разве по шарнату можно смотреть на чужих жен?

Абдул-Али-бек. Верно! Но шарнат это для темных людей, для черни, для невежд, для чурбанов. А эстетам и образованным какой же шарнат? Какое дело вам, Дильбер-ханум, и мне до шарната?

Дильбер. Ну, ну, хорошо. Дайте ваше колено. Какой bestолковый! Вот так, я застегну туфли... Вы поняли?

Абдул-Али-бек. Да будет вам известно, вы изволили приказать... Я понял. Только, да будет вам известно, теперь я не закрою глаз. *(Застегивает Дильбер туфли).* Раббана а'ттина фидлюна Хасана ва фил-ахи-рети-хасана, вагна азабан-пар бирахматика я архамаррахи-мин...¹. *(Читает молитву и в то же время обнимает ноги Дильбер.)*

Дильбер вскрикивает. Входит Балаш.

Балаш. С вашего разрешения...

Дильбер. Это что такое? Ты ведь знаешь, и этого не люблю. Тысячу раз говорила, нужно стучать.

Балаш. Простите, Эдия, я забыл.

Дильбер. А вдруг я голая...

Балаш. То есть, как голая? Я слышал мужской голос, поэтому решил, что вы не можете быть голой.

Дильбер. Верно, что горбатого могила исправит. Как ты смел стоять у дверей и подслушивать?

Балаш. То есть, как подслушивать? Я не подслушивал. Слова сами долетали до моих ушей.

Дильбер. Какая невоспитанность! В порядочном, цивилизованном обществе это нетерпимо!

Балаш. Проклятье мне на голову! Опять не угодил! Дильбер, клянусь, я не подслушивал. Услышал мужской голос и решил, что вы не можете быть голой.

Дильбер. Почему вы так решили? А может, я как раз и была голой!

Балаш. Тогда представьте, что я тоже ваш знакомый. Один из них...

Дильбер. Балаш, я вас прошу, следите за словами. В высшем обществе такое обхождение! Это варварство! Из них!.. Из них!.. Так неприлично говорить.

Абдул-Али-бек. Верно, и я так думаю.

Дильбер. Я не перенесу этого варварства.

Балаш. Великий боже! Дильбер, я не говорил этого. Я так сказал...

Абдул-Али-бек. Вчера истек срок вашего икселя. Балаш, я ведь ручался за вас...

Дильбер. Так можно говорить среди вас, угольщиков, но не в высшем обществе.

¹ Молитва из корана.

Б а л а ш. Ах, Дильбер, клянусь аллахом, я... я этого не говорил! Хочешь, я извинюсь? Эфендим, простите меня! Вы развлекали мою жену? Благодарю вас!

Д и л ь б е р. Мою жену! Мою жену! Учился бы изрядней выражаться. Это тебе не повредило бы.

Б а л а ш. Дильбер, вы убиваете меня! Хорошо, пусть будет—«супруга», пусть будет—«ханум». Проклятие мне на голову. Ах, я несчастный! Сколько раз я видел, как Али-бек входил к вам без стука. И все же вы говорите, что он воспитанный и деликатный.

Д и л ь б е р. Я сама ему разрешила.

Б а л а ш. Как это сама? Право, Дильбер, я не могу понять. Ведь так нельзя... Может, это в нашем высшем обществе возможно, чтобы другой мужчина входил без стука в то время, как я, ваш собственный муж...

Д и л ь б е р. Опять—«другой»? Балаш, вы раздражаете меня. Идите к себе. Придите, когда мои нервы немного успокоятся.

Б а л а ш. Ладно, Дильбер, я уйду, но хочу сначала попросить вас об одном.

Д и л ь б е р. После, после. В таком нервном состоянии я не могу говорить с тобой.

Б а л а ш. Сегодня мне придется работать до утра. Я боюсь, что не успею закончить все бумаги... Завтра они должны быть обязательно готовы.

Д и л ь б е р. Ну, а что вы можете сделать?

Б а л а ш. Может, вы мне поможете часика два?..

Д и л ь б е р. Этого еще не хватало! Нет, нет, пожалуйста... Я не могу. Вот еще придумал!

Б а л а ш. Хорошо, хорошо. Не раздражайтесь, я уйду. (Выходит.)

Д и л ь б е р. Ушел. Ах, какой чурбан! Он может до страшного суда не отстать. Мне стыдно с ним показываться людям. Ну, какое воспитание он мог получить среди этих угольщиков, которых вы видели.

А б д у л - А л и - б е к. Верно, и я так думал. Слуга есть слуга, бек—бек, и каждый сверчок знай свой шесток. Благодородство в происхождении!

Д и л ь б е р. Ему жалко, что я покупаю две пары туфель и два туалета в месяц, или что я трачу несколько рублей на извозчика. Не могу же я ходить в пестром ситце из-за того, что он никогда не видел хороших вещей.

А б д у л - А л и - б е к. Верно, я сам только что об этом думал. У самого по векселю не уплачено... Ведь только ради вас...

Д и л ь б е р. Хорошо. Абдул-Али-бек, значит мы идем к вам. Алик тоже туда придет.

А б д у л - А л и - б е к. Верно, и я так думал.

Д и л ь б е р. Пошли. Ах, виновата, ведь у меня бумага Алика... Балаш так взвизгнул меня, что я чуть не забыла. Балаш, Балаш!..

Входит Балаш.

Б а л а ш. В чем дело, Дильбер?

Д и л ь б е р. Ты должен завтра познакомить меня со своим министром, Балаш. Понимаешь? Тут есть бумага одного человека, так он должен подписать ее...

Б а л а ш. Как так? Человек работает, занят своим делом, а я придю—здрасьте, познакомься с моей женой.

Д и л ь б е р. Ну и что ж? Разве ты не знаком с ним?

Б а л а ш. Знаком, но только по работе. Даю ему бумагу, он подписывает, и я выхожу. Вот и все.

Д и л ь б е р. Хорошо, тогда возьми и сам устрой. Сунь вот это в свои бумаги... Словом, ты сам знаешь.

Б а л а ш. Дильбер, тебе известно, что из-за того документа дело все еще в суде. Кто знает, чем кончится? А тут еще за это отвечать.

Д и л ь б е р. Опять ты про ответственность, опять старые песни. Устрой, и конечно! Пока. Мы в театр. Пошли, Абдул-Али-бек.

Уходят.

Б а л а ш. Тафта, Тафта! Эй, Тафта!

Входит Тафта.

Сбегай, позови Гюлюш. Скажи, есть важное дело...

Т а ф т а. Я ведь бегала, когда вы мне сказали. Говорила ей. Не хочет идти!

Б а л а ш. Тогда пойдем, покажешь, где она живет. Я сам пойду к ней.

Т а ф т а. Ее дом в том конце улицы.

Входит Гюлюш.

Гюлюш. Вы кажется, звали меня?
Балаш. Сестренка, Гюлюш-джан, я тебя год уже не видел. Ты почему избегаешь меня?

Гюлюш. Теперь мы чужие, Балаш.
Балаш. Я так несчастен, Гюлюш-джан! Каждый день для меня—адская пытка! Я хочу посоветоваться с тобой.

Гюлюш. Балаш! Когда я шла сюда, у вашего дома упала женщина. Вокруг нее собралась толпа. Пойди, помоги внести ее в дом. Ты тоже иди, Тафта. Бедняга без сознания, а, может, даже умерла.

Балаш. Сейчас, Гюлюш!

Балаш и Тафта выходят и через некоторое время вносят женщину.

Балаш. Жива, жива, сердце бьется. Только сознание потеряла.

Гюлюш. Кто она?

Балаш. Не знаю, женщина какая-то. Дайте лампу... Да это Севиль!

Гюлюш. Что?

Балаш. Да, Севиль!.. Севиль!.. Шесть лет ты была моим товарищем в лишениях и нужде.

Гюлюш. Севиль, Севиль! Это она. Воды сюда! Дай-те подушку!

Балаш. На, вот... Что стало с бедняжкой! Как побледнела, как поблекла! Несчастливая дня радости в жизни не имела.

Гюлюш. Отойди! Когда ты был беден и даже нищ, эта несчастная днями голодала, не ела свой кусок хлеба, чтобы отдать его тебе. «Пусть Балаш съест»,—говорила она. Севиль, Севиль, не бойся, вставай! Тихо... Тихо... Отойдите все... Она, как собачонка на цепи, билась и металась в этом доме. И для кого? Для чего?

Балаш. Гюлюш, мне надо тебе что-то сказать. Но я боюсь, ты такая безжалостная... И эта несчастная здесь, у дверей, в таком состоянии...

Гюлюш. Вставай, вставай, Севиль!

Севиль. Что такое? Вы почему собрались вокруг меня?.. Где я?.. Балаш, это ты?.. Гюлюш-джан, ты?.. Кто меня привел сюда?

Гюлюш. Не надо, Севиль, не плачь.

Севиль. Я не хотела сюда прийти. Не сердитесь.

Гюлюш. Никто на тебя не сердится.

Севиль. Мне показалось, вы недовольны. Я не пришла бы сюда сама, не нарушила бы вашего покоя... Там, где я работаю, была свадьба, раздавали подарки, меня тоже угостили яблоками и конфетами. Я ходила вокруг дома, ждала сына. Думала, может, он выйдет на улицу. Потом устала, присела... А что было дальше, не помню. Но я пришла только ради сына. Не сердитесь на меня.

Балаш. Ничего не бойся, Севиль. Я постараюсь... Может, мы пристроим тебя здесь, у нас.

Входит Гюндюз.

Севиль. Сынок! Сын мой! *(Обнимает Гюндюзу, достаёт из-под шали яблоки, даёт ему.)*

Входит Дильбер.

Дильбер. Это еще что такое! В чем дело? Что случилось? Кто эта женщина? Кто ее привел сюда?

Севиль. Я... Я ухожу, сию минуту ухожу. Я хотела видеть сына... Сейчас уйду...

Дильбер. Балаш! Я тебя спрашиваю, кто притащил ее в мою спальню? Мало в городе заразы, так тут еще...

Балаш. Она хотела видеть своего сына, Дильбер. Бедняга окончила на улице...

Дильбер. Ты... Ты... Плачешь? Здорово! Водить ко мне в спальню каждую встречную!

Балаш. Эдия, она работает прислугой... Пришла поглядеть Гюндюзу. Бедняжка! Как она смотрит! Я говорю, если возможно, если ты не против... Нам ведь нужна еще одна служанка...

Дильбер. Сейчас же убрать, убрать! Кому я говорю? Я тебя в бараний рог согну, Балаш! Меня не так-то просто одурачить, как вам кажется.

Севиль. Ханум! Балаш не виноват. Не сердитесь на него. Я сама пришла, простите. Я сейчас уйду. Вот только голова кружится, поэтому немного...

Дильбер. Ты слышишь, Балаш? Я тебя спрашиваю, кто ее привел сюда?

Балаш. Гюлюш привела...

Дильбер. Гюлюш может хозяйничать в своем собственном доме.

Се в и л ь. Хорошо, ханум, не сердитесь, я уйду...

Дильбер. Ты пьян, Балаш? Я тебе приказываю: сейчас же вышвырни ее на улицу!

Балаш. Дильбер, она сама уходит...

Дильбер. Тебе говорят, выброси ее вон! Я так хочу!

Балаш. Се в и л ь!..

Дильбер. Ты слышишь, Балаш? Кому я говорю? Вышвырни ее отсюда!

Балаш. Се в и л ь, ты... иди...

Гюлюш. Балаш!

Се в и л ь. Оставьте. Я и без того ушла бы, чтобы не нарушать твоего покоя, твоего счастья. Прости меня, Гюлюш. Ты мне столько раз говорила, а я не верила... И вот сегодня я пришла тайком от тебя на эту улицу. Какая я глупая! Балаш, ты мне всегда казался несокрушимым, как гора! Уйдя отсюда, я не избавилась от твоего духовного гнета. Каждый свой поступок я мерила одной меркой—понравится ли это тебе? Моя душа жила все время в этом доме с тобой! Но теперь—конец!

Балаш. Се в и л ь!

Се в и л ь. Отойди! Сегодня я пришла сюда, чтобы хоть издали увидеть своего сына...

Дильбер. Можете забрать его. Я вам не нянька.

Гюлюш. Я возьму Гюндюза.

Се в и л ь. Сейчас мне ничего не нужно. Я уйду. Но я еще вернусь, и вот тогда мы поговорим.

Дильбер. Сумасшедшая!

Се в и л ь. Это я раньше была сумасшедшая. Год назад Гюлюш хотела сорвать с меня чадру и вытолкнуть на божий свет. «В волчьей схватке побеждает сильный!»—сказала она. Тогда я ничего не понимала. И после она много раз твердила мне одно и то же. И опять я ничего не понимала. Семь лет я, глупая, поклоняясь какому-то ничтожеству, провела в этой черной тюрьме. Довольно! На, возьми! *(Срывает чадру.)* Она мне больше не нужна! Она тебе нужна! Я уйду!

Гюлюш. Так, так, Се в и л ь! В волчьей схватке побеждает сильный!

Балаш. Постой, Се в и л ь, не уходи! Куда ты?

Се в и л ь. Ты слышал, что сказала Гюлюш? В волчьей схватке побеждает сильный. Иду точить клики!

Балаш. Се в и л ь, вернись! Куда ты идешь в таком виде?

Се в и л ь. Куда иду? На панель! Каждый день я буду продавать свое сердце и кормить свой мозг. Прощайте!

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

●
Действие происходит в доме Гюлюш. Дворик с бассейном. Застекленная галерея. Во дворе играет Гюндюз. Входит Гюлюш.

Гюлюш. Чем ты занимаешься, Гюндюз?

Гюндюз. Посмотри, тетя. Вчера мы в школе с ребятами отправились путешествовать по карте. Наша цель—остров Желаний. Видишь, я уже на европейском материке. Теперь мне надо найти кратчайший путь к цели.

Гюлюш. А разве вчерашний ваш маршрут не годится?

Гюндюз. Вчерашний? Нет! Но если я сам не найду, ты должна мне помочь. А то ведь я остану...

Гюлюш. Нет, детка. Я знаю только старые пути. Другим они тоже могут быть известны. Чтобы не отстать, старайся найти новую дорогу.

Гюндюз. Хоть до утра просижу, а новый путь отыщу! Обязательно!

Гюлюш. Думай, Гюндюз. Это твой долг—думать и находить новые пути.

Гюндюз. Что это у тебя за книга, тетечка? Там, наверно, красивые картинки?

Гюлюш. Новая книга. Только что вышла.

Гюндюз. А что на ней написано? Севиль... Севиль... Постой, постой, тетечка. Ты ведь говорила, что мою маму зовут Севиль.

Гюлюш. Да, детка, ее зовут Севиль.

Гюндюз. Значит, это мама написала книгу? Пого-

ди, дай я прочту заглавие. *(Читает.)* «Путь свободы азербайджанской женщины». Так это моя мама написала?

Гюлюш. Не знаю, детка. С тех пор, как она уехала в Москву, писем от нее не было.

Гюндюз. Тетя, но ты ведь обещала отвезти меня к маме, когда мне исполнится десять лет.

Гюлюш. Да, обещала.

Гюндюз. А сегодня мне как раз десять лет. Ты ведь из гостей поэтому пригласила. Разве не так?

Гюлюш. Так, детка, так. Значит, ты хочешь видеть свою маму?

Гюндюз. Ужасно хочу, тетя! А моя мама красивая?

Гюлюш. Очень красивая, детка.

Гюндюз. А она не приедет сегодня вечером?

Гюлюш. Не знаю, детка.

Гюндюз. Ты меня всегда обманываешь, тетя. То ты говоришь, что мама в таком-то городе, а теперь говоришь, что она в Москве. Дорогу в Москву я знаю хорошо. Ах, тетя, если бы увидеть маму!..

Гюлюш. Ты что, Гюндюз?

Гюндюз. Хочу обнять тебя и всю-всю расцеловать: в щеки, глаза, губы... Смотри, вот так! *(Обнимает Гюлюш, целует.)*

Гюлюш. Гюндюз, детка собери свои игрушки, а я пойду, взгляну, как там гости!.. *(Выходит.)*

Появляются Абдул-Али-бек и Мамед-Али-бек.

Абдул-Али-бек. Может, эта Севиль та самая Севиль?..

Мамед-Али-бек. Да нет! Говорю тебе, Севиль это французское слово. У азербайджанцев такого имени нет.

Абдул-Али-бек. И это верно. Но ведь книга называется «Путь свободы азербайджанской женщины». С чего бы это француза дернуло кручиниться о доле наших женщин?

Мамед-Али-бек. Это ничего не значит. Французы коран перевели. А о тюрках они написали больше, чем сами тюрки о себе.

Абдул-Али-бек. Возможно. Но не мешает все-таки спросить об этом у Гюлюш-ханум.

Входит Гюлюш.

Мамед-Али-бек. Добрый день, Гюлюш-ханум!
Гюлюш. А, добрый день, старые друзья! Пожалуй-
ста. Вы еще живы?

Мамед-Али-бек. Никак нет. Я взял Абдул-Али-
бека напрокат из анатомического театра на один вечер.

Абдул-Али-бек. Мы узнали, Гюлюш-ханум, что
вашему парню исполняется сегодня десять лет и пришли
вам поздравить. Просим принять этот скромный подарок!
(Передает Гюлюш какой-то предмет.)

Гюндюз. Что это, тетя? На пароходик похоже...

Гюлюш. Нет, детка, это старинная вещь.

Гюндюз. Дай мне ее, тетя, я пушу в воду. Может,
поплывет?

Гюлюш. Золото тяжелее воды, детка. Эта вещь по-
тонет.

Абдул-Али-бек. Верно, верно, малыш. На дне бу-
дет.

Мамед-Али-бек. Вот и нет. Если воду не пропу-
стит, то поплывет.

Гюндюз. Посмотрим, может, в самом деле поплы-
вет... Ах, потонула, потонула! Не годится, не годится! По-
тонула!

Гюлюш. Хорошо, родной. Отнеси игрушки на место
и посмотри, нет ли в саду твоих друзей. А вы проходите,
наши гости в саду.

Абдул-Али-бек. Нам хотелось бы, Гюлюш-ханум,
сначала спросить у вас кое-что. Может, там неудобно бу-
дет. Вот уже целый месяц газеты пишут про одну книгу...
Как она называется?

Мамед-Али-бек. «Путь свободы азербайджан-
ской женщины».

Абдул-Али-бек. Вот-вот. Но кто эта Севиль? Кни-
га хорошая, только ничего не понятно.

Гюлюш. Возможно. В книге дается глубокий со-
циальный анализ, много философских высказываний. Чи-
татель может и не разобраться сразу.

Мамед-Али-бек. Не верю. Ни одна азербайджан-
ка в жизни не напишет такой книги. Это или француз,
или, в крайнем случае, французженка.

Абдул-Али-бек. Верно, и я так думаю. У наших
азербайджанок нет таких способностей. Куда им! Но вы
помните, Гюлюш-ханум, лет семь-восемь тому назад у
Мирзы Балаша была супруга. Где она теперь?

Гюлюш. Одно время я давала ей уроки, потом она
поступила на рабфак. Последние годы она училась в
Москве в университете и получала стипендию Нарком-
проса.

Абдул-Али-бек. Вот видите! Кажется, ее тоже
звали Севиль?

Входит Балаш и Дильбер.

Мамед-Али-бек. Не верю! Пусть хоть на небе
учится, а такой книги ей не написать!

Дильбер. Бонжур, мадамзель. Привет и поздрав-
ления вам и вашему воспитаннику. А где же он сам?

Гюлюш. Сейчас придет. Он в саду с товарищами,
сейчас прискачет. Гюндюз, Гюндюз, иди сюда, папа при-
шел.

Вбегает Гюндюз.

Гюндюз. Кто? Папа? А мама пришла?

Гюлюш. Нет, только папа. Разве ты не хочешь его
видеть?

Балаш. Гюндюз!

Дильбер. Вот никогда бы не подумала, что из того
крошки выйдет такой красивый мальчуган. Ты не узна-
ешь меня, Гюндюз? Я с тобой год нянчилась.

Гюндюз. Я вас не знаю.

Балаш. Гюндюз, сынок, иди ко мне.

Гюндюз. Добро пожаловать.

Дильбер. Вот тебе цветочки, на. Это тебе.

Гюндюз. Тетечка, а почему они такие вялые?

Гюлюш. Так нельзя говорить, Гюндюз. Неприлично.
Цветы хорошие, только их давно сорвали, поэтому они
поблекли немного.

Балаш. Свежих невозможно достать.

Абдул-Али-бек. Верно. Мы тоже не нашли.

Мамед-Али-бек. Неверно! Цветы в городе есть,
только далеко отсюда. Мы туда не пошли.

Дильбер. Да накажет аллах этих большевиков!
Что они нам оставили? Не заберите они нашей машины,
мы бы достали цветы из-под земли.

Гюндюз. Я поставлю их в воду. Может, отойдут.

Гюлюш. Хорошо, детка, поставь, если хочешь. А
вы проходите в сад.

Абдул-Али-бек. Простите, Гюлюш-ханум, мы не кончили. Я говорил об одной книге.

Дильбер. Опять вы спорите об этой книге?

Мамед-Али-бек. Да нет. Мы хотим знать ее автора.

Абдул-Али-бек. Может, это та Севиль, с которой мы знакомы?

Дильбер. Та Севиль, у которой тряслись руки и ноги, а язык заплетался, когда она выходила к людям? Та самая, которая расцеловавшись со мной, не подоспей Гюлюш, облобызала бы и Мамед-Али-бека?

Мамед-Али-бек. Да не меня, Абдул-Али-бека!

Дильбер. А год спустя Абдул-Али-бек видел, как эта оборвашка ползала у моих ног.

Абдул-Али-бек. Верно. Я сам только что об этом думал.

Дильбер. Вы считаете, что та Севиль с ее умишком могла бы написать такую книгу? Вы помните, Гюлюш? Не будь вас, она бы чмокнула Мамед-Али-бека.

Мамед-Али-бек. Да не меня, дорогая, Абдул-Али-бека! Что там гадать. Куда ей!

Гюлюш. А мне кажется, поцеловать Абдул-Али-бека—беда не велика. Одни его могут целовать нарочно, другие нечаянно, третьи открыто, четвертые тайком. И вполне возможно, что Абдул-Али-бек не рассердится на это. Ну, а что касается автора книги, я не знаю, та ли это Севиль или нет.

Дильбер. Ну, уж во всяком случае книгу не могла написать нищенка, которая только вчера ползала в ногах!

Гюлюш. Кто знает! Говорят, в Индии есть огромные слоны. Они годами возят на своих спинах слабых людей и подчиняются их крючкам. Но вот в один прекрасный день, когда крючок слишком глубоко вонзается в израненное ухо, слон хватается хоботом человека, швыряет его под ноги и давит. Говорят еще, что когда обезьяна тонет, то становится на своего ребенка, чтобы спастись самой... Кто знает?

Абдул-Али-бек. Верно, я сам только что об этом думал.

Мамед-Али-бек. Неверно! Не может того быть!

Дильбер. Наконец, говорят, эта книга непригодна

для нас. Абдул-Али-бек утверждает, что она может развратить наших женщин.

Мамед-Али-бек. Книга здесь.

Дильбер. Послушайте, что там написано.

Мамед-Али-бек (*читает*). «Самым большим злом для азербайджанки, как вообще для всякой женщины, является ее слепое повиновение так называемым законам чести. Мужчина может обладать каждой женщиной и даже несколькими сразу. Женщина же не имеет права даже бросить взгляд на постороннего мужчину. Для мужчины неверность—баловство, для женщины—бесчестье. В то время, как в обоих случаях этот момент обусловлен одним и тем же физиологическим фактором...»

Дильбер. Ну, разве это не безнравственность!

Мамед-Али-бек (*продолжает*). «Однако для полного раскрепощения женщины мало только снять с нее чадру. Хотя женщины в Европе ходят без чадры, тем не менее они не свободны. Прежде всего для женщины нужна экономическая свобода.»

Дильбер. Ну, разве это не безнравственность!

Мамед-Али-бек. Это? Нисколько!

Гюлюш. Может быть... Но ведь нравственность понятие растяжимое. Каждый может мерить ее своим аршином. Разве мало людей, у которых на словах одно, а на деле—другое? Те, кто откровенно пишут то, что думают, по крайней мере, искренни. А это уже ценно.

Абдул-Али-бек. Ну да! По программе нашей советской власти все-неграмотные учатся..

Вбегает Гюлюз.

Гюндюз. Ну и цветы, тетя! Я хотел их сунуть в воду, а они осыпались. Одни черенки остались. Вот, смотри.

Гюлюш. Так, детка, бывает со всеми цветами. Пришло время—осыпались. Отнеси их куда-нибудь. А вы пожалуйте в дом. Там лучше...

Из дома доносится музыка. Все, кроме Балаша, уходит.

Балаш (*напевает*).

Ни розы, ни вина сегодня нет в саду,

Как нищий, я пустым розарием иду.

К кудеснику отправлюсь на закате дня,

Сегодня виночерпий обошел меня.

И жизнь отдал тебе, и волю, и мечты,
А что ж тебе оставил? Это знаешь ты?

Входит Гюлюш.

Гюлюш. А ты почему не пошел, Балаш?

Балаш. Гюлюш, Гюлюш! Отдай мне семью. Ты исковеркала мне жизнь. Сын не узнает меня. Верни мне сына! Верни мне отца! Скажи, где Севилья?

Гюлюш. Ах, вот что! Ха-ха-ха. Забудь их, Балаш. Таков беспощадный закон жизни. Сегодняшний день отвергает вчерашний, а завтра он сам будет отвергнут. Идем. Какой чудесный день. Весна. Сверкает солнце. Целуется листва. Цветы резвятся. Все, все, весь мир поет, играет. Слышишь!

Издали доносится песня.

«Друг неверный мой,
Как тебя забыть?
Вместе нам с тобой
Суждено не быть.
Ах, жестокий друг!..»

Балаш. Смотри, Гюлюш, что там поют? Зачем я пойду туда? Кто у меня там? Ах, Гюлюш, ты погубила меня!

Гюлюш. Я?.. Я?..

Балаш. Да, ты! Когда тучи сгустились надо мной, ты ворошила их рукой. Ты обрушила мне на голову молнию. Студеной зимней ночью ты выбросила на улицу отца. Голым! Ты разрушила мне семью. Гюлюш, сестренка, я погибаю! Скажи, ради бога, где отец? Скажи, где Севилья? Где эти несчастные? Живы ли они?.. Ах!.. Я сам виноват, сестренка. Пожалей меня. Скажи, живы ли они?

Гюлюш. Я ничего не знаю, Балаш. Однако ты труслив, как заяц.

Балаш. Что же мне теперь делать? Гюлюш, скажи!

Гюлюш. Иди в дом, Балаш. Не будь ребенком. Жизнь сама подскажет. Пошли.

Издали снова доносится песня.

Балаш. Оставь меня, я не пойду. Мне там теперь нечего делать. Пусти, я уйду.

Гюлюш. Не ребячься, Балаш. Куда ты пойдешь?

Балаш. Хочу спрятаться куда-нибудь. Хочу думать, плакать... Плакать хочу!

Гюлюш. Ха-ха-ха! Ты хочешь плакать? Ха-ха-ха! Ну, иди, подумай, поплачь. Когда устанешь, приходи.

Балаш. Тебе смешно, Гюлюш. Я смеюся. Да, мне хочется плакать, плакать. И я буду плакать. Буду! (*Убегает.*)

Входит Гюндюз.

Гюндюз. Тетечка, там пришла какая-то женщина. Кажется, тебя спрашивает.

Входит Севилья.

Гюлюш. Вам кого?

Севилья. Ха-ха-ха! Гюлюш-джан! Гюлюш!

Гюлюш. Севилья! Откуда ты? Да как ты похорошела! Ты где была?

Севилья. Не спрашивай, Гюлюш. Сейчас из Москвы. Я весь свет объездила. Потом расскажу. Я только что с поезда. Хотела сегодня во что бы то ни стало попасть к вам. Думала, опоздаю. Так и подмывало выпрыгнуть из поезда и бежать сюда. Моему сыну сегодня десять лет. Ведь верно, Гюлюш? Здоров он? Здоров мой сынок?

Гюндюз. Тетя, значит это моя мама?

Гюлюш. Ну да, Гюндюз. Это она.

Гюндюз и Севилья обнимаются.

Гюндюз. Мама, ты почему меня оставила, а сама уехала?

Севилья. Я не уехала, сынок. Безжалостные волны жизни подхватили и умчали меня, как беспарусный челнок. Постой, я привезла тебе хорошую игрушку. (*Достает аэроплан.*)

Гюндюз. Что это, мамочка?

Севилья. Вот здесь надо завести и отпустить. Он полетит.

Гюндюз. Неужели полетит?

Севилья. Ну да, полетит. Смотри.

Гюндюз. Вот это да! Вот это вещь!

Гюлюш. У нас гости, Севилья.

Севилья. Кто же?

Гюлюш. Молодежь. Но есть и твои старые знакомые. Интересно, узнаешь ли ты их?

Се виль. Теперь мне все равно, кто бы это ни был. Я прошла сквозь огонь и воду. Сегодня у меня праздник. Я хочу петь, плясать, смеяться! *(Заглядывает в окно.)* А, узнаю. Здравствуйте, старые друзья! Добрый день!

Гюндюз. Куда ты, мама? Я тебя не пушу.

Се виль. Я не уйду, сынок. Я только переоденусь. *(Входит в дом. Гюндюз идет за ней.)*

Из гостиной появляется Абдул-Али-бек.

Абдул-Али-бек. Кто эта женщина? Такое знакомое лицо.

Бабакиши *(за сценой)*. Проходи. Я хорошо знаю. Гюлюш. Кто там?

Входят Бабакиши и Атакиши.

Бабакиши. Проходи, говорю. Так сказать, как двину—зубы полетят.

Гюлюш. Кто это? Вам кого?

Атакиши. Гюлюш, дочка! Да это я. Не узнала? А это Бабакиши.

Обнимаются. Появляется Мамед-Али-бек.

Мамед-Али-бек. Говорят, солнце всходит. Неверно. Говорят, солнце заходит. Тоже неверно. Говорят, есть мир. Неверно. Все неверно!

Входит Дильбер.

Дильбер. Кто это такие?

Гюлюш. Послушай, отец, но что это за наряд? Откуда вы?

Атакиши. Я, дочка, на пароходе работаю.

Бабакиши. Значит Атакиши машинист, а я, так сказать, кочегар.

Мамед-Али-бек. Вы? На пароходе? Что за вид?

Атакиши. Длинная история. Это наши роботы. А есть и праздничный костюм.

Бабакиши. Ушли мы тогда ночью. На улице тьма, мороз.

Атакиши. Я раздетый.

Гюлюш. Знаю.

Атакиши. Ни зги не видать. Всю ночь шли без дыха.

Бабакиши. Так сказать, хотели в село вернуться... А дорога в рывтинах, в ямах.

Атакиши. В одном месте чуть не утонули в луже.

Бабакиши. Грязищи по пояс. Холод, мороз!

Атакиши. А животы подводит! Хоть ложись да помрай.

Бабакиши. Вдруг видим, так сказать, навстречу толпа... Светать уже начало.

Атакиши. Людей видимо-невидимо... Что лавина. Я к одному: куда это? «На фабрику,—говорит,—за хлебом и жизнью!»

Бабакиши. А нам, так сказать, это-то и нужно.

Атакиши. Голод не свой брат. Пристали мы к ним.

Бабакиши. С тех пор, так сказать, и началось.

Атакиши. С фабрики на фабрику.

Бабакиши. С завода на завод.

Атакиши. С корабля на корабль. И вот я машинист.

Бабакиши. А я, так сказать, кочегар.

Гюлюш. А твоя рука?

Атакиши. Вылечили. Корабельный доктор поstarлся.

Бабакиши. В гипс положили, так сказать, закрутили вот эдак.

Атакиши. Выправили.

Входят Се виль и Гюндюз.

Гюлюш. Подожди, Гюндюз, дай маме с гостями поздороваться.

Се виль. Отец!

Обнимаются.

Бабакиши. Дочка! Ты смотри какая стала! Сверхкаешь, как маяк в море!

Атакиши. Не как маяк. Как утренняя звезда!

Се виль. Атакиши-ами, и ты здесь? *(Обнимается с Атакиши.)*

Дильбер. Ее здесь только не хватало.

Гюлюш. Смотри, Се виль, не поцелуй и в этот раз Абдул-Али-бека!

Се виль. Поцеловать? А, вспомнила!.. Да, да... Ну, теперь ты за меня не бойся, Гюлюш. Я ученая. С женщинами целуюсь открыто, с мужчинами тайком.

Дильбер. Вот как!
Абдул-Али-бек. Здравствуйте, Севиль-ханум!
Севиль. Привет, друзья!

Входит Балаш.

Балаш. Верни, Гюлюш. Верни мою семью. Я погибаю. Эти ласковые цветы, эти веселые звезды, это теплое дыхание весны, эта ликующая природа душат меня. Я гибну. Гюлюш, отдай мне мою семью!

Дильбер. Что за комедия?
Балаш (*увидев Севиль*). Севиль! Севиль!
Севиль. Балаш, возьмите себя в руки. Сегодня у меня праздник, Гюлюш. Я хочу петь, играть, плясать, смеяться. Есть у вас музыка?

Гюлюш. Есть, Севиль, есть. Идите в сад.
Дильбер. Правда, что горбатого могила исправит!

Все выходят.

Балаш (*задерживает Севиль*). Постой, Севиль, не уходи.

Севиль. Что вам нужно?

Балаш. Два слова.

Севиль. Говорите.

Балаш. Помнишь, когда-то ты меня любила. Говорила, что не можешь без меня жить.

Севиль. Помню. Но я не виновата в том, что случилось.

Балаш. Почему так холодно?

Севиль. Ведь это вы бросили меня.

Балаш. Я виноват, Севиль!

Севиль. Ну и что же?

Балаш. Прости меня, Севиль!

Севиль. Прощаю.

Балаш. Ты убиваешь меня, Севиль! Пошадй! Я не ждал такого ответа.

Севиль. Что вам нужно от меня?

Балаш. Я виноват. Упреки, оскорбления были бы мне только утешением!

Севиль. Я не виню вас. Говорят, что жизнь борьба. Тогда я не была к ней готова. В волчьей схватке побеждает сильный. Я была побеждена и выбыла из строя. Только сильные могут противостоять жизненным бурям. Ты не хотел из-за меня губить свою и без того короткую

жизнь. Это не такая дешевая вещь, чтобы ее можно было бросить кому-нибудь другому. Ты сделал так, как хотел. Так и должно было быть. Так и вышло.

Балаш. Нет, Севиль, нет! Я не хотел этого. Я люблю тебя, но жизнь, сама жизнь сбила меня с толку. Среда душила меня своими железными тисками. Когда я старался сделать шаг в сторону, какая-то неведомая черная сила наваливалась на меня и швыряла назад. И я невольно подчинялся. Беззащитную, одинокую женщину я бросил в ужасные волны жизни!

Севиль. Я была не одна. У меня было много друзей.

Балаш. Поверь, Севиль, все это время я не переставал думать о тебе.

Севиль. Вот как? Не верю.

Балаш. Что с тобой было, бедная!

Севиль. Нужда—хороший учитель. Я быстро все усвоила. Днем, полугодная, я училась, а вечером шла на бульвар. Я намечала себе мужчину, проходя мимо, толкала его плечом, затем, встретившись лицом к лицу, моргала ему глазами. Смотри, вот так... Он замечал...

Балаш. Кошмар! Кошмар!

Севиль. Каждую ночь за кусок хлеба я продавала свое сердце и приносила в жертву свое самолюбие, свою честь. Да, и мужчина шел за мной...

Балаш. Кошмар! Довольно!

Севиль. В темном переулке мы торговались...

Балаш. Хватит! Хватит, Севиль, хватит! Не говори больше ничего!

Входит Гюлюш.

Гюлюш. Севиль, зачем ты на себя клеветешь?

Севиль. Не вмешивайся, Гюлюш.

Гюлюш. Он и без того меня с утра изводит.

Севиль. Погоди, я его так сейчас изведу, что он завоет. (*Балашу*) Что, больно?

Гюлюш выходит.

Балаш. Клянись, Севиль. Скажи, что это ложь. Ты не была бесчестной. Скажи, что этого не было! Скажи, что это все ложь!

Севиль. А если это все правда?

Балаш. Но ведь это позор, Севиль! Это бесчестье!

Этого не могло быть. Умоляю, Севиль, скажи, что это все ложь и ты, как прежде, честная и честная!

Севиль. Честь! Ха-ха-ха! Что такое честь? Не груз ли это, который тащит только одна женщина? Если ты каждый день ради минутного удовольствия будешь связываться с каждой встречной женщиной, тебя никто не назовет бесчестным. А стоит нам ради чертовой корки подойти к мужчине, как сейчас же со всех сторон закричат, завоют: «Проститутка! Проститутка!» Когда ты у меня на глазах обнимал другую женщину, а я стояла перед тобой со стаканом воды в руках и тряслась всем телом, ты глазом не моргнула. Как же тебя назвать после этого. У тебя только одно ния. Тогда я не могла ни только произнести его, но даже подумать. А теперь говорю открыто: ты проститутка!

Балаш. Севиль, что ты будешь делать теперь?

Севиль. Заниматься своей работой.

Балаш. Ты опять будешь каждый вечер ходить на бульвар?

Севиль. Это уж мое дело.

Балаш. Нет, Севиль, теперь я не оставляю тебя одну.

Севиль. Увы! Поздно хватился.

Балаш. Севиль, я не могу без тебя жить. Я люблю тебя!

Севиль. Вот как? Смотрите! Не потому ли, что у меня теперь лакированные туфли, высокий каблук и короткая юбка?

Балаш. Нет, Севиль, нет! Клянусь тебе, твои глаза, твой взор преследовали меня всегда!

Мамед-Али-бек (за сценой). Все ложь! И дружба ложь, и любовь. Нравственность—пустая вещь. Честь—уродство природы. Все сводится к одному: плоть рабской скот!

Из дома доносится вение Гюлюш.

«Прочь! Уйди! Разбиты мечты,

Лучше мне быть одной.

Друг такой неверный, как ты,

Зачем мне, скажи, родной?»

Балаш. Севиль!

Севиль. Вы слышите? Это кажется Гюлюш.

Гюлюш продолжает петь.

«Любила. Но счастья увяли цветы,
Смеялся ты надо мной.
Друг такой неверный, как ты,
Зачем мне, скажи, родной?»

Балаш. Севиль, вот я перед тобой на коленях. Умоляю, как младенец. Лучше убей меня, но не отвергай! Я буду баловать тебя, как ребенка, играть с тобой, как с куклой! Севиль, молю, сжался надо мной. Я не могу без тебя жить.

Севиль. Мне очень жаль тебя, Балаш. Встань. Я думала, ты изменился за эти годы. А ты остался все таким же мешанином, готовым ползать на коленях и кланяться, будто нищий, милостыню счастья. Но я уже не прежняя Севиль! Я не кукла, которой можно забавляться, как угодно. Я не позволю теперь мужчине взять меня за горло. Я не суну головы в эту петлю сострадания, в этот железный обруч, в эти стальные клещи. Теперь я не бессильна перед жизнью. Для волчьей схватки у меня есть львиная лапа!

Входят Гюлюш, Дильбер и гости.

Дильбер. Это что такое, Балаш? Что ты делаешь? Посмотрите, Гюлюш. В чем дело? Что он делает?

Гюлюш. Не знаю. Может, ваш супруг разучивает новое па?

Дильбер. Ты слышишь, Балаш? Что это такое? Какая невоспитанность! В высшем обществе такое поведение—это безнравственность, это верх неприличия.

Абду-Али-бек. Верно, и я так думаю.

Балаш. Нравственности! Приличия! Воспитанности! Ерьсь все это! Не нужно мне ничего. Забери это себе. Мне она нужна. Я люблю ее.

Дильбер. Ну, что вы на это скажете, Гюлюш? Он что, рехнулся? Безобразия! Не так ли?

Гюлюш. Не знаю, Эдия. Вы ведь сами говорите: жизнь борьба, и в волчьей схватке побеждает сильный!

Севиль. Ха-ха-ха! Нет, Гюлюш-джан, в волчьей схватке побеждает львиная лапа. Эй, валсы! Музыканты, валсы! Я хочу танцевать!

Гюлюш. Эдия, вы тоже будете танцевать вальс?

Дильбер. Нет, у меня кружится голова. Дайте мою шляпу. Я ухожу.

Севиль. А у меня уже не кружится. Я кинулась в жизнь пьяной, а вышла из нее трезвой. Вальс!

Мамед-Али-бек. Нет ни луны, ни солнца, ни мира, ни загробной жизни! Ни-чего нет!

Бабакиши. Эй, Атакиши, да это, так сказать, тот самый танец, который мы на пароходе танцевали.

Атакиши. Тогда пошли, Бабакиши.

Бабакиши. Пойстой. Дай, так сказать, шнурок завязать.

Гюлюш (*Дильбер*). Вы, кажется, остались одна, ханум.

Дильбер. Мне нечего здесь делать. Я уйду.

Вбегает Гюндюз.

Гюндюз. Нашел, нашел, нашел!

Гюлюш. Что ты нашел, детка?

Гюндюз. Я завтра раньше всех доберусь до острова Желаний. Я не поеду на пароходе. Я полечу. Полечу на этом самолете.

Гюлюш. А потом?

Гюндюз. Что потом?

Гюлюш. Как ты вернешься назад?

Гюндюз. Об этом я еще не думал.

Севиль. Нет, сынок, ты не вернешься назад.

Гюндюз. Да, да, не вернусь! Я буду лететь все время вперед. К Марсу, к Юпитеру, все дальше и дальше в бесконечное пространство!

Севиль. Пошли, сынок, пошли!

Балаш. Куда ты, Севиль?

Севиль. В социализм! На фабрику! Я иду туда, откуда и пришла. Путь свободы женщины—только там!

ЛЬЕСА В СЕМНАДЦАТИ КАРТИНАХ

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Старый Бахши — рабочий.
Молодой Сола — его дочь, комсомолка.
Молодой Бахши — комсомолец.
Имамверди — отец старого Бахши, карабахский крестьянин (азербайджанец).
Гюльсюм — мать старого Бахши.
Алаверди Асрияи — карабахский крестьянин (армянин).
Набат — его жена.
Эйваз — их сын, рабочий-революционер.
Сола — их дочь.
Саламов Амир-Аслан-бек — нефтепромышленник.
Агяяр — его слуга.
Багадир-бек — интеллигент-националист.
Атамии — нефтепромышленник.
Айказ — его сын, курсант офицерского училища.
Генерал-губернатор Баку.
Мария Тимофеевна — его жена.
Володин — рабочий-революционер.
Исак
Аршак
Арай
Мурад
Максимов
Бахметьев
Самед
Карапет
Ахунд
Священник.
Полицейстер.
Градоначальник.
Карабахский урядник.
Председатель суда.
Прокурор.
Судебный пристав.
Рабочие, крестьяне, казаки, офицеры, городские, женщины, дети.

ПРОЛОГ

Молодой Бахши собирается в дорогу. На чемодане сидит озабоченная Сола, думает. Из соседней комнаты доносятся звуки тара, кто-то поет.

Распущена твоя коса.
Ах, что мне делать, ах! Светловолосая невеста.

Не для меня твоя краса.
Ах, что мне делать, ах! Светловолосая невеста.
Красавица-невеста, лошади! Несу свои мольбы невесте.
Иди ко мне, и будем вместе...

Бахши. Сола, я вижу, ты совсем не торопишься...
Сола (*не поднимая головы*). Что тебе?
Бахши. Не слышишь? Завтра из колхоза на станцию вышлют для нас лошадей. Надо прибыть вовремя. Опаздывать нельзя, Сола! Ты что молчишь? Может, ехать раздумала?..

Сола. Да, Бахши. Езжай один. Я остаюсь.
Бахши. Сола! Почему? Мы же едем работать. Ты не хочешь ехать в село? Уклоняешься?
Сола. Не уклонюсь... Но туда я не поеду.
Бахши. Куда не поедешь?
Сола. Туда, куда едешь ты! Я поеду в другое село.

Бахши. Сола! Куда едешь ты вместе.
Сола. Оставь меня... Я перемену путевку.
Бахши. Сола!
Сола. Говорю, оставь...

В комнату, улыбаясь, входит отец Соны, старый Бахши. В руках у него тар.

Старый Бахши. Сона! Дочка! Ты почему не хочешь ехать с Бахши?

Сона. Не хочу.

Старый Бахши. А какая же причина?

Сона. Нет никакой причины. Не знаю я...

Старый Бахши. Ты любишь Бахши?

Сона. Никого я не люблю. Ничего я не знаю. Не спрашивайте меня!

Старый Бахши. Ты боишься ехать с ним вместе?

Сона. Ничего я не боюсь.

Старый Бахши. Боишься!

Сона. Что мне бояться?

Старый Бахши. Ты боишься злых языков, боишься прогневших толков, которые веками погнали нашу жизнь! Ты азербайджанка, Бахши—армянин. Азербайджанская девушка выходит замуж за армянина! Неслыханное дело до сего времени! Вот ты чего боишься! «Что скажут!» Это тебя страшит! Ты не чувствуешь в себе силы, и поэтому не хочешь с ним ехать. Разве не так?

Сона. Отец! Во-первых, зная, я не люблю Бахши. Во-вторых, сейчас не время для этих разговоров. В-третьих, разве легко первой рушить стены, которые складывались и крепили веками? Не так это просто—пренебречь общественным мнением...

Старый Бахши. Сейчас это нужно сделать. Погоди, Сона, слушай! Хочу тебе рассказать кое-что. Это трагедия нашей вчерашней жизни. Черная книга! Могу даже показать ее... (Выходит из комнаты.)

Бахши. Сона!

Сона. Не слушай отца, Бахши. Я и не думала тебя любить...

Старый Бахши возвращается, в руках у него тетрадь.

Старый Бахши. Смотри, Сона! Вот она—черная книга. Хочешь, возьми, почитай.

Сона перелистывает тетрадь и возвращает назад.

Сона. Здесь написано арабским шрифтом, я не могу прочесть.

Старый Бахши. Ты не можешь прочесть потому, что эти буквы уже чужды тебе. Пройдет время, и наша молодежь совсем ничего не поймет, если даже и прочитает эту тетрадь. Жизнь, описанная здесь, покажется им

нелепой и глупой выдумкой. Но это не выдумка. Это наша вчерашняя черная действительность. Сядь, Бахши, ты тоже слушай! Я прочту несколько страниц из тетради. Все это я видел своими глазами, слышал своими ушами и своей рукой записал. Могу рассказать и без тетради, наизусть. Слушайте же! Слышишь, Сона? Слушай!

Сона. Слушаю!..

Старый Бахши. Это было в первых годах двадцатого века. Молодой Бахши вернулся из семинарии в Карабах, в родное село, в родной дом. Здесь он встретил Сону. Бахши был азербайджанец, Сона—армянка. Ей было шестнадцать лет. Это была высокая, грациозная красавица с игривым взором. Они жили по соседству.

Свет постепенно гаснет, сцена начинает медленно освещаться сверху.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Небольшое селение на зеленом склоне Карабаха. Во дворе у тендыра¹ сидит Набат, выжет чулок. Подходит Гюльсюм, она тоже вяжет.

Гюльсюм. Набат-баджи! Ай, Набат-баджи! Опять проклятая пеструшка два дня не несется дома. Ума не приложу, куда она бегаёт? Думаю, может в ваш курятник заходит?

Набат. Загляни туда, Гюльсюм-баджи. Вчера я нашла два чужих яйца.

Гюльсюм. Не сидит на одном месте, проклятая!

Набат. На, возьми и это. Напряла вчера вечером. (Передает пряжу.)

Гюльсюм. Вот тебе на! Что за спешка? У меня еще есть.

Набат. Прошу ради бога, Гюльсюм-баджи, придет скот, покорми, пожалуйста. Мне нужно проводить Эйваза.

Гюльсюм. Телка уже пришла, я ее накормила. За остальными тоже присмотрю. Не беспокойся, делай свое дело.

Входит с вещами Эйваз.

¹ Тендыр — печь для выпечки хлеба.

Эй в а з. Ну мать, арба готова. Не мешкай, неси мои пожитки. Здравствуй, Гюльсюм-хала! Как живешь? Как здоровье? Это что такое, хала¹? У тебя седые волосы! И не стыдно?

Гюльсюм. Ох, от сладкой жизни это...

Эй в а з. Как вы ладите с Имамверды-дан? Видно, не заботится он о тебе?

Гюльсюм. Чтоб он чдох, этот твой Имамверды! Совсем его рожу не вижу. Утром опять ушел с Аллаверды-киши. Не знаю, куда провалился?

Входят Имамверды и Аллаверды

Имамверды. Может, я в ад провалился? Разве эти сукинны дети дадут спокойно пожить, тихо сесть кусок хлеба? Месяц работаешь, на бека, месяц—барщина, три месяца—зима, три месяца—лето... Вот и выходит, что для себя работаешь только одни месяц.

А л л а в е р д ы. А подати и налоги гони да помалкивай!..

И м а м в е р д ы. Подушный налог плати, водяной налог плати. Будь они неладны! Даже божью воду отгородили... И здесь платить нужно.

А л л а в е р д ы. Начальнику дай, приставу дай, уряднику дай, старосте дай, мирабу² дай. Всем дай, дай, дай!

Эй в а з. А вы возьмите и не давайте.

И м а м в е р д ы. Не дашь—шкуру сдерут. Прошлый год в лизине хлеба сгорели, а проклятый мираб так и не дал воды.

Эй в а з. А вы соберитесь, выгоните их всех из села, и делу конец!

А л л а в е р д ы. Ну да, выгнали сразу... Смотри, как бы они сами нас не выгнали.

И м а м в е р д ы. Тебе что? Живешь в Баку без хлопот, ни до чего дела нет... Как говорится, свободен я и от осли и от забот о сене.

А л л а в е р д ы. Эх, послал бы мне сейчас господь несколько сотенок, я бы их тут же начальнику—и сделался старостой. Вот тогда бы я пожил!

И м а м в е р д ы. Я бы первым делом развелся с женой и взял новую...

Гюльсюм. Пенел тебе на голову! Посмотрите на этого старосту в драной чухе!

И м а м в е р д ы. Эй, эй, жена! Не маши руками. Клянись аллахом, я сейчас как дам тебе, свалю на землю, встану на живот и раздавлю... Ну, а наш славный Эйваз пошел и нашел себе ремесло... Я, говорит, рабочим стал... Начальником-то ты не стал! Помочь нам ничем не можешь, если что случится.

Эй в а з. Будь я сейчас начальником, я бы вас сразу к стенке—и расстрелял.

И м а м в е р д ы. Эге! За что же к стенке? Аллах свидетель, чем мы виноваты?

Эй в а з. Чем виноваты? О правах вы своих совсем не думаете. Ведь вас, крестьян, сотни тысяч... Если вы соберетесь и каждый возьмет в руки по топору, можно не только старост, самого Николая прогнать.

И м а м в е р д ы. Скажите! Прогнал! Ну, гони, а я посмотрю! Николая не смог одолеть такой падишах как иранский? И японец с ним не сладил. Царь наш со всего света дань собирает. Если бы дрались дубинками, я схватил бы свою и разом двадцать солдат смял. Начини ружейная бойня—дайте только винтовку: не я буду, если не ухлопаю сотню солдат. Но ведь у царя пушки! Думаешь, это так себе, мякинка? Раз—и прогнал?.. Ну, гони, давай...

Эй в а з. И прогоним! Ты стой и любуйся, а мы гнать будем.

А л л а в е р д ы. Эх, парень, разумное ли это дело? Ты вот возьми сына Агамянова, приехал погулять из Баку. По внешности судить—гроша не стоит. А гляди-ка: начальник и тот перед ним по швам вытягивается. В офицерском мундирчике шеголяет, а пуговицы блещут словно золотом!

И м а м в е р д ы. И шашка, как у Батмангылинджа, по земле волочится. А на наших посмотри. Возьмем, к примеру, моего. Ни за плугом ходить, ни дрова рубить... Вот вы с Эйвазом говорили—учиться! Тянулись мы изо всех сил, учили его, а что вышло? Ни к чулку пятака, ни к штанам заплатка. Имя даже в собачьей книге не значится... Хоть бы писарем стал каким, и то полгоря было бы.

¹ Хала — тетья.

² Мираб — распределитель оросительной воды.

Гюльсюм. Эй, муж, ты что расселся? Вставай, наколи дров, я тендыр затоплю.

Имамверды. Оставь свои дурацкие шутки, жена! Клянусь Абульфаббасом, гневным сыном Али, я пальцем не шевельну. Пусть хоть повесят! С утра обиваю чужие пороги. Сил нет... Набат-баджи, у тебя бывает хороший чаек.

Гюльсюм. Вставай, вставай! Дрова нужны. Эйваз едет, надо тендыр затопить.

Аллаверды. Гюльсюм-баджи, пойдем, я наколю. Этот лентяй—сын лентяя и не подумает встать.

Имамверды. Эйваз уезжает. Жена, ты обещала нарезать для него цыпленка.

Гюльсюм. Зарезала уже. Поднимайся—говорю тебе! Набат-баджи, я уложила ребенка. Молю аллахом, если встанет, дай ему молока... Ну, ступай вперед!

Имамверды. Дорогая, ведь Аллаверды сказал...

Аллаверды. Гюльсюм-баджи, где топор? Я иду.

Гюльсюм. Наш топор у Айкануш. Сейчас принесу.

Входят Со́на и Бахши.

Со́на. Говорю тебе, нет никакой разницы. Какая разница?

Бахши. Ай гыз¹, армянская папаха чуть острая, а азербайджанская—плоская.

Со́на. Ничего подобного.

Наба́т. Со́на, пусть отсохнет твой язык! Где ты носишься с утра? Брат уезжает, а тебя дома нет. Ступай, завари чай. Имамверды-даи хочет чаю.

Со́на (к Бахши). Смотри, вот папаха моего отца, а вот твоего. Есть разница?

Эйваз. Что случилось, сестра? Опять говорильной травки объелась?

Со́на. Слушай, Эйваз. Мы ходили за грибами и нашли один гриб. Куда я его дела? Ага, вот он. Бахши говорит, что он походит на армянскую папаху. Смотри-ка: вот это папаха отца, а это—папаха Имамверды-даи. Какая же разница? Вот его борода, а это его... Вот его лицо, а это его... По правде говоря, я и не думала, что отец и Имамверды так похожи. Да, да... (Целует обоих.)

¹ Ай гыз — обращение к девушке.

Бахши. Сдаюсь, сдаюсь...

Эйваз. А меня?

Со́на. Вот и тебя. И тебя, и тебя... (Целует мать и Гюльсюм-баджи.) И те... (Хочет поцеловать Бахши, но останавливается в нерешительности.)

Эйваз. Ну, что случилось? Испугалась? Целуй же! Ага, видно, его ты любишь больше, чем всех нас.

Со́на. Иду готовить чай.

Имамверды. Ай гыз, ну, что ты за проказница! Швырнула палку и угодила прямо в глаз теленку Айкануш. Баба прибежала и напустилась с бранью на Аллаверды. Я псов от нее отгонял...

Со́на. Пусть не пускают к нашему дому своего теленка! Я посадила гвоздику для Бахши, а теленок пришел и все сожрал.

Аллаверды. Что поделаешь? Жена старосты... Что хочет, то и делает.

Со́на. Плевала я на старосту! Пусть смотрят за теленком.

Гюльсюм (к мужу). Образина ты эдакая, ступай вперед—говорю тебе!

Имамверды. Вали, брат! Связался с бабой—гроб заказывай.

Аллаверды. Не болтай! Пошли!

Аллаверды, Имамверды, Гюльсюм и Набат уходят.

Эйваз. Ну, Бахши, я еду.

Бахши. Почему так быстро, Эйваз?

Эйваз. За мной слежка, Бахши. Не уеду—схватят. К ним попали некоторые бумаги, которые я привез с собой.

Бахши. Откуда ты это знаешь?

Эйваз. Знаю, из самых верных источников. Ну, а теперь говори, записываешься в нашу организацию?

Бахши. Не знаю, Эйваз. Пока ничего не решил. Дело ведь серьезное...

Эйваз. Так, так! Что же будет с крестьянами, безземельными и безводными, с которых дерут семь шкур? А каково голодным и угнетенным рабочим, которые трудятся, как скоты? О безработных и не говорю. Об этих людях ты думаешь? Драться нужно.

Бахши. Я не выношу крови! Это верно, что крестьян

грабят. Верно, что рабочим приходится туго, а богачи живут припеваючи. Но кровь, человеческая кровь!.. В мире нет такого идеала, во имя которого можно было бы пролить кровь.

Входит Сова.

Сова. Чай готов.
Эйваз. Спасибо, сестренка! Бахши, поручаю тебе сестру. Если со мной что случится, помоги ей. Сова, будь Бахши другом. Это молодчина-парень! Держись за него!
Бахши. Я люблю Сону не меньше тебя.

Вбегает Арам.

Арам. Эй, Эйваз, беги скорее! Там пришли...
Бахши. Кто?
Арам. Откуда я знаю, кто? Говорят, обыск будет.
Эйваз (*достает из кармана пачку бумаг, передает Бахши*). Бахши, спрячь это.

Свет наверху гаснет. Сцена постепенно освещается снизу.

Старый Бахши. Они были соседями. Две семьи. Одна—азербайджанская, другая—армянская. Но жили они одной жизнью, занимались одним делом, думали одинаково. У них было одно горе, одни радости. Дети их росли вместе, скот их пасты на одном лугу, их куры неслись в одном курятнике..

ЗАНАВЕС

КАРИНА ВТОРАЯ

Кабинет генерал-губернатора Баку.

Губернатор (*раздраженно*). Как же так? Шесть промыслов начинают одновременно заставовку, а вы, господин градоначальник, ничего не знаете!

Градоначальник. Ваше превосходительство, у них ведь экономические требования...

Губернатор. Ваши суждения, генерал, весьма поверхностны. Экономические лозунги—та же политика. Все эти требования—только ширма. Они хотят поднять бунт против трона российского!

Градоначальник. На это они не осмелятся!

Губернатор. Ну, конечно, если вы прикажете, они не осмелятся. Бунты в других городах России для вас не доказательство? Страна только что вышла из войны. Армия разгромлена. Если все промыслы бросят работу и взбунтуются, кто может их остановить? Сейчас же мобилизовать всю полицию! Митинги разогнать! Ни один заставщик не должен проникнуть на другие промыслы! (*Звонит телефон.*) Алло, кто это?.. Полицейстер?.. Да, слышу... Прорываются на промыслы Шибаева?.. Сейчас же остановить толпу!.. Что?.. Красные флаги?.. (*Бросает трубку.*) Вы слышите, господин генерал? Я вас больше не задерживаю. Можете идти.

Градоначальник. Ваше превосходительство, я никак не ожидал, что движение примет такой размах...

Губернатор. Очень жаль, очень жаль, генерал! (*Звонит телефон.*) Алло, что?.. К ним примкнули шибаевцы?.. Обращайтесь непосредственно ко мне!.. Станьте пулеметы. Лучше охраняйте Нобеля... Что?.. И у Нобеля бросили работу. Тыфу!.. Сукины дети! (*Швыряет трубку.*) Идите, генерал, ждите моих распоряжений.

Градоначальник. Ваше превосходительство...

Губернатор. Генерал, вы свободны. (*Градоначальник выходит, звонит телефон.*) Алло!.. Они вооружены? Кто во главе отряда?.. Эйваз Асриян?.. Сейчас же арестовать!.. Невозможно?.. Жду вас немедленно, полковник! (*Бросает трубку, обращается к машинистке.*) Что вы не можете прочесть?.. «Довожу до вашего сведения, что опасность здесь имеется с двух сторон. Во-первых, со стороны революционных рабочих организаций, а во-вторых, как указывалось выше, со стороны освободительного движения местной буржуазии и националистической интеллигенции. Оба движения направлены против власти его императорского величества. Этот момент, хоть и временно, объединяет обе силы. Армия разбита. Из создавшегося положения только один выход: посеять национальную вражду между азербайджанцами и армянами и отодвинуть тем самым революционное движение на вто-

рой план. Армяне здесь самая бунтарская нация. Если их убрать, силы остальных поколеблются. Есть возможность вызвать столкновения между мусульманской и армянской буржуазией.

Вбегает взволнованный полицмейстер.

Полицейстер. Ваше превосходительство!

Губернатор. С каких это пор, полковник, вы начали входить без доклада?

Полицейстер. Извините, ваше превосходительство, но... *(кивает в сторону машинистки.)*

Губернатор *(машинистке)*. Вы можете идти.

Машинистка выходит.

Полицейстер. Ваше превосходительство, повстанцы с красными флагами продвигаются вперед и хотят захватить все промыслы.

Губернатор. Я сказал, их надо задержать!

Полицейстер. Невозможно, ваше превосходительство! Они вооружены.

Губернатор. Вооружены?

Полицейстер. Оказывают сопротивление, ваше превосходительство. Толпа кричит: «Долой Романовых».

Губернатор. Долой Романовых? *(Поднимает трубку.)* Алло, гарнизон!

Полицейстер. Ваше превосходительство, у нас есть сведения, что гарнизон не очень надежен... Я докладывал в свое время генералу Давыдову.

Губернатор. Гарнизон? Алло, кто это?.. Полицейстер здесь... Подожгли? Кто?.. Второй промысел Манташева? Кто?.. Кто, я спрашиваю?.. Рабочие—Какие—... Ах, проклятье!.. *(Бросает трубку.)* Полковник, все силы на промыслы! Сейчас же, сию минуту нужно выслать казаков. *(Полицейстер идет к дверям.)* Не жалейте патронов, полковник!.. Что это?!

За сценой слышны выкрики демонстрантов: «Долой Романовых!», «Да здравствует свобода!»

Губернатор. Полковник, что это?

Полицейстер. Бунт, ваше превосходительство!

Губернатор. Не бунт, а революция!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Селенье в Карабахе. Крестьяне веселятся.

Один голос

Тутовник рос в саду моем,
Но ягод вдоволь я не ел,
Не видел милую тайком,
С ней говорить не смел.

Все

Ах, поясок, поясок,
Ах, поясок, поясок.

Один голос

Аракс несет свои струи,
Кебаб шипит, дымится плов.
За очи серые твои
Я умереть готов.

Все

Ах, поясок, поясок,
Ах, поясок, поясок.

Входят Аллаверды и Имамверды.

Арам. Смотрите: Аллаверды-дан и Имамверды-дан идут!

Мурад. Тащите их в круг. Давайте гайтагы!¹
Голоса. «В круг! В круг! Пусть танцуют!»

Аллаверды. Так мне и пристало танцевать! И Имамверды тоже...

Арам. Пристало, пристало!

Голоса. «Пристало, пристало! Играйте, пусть пляшут! Пристало, пристало!»

Аллаверды. Арам, говорят, в Баку неспокойно?
Арам. Я тоже слышал. Но толком ничего не знаю.
От Эйваза есть вести?

Аллаверды. Ничего не пишет. Не знаю, что с ним?

Мурад. В чем дело? Тащите стариков в круг!

Голоса. «В круг стариков! Гайтагы, гайтагы, пусть танцуют гайтагы! Пусть танцуют!»

¹ Гайтагы — национальный танец.

Аллаверды. У нас дела без зурны и барабана веселенькие! За прошлогодний налог еще не рассчитались, а уже новый подоспел...

Мурад. Эх, к черту все! Бедняк только и уповаet на аллаха... Как все, так и мы!

Арам. Живо начинай! Живо начинай!

Имамверды. Хорошо! А вы разве не знаете, когда верблюд танцует—снег идет!

Общий смех.

Арам. Пусть идет снег! Кого пугаешь? Не сахарные, не растаем! Эй, ребята, начинай!

Мурад. Ребята, музыку!

Крестьяне поют.

В горах Карабаха снег должен пойти,
Снег должен пойти, снег должен пойти.
Должны на деревьях гранаты расти,
Гранаты расти, гранаты расти.
На свадьбе должно быть много вина,
Много вина, вдоволь вина.
А танец отпляшет красotka одна,
Красotka одна, красotka одна.

Все встают на ноги. Арам, Имамверды и Аллаверды танцуют. Имамверды отстуается.

Имамверды. Отстань, Арам! Голова кружится. Пусть лучше уста! Муган порадует ваши сердца песней.

Входит Сона.

Арам. Смотрите, Сона идет, красавица наша!

Голоса. «Эй, Сона пришла! Сона пришла!»

Мурад. Вовремя пришла! Уста, сыграй, пусть Сона отпляшет свою долю!

Голоса. «Танцуй, Сона! Быстрее играйте!»

Арам. Эй, играйте, наша Сона спляшет!

Мурад. Эй, играйте, Сона из Карабаха спляшет!

Сона. Не могу я танцевать.

Аллаверды. Ты дома с утра до вечера пляшешь, даже когда дом метешь.

Арам. Умешь, умешь! Уста, начинай, потом и Бахши спляшет!

¹ Уста — мастер.

Сона начинает плясать, у нее ничего не выходит.

Сона. Под эту мелодию я не могу...

Арам. Какую же тебе нужно? Говори, сыграем...

Сона. Она называется... Ах, как же она называется? В начале там как-то поют, а в конце так: там, дарам, дарам... Бахши, как она называется? Дайте, пусть Бахши сыграет. Он знает эту мелодию.

Арам. Что ж, тем лучше! Дочь халвачника еще слаще. (Общий смех.) Уста Сумбат устал... Начинай, Бахши, после станцуешь...

Бахши играет, крестьяне поют.

Один голос

Упорхнула навсегда
Из родимого гнезда.
Птичкой вольной, молодой
Залетела в сад чужой.

Все

Птичкой вольной, молодой
Залетела в сад чужой.

Один голос

Но охотник взял ружье,
В сердце выстрелил мое,
Птица раннее весной
На земле лежит сырой.

Все

Птица раннее весной
На земле лежит сырой.

Все пляшут. Айказ Агамин танцует и выкрикивает: «Айда, аяа, аяа!»
Хочет обхватить Сону за талию. Девушка вырывается.

Айказ. Танцуй...

Сона. Не хочу, я устала.

Айказ. Танцуй, говорю тебе! Я хочу!

Сона. Устала...

Айказ. Тебе говорят—танцуй! Неродница!

Арам. Эй, легче... Что делаешь? Зачем девушке ружью ломаешь?

Айказ. Меня звать Айказ Агамян! Весь Баку на меня смотрит. Хочу—ломаю, хочу—глаз тебе выбью. Пошел вон!

Бахши. Ах, дорогой, прошу тебя... Нехорошо ведь...

Айказ. Пошел—говорию! Я офицер! Слово офицера—закон!

Арам. Эй, чего разорался? Подумаешь—офицер! Если офицер, так нужно руки ломать?

Айказ. И сломаю!. Я тебе глаз выбью...

Арам. Брось руку девушки—говорию тебе! Собака! Я тебе и глаз выбью и зрачок!..

Айказ. Мне, глаз?... Офицеру Агамяну глаз? Сукин сын, получай! *(Дает Араму пощечину.)* Что, хорошо?

Имамверды. Ах, сынок, ведь тебя никто не трогал...

Бахши. У тебя нет права бить невинного человека!

Айказ. Я—офицер! Я ему не так еще дам! У меня на все право!

Арам. Право, говоришь... Не хотел я скандалить, но раз так... Получай вот! *(Дает пощечину.)*

Айказ. Меня?... Офицера Агамяна?... Оскорбление офицера смявается только кровью! *(Пытается вытащить пистолет, Бахши крепко хватает его за руку.)*

Бахши. Ах, дорогой, ну что здесь такого? Ты его, он тебя... Вот и делу конец. К чему еще пушки да ружья?

Айказ. Пусту руку, пусти!

Мурад. Да, он пьян. Тащите веревку, свяжем ему руки и ноги.

Айказ. Мне руки и ноги? Я из Баку приехал! Я вам всем покажу! Пусту меня, сукин сын!

Арам. Подумаешь—из Баку приехал! Если из Баку, так все бояться должны?

Раздается свисток, вбегает урядник.

Урядник. Эй, кто скандалит? Вяжите ему руки-ноги, тащите сюда... Что случилось?

Бахши. Ничего не случилось, дорогой. Мы пели-танцевали, а этот парень пришел и давай скандалить!

Урядник. Вот я ему покажу! *(Узнает Айказа.)* Айказ Агамян!.. Ах, скоты, дети скотов! Ослепли!.. Не видите, с кем разговариваете?

Бахши. Дорогой, мы с ним вовсе не разговаривали...

Как только Бахши начинает говорить, урядник свистит в свисток.

Айказ. Я покажу, как меня оскорбляют! Урядник. Арестовать!.. Просту вас, успокойтесь! Кто его оскорбил?

Айказ *(показывает на Арама)*. Вот он! Урядник. Эй, осел! Ты что, ослеп? Ступай вперед!

Иди—говорию!

Айказ. И вот это! *(Указывает на Бахши.)* Урядник. Ты тоже ступай! Иди—говорию!

Мурад. Дорогой, они не виноваты!

Урядник свистит. Раздаются голоса: «Они не виноваты!»

Урядник. Молчать! Всем молчать!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната в доме губернатора. Сидит полицмейстер и губернатор.

Полицмейстер. По всему городу расклеены прокламации. Рабочих призывают объединиться, разгромить тюрьмы и выпустить товарищей...

Губернатор. Кто во главе движения, полковник?

Полицмейстер. Точно не знаем, ваше превосходительство. Говорят, Эйваз Асриян, Володин и Чопур Мамед.

Губернатор. Интернационал! Черт возьми! Нужно развалить!

Полицмейстер. Наши люди работают среди них, но те очень осторожны...

Губернатор. Замышляется нечто ужасное, полковник! В ответ мы должны предпринять решительные действия. Аресты не помогают. Здесь нужна кровь. Везде и всегда—главное кровь! Когда у человека много крови, он бесится. Когда он отдаст кровь, успокаивается... Вот мой приказ, полковник! Следуйте за мной.

Губернатор и полицмейстер выходят в другую комнату. Входит Саламов, Багадыр-бек и Агаар. У Агаара в руках букет цветов. Горничная хочет взять их.

С а л а м о в. Постою, постой не трожь! Начнется сыр-бор — и не улизнут даже от кого. На-ка, вот тебе пока синенькая, будешь ухаживать — получишь еще. Эй, Агаяр, клади букет сюда. Да осторожней, медведь ты эдакий! Гляди, помоял как! Смотри, что сделал с цветами! Ну, пошел отсюда! Скажи ребятам, чтоб ждали на углу! Слушай, да пусть не толпятся в куче. Пусть стоят по одному, по два. Багадыр-бек, пошли...

Б а г а д ы р-б е к. Стойте, стойте, кербалаи! Без разрешения нельзя. Девушка доложит, придет хозяйни дома и встретит нас.

С а л а м о в. Э, да что там! Она нам верно служит.

Б а г а д ы р-б е к. Однако, кербалаи, хочу сказать, что позиция, занятая вами, может повредить нашей политике. Наша позиция — это хотя бы временно использование революционный подъем и выдвинуть вперед вопрос об автономии.

С а л а м о в. И что ты такой непонятливый, Багадыр-бек? Рот я ему давно смазал... Ты это понимаешь или нет? Ах, ты, путаник! Да кто такие рабочие? Тыфу — вот кто они! Тут, брат, совсем другое дело. Понял? Самое главное это промыслы! Вот!

Б а г а д ы р-б е к. Что бы ни было, но препятствовать революционному движению в настоящий момент — не в интересах нашей национальной политики. Это может ослабить и парализовать нашу позицию. Для прогресса и процветания нации ислама сегодня...

С а л а м о в. Вот заладил, вот заладил, балаболка! У самого по дворе жирная курица бегаёт, а он на базар за тощим цыпленком пошел. Ты слушай! Мне губернатор все сказал по секрету, что надо... Ты теперь помалкивай! Здесь совсем другое дело, ты не знаешь...

Входит жена губернатора Мария Тимофеевна.

М а р и я Т и м о ф е е в н а. Боже, Амир-Аслан-бек! Давно ждем. Я вас так люблю! Я так и знала, что в день моего рождения вы первый придете.

С а л а м о в (преподносит цветы). Ах, Мария Туманнифейна, ты нас конфузишь! Багадыр-бек, ты хорошо говоришь, громыхни-ка что-нибудь!..

¹ Кербалаи или керблаи — так называют лиц, совершивших папачество в город Кербалу.

Б а г а д ы р-б е к. Уважаемая... Ваше превосходительство, графиня!

С а л а м о в. Эй, что такое графинка? Назови по имени, Багадыр-бек! Ей нравится, когда по имени...

Б а г а д ы р-б е к. Забыл, как звать...

С а л а м о в. Мария Туманнифейна.

Б а г а д ы р-б е к. Мария... Э... э... э... Уважаемая ваше превосходительство графиня!

С а л а м о в. Ну, что за тушица! Опять ты свое... превосходительство графинка! Может, ваше превосходительство кастрюля?

Б а г а д ы р-б е к. Госпожа, для нас, мусульман, наш сегодняшний праздник — огромная радость. Будущность и прогресс нашей нации...

С а л а м о в. Будь ты неладен! Опять он сует свою нацию! Слушай, оставь в покое национальность. Говори о цветах. Скажи, что Амир-Аслан-бек привез их из Мардакян!

Б а г а д ы р-б е к. Мы для счастья и национального благополучия...

С а л а м о в. Вот заладил: национальное, национальное! Стой, ты! Ханум, эти цветы сейчас привезли из Мардакян... Только-только сорваны! Куда ж их, черт воцарил, оставить? У этой чертовой бабы и силенок не хватит их поднять...

Б а г а д ы р-б е к. Позвольте, я положу на стол...

С а л а м о в. Клади, клади!.. А вот это сережки... Багадыр-бек, ты хорошо говоришь. Ну-ка, громыхни пару словечек! Скажи, что их только вчера привезли из Нижнего...

Б а г а д ы р-б е к. Уважаемая ваше превосходительство графиня!

С а л а м о в. Умоляю тебя! К черту графинку! И не впутывай сюда национальность!

М а р и я Т и м о ф е е в н а (разглядывает серьги). Ого! Элеган де Пари...

С а л а м о в. Что это она, Багадыр-бек?

Б а г а д ы р-б е к. По-французски... Уважаемая ваше превосходительство графиня!

С а л а м о в. Что она сказала?

Б а г а д ы р-б е к. Откуда мне знать, что сказала? Уважаемая ваше превосходительство графиня! Вручая этот скромный подарок...

Саламов. Скажи, что их привезли по приказу Амир-Аслан-бека.

Багадыр-бек. Вручая этот скромный подарок, мы хотим сказать, что национальный прогресс и процветание благодаря милости его императорского величества...

Саламов. Ах, дьявол! Никак не оценится от своей национальности! Эй, хватит!.. Мария Туманифейна, это чистейшие бриллианты. Только вчера привезли из Нижнего с ярмарки...

Мария Тимофеевна. Большое, большое спасибо. Ах, какая прелесть!

Саламов. Это такая вещь!.. Редчайшая штука! Горят в темноте, как угли!

Мария Тимофеевна. У вас всегда сюрприз!

Саламов. Сююприз? Что подметать? Эй, может, она просит стереть пыль? Мария Туманифейна, я уже вытер их. Ты погаси свет, глянь в темноте!

Мария Тимофеевна. Сейчас!

Саламов. Слушай, Багадыр-бек, заведи при муже разговор о сережках. А то чертова баба прячет их. Он и знать ничего не будет.

Мария Тимофеевна (*гасит свет*). Ах, из всего, что мне подарили сегодня, это самый чудный подарок!

Входит губернатор.

Губернатор. В чем дело? Кто потушил свет? Кто здесь?

Саламов. Я, Тохум Ерисуич!

Мария Тимофеевна. Тиша, смотри, какую прелесть подарил мне Амир-Аслан-бек!

Губернатор. Эге, Амир-Аслан-бек! Можно подумать, вы потушили свет, чтобы пофлиртовать с моей женой.

Саламов. Боже упаси, Тохум Ерисуич! Это моя мать, моя сестра! За это не беспокойся. От курда жди все, только не поровства.

Губернатор. Курдов я люблю! Джигиты! Не будь их, турки не справились бы с армянами!

Саламов. Ах, что за сукины дети! На чужой лодке едут и с лодочником же дерутся. Отхватили себе самые

плодородные земли мусульман. Мы, говорят, у казны арендуем....

Губернатор. Скверная нация! Я в тот день так и сказал открыто.. Говорю: вам в Турции нахлопали, так вы теперь на здешних мусульманах хотите отыграться?

Багадыр-бек. Ваше превосходительство, во всяком случае мы являемся верноподданными слугами его императорского величества, и грандиозная...

Саламов. Что там армяне! Здесь они не посмеют сунуться. Стоит мне поднять папаху и крикнуть, разом сбегутся пятьсот человек и разделаются с ними за милую душу. У Турции вражда с армянами, так при чем здесь мы? У турок свой падишах, он знает, что делает... А эти армяне, как говорится, с ишаком справиться не могут, так начинают седло колотить.

Губернатор. Не посмеют колотить. Пока я жив, у мусульман с головы волосок не упадет.

Мария Тимофеевна. Тиша, пройдем в салон к гостям. Амир-Аслан-бек, прошу!

Губернатор. Мария Тимофеевна, дайте мне хоть один вечер поговорить с друзьями!

Багадыр-бек. Мы очень, очень признательны, ваше превосходительство!..

Губернатор. Оставьте этот официальный тон, Багадыр-бек. Зовите меня Тихон Елисеевич. Сегодня вечером я хочу отдохнуть и поболтать со своими друзьями.

Мария Тимофеевна. Нет, нет, Тиша, этому не бывать. Сегодня Амир-Аслан-бек мой. Он не отойдет от меня ни на шаг. Он любит меня больше всех твоих друзей. Сейчас он пришел не к тебе, а ко мне.

Губернатор. Как бы не так, Мария Тимофеевна. Я немедленно забираю его у вас!

Мария Тимофеевна. Это мой друг. Смотри: тебе он ничего не принес, а мне— вот эти блестящие кашушки.

Губернатор. Что же, хотя он меня и не вспомнил, зато я кое-что приготовил для него. Это такой сюрприз, что твои камни тотчас померкнут. К тому же это от самого государя. Подождите, сейчас принесу.

Мария Тимофеевна. Нет, Тиша, мы принесем вместе. Я хочу сама все вручить Амир-Аслан-беку!

Губернатор. Ты хочешь, чтоб и на этот раз благодарность досталась тебе?

¹ Слово «сюрприз» созвучно с азербайджанским словом «сююприз», что значит «мы подметаем».

Саламов. Клянусь твоей жизнью, Тохум Ерисунч, я буду должен вам обоим. Да умереть мне!..

Губернатор. Ну, ладно, пошли.

Губернатор с женой выходят.

Саламов. Клянусь твоей жизнью, Багадыр-бек, это не женщина, а пароход! Пароход! Пусть она будет моей матерью и сестрой! Приветливая женщина.

Багадыр-бек. И сам он тоже любезный человек.

Саламов. Сам-то? Что и говорить! Душа-парень! Эй, Багадыр-бек, что за ошейник ты на меня нацепил? Развяжи! Прядки святые, заарканили меня! *(Пытается снять воротничок и галстук.)*

Багадыр-бек. Что вы делаете, кербалан? Нельзя! Саламов. Развяжи, говорю! *(Багадыр-бек развязывает Амир-Аслану галстук.)* Раз пришел — так нельзя! Я тебе говорил: называя эту чертову бабу по имени. А ты как начал? Графинка, графинка!. Она мне сама сказала... И ты под конец слышал слова губернатора: зови, говорит, меня Тохум Ерисунч. А жену звать Мария Туманнифейна.

Багадыр-бек. Так, как изволите говорить вы, кербалан, нельзя!

Саламов. Это почему же нельзя? Когда и где ты такое вычитал? Разве трудно сказать «туман»? Не можешь сказать «нифе»? Сложи все вместе, получится Туманнифейна... Как хорошо, что он сам пришел и увидел серьги! Теперь уж эта чертовка не спрячет их.

Багадыр-бек. Вы видели? Я старался их использовать в наших национальных интересах. Вообще национальные интересы должны быть на первом плане.

Саламов. Если это нужно, скажи мне. Назови кого хочешь — вышлю с Кавказа за двадцать четыре часа. Получит десять лет каторги, а затем на поселение...

За сценой слышен голос Марии Тимофеевны: «Дайте нам шампанского!»

Багадыр-бек. Кербалан, кербалан, у вас шея открыта. *(Завязывает Амир-Аслану галстук.)*

Входит губернатор с женой.

Губернатор. Вы видите, Амир-Аслан? Она опять провела меня.

Мария Тимофеевна. Амир-Аслан-бек, это действительно грандиозное событие! Вас следует поздравить. Подойдите ко мне! *(Прикалывает к груди Саламова медаль.)*

Губернатор. Но бумагу я вручу сам. Его императорское величество подтверждает величайшее расположение к своим верноподданым мусульманам и жалует вас за вашу преданность высшим орденом. Извольте, вот копия высочайшего указа.

Мария Тимофеевна. Тиша, смотри, как ему идет медаль! За вами магарич...

Саламов. Багадыр-бек, у меня язык отнялся... Прошу тебя, скажи за меня несколько слов.

Багадыр-бек. Ваше превосходительство, его императорское величество питает по отношению к нам, тюркам...

Саламов. Но при чем здесь тюрки? Ты!.. Бахвалиться тут еще! Ведь они не поймут, о чем ты говоришь...

Багадыр-бек. Столь великая благосклонность и забота его императорского величества о нас, турецких татарах Кавказа, для нашей национальной будущности...

Саламов. Опять он понес о своей проклятой национальности!.. Слушай, хватит! Мария Туманнифейна, падишах оказал мне огромную милость. За эту медаль завтра на ваш палец надену самый огромный бриллиант в городе! Тохум Ерисунч, Амир-Аслан-бек не из тех, кто остается в долгу... Отблагодарю и вас! Извините, красиво говорить не могу...

Мария Тимофеевна. По-моему, вы очень красиво говорите. Всегда так коротко и ясно... Ну, что ж, господа, нужно показаться гостям. Жду и вас там. *(Выходит.)*

Саламов. Напиши падишаху, Тохум Ерисунч, что мы, кавказские мусульмане, готовы служить ему душой и телом. Я челстью сверну каждому, кто хоть слово скажет против падишаха. Его — приказ, наше — исполнение. Если что нужно — только бровью поведи, а за нами дело не станет.

Губернатор. Нужно, нужно, постарайся, Амир-Аслан-бек. Все это нужно доказать делом. Дело! Армя-

¹ Туман — по-азербайджански «юбка», нифе — «шурюк».

не действуют, послали государю около десятка писем. Вы же и одного не написали.

С а л а м о в. Вот сукнины дети! Я знаю, пока им рыла не набьешь, не успокоятся.

Г у б е р н а т о р. Нет, друзья, эдак не годится. С армянами надо держать ухо востро. Они только и ждут повода, чтобы наделать делов. Они боятся нас, а то бы не сидели так спокойно.

С а л а м о в. Не сидели бы? Да кто им позволит? Это не женская баня, где каждый делает, что хочет!

Б а г а д ы р-б е к. Но откуда, ваше превосходительство, видно, что у армян имеются такие намерения?

Г у б е р н а т о р. Откуда видно? Прошу вас, Багадыр-бек, не спрашивайте у меня таких вещей. Разумеется, я ваш друг, но должность моя такова, что я не могу вам всего рассказать. Вы спрашиваете, откуда это видно? Да по всему! Известна ли вам истинная причина беспорядков на промыслах? Знаете ли вы истинных подстрекателей?... Эйвас Асриян, Демирджиян, Налбандян... Все ян, ян, ян... Больше я вам ничего сказать не могу.

С а л а м о в. Наши мусульмане сущие байбаки, услышат где-нибудь два слова: рабочий, рабочий,—тут же бросают работу и бегут туда.

Г у б е р н а т о р. Только что Амир-Аслан-бек говорил нам, что армяне захватывают у мусульман земли. А вот про себя-то он ничего не знает. Я сначала не хотел вам говорить, но сейчас скажу. Недавно Агамян подал жалобу, в которой пишет, что две фонтанирующие вышки Амир-Аслана Саламова находятся на земле, которую он арендует у казны. Вам это нравится? Верно сказал Амир-Аслан: едут на лодке и с лодочником же дерутся. Дипломату нужно разбираться в тонкостях.

С а л а м о в. Что? Что? Проклятье на его голову! Собака! Вот приказу разложить его на мостовой да так отдубасить, что он нефтью запахнет. Этого он хочет? На том месте у моего деда было гумно. У него есть купчая. Эдак он и жену мою захочет присвоить.

Г у б е р н а т о р. В том-то все и дело. Они готовы всех мусульман отсюда выгнать.

С а л а м о в. Да кто им позволит? Дай мертвецу волю—он савайн прорвет.

Б а г а д ы р-б е к. Но, может, это просто личная вражда?

Г у б е р н а т о р. Что вы! Это система, план... Это часть плана Великой Армении. Иначе бы он не осмелился. Они хотят хапнуть все ваши земли.

С а л а м о в. Нет, нет, дорогой. Тохум Ерисунч верно говорит. Личные счеты здесь ни при чем. Это вражда национальная. Я это давно понял.

Г у б е р н а т о р. Извините, Багадыр-бек, вы не смотрите в корень вещей. Городская управа в их руках, Совет съезда нефтепромышленников в их руках, инженеры у них свои, делают, что хотят. Вот они теперь и задумали силой отобрать у человека его владения. Хотят—и все.

С а л а м о в. Ясно, это национальная вражда. Ладно же, собачий сын Агамян! Завтра я всех балаханцев приведу на заседание. Мы, как собаку, вышвырнем тебя из Совета съезда, опомниться даже не успеешь. Нет, Багадыр-бек, это вражда национальная. Слышишь, что я говорю? Мы тоже кое-что понимаем.

Б а г а д ы р-б е к. Однако все это не выражено в такой уж резкой форме. Это все можно и нужно пресечь в самом начале. Следует обратиться к армянской интеллигенции...

Г у б е р н а т о р. Дело серьезное. У вас нет людей, которые могли бы противостоять им. А те, кто может, сидят, будто воды в рот набрали... Как говорится, ни богу свечка, ни черту кочерга.

С а л а м о в. Верно, верно сказано. Мы, мусульмане, народ нерадивый. Мы за Агамяна в думе шарами голосовали. Будь я поумнее, он бы ни за что не прошел в думу!

Г у б е р н а т о р. А когда я предложил на пост помощника главы Багадыр-бека, все армяне запротестовали.

Б а г а д ы р-б е к. Запротестовали? Ну, ясно, они стремятся протаскать своих. Это результат национального антагонизма.

Г у б е р н а т о р. И смотрите, что вышло. Узнав, что я друг мусульманам, они написали жалобу государю и потребовали, чтобы меня отозвали. Но я не из пугливых. Я обо всем доложил в Петербург. Завтра же Багадыр-бек станет помощником главы. Только скажите своим людям, чтобы они не сидели молча, как пни. И дайте мне людей, я проташу их, куда хотите...

Саламов. Дорогой мой, если все дело за людьми, я их дам тебе столько, что хоть собак корми!

Губернатор. И еще... Раз армяне действуют, вы тоже соберитесь, организуйте манифестацию: готовы, мол, служить государю! Ведь у меня должны быть какие-то аргументы.

Саламов. Манифестация? Да завтра же! Это пара пустяков. За кусок хлеба они все сделают. Хочешь, завтра же я выйду, встану на парапете и скажу: «Проклятье роду того, кто против государя! Пусть выходит, померимся силами один на один!»

Багадыр-бек. Ваше превосходительство, вы столько сделали во имя наших национальных интересов! Приказывайте, мусульмане готовы доказать свою преданность.

Губернатор. Только, друзья, уговор: все это должно остаться строго между нами. Я рассказал вам это по-дружески. Наверное, Агамян пошлет своих людей огородить вышки Амир-Аслана. Но я прошу вас не поднимать из-за этого кутерьмы...

Саламов. Мои вышки? Огородить мои вышки? Пусть попробуют!

Губернатор. Но будьте все-таки осторожны. Если возможно, не деритесь. Я уже говорил Агамяну. Сегодня он, кажется, тоже пришел. Я ему опять накажу... Только у них, кажется, много оружия.

Саламов. Я буду сукным сыном, если мы палками не выгоним их из города.

Губернатор. Ну да что там... Если дело дойдет до серьезного, я дам вам оружие. Помогу всем, чем могу! А что касается вышек, не отдавай их, и точка.

Саламов. Спасибо, Тохум Ерисунч. Мы, мусульмане, готовы тебе служить душой и телом. А с Агамяном мы сочтемся.

Губернатор. Вот он, кажется, и сам идет. Только очень прошу вас, по-хорошему как-нибудь... Я сейчас сам скажу ему, что вся эта революционная заваруха—просто ловушка. Дело гораздо сложнее. Ну, пока, извините, господа! *(Уходит.)*

Саламов. Ну, Багадыр-бек, видел, что получается? Поздравляю тебя. Я борды не пошу, вот меня никто и не слушает. Говорил вам, эти собаки что-то замышляют,

а вы—нет, нет... Люди действуют, а вы завели шарманку: национальное, национальное!

Багадыр-бек. Но если это не национальная проблема, кебан, то что это тогда? Я человек определенной профессии. Я революционер своей нации.

Саламов. Эх, революционер, революционер! Ты слышал, что сказал этот?... Все, говорит, ловушка. Фокусы вертятся вокруг промыслов. Нужно непременно организовать манифестацию, и—телеграмму царю. Будь я проклят, если не велю стащить шары Агамяна вместе с ящиком. Однако молодец губернатор!

Багадыр-бек. Да, губернатор единственный человек, который покровительствует мусульманам. Агамян идет, пошли...

Саламов. Стой, стой! Клянусь аллахом, я хочу ему сказать нару слов.

Багадыр-бек. Нет, кебан, прошу... Здесь общество, мы оспрамимся. Можно после сказать, уйдем...

Выходят. Входит губернатор и Агамян.

Губернатор. Только я вас очень прошу, с этими татарами держите ухо востро. Сами видите—дикая нация. Разумеется, я готов вам всячески помочь: и оружием и, если понадобится, людьми. Но прошу вас: все это между нами...

Агамян. Понимаю. Итак, завтра я подам жалобу.

Губернатор. Да, и копию принесешь мне. Завтра же пошли людей, пусть огораживают вышки.

Агамян. Ну конечно! А то что получается? Хочет захватить землю, которую я арендую!

Губернатор. Я не позволю, чтобы за свои дела в Турции они мстили моим единоверцам-христианам здесь, в подведомственном мне крае. Не беспокойтесь ни о чем. Только, как я говорил, нужно поскорее прибрать к рукам Асрияна. У него большой авторитет среди рабочих.

Агамян. Беру это на себя, ваше превосходительство.

Губернатор. Присядайте здесь, я распоряжусь, чтобы нам принесли что-нибудь. *(Уходит.)*

Входят Саламов и Багадыр-бек.

Саламов. Багадыр-бек, отнеси немного цветов губернаторше, а этот букет передай жене градоначальника.

(Агамяну). Эй, ты, сукин сын Агамян! Наглец! Ты идешь против меня? Вышки мои, а ты хочешь их захватить?

Багадыр-бек. Кеблаи, кеблаи, прошу тебя... здесь не место.

Агамян. Если ты мужчина, не бранись! Толком говори и толком слушай.

Саламов. Буду браниться. Я тебе глаз выблюю и пасть разорну как тряпку, сукин ты сын!

Агамян. Говорю, не ругайся. Земля принадлежит мне. Вышки я огорожу. А глаз я тебе сам выбить могу. Если ты мужчина, поговорим на улице, там и ответ получишь.

Саламов. Идем, идем на улицу, там разберемся. Это вам не Стамбул. Мы вам здесь устроим баню. Женщины и детей ваших перебьем. Сукин сын!

Входит Мария Тимофеевна.

Мария Тимофеевна. В чем дело, Амир-Аслан-бек? Рубен, что случилось?

Агамян. Вам это тоже не Турция. Заткни глотку—говорю. Я тебе посчитаю зубы, всех вас поставлю под пулет...

Мария Тимофеевна. Амир-Аслан-бек... Вы... вы... Тиша... (Убегает.)

Багадыр-бек. Кеблаи, кеблаи, молчи! Здесь не место. Наша национальная позиция...

Саламов. Постой, постой! У меня медаль от самоду государя, а ты мне зубы хочешь посчитать?

Саламов кидается к Агамяну и бьет его по лицу. Убегают губернатор, его жена, Айказ и другие.

Айказ. Как, моего отца? (Кидается к Саламову.)

Саламов. Эй, шенок! Ты на меня с саблей, пес армянский?

Губернатор. Амир-Аслан-бек, что это? В моем доме?

Мария Тимофеевна. На моем празднике?

Саламов. Сукин сын! Говорит мне: выйдем на улицу, там сочтемся...

Губернатор. Рубен, это не по-дружески. Если у вас есть счеты, вы могли бы выйти.

Агамян. Ваше превосходит...

Губернатор. Ни слова! В моем доме этого делать нельзя. Амир-Аслан-бек, все эти гости—мой друзья.

Мария Тимофеевна. Так нельзя, Амир-Аслан-бек. Подойдите ко мне.

Саламов. Ну, посмотрим теперь. Я сбрую себе усы, если не отомщу тебе. Клянусь душой Марии Туманнифевны, мы с тобой сочтемся!

Саламов и Багадыр-бек выходят.

Губернатор. Госпожа, успокойтесь! Рубен, что это такое? Ведь я вчера сказал тебе—они что-то замышляют. Будь осторожен, это дикая нация. Действовать надо в другом месте.

Агамян. Ничего, Тихон Елисеевич, он меня опозорил перед всеми, но это ему так не пройдет. Вы свидетель.

Губернатор. Я-то свидетель, но что можно сделать здесь? Ты свое дело делай в другом месте. Я подержу.

Агамян выходит, входит полицмейстер.

Полицмейстер. Все готово, ваше превосходительство.

Губернатор. Сегодня же ночью приступайте к реализации моих указаний, полковник. В течение двух дней должны умереть двое: один мусульманин, другой—армянин. Кто это будет и как все это будет, тебе известно. Обо всем докладывать немедленно. Ты свободен, ступай.

Полицмейстер. Слушаюсь, ваше превосходительство. Будет исполнено в точности.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЯТАЯ

Давка в армянской церкви. Люди через головы лезут к проходу.

1-й голос. Известно, кто убил?.. Когда?.. Только что? Кто убил?..

2-й голос. Откуда я знаю? Я такой же, как и ты... Сейчас узнаем, стой...

Айказ. Эй, люди, что за давка? Мертвецов не видите? Дайте дорогу, пусть пронесут покойника.

3-й голос. Эй, ребята, подайтесь назад... Тело ша-шат...

Муррад. Айказ, дорогой, в груди огонь, сердце горит. Отняли у меня злодея сына. Скажите, заклінаю вас, кто перебил мне хребет? Кто погасил мой светильник?

Полицмейстер (идет впереди покойника). Дорогу!

Муррад. Молю вас, скажите, кто отнял у меня моего ребенка? Ведь я только вчера его поженил.

Айказ. Эй, дядя, успокойся! Убийце что свадьба, что траур—все равно.

Муррад. Скажите, кто убил его?

Полицмейстер. Кто убил? Мусульмане.

Крики: «За что? Что он сделал?»

Айказ. Как что сделал? Мусульмане—это враги. А враг и до страшного суда остается врагом.

Муррад. Братья, ведь мой ребенок не был ни в чем виноват! Скольких трудов стоило мне вырастить его и вскормить! За что у меня отняли мою надежду?

Полицмейстер. Не ори, старик! Откуда я знаю, за что? Пойди, спроси у мусульман. Кто разберется в ваших делах?

Голоса: «Мужайся, старик! Кровь не останется неотмщенной! Тихо, Агамян идет». Входят Агамян и священник.

Муррад. Братья, пустите меня к сыну! Что вам от меня нужно? Пустите, дайте мне посмотреть на моего дорогого!

Агамян. Братья!

Голос. Тихо! Агамян говорит.

Агамян. Братья! Православные! Армяне! Сегодня у нас день национальной скорби. Врагам мало того, что они творят в Турции. Они и здесь продолжают свои зверства. На нашу национальную честь легло кровавое пятно. Но пусть враги знают: армянская нация еще не умерла. Сегодня весь армянский народ склоняет голову над этим трауром и заявляет врагам, что он не сложит оружия, пока не отомстит. Если даже нам всем придется пасть на этом пути, я, Рубен Агамян, буду всегда впереди вас!

Голоса: «Да здравствует Агамян! Долой дюрков! Долой мусульман! Смерть—врагам!»

Священник. Смиренные слуги господа бога! Заклінаю вас святым духом Иисуса Христа, защитите от врага честь наших жен и детей!

Голос. Губернатор идет!

Агамян. Да здравствует губернатор!

Толпа: «Ура! Ура!» Входит губернатор.

Губернатор. Господин Агамян, у вас несчастье? В чем дело, полковник?

Полицмейстер. Ваше превосходительство!

Губернатор. Я спрашиваю тебя, кто его убил?

Полицмейстер. Мусульмане, ваше превосходительство.

Губернатор. Где и когда?

Полицмейстер. Час тому назад на Татарской улице. На него набросились несколько человек и застрелили.

Губернатор. Убийцы схвачены?

Полицмейстер. Никак нет, ваше превосходительство.

Губернатор. Ни один?

Полицмейстер. Успели скрыться, ваше превосходительство.

Губернатор. Если их к вечеру не найдут, полковник, вы сами попадете за решетку. Слышите? Это мой приказ. Я покажу им! (Агамян отходит.) Полковник, где убийца? Никто не заметил?

Полицмейстер. Он здесь, ваше превосходительство. Никто ничего не видел. Этой ночью я отправлю его в Саратов.

Губернатор. Отправьте его в другое место, полковник.

Полицмейстер. Куда прикажете, ваше превосходительство?

Губернатор. В могилу. Пусть заберет с собой эту тайну.

Полицмейстер. Слушаюсь, ваше превосходительство!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА
ШЕСТАЯ

Комната в доме Агамяна. Агамян сидит за столом. Входит Эйваз.

Агамян. Добро пожаловать, Эйваз. Садитесь, я давно хотел вас видеть. Но вы почему-то избегаете нас. Присаживайтесь.

Эйваз. У меня мало времени.

Агамян. Позвольте, но ведь вы бастуете?

Эйваз. Да, бастую.

Агамян. Какие же у вас могут быть дела?

Эйваз. Найдутся.

Агамян. Я слышал, ты вчера на митинге задал перцу Саламову.

Эйваз. Ну и что?

Агамян. Держись, Эйваз. На карту брошено все. Или мы, или они!

Эйваз. Не забывайте, я солдат революции.

Агамян. Это ничего не значит. Прежде всего ты армянин. У нас везде должны быть свои люди. Ты стоишь во главе толпы, и я могу этим только гордиться. Ведь это для меня поддержка. Я знаю, что там у меня есть свой человек.

Эйваз. Свой человек? Кто это ваш человек?

Агамян. Как кто? Ты. Ведь ты армянин, в твоих жилах течет армянская кровь. Мясо ты мое съешь, но кости пожалеешь. Я знаю, в трудную минуту ты не продашь меня Саламоним, которые пьют кровь у твоей нации. А это для меня уже большая поддержка.

Эйваз. Вы говорите смешные вещи, господин Агамян! Я не делаю никакой разницы между вами и Саламовым. Сегодня я выступал против него, завтра выступлю против вас.

Агамян. И это ты говоришь в момент, когда две нации схватились и ведут борьбу не на жизнь, а на смерть! Ты армянин, и в решительной схватке ты должен быть в окопах армян. Армянская нация вправе требовать это от своего сына.

Эйваз. Не горячитесь, господин Агамян! Ваши обвинения не имеют под собой основы. В книге, которую я считаю самой правильной, нет таких слов: мусульманин,

армянин. Там есть слово рабочий, есть слово фабрикант. Рабочие—мой братья, фабриканты—враги.

Агамян. Ну, да. Как я забыл? Ведь ты материалист.

Эйваз. Да, я материалист.

Агамян. А если я удовлетворю твой материализм? Что тогда скажешь?

Эйваз. Вы не сумеете этого сделать. Ваша фабрикантская душа не способна на это.

Агамян. А вот и сделаю. Ради нации я готов на все. Ты мой рабочий. Сколько ты получаешь? Слесарь получает шестьдесят рублей... А директор конторы—четыреста. Что скажешь?

Эйваз. Вы очень щедры, господин Агамян.

Агамян. Я коплю деньги для вас. Все мое богатство принадлежит нации. Я хочу продвинуть тебя вперед, так как ты... ты наш. А кроме этого, ведь мы родственники.

Эйваз. Как родственники?

Агамян. Ты еще не знаешь? Мой сын и ты—своики.

Эйваз. То-есть как свояки?

Агамян. Неужто не знаешь? Я сватаю твою сестру для сына.

Эйваз. Мою сестру?

Агамян. Да, твою сестру Сону. Хочу взять ее для моего сына Айказа Агамяна. И после этого все мое состояние и промыслы станут также и твоими.

Эйваз. Этого не может быть.

Агамян. Дело сделано. Мои люди уже несколько раз были в Карабахе.

Эйваз. И сестра согласилась?

Агамян. Твой отец дал согласие. Теперь я всю вашу семью перевожу к себе.

Эйваз. Этому не бывать. Моей семье нечего делать в вашем доме.

Агамян. Они приезжают сегодня. Вот телеграмма.

Эйваз. Они не придут. Моя сестра не будет женой твоего сына.

Агамян. Не будет? Почему?

Эйваз. Она любит другого.

Агамян. Другого? Кто же этот другой?

Эйваз. Она любит азербайджанца.

А га мя и. Азербайджанца? И ты соглашаешься выдать свою сестру за азербайджанца?

Эй ва з. Почему же нет?

А га мя и. Отдать девушку врагам нашей веры, врагам нашей, нашим кровным врагам? А кто был покойник, которого мы вчера хоронили? Выдать за мусульманку армянскую девушку в момент, когда два врага сцепились и душат друг друга? Да это измена! Это черное пятно на нашей национальной чести.

Эй ва з. О чем вы говорите, господин Агамян? Национальная честь! Ваша национальная честь—это золото, карьера! Разве азербайджанцы враги нам? Они так же, как и мы, таскают тяжести, стучат молотками, роют землю. Они, как и мы, кровью и потом зарабатывают себе кусок хлеба. Так какая же вражда может быть между нами? Вы натравливаете друг на друга двух родных братьев и шесте их кровь. Не они наши враги, а вы. Вы, Агамяны, Саламовы и царские жандармы, которые вас охраняют! Наша борьба классовая, а не национальная!

А га мя и. Осторожней, Асриян, у меня может лопнуть терпение. Я не позволю пятнать честь армянской нации. Мы ведем историческую борьбу, которая началась в Турции, и каждый, кто станет на нашем пути, каждый, кто попытается сокрушить нас в этой борьбе, будет раздавлен как муравей. Этого хочет история и свободолюбивая армянская нация.

Эй ва з. Это не наша, это ваша борьба. Это борьба нефтепромышленников! Вы хотите превратить ее в национальную бойню. Вы провокатор!

А га мя и. А ты предатель!

Эй ва з *(встает)*. Агамян! У меня хватит силы и смелости заткнуть вам рот. Только не стоит марать рук. В истории наступил момент, когда нужно драться со львами, а вы только лисица, к тому же трусливая.

А га мя и. Ах, вот как? Вот как? Хорошо же, посмотрим, кому повредят эти слова?

Эй ва з. Отлично, посмотрим. *(Поворачивается, выходит.)*

А га мя и *(Поднимает телефонную трубку)*. Пятьдесят пять—семьдесят... Генерал-губернатор? Это я, Агамян. Только что говорил с Асрияном... Нет, нет, очень опасный... Что?.. Найдется место? Где?.. Благодарю вас...

Кое-кого я прибрал к рукам... Во всяком случае найдутся... Вот и отлично! *(Вешает телефонную трубку)*. Ну, для тебя уже место готово!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Промыслы Амир-Аслана Саламова.

С а л а м о в *(по телефону)*. Полицейстер! Полицейстер!

Вбегает Агаяр.

А га я р. Идут! Клянусь аллахом, их видимо-невидимо, точно саранча...

С а л а м о в. Сюда идут?

А га я р. Прямо сюда.

С а л а м о в. Есть у ребят патроны?

А га я р. У каждого по пятьдесят штук. Полицейстер прислал и винтовки.

С а л а м о в. Сукин сын этот полицейстер, никак не могу дозвониться...

А га я р. Рабочие ему так намылили шею, что он бросил папаху и сбежал. Закидали камнями. Ну и досталось ему! Они ходят по всем промыслам и агитируют. Там Володин, Асриян, Чопур Мамед, Губадае, вай... вай... вай. Подождли четвертый промысел Асадуллаева.

Крики: «Да здравствует братство рабочих! Ура!..»

С а л а м о в. Я знаю, это все проделки собаки Асрияна, свояка Агамяна... Каждый вечер он у них... Где ребята?

А га я р. Часть в окопах. Другие собрались—ни да, ни нет не говорят...

С а л а м о в. Ну, зови всех сюда. Ребята же пусть сидят в окопах. Ты иди, дай знать им. *(Агаяр выходит. Саламов к толпе.)* Братья! Братья-мусульмане! Эти промыслы, эти вышки принадлежат не мне. Все это ваше. Меня здесь не бывает месяцами. Здесь работаете вы. От этого и я имею кусок хлеба и вы. Поэтому вы не должны позволить, чтобы чужая нога ступила на ваши промыслы.

Рабочий. Хозяин, нам негде жить. Нам одежда нужна. Они борются не только против одного тебя. Нам они зла не хотят. Они дерутся с Николаем. А нам зачем лизничать Николаю?

Саламов. Братья, это ловушка. Если они действительно дерутся с Николаем, почему же они пришли сюда? Пусть едут в Фитильбург. Сразу видно, здесь какая-то дитрость. Это все проделки Агамяна и Асрияна. Что вам нужно, братья? Жиллица? Дам. Одежду? Дам. Мыло нужно? Дам и мыло. Зарплату прибавить? Прибавлю. Что еще? Только не бросайте работу и не пускайте чужих на свои промыслы.

Голоса: «Долой гнет! Ура!».

Вбегает Агаяр.

Агаяр. Агитаторы идут!

Саламов. Ребята, не бойся! Сунутся вперед — стреляйте. Я отвечаю.

Входят Асриян, Володин и другие.

Саламов. Вы что пришли?

Рабочий. Мы не к тебе. Ты нам не нужен.

Эйваз. Мы хотим говорить с рабочими.

Саламов. Убирайтесь вон! Чтоб вашей ноги не было на промыслах! Клянусь святым Аббасом, всех уложу! Мне хорошо известны ваши козны! Вы хотите выгнать мусульман с их землю.

Эйваз. Товарищи-рабочие! Товарищи! Наша борьба не борьба наций. Мы боремся за хлеб и за свободу. Не поддавайтесь на провокации хозяев. У нас у всех по головам гудят плетка царских жандармов.

Саламов. Эй, Асриян, ты что распелся? Яйца курицу не учат. В твоем возрасте и я так умею. Кого это ты задабриваешь? Если ты такой хороший, почему не идешь на промыслы Агамяна?

Эйваз. Для нас нет разницы—ты или Агамян. Мы были у него и еще пойдём!

Саламов. Врешь! Ты не был там и не будешь. Ты его родственник. Ты каждый вечер кутишь у него... Ты действуешь по его указке, ибо ты армянин. Вы безродное племя.

Эйваз. Это провокация! Где ты это слышал?

Саламов. Мне сам губернатор сказал. Я статский советник, у меня медаль от государя. Я все знаю.

Максимов. Товарищи, рабочие должны вести экономическую борьбу. Политическая борьба против правительства нам не нужна. Наши требования—восемьчасовой рабочий день и повышение зарплат рабочих на десять процентов. Однако некоторые безответственные личности стремятся превратить экономическую борьбу в политическую. Они порождают в стране анархию. Но мы говорим: удовлетворите наши экономические требования, и мы выйдем на работу!

Саламов. Дорогой, да благословит аллах память твоих усопших, ты говоришь: на рубль прибавить десять копеек, а я даю двадцать. Только оставьте в покое мои промыслы.

Володин. Товарищи! Рабочий не нищий, которого можно кунить за гривенник. Нам не нужны подачки. Хозяевам нас не обмануть. Мы на крючок не пойдем. Экономическая борьба без политической не даст никаких результатов. Мы должны еще больше развернуть нашу боевую программу. Мы должны еще решительнее повести борьбу!

Максимов. И до каких пор?

Эйваз. До тех пор, пока не рухнет этот прогнивший строй.

Бахметьев. У тебя есть деньги. Тебе что? А у рабочих семьи голодают. Им нельзя без работы. Разговорами не насытишься.

Максимов. Правильно! Тогда что им здесь нужно?

Эйваз. Мы хотим, чтобы промыслы, на которых трудятся рабочие, принадлежали им же самим. Мы хотим свергнуть власть царя и капиталистов, которые присваивают плоды рабочего труда и сдирают с рабочих шкуру!

Саламов. Значит вы хотите отобрать у мусульман все их достояние? Братья-мусульмане, вы слышали, что он сказал? Это армянская ловушка! Они хотят выгнать мусульман с Кавказа.

Володин. Товарищи, мы представители рабочих, и национальность здесь ни при чем. Не поддавайтесь на провокацию. Вся Россия охвачена революционным движением. Наступает последний день Романовых. Наши враги хотят нарочно превратить революционную борьбу в национальную бойню.

Саламов. Эй, Васька, ты только вчера вылез из

кочегарки, сегодня ты сбежал из каталажки и теперь хочешь провести меня? Не болтай много. Катись с моих промыслов. Ступайте сперва на промыслы к Агамяну, а ко мне придете после. *(Толкает Володича).*

Эй ва з. Короче руки, Саламов!

Саламов. Сукин сын! Ты мне указывать будешь, армянский шенок? Говорю тебе, пошел вон с моих промыслов!

Голоса: «Да здравствует свобода! Да здравствует братство рабочих! Ура!».

Рабочий Самед. Эй, бегите! Жандармы!

Саламов. Братья-мусульмане! Братья по вере, держите их, стреляйте! *(Убеждает.)*

Эй ва з. Братья, азербайджанцы, не стреляйте! Пожалуйста! Мы против вас ничего не имеем.

Саламов. Полицейстер, полицмейстер!

Раздаются выстрелы.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Селение в Карабахе. Бахши, прислонившись к дереву, играет на таре. Входит Сона.

Сона. Бахши, Бахши!

Бахши. Да, Сона...

Сона. Ну, мы готовы.

Бахши. Значит, едешь?

Сона. Как я не хочу с тобой расставаться, Бахши! Я не могу расстаться... но расстанусь.

Бахши. Сона, не уезжай!

Сона. Отец с матерью едут... Теперь ты без меня будешь играть на таре. Другие услышат, а я нет.

Бахши. Без тебя я не буду играть, Сона.

Сона. Бахши, до свиданья!

Бахши. До свиданья, Сона.

Сона делает несколько шагов назад и возвращается.

Сона. Бахши, если так, я заберу твой тар...

Бахши. Возьми, Сона. *(Отдает тар.)*

Сона. Потом ты себе купишь другой.

Бахши. Без тебя я не буду играть.

Сона. Мне будет плохо одной.

Бахши. Я за тобой приеду.

Сона. Да, обязательно. Я буду ждать тебя каждый день.

Бахши. Я скоро приеду.

Сона. Да, да. приезжай скорей. Я буду считать себя твоей невестой.

Входит Аллаверды.

Аллаверды. Сона! Где ты, Сона? Поди сюда, дочка. Арба готова. К утру мы должны быть на станции. Где же этот Имамверды? Эй, Имамверды! Имамверды!

Входят Набат и Гюльсюм.

Набат. Эх, Гюльсюм-баджи!

Гюльсюм. Вот так-то, сестрица! Я здесь кое-что испекла для Сони, в дороге поест.

Набат. Спасибо, Гюльсюм-баджи.

Гюльсюм. Желаю счастья. Да хранит вас аллах!

Набат. Очень прошу, Гюльсюм-баджи, присмотри за курами. Старуха одна не справится. И за коровой поглядывай. Она у нас скаженная, побей ее бог, брыкается, молоко расплескивает. Ударит старуху, оглоушит, никто и знать не будет.

Гюльсюм. Не беспокойся, Набат-баджи, я-то на что? Присмотрю за всем.

Набат. Бахши, подожди, сынок, хочу тебя поцеловать. Сона теперь с ума сойдет. *(Целует Бахши.)*

Аллаверды. Куда же этот Имамверды пропал?

Входит Имамверды.

Имамверды. Иду, иду! Не надрывайся. Удивляюсь, как ты у матери высидал в животе?

Аллаверды. Где ты шлешься?

Имамверды. Запрягал гнудую кобылу. До равнины я сам повезу девушку. Не то на твоей вихлявой арбе она все ребра переломает.

Набат. Везет же девчонке!

Имамверды. А как же? Ведь она на моих глазах выросла. Чертовка, вечно моих цыплят душила. Прощу тебя, Аллаверды, встретишь в Баку Арама, передай, что

мать его голодает. Жалко старуху. Ну, Сола, или, дочка, лезь на арбу. (*Целует Соку.*) А с тобой мы в дороге поцелуемся. Двигайся, сейчас я выведу кобылу.

Аллаверды. Дочка, ты зачем взяла тар?

Сола. Я... я... отвезу его в город мастеру... починить... Бахши придет и заберет.

Аллаверды. Тогда давай, я найду ему место помягче, чтобы не сломался.

Сола. Ничего, я в руках...

Все прощаются.

Гюльсюм. Счастливый путь!

Сола. Я буду ждать тебя, Бахши.

Бахши. Я приеду, Сола! Обязательно приеду!

З А Н А В Е С

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Двор мечети. На земле лежит покойник. Ахунд читает молитву.

Ахунд. О, всемилостивейший аллах, заклиная тебя твоим могуществом и величием, упокой душу раба твоего усопшего. О, всемогущий аллах, исполни проветание нашему исламу и сохрани от тысячи и одной беды всех благочестивых и правоверных мусульман, пекущихся о его прогрессе. Виемли нашим молитвам, о, аллах мой! Благослови память усопшего императора Александра третьего и пошли долгой жизни нашему великому государю Николаю второму, его супруге государыне императрице Марии Федоровне, их дочери Татьяне, их сыну Алексею Николаевичу.

Агаяр. Губернатор идет.

Саламов. Ахунд-ага, губернатор идет, назови и его!

Ахунд. И замечательному губернатору нашему...

Саламов. Тохуму Ерисунчу.

Ахунд. Аль Тохуму Ерисунчу...

Саламов. Ахунд-ага, упомяни и жену его, добрейшая женщина!

Ахунд. И супруге его...

Саламов. Марие Туманнифейне...

Ахунд. Аль Марие Туманнифейне, и всей их родне. Виемли нашим мольбам, о, аллах, и да будет благословенна память всех святых и всех пророков наших. Фатиха!

В толпе бормочут молитвы. Входит губернатор.

Губернатор. Господни Саламов, у вас несчастье? Пожовник!

Полицмейстер. Слушаюсь, ваше превосходительство.

Губернатор. Говори, в чем дело?

Полицмейстер. Убили человека, ваше превосходительство.

Губернатор. Кто, где и когда?

Полицмейстер. Армяне на Армянской улице.

Губернатор. Убийца задержан?

Полицмейстер. Их было несколько, ваше превосходительство. Один арестован.

Губернатор. Кто это?

Полицмейстер. Эйваз Асриян. Говорит, что мстил за кровь своих единоверцев.

Губернатор. Посмотрим... Господа, сегодня в день вашего национального горя я уполномочен именем правительства его императорского величества выразить вам глубочайшее соболезнование. Я сделаю все, чтобы защитить мусульман от предательских убийств. Я не позволю сводить здесь счеты за дела в Турции. Правительство его императорского величества всеми средствами будет защищать мусульман.

Саламов. Да здравствует наш государь! Да здравствует губернатор! Ур-р-ра! Эй, мусульмане, чего молчите? Кричите! Языки проглотили! Ур-р-ра!

Толпа кричит: «Ура! Ура!»

Багадыр-бек. Господа, мы, кавказские мусульмане, благодарим его превосходительство губернатора за соболезнование в день нашего национального горя. Мы, мусульмане, всегда были самыми преданными верноподданными его императорского величества.

Крики: «Да здравствует император! Ура!»

Багадыр-бек. В настоящий момент этот террористический выпад армянской нации задает националь-

ную честь мусульман. Поэтому мы, мусульмане, считаем себя вправе требовать сегодня гарантии нашим национальным правам.

С а л а м о в. Опять чертов сын понес про свое проклятое национальное. Багадыр-бек, его превосходительство не одобряет национальное... Говори об армянах.

Б а г а д ы р - б е к. Мы, мусульмане, самым решительным образом считаем себя достойными и правыми требовать национальной автономии во имя нашего национального прогресса и процветания. Если убийцы не получат возмездия, мы сами готовы защитить свои национальные права и свою национальную честь...

С а л а м о в. Стой, стой, стой! Хватит! Братья-мусульмане, сегодня армяне решили отомстить нам. Этот Эйваз Асриян, отъявленный плут и сын порока, отрезавший груди у собственной матери, хотел сначала посеять смуту у меня на промыслах. Это ему не удалось, так он вот что сделал... Враг, он и будет вести себя по вражьи. Но ничего! Если мы захотим, мы тоже покажем, на что мы способны. А то подумаешь: национальное, национальное! Мы не позволим армянам губить наших жен и детей. Братья-мусульмане, у кого есть честь, тот умрет за веру. Сегодня я был потрясен этим зверством. Я, Амир-Аслан Саламов, клянусь вам, что не оставлю эту кровь не отмщенной. Мы, мусульмане, готовы всей душой и телом служить нашему государю. Я говорю: ничего, пусть армяне делают свое дело, мы будем делать свое. Или мы, или они! Долой армян! Долой извергов!

Б а х ш и. Братья, позвольте мне сказать несколько слов. Я сам из Карабаха, только что приехал.

С а л а м о в. Просим, просим! Скажи покрепче. Скажи, как надо! Да здравствуют наши карабахские братья!

Крики: «Ура! Ура!»

Б а х ш и. Братья, я с утра слушаю, что здесь говорят. Я никогда не вмешивался в политику...

С а л а м о в. С помощью алаха, теперь вмешаетесь. У кого есть честь, тот обязательно вмешается.

Б а х ш и. Мне кажется, в этом деле надо быть осторожнее. Между двумя братскими народами может лечь черная пропасть. Наша дружба не должна запятнаться кровью. А я вижу, головы здесь разгорячились, кровь ки-

пит в жилах. Нужно все тщательно проверить, чтобы не ошибиться...

С а л а м о в. Чего там проверять? Факт налицо. Перед тобой тело. Не видишь, что ли, вытянулось, как зурна? Какая же это ошибка?

Б а х ш и. Простите, братья, я говорю то, что думаю. Нужно хорошо проверить, действительно ли это сделали армяне? Не замешана ли здесь чья-либо другая рука?

С а л а м о в. Что? А ну, слазь вниз! Ты что здесь несешь? Мы ему—стриженный, а он—бритый. Убийца схвачен, в кутузке сидит, а ты пришел, проверить тебе нужно?

Б а х ш и. Братья, я вот что хочу сказать. Если это даже сделал армянин, всех армянских рабочих, всех армянских крестьян, весь армянский народ винить в этом нельзя. Среди армян, как и среди нас, могут быть и хорошие, и плохие.

С а л а м о в. Чушь! Армяне есть армяне. Что там плохие и хорошие! Все они одним миром мазаны!

Б а х ш и. Братья, если это даже дело рук одного человека, весь армянский народ здесь ни при чем. Он на это не пойдет. Здесь пахнет провокацией!

С а л а м о в. Эй, что ты болтаешь? Какой такой пробогаз? Жертва перед тобой, а убийца в тюрьме. Это армянский главарь Эйваз Асриян, свояк Рубена Агамяна. Что ты распелся? Слазь! Слазь, говорят! Хватит!

Б а х ш и. Свояк Агамяна?

С а л а м о в. Да, да, свояк. Если не знаешь, так молчи! Слазь!

Б а х ш и. Братья, послушайте. Я хорошо знаю Эйваза Асрияна! Мы вместе выросли. Национальная пражда чужда ему.

С а л а м о в. Хватит, знаем мы ваши штучки. Довольно болтать, ты! Слазь! Шпион! Ты подкуплен Агамяном. Слазь!

Крики в толпе: «Шпион! Это шпион! Бейте собацкого сына!»

Б а х ш и. Братья, послушайте...

Крики в толпе: «Не хотим! Слазь! Это шпион! Бейте собаку!»
Бахши паниками стаскивают вниз.

С а л а м о в. Эй, люди! Чего еще ждаты! Борьба эта—борьба наций! У кого в жилах течет кровь нации, тот возьмет винтовку и выйдет вперед. Или мы, или они! Для

этой борьбы я готов пожертвовать своим состоянием и жизнью. Где проклятый карабех? Это шпион! Бейте собаку!

Крики в толпе: «Держите его! Убежи! Бейте пса!» Меняется освещение.

Старый Бахши. Итак, пропасть, о которой говорил Бахши, становилась с каждым днем все глубже и глубже. Ежедневно в разных концах города происходили столкновения и перестрелки. С той и с другой стороны гибли люди. Город разбился на два враждебных лагеря. Азербайджанцы не смели показаться в армянской части города, армяне — в азербайджанской.

Молодая Сова. В каком это было городе, отец? Старый Бахши. В Баку. Молодая Сова. А как там оказался Бахши? Ведь он остался в Карабахе.

Старый Бахши. Бахши приехал в Баку, дочка. Он обещал Соне и приехал. Сова ждала его. Каждый вечер она садилась к окну и смотрела на дорогу. Теплые лучи заходящего солнца заглядывали в ее увлажненные глаза. И вот Бахши приехал. Он разыскал своих земляков. Соны дома не было. Его встретил Аллаверды. Набатбаджи обняла Бахши, расцеловала, расспросила о Гольсум-баджи, о скотине, о курах. Но когда Бахши уходил, Аллаверды-киши очень осторожно и ласково сказал, что в создавшейся обстановке его встреча с Соной будет неуместной. «Кто знает, что скажут?—сказал он.—Мало ли что может случиться? Если можно, пока не приходи к нам». Бахши сам понимал, что так нужно. Целыми днями он бродил по улицам и размышлял. Но он многого не знал, и обстановка в городе была ему непонятна. Наконец он добился свидания в тюрьме с Эйвазом. Эйваз объяснил ему все и помог примкнуть к интернациональному революционному движению. Бахши уверовал в то, что это единственно правильный путь, и стал пламенным революционером.

Молодая Сова. А Сова?

Старый Бахши. Сону выдали замуж, дочка. Свахи, тетушки, кумушки, поны сделали свое дело. Выхода у девушки не было. Ей оставалось только одно—плакать. И Сова плакала. Наконец, она поклялась, что

не наденет подпечечного платья, пока ее брата не выпустят из тюрьмы и он не будет стоять рядом с ней в церкви. Ей обещали это.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Армянская церковь. Входят Эйваз и полицмейстер.

Эйваз. Зачем мы сюда пришли? Пять лет моей ноги не было в церкви.

Полицмейстер. Сегодня свадьба вашей сестры. Губернатор приказал мне лично передать вас Агамяну. Он берет вас на поруки. Иначе бы вас ничто не спасло от петли.

Эйваз. От петли? Что я сделал? Я ни в чем не виноват.

Полицмейстер. Генерал-губернатор и полицейское управление обвиняют вас в терроре против мусульман. Вы разжигали национальную вражду.

Эйваз. Я?.. Я разжигал вражду?

Полицмейстер. Да, между мусульманами и армянами. Ваши действия способствовали этому.

Эйваз. Между мусульманами и армянами? Сею вражду?..

Полицмейстер. Да, да, господин Асриян. Ведь вам об этом сто раз говорили. Да вы и сами признали это...

Эйваз (плюет полицмейстеру в лицо). Тыфу!

Полицмейстер. Напрасно горячитесь. Вам не удастся обмануть нас. При вас нашли бомбу и кольцо от уже использованной.

Эйваз. С каким удовольствием я действительно хватил бы вас бомбой по голове. Может, тогда бы вы поверили, что я ни в чем не виноват.

Полицмейстер. Вы совсем ребенок, Асриян. Понятно ли вам, что Агамян вырвал вас из пасти смерти?

Эйваз. По мне лучше смерть, чем его милость.

Полицмейстер. Его милость? Да пойми ты, Асриян, сейчас все армяне клянутся твоим именем. Ты

—смысл позорное пятно с чести армянской нации. Ты национальный герой!

Входит Агамян и священник.

Агамян. А, вы уже здесь? Рад видеть. Я пришел пораньше, чтобы поговорить с вами.

Полицмейстер. Губернатор приказал мне лично передать вам заключенного Эйваза Асрияна.

Агамян. Благодарю, Борис Матвеевич. Вы столько сделали для армянской нации! Я не останусь в долгу.

Полицмейстер. Премного вам благодарен, господин Агамян. (*Xodut.*)

Агамян. Своим поступком, Эйваз, ты привел в восторг меня и весь армянский народ. Я готов забыть наш последний неприятный разговор. Ты смыл пятно позора с нашей нации. Отныне ты мой сын.

Священник. Сын мой, да благословит господь твою героическую руку!

Агамян. Ты еще не переоделся? Ничего, вот кончится это, поедем к нам, там переоденешься. Только прошу, Эйваз, сейчас сюда придет вся армянская знать, наши девушки, женщины. Они хотят видеть и приветствовать своего национального героя. Святой отец представит тебя, а ты должен сказать что-нибудь. Поблагодари, скажи, что ради нации ты готов на все.

Эйваз. Я ничего не скажу. Ни на что я не готов.

Агамян. Эйваз, сынок, это нужно сделать для счастья твоей сестры. Обрадуй ее. Чтоб не сказали—невеста Айказа Агамяна из простой семьи. Пусть знают, что это сестра нашего национального героя.

Эйваз. А что с ней станет, если я ничего не скажу?

Агамян. Будем говорить откровенно, Эйваз. Я спас тебя от смерти. Ты должен был умереть.

Эйваз. Вы считаете, что я убил азербайджанца? За это?

Агамян. Нет, за другое. Ты шел против правительства Николая. Твоя смерть была бы большим несчастьем для сестры. Но теперь ты национальный герой. Для нее, для нас, для всех армян—это огромная радость. Мы гордимся тобой.

Входит Айказ, Сова, за ними большая толпа: женщины, девушки, высокопоставленные лица. Сова кидается к Эйвазу.

Сова. Эйваз!

Эйваз. Ты изменила Бахши, Сова?

Сова. Выхода не было. Чтобы спасти тебя, я решила погибнуть сама...

Карает. Мы хотим видеть своего национального героя! Вперед его!

Священник. Братья во Христе! Вот он, наш национальный герой Эйваз Асриян! Он смыл пятно позора с чести нашей нации. Кровь проливать грешно, но он пролил кровь за нацию, за религию. Он национальный герой!

Карает. Да здравствует национальный герой! Да здравствует карающая дестница нации! Урра! Урра!

Агамян. Братья! Каждая нация гордится мудрими учеными, знаменитыми литераторами, бесстрашными храбрцами. Мы крепко сошлись с Эйвазом Асрияном. Однажды я даже назвал его изменником нации. Как он вспыхнул тогда! Но не прошло и пяти дней, как он своей железной рукой пятно позора с чести нашей нации, доказав всем, что в его жилах течет чистейшая армянская кровь. Мусульмане теперь знают, что великая армянская нация еще не умерла, что она готова всегда постоять за свою честь. Сейчас перед лицом всей нации я прошу у Эйваза прощение. Родство с ним большая честь для меня. Он гордость армянской нации! Он карающая рука нации! Он бесстрашный защитник национальной чести! Он наш национальный герой!

Карает. Да здравствует национальный герой Эйваз Асриян! Урра!..

Толпа окружает Эйваза.

Эйваз. Стойте, послушайте меня!

Агамян. Громче, Эйваз!

Эйваз. Сегодня армянская знать венчает меня короню национального героя. Девушки и женщины осыпают меня цветами. Но эти цветы забрызганы кровью, братской кровью. История не простит убийцам этой крови. Не я ее пролил. Не я убийца! Я не причастен к этой крови. Я не национальный герой. Я стращиваю с себя эти кровавые пятна. Пусть они падут на совесть наших классовых врагов—армянскую и азербайджанскую буржуазию! Пусть они падут на всех этих Агамянов и Саламовых. Пусть они падут на царских палачей! История не простит вам этой крови. Откройте глаза, братья! Не об-

манывайтесь. Азербайджанские трудящиеся не враги нам. У нас другие враги. Вот они, наши враги, вот они! Смотрите!

Кидает цветы в толпу и быстро скрывается.

З А Н А В Е С

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Свадьба в доме Агамина. Музыка, танцы. Входит Набат.

На бат (Аллаверды). Ну, как? Говори. Узнал что-нибудь о сыне?

Аллаверды. У кого узнаешь? Куда ни пойду, везде одно и то же. Никто не говорит, жив ли, умер? Только в верхней части не был. Может, ему туда удалось просочиться?

На бат. Ну, и пошел бы туда. Небось, ноги не отсохли бы!

Аллаверды. Да разве туда пройдешь? Сукины сыны заварили такую кашу, что ни оттуда сюда, ни отсюда туда пройти нельзя. Наверно, его убили...

На бат. Надо убраться в свою лачугу. У меня сын погиб, а я на свадьбе сижу...

Аллаверды. Что тесть говорит?

На бат. Ходила к нему, просила. Видеть, говорит, его не желаю.

Аллаверды. Грош цена такому сыну. Не понимает доброго отношения. Человек его от смерти спас, поднял на такую высоту, люди его цветами осыпают, а он брыкается, точно упрямый бык. Как дочка?

На бат. Ой, плохо! Пожелтела, как покойник. Сидит, молчит, слезы льются ручьем...

Звонит телефон.

Аллаверды. С самого утра трезвонит. (Берет трубку, прикладывает к уху не тем концом.) Что ты говоришь, эй?.. Говоришь что?.. Кто ты?.. Молчит почему-то...

На бат. Неправильно держишь. К уху прикладываю это, а ко рту вот это. Я видела.

Аллаверды (поправляет трубку). Ты кто?.. Кто?.. Я кто?.. Я Аллаверды Кахраман-оглы Асриян... Ты полицмейстер?.. Губернатора по важному делу? (Набат.) Полицмейстер хочет губернатора... Господин полицмейстер, да буду я твоей жертвой, об слышно о моем сыне? Да, да... об Эйвазе Асрияне, об Эйвазе... Что? Сволуш?.. Ну, так вот тебе губернатор!.. (Вешает телефонную трубку.) Ты ругаешься, а я звать буду?

На бат. Что такое сволуш?

Аллаверды. Сволуш—кажется, сукин сын... Точно не знаю. Знаю, только, что сволуш—ругательство... Вот мы уедем, а что станет с бедной девочкой?

На бат. Клянусь Аллахом, не знаю, что и делать? Сердце от горя на части разрывается. Пошли на кухню, съешь что-нибудь. Здесь нам не место. Мы им не пара, чужие мы им...

Аллаверды. Эх, дурак я, не отдал Сону за сына Имамверды! По крайней мере, отец с отцом ровней был бы, а брат с братом. Своими же руками бросил родное дитя в огонь.

На бат. А я что говорила? Ты послушал меня?

Аллаверды. Молчи, болтунья, дочь болтуна! Разве не видела, каждый по-своему пел. Один говорит—нация, другой еще что-то...

На бат. Что ж, видно судьба наша такова. Господь все делает к лучшему. Ну, пошли.

Аллаверды. Пошли, посмотрим, что дальше будет. Ей богу, напьюсь сегодня с горя! (Звонит телефон.) Хоть сдохни, не позову. Сам ты сволуш! Сукин сын!

Аллаверды и Набат выходят, входят Сона, за ней Айказ.

Айказ. Ты куда?

Сона. За что вы сердитесь? Что я сделала?

Айказ. Послушай, Сона! Чей это тар?

Сона. Это подарок.

Айказ. Ты продолжаешь любить его, да?

Сона. Ведь ты знаешь, Айк. Я тебе все рассказала.

Айказ. Принести в мой дом, в дом Айказа Агамина любовь к беславному, ничтожному человеку, любовь к врагу-мусульманину?

Сона. Айк, ведь я ничего не скрывала? Что я могу сделать? Это не зависит от меня. Сердце не стена. Его не перекрасишь за один день в другой цвет. Бахши здесь нет,

он далеко в Карабахе, и я с ним больше никогда не увижусь.

Айказ. Слушай внимательно, Сона. Со мной играть нельзя. В последний раз говорю, если ты еще хоть раз заговоришь про любовь к этому типу, считай и его и себя мертвыми. В сердце моей жены должен быть только я, а на губах у нее только мое имя.

Сона. Больше я ни разу не упомяну его имени.

Айказ. Любить врага, когда две нации ведут кровавую борьбу, это бесчестие для армянской девушки. Это национальное бесчестие!

Сона. Но чем я виновата?

Входит полицмейстер.

Полицейстер. Мне нужен генерал-губернатор. Айказ. Сю минуту, Борис Матвеевич. (Сона.) Иди в салон. (Сона уходит.) Извольте и вы туда.

Полицейстер. Нет, я хочу его видеть одного.

Айказ. Сейчас. (Уходит.)

Входит губернатор.

Полицейстер. Срочные сведения, ваше превосходительство. Завтра утром бунтовщики собираются выступить.

Губернатор. Завтра утром, полковник? Этой ночью мы должны опередить их.

Полицейстер. Так точно, ваше превосходительство.

Губернатор. Мне кажется, полковник, у нас все готово. Можно сейчас же начинать.

Полицейстер. Все готово, ваше превосходительство. Ни один человек не может пройти из мусульманской части города в армянскую, а из армянской — в мусульманскую. Днем происходит стычки. Обе стороны накалены до предела. Достаточно малейшей искры... На промыслы и тем и другим посланы наши отряды.

Губернатор. Сейчас же начинайте, полковник. Планы ты знаешь...

Полицейстер. Так точно, ваше превосходительство.

Губернатор. Но гарнизону доверять нельзя. Сейчас же к мусульманам нужно послать отряд моих казаков. Затем, полковник, пошлите своих людей, надо пу-

стить слух, что этой ночью армяне нападут. Раздайте мусульманам оружие.

Полицейстер. Всем?

Губернатор. Да, всем. От страха они не посмеют влиять. К армянам тоже нужно послать людей. Пусть и они думают, что мусульмане собираются напасть. Вот так!

Полицейстер. Затем?

Губернатор. Что затем? Затем пусть через час наши люди начнут перестрелку. Остальное те сами доделают. Только на каждую сторону вы должны пойти лично, сами же и людей отберете.

Полицейстер. Будет сделано, ваше превосходительство!

Губернатор. Сейчас мы пойдем, я только оденусь. (Уходит, возвращается одетый.) Да, полковник, для начала пусть наши люди подожгут с обеих сторон несколько домов. Остальное голодранцы подожгут сами.

Входит Агамян.

Агамян. Тихон Елисеевич, вы уходите? Так рано?

Губернатор. Извините, Рубен. Только что получили неприятные вести. Я должен уйти. Нужно принимать решительные меры.

Агамян. Неприятные вести? Нельзя ли узнать, ваше превосходительство?

Губернатор. Нет, Рубен, к сожалению, не могу сказать. Впрочем, если вы так настаиваете... Только это строго между нами. Сейчас полковник сообщил мне, что этой ночью мусульмане собираются напасть на армянский район.

Агамян. Этой ночью?

Губернатор. Да, я бегу, надо срочно принимать меры. Вы не волнуйтесь, но на всякий случай будьте готовы. Если понадобится, я дам вам оружие. Но это между нами.

Агамян. Больше всего, ваше превосходительство, я боюсь за промыслы.

Губернатор. Если хотите, пока вы собираетесь с силами, я пошлю туда своих казаков?

Агамян. Очень прошу вас, ваше превосходительство. От имени всей армянской нации я выражаю вам благодарность.

Губернатор. Будьте готовы на всякий случай.
Пошли....

Губернатор и полицмейстер уходят.

Агамян (*берет телефонную трубку*). Алло... Шестьдесят четыре восемнадцать... Аршак? Это я. Сегодня ночью мусульмане нападут на нас. Собери ребят и выведи. У кого есть винтовки, пусть возьмут. У кого нет — дадим. Сейчас же свяжись с Седраком. (*Уходит Айказ*.) Алло... Алло... Семьдесят три, пятьдесят шесть... Симон, это я. Ночью мусульмане готовят нападение... Уже сказали? Кто?... Губернатор?... По телефону?... Хорошо, хорошо... Аршаку я сказал. (*Вешает трубку*.)

Айказ. Сегодня ночью?

Агамян. Да, сегодня ночью. Только ни слова гостям, разбегутся. Шенин на ухо Саркису, что я сейчас вернусь. Надо послать на промыслы людей. (*Уходит, возвращается одетый. Айказ тоже уходит, возвращается с каким-то мужчиной*.) Закройте окна, чтобы снаружи не проспечивало. Пошли, Арзуман.

Агамян и Арзуман уходят. Входят несколько человек гостей, среди них Карапет.

Карапет. Куда они пошли? Еще рано...

Айказ. Господа, не беспокойтеся, сейчас они вернутся.

Карапет. Нет, нет, вернуть их! Мы должны выпить за молодых. Вот здесь. Стоя... Вина! Зовите невесту!

Айказ. Карапет, мы можем выпить без них. У них есть дело. Не задерживайте их.

Карапет. Господа, где же музыканты? Все сюда... Стойте! Ведите невесту! Выпьем стоя за нашего национального героя и его прекрасную невесту. Урра! Урра!

Гости кричат: «Горько! Пусть пляшут!»

Карапет. Играйте, эй!

Тарист играет туш.

Айказ. Господа, благодарю вас от своего имени и от имени невесты. Я учился в кадетском корпусе... В наше время наши нужны люди, которые храбро сражаются, которые умеют драться. Я умею, я умею, я...

В комнату входит Бахши с букетом цветов.

Сона. Ах!

Айказ. Он здесь? (*Хочет подойти к Бахши. Сона вскрикивает, опережает его и закрывает собой Бахши*.)

Сона. Нет! Не троньте его? Я не дам.

Айказ (*сдерживая себя, стараясь быть приветливым*). Чего ты испугалась, Сона?

Сона. Он ни в чем не виноват.

Карапет. Дорогая, что ему здесь нужно? Женщины вечно боятся. Ну, пришел... И очень хорошо. Садись, милый!

Айказ (*слокойно*). Что вам здесь нужно?

Бахши. Я слышал, сегодня свадьба Соны. Мы сосед... Я пришел выполнить свой долг, поздравить ее.

Карапет. Вот спасибо, братец-мусульманин. Садись, пожалуйста. Побудь с нами.

Айказ. Присаживайтесь.

Карапет. Иди, дорогой, иди сюда. Садись вот здесь, не стесняйся. Ты прошел сквозь огонь, через линию фронта... Ты храбрец. Bravo храбrecу! Айказ-ага, говори, мы перебили тебя.

Айказ. Теперь не хочу, после скажу. Давайте сесть.

Карапет. Сейчас организую. Эй, где этот крабаский музыкант? Громыхни-ка, родной! Сыграй, маэстро, жених с невестой спляшут. Начинайте!

Сона. Я не танцую.

Карапет. Прошу вас, не шутить так. Все говорят, что Сона первая плясунья в Карабахе. Пройдитесь разок. Маэстро, родной, играй быстрее!

Сона. Я не могу танцевать.

Айказ. Встань, Сона! (*Сона поднимается*.) Маэстро, играй.

Сона. Айк, у меня кружится голова.

Айказ. Ничего! Стой, стой, маэстро, подожди... (*Берет тар, протгивает Бахши*.) На, играй! Раз ты пришел, без дела не сиди, сыграй.

Карапет. Вот как? Он играть умеет?

Айказ. Еще бы! Лучше его никто не сыграет для Соны.

Карапет. Так рвани, милый! Нам тебя сам бог послал. Водки хочешь?

Бахши. Я не пью.

Карапет. Тогда начинай!

Айказ. Сона, иди.

Сона. Айк, я не могу, голова кружится.

Айказ. Странно, пил я, а голова кружится у тебя?
(Бахши играет.) Здесь в начале надо петь. Каранет,
пусть кто-нибудь из вас поет!

Один из гостей поет:

Упорхнула навсегда,
Из родимого гнезда.
Птичкой вольной молодой
Залетела в сад чужой.

Но охотник взял ружье,
В сердце выстрелил мое.
Птица раннее весной
На земле лежит сырой.

Все подхватывают последние слова. Сона танцует, за ней пускаются
в пляс гости. Неожиданно раздаются выстрелы.

Айказ. Началось! Закрывайте ставни!

Освещение меняется. Та же комната. Темно, лишь свет из соседней
комнаты слабо освещает стены. В белой ночной рубашке появляется
Сона, тихо подходит к Бахши.

Сона. Бахши!

Бахши (вздрагивает). Да... Это ты, Сона?

Сона (протягивает ключ). Вот, возьми и быстро
уйди.

Бахши. Тебе попадет, Сона. На улице стрельба...
Мне все равно где быть, здесь или там!

Сона. Иди, и ни слова больше.

Бахши. Хорошо, Сона.

Берет ключ и тихо выходит из комнаты. Сона некоторое время
прислушивается, затем собирается уйти, но вдруг видит, что к ней
движется человеческая тень.

Сона. Ах!..

Эйваз. Не бойся, Сона, это я. Где Бахши? Мне ска-
зали, он здесь. Я пришел за ним.

Сона. Я дала ему ключ. Он ушел.

Входит Айказ, зажигает электричество.

Айказ. Кто здесь, Сона?

Эйваз. Это я.

Айказ. Эйваз, ты? Ты что здесь делаешь?

Эйваз. А ты что здесь делаешь? Почему ты дома
сидишь, национальный герой? Вся нация там, на улице,
на мостовой, в окопах, гибнет, умирает... А ты дома си-
дишь? Вот так национальный герой!

Айказ (смотрит по сторонам). А где тот, Сона? Ку-
да он делся? Говори.

Эйваз. Я выпустил его.

Айказ. Кто дал тебе право хозяйничать в моем
доме?

Эйваз. Кто дал право? А ну, иди сюда, посмотри...
(С улицы виден пожар). Видишь, дома горят? Промыслы
полятся, крыши рушатся, весь город в огне и дыму...
Стучат пулеметы, трещат винтовки... С неба льется огонь,
по земле течет кровь. А кто в этом огне? Нищие, голод-
ные люди, которым нечего-то и защищать. Последнюю
рубашку отдают они за пару патронов и стреляют... А в
кого? Брат в брата. Ради кого? Зачем? Ради вас... Для
того, чтобы защитить ваши промыслы, ваши дома. Для
Агамьянов, которые сладко спят в своих постелях, для Са-
ламовых, которые режутся в карты у губернатора...

Айказ. Вы бросили этого парня из огня в поляны.
Я отпустил бы его живым и здоровым. Мусульмане на-
падают на нас. А людей в окопы посылал не я.

Эйваз. В окопы посылал не ты, но окопы эти создали
ты, твой отец, ваша классовая природа, ваш двуглавый
орел, хлопающий над вами черными крыльями.

Айказ. Эти люди защищают свою национальную
честь.

Эйваз. Они защищают ваши деньги.

Айказ. Изменник!

Эйваз. Я не изменник, я ваш враг.

Айказ. А я не дохлая муха. Асриян встречает врага
оружием. (Сует руку в карман, но Эйваз опережает его,
выхватывает наган. Сона кидается между ними.)

Сона. Умоляю вас, не надо!

Эйваз. Стой, назад! (В этот момент выстрел с ули-
цы разбивает окно.) Закройте ставни, пулям наплевать
на ваши деньги...

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

На улице встретились два «врага».

Армянин. Эй, сумасшедший мусульманин! Не лезь вперед. Клянусь верой, я тебе так дам, что, как бурдюк, лопнешь.

Мусульманин. Заткнись, проклятый! Клянусь Абульфазаббасом, гневным сыном Али, я твои кости собакам брошу. Если ты мужчина, высушь голову, я тебе причепаю лоб!

Армянин. Эй, Ишхан, возьми ребят, окружите этого пса-мусульманина.

Мусульманин. Клянусь Абульфазаббасом, гневным сыном Али, пусть вас будет целая рота, я не двинусь с места. Всех перестреляю, как щиплята. Не зря я ловусь карабахцем! Иди один на один, если ты мужчина. Наставлю фонарей тебе под глазом!

Армянин. Я готов. Кто струсит, тот не мужчина!

Мусульманин. Нет, друг, не обманешь. Сижу я себе спокойно на мостовой, в руках у меня пиятизарядка, на поясе патронташ. Пусть хоть целая армия идет, не двинусь с места.

Армянин. Слушай, эй! Я вижу, ты, как и я, слаб умишком. Кого ты знаешь в Карабахе?

Мусульманин. А ты кого?

Армянин. От Евлаха и дальше я знаю всех.

Мусульманин. Уста Мугана знаешь?

Армянин. Зурнаджи Мугана? Знаю лично.

Мусульманин. Слушай, сосед, потрудись, скажи еще что-нибудь.

Армянин. Сосед, и я хотел то же сказать. Голос твой знаком мне.

Мусульманин. Потрудись, сосед, высушь голову из-за укрытия. Ну, чуть-чуть...

Армянин. Нет, друг, довольно шутики шутить.

Мусульманин. Клянусь тебе, не буду стрелять. Клянусь Абульфазаббасом, гневным сыном Али, не выстрелю.

Армянин. Не выйдет, клянусь твоей жизнью, не проси. Сдохну, а голову не высуну. Хочешь, ты высунь, а я глину... Клянусь верой, не буду стрелять.

Мусульманин. Нет, братец, у меня глаза получишь твоих. Хочешь, я положу винтовку на землю? На... Не веришь? Вот мои руки, смотри.

Армянин. Нет, сосед, напрасно просишь. Плешивый в воду не ползет...

Мусульманин. Скажи, приятель, из какого ты села?

Армянин. Из Туга.

Мусульманин. Вот так дело! И я оттуда. А ты знаешь Аллаверды Кахраман-оглы?

Армянин. Какого Аллаверды? *(Высовывает голову.)* Да ведь Аллаверды это я.

Аллаверды. Да это Имамверды! Тыфу на тебя, глупец-мусульманин! *(Обнимаются.)* Ты совсем мне голову заморочил. Я чуть от страха утробу свою не сожрал. Когда приехал? Как дети? Как живет Гольсюр-баджи?

Имамверды. Все здоровы. Спасибо. Как Набат-баджи?

Аллаверды. Спасибо, тоже здорова. Слушай, Имамверды, где твоя винтовка?

Имамверды. Клянусь твоей душой, увидел тебя—так обрадовался, что даже не знаю, куда кинул ее. Да и винтовка у меня на винтовку не похожа, проклятая, гильзы рвет. Сначала у меня была пистонка, потом я эту раздобыл. Только вот патронов нет. Ради создателя, Аллаверды, дай несколько штук.

Аллаверды. Откровенно говоря, у меня тоже мало. Вот тебе четыре штуки. Только прошу: будешь стрелять—не целься в мою сторону. Клянусь твоей жизнью, сукинны сыны заварили такую кашу, что даже страшно. Губят народ ни за что, ни про что!.. А что же ты хвастался, будто у тебя полный патронташ?

Имамверды. Эх, браток, какой там патронташ? Врал я тебе. Послушай, Аллаверды, мы здесь сидим с тобой, а тот сукин сын Ишхан, которого ты послал, как даст сзади...

Аллаверды. Да что нам Ишхан, браток! Это я парочню сказал, хотел тебя припугнуть, чтобы ты удрал.

Имамверды. Клянусь твоей жизнью, еще немного, и я удрал бы.

Аллаверды. Честное слово, я сам уже хотел бежать. Скажи мне, чего ты вылез вперед всех?

Имамверды. А ты как думал, карабахцы должны быть сзади? Я поехал! Ну, а ты зачем полез вперед?

Аллаверды. Да кто его знает, браток? Ведь я тоже карабахец, такой же олух, как и ты.

Имамверды. Что слышно про Эйваза? Бахши я никак не могу найти.

Аллаверды. Об Эйвазе ни слуху, ни духу. Не знаю, жив ли, умер? Ох, как есть хочется!

Имамверды. Клянусь твоей жизнью, Аллаверды, я сам умираю с голоду. Живот, как свисток у городского, пищит.

Аллаверды. Стой, вспомнил, ведь у меня еда в сумке! Я дочь выдал замуж, сегодня ночью свадьба была...

Имамверды. Сона вышла замуж? Да пошлет ей аллах счастье! За кого?

Аллаверды. Не спрашивай, Имамверды. Такую я глупость спорол. Но теперь уже все кончено... Потом смотрю: в городе заваруха. Прихватил я на кухне полкурицы, немного колбасы, свинину, сунул все это в сумку, и вон из дома.

Имамверды. Колбасу и свинину ешь сам, а курицу давай сюда.

Аллаверды. Да накажет их господа! Сколько народу погубили.

Имамверды. Да, да, Аллаверды, что они натворили? И какой умник все это придумал?

Аллаверды. Просто разумно честно жизненно! Чего это я вдруг буду драться с тобой ни с того ни с сего? Кто это был возле тебя? Я выстрелил, и бедняга упал. Клянусь аллахом, от страха налынул, а то бы разве убил?

Имамверды. Дурачина ты. Откуда здесь люди? Это была моя папаша. Я положил ее, чтобы напугать тебя. Зря только испортил...

Аллаверды. Так это была папаша? Вот здорово! Даже от сердца отлетело.

Имамверды. Эх, бедный народ!

Появляется Арам.

Арам. Эй, кто вы?

Аллаверды. Это я, а что?.. Имамверды, где моя винтовка?

Имамверды. Сиди, ты! Это или мусульманин или армянин. Если армянин, заговоришь ты, если мусульманин — я. А не то нападём на него вместе.

Арам. Ни с места. Как вас звать?

Аллаверды. Аллаверды Кахраман-оглы Асриян.

Арам. Аллаверды-да! Это ты?

Аллаверды. Ну да, я... Имамверды, кажись, это мой знакомый. Прячься за меня... Эй, а ты кто?

Арам. Я Арам.

Аллаверды. Арам, ты?

Арам. Конечно, я. Сейчас встретил в темноте человека, издали похож на Бахши. Он крался вдоль стены. Я хотел догнать его, но не смог, потерял... С ним, кажется, что-то стряслось. Бедняга не обратит внимания, попадет в эту сторону, неплохо будет.

Имамверды. Куда же он пошел, Арам? Сам ты откуда?

Арам. Это ты, Имамверды-да? Как вы встретились?

Имамверды. Да вот перестреливаемся ради собственного удовольствия.

Арам. Я видел его близко, очень похож на Бахши, но, может, я ошибся...

Аллаверды. В такой заварухе человеку погибнуть недолго.

Имамверды. Эх, Арам, Арам, негодник ты! На что это похоже? Почему ты не пошел к матери немного денег? Несчастная так бьет! Как-то мне удалось немного подработать, я дал ей батман пшеницы и пять фунтов ячменя. Она все перемешала и смолола пручную.

Арам. Клянусь богом, Имамверды-да, все это время я был без работы. Только что устроился, да вот началась эта кутерьма. Столько людей погубили, сукны сыны!.. Ой!..

Раздается залп. Арам хватается за ногу, Аллаверды падает.

Имамверды. Ах, господи, человека убили!

Арам. Ложись.

Аллаверды. Стреляли казаки...

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Кабинет генерал-губернатора.

Губернатор (по телефону). Алло... Саламов?.. Да, приветствую... Что?.. Такие вещи не говорят по телефону, Амир-Аслан-бек... Подождли промыслы? Это не мое дело, господин Саламов. У них тоже есть промыслы, а у вас руки... Патронов? Это можно, это мы устроим. (Вешает трубку.)

Входит полицмейстер.

Полицмейстер. Извините, ваше превосходительство!

Губернатор. Что вы ходите взад и вперед, полковник?

Полицмейстер. Простите, ваше превосходительство, тут пришли представители рабочих, хотят вас видеть.

Губернатор. Я же сказал, что сегодня никого не принимаю.

Полицмейстер. Однако, ваше превосходительство, он тоже пришел...

Губернатор (вскакивает). Кто, Володин?

Полицмейстер. Он самый.

Губернатор. А с ним кто?

Полицмейстер. Грузины, мусульмане, армяне, русские. Есть все нации.

Губернатор. Это безумие, полковник! Он бросает на карту свою жизнь. Оказывается, он гораздо смелее, чем я думал. Товарищей его не впускать, а сам пусть войдет. Жди распоряжений. Да, чтобы не забыть... Мусульманам надо переправить немного патронов. Потом, если понадобится, пусть помогут казаки.

Полицмейстер. Кому?

Губернатор. Кому? Да никому. Если обе стороны притихнут, пусть они их подогреют.

Полицмейстер выходит, немного погодя, входит Володин.

Губернатор. А, господин Володин! Наконец-то мы вас увидели. Нам повезло. Садись, пожалуйста. Вы совсем как герой из былин: все о нем говорят, а самого

не видать. Имя есть, самого нет,— у нас только господь бог такой.

Володин. Генерал, у меня нет времени для шуток и комплиментов. Мы пришли по делу. Прошу вас, распорядитесь, чтобы впустили моих товарищей.

Губернатор. Нет, Володин, мне давно хотелось видеть вас одного. Все это время вы были дипломатом и избегали встреч.

Володин. Я не дипломат, я рабочий.

Губернатор. Ого! На словах, конечно. Как я слышал, рабочие стучат молотками, таскают бревна, вы же, слава богу, ни того, ни другого не делаете.

Володин. На своем веку я перетаскал много бревен...

Губернатор. Разумеется, только в Сибири, среди политических заключенных.

Володин. Вы не даете мне говорить, генерал. Я прошу вас...

Губернатор. Ваши просьбы меня не интересуют. Володин. Мы не просим, мы требуем прекратить это братоубийство.

Губернатор. Оно мешает вашим бунтарским планам? Не так ли?

Володин. Нашим планам ничто не помешает. От имени социал-демократической партии большевиков я заявляю решительный протест. Если вы сегодня не остановите бойню, завтра ни один завод, ни один промысел не будут работать. Вы разжигаете вражду между двумя братскими нациями, вы натравливаете их друг на друга. Мы же против этого!

Губернатор. Что же вы хотите? Вы хотите, чтоб мы объединили две дикие нации, и они под вашим руководством перерезали всех нас, верных сынов России. Я солдат великой империи, которая хочет господствовать. Политика империи—водрузить свои флаги, с одной стороны, в Бандарбушире, с другой—на берегах Босфора. Этот путь никто не застелит нам коврами. Дорогу надо прокладывать штыком по костям и по крови... Для них закон—только пулемет. Политика не знает жалости. Не я его, так он меня. Объединись мусульмане с армянами, и я должен буду послать под пули своих родных сыновей. А теперь они пусть делают, что хотят.

Володин. Вы палач!

Губернатор. А вы, Володин, изменник родины, предатель! Вы хотите воспользоваться затруднениями империи, которая только вышла из войны, и бросить корону и престол под ноги ее врагам. В такой момент аести классовую борьбу? Для нации это смертельная опасность. Действительно, до братоубийства один шаг. Но вы этого не увидите!

Володин. Пытаясь превратить классовую борьбу в национальную, вы только оттягиваете время. Но вам не остановится ее. Борьба продолжается. Не сегодня—завтра она обрушит свой беснощадный топор на ваш престол.

Губернатор. Так, так. Значит, не будь национальной резни началась бы гражданская война? Объявляю вам шах и мат, господин Володин! Вы скверный игрок. Вас опередили, вы проиграли. Бросайте игру. Еще не поздно. Остановитесь на полпути, проигрывая,—тоже выигрывает. Конец игры может оказаться для вас плачевным. Империя—это боевой орел. Он бьется с орлами. Не путайтесь у него под ногами, воробын с перебитыми крыльями!

Володин. Этот орел сосет у трудящихся кровь. Наступает его последний час. Ему не спасти от смерти своей головы.

Губернатор. Я вас больше не задерживаю, Володин. Можете идти. Я думаю образумить вас напоследок, господин Володин.

Володин. Мы требуем, генерал, прекратить эту бойню, иначе на промыслах не шелохнется ни одно колесо.

Губернатор. Вы очень резки, господин Володин. Кровавое событие потрясло и мои нервы. А тут вы еще выводите меня из равновесия. Что прикажете делать? Разумеется, я приложу все силы. Цивилизованный человек не может хладнокровно смотреть на подобную дикость. Прошу вас передать своим товарищам, что я с большим вниманием выслушал их просьбу и завтра же приму необходимые меры.

Володин. Завтра будет поздно, генерал!

Губернатор. Поверьте, Володин, завтра рабочие уже увидят результаты моих мер. Во всяком случае я постараюсь договориться с ними. Обстановка сложная. Что делать, Володин? Политика это шахматы. Поживем—увидим.

Володин. Хорошо, генерал, поживем — увидим. (Уходит).

Губернатор звонит, входит полицмейстер.

Губернатор. Его отпустите, полковник. А товарищей немедленно арестовать!

Полицмейстер. Володина отпустить?

Губернатор. Да, отпустить.

Полицмейстер. Слушаюсь, ваше превосходительство. Мудрое решение. Он пользуется слишком большим влиянием на рабочих.

Губернатор. Вы очень молоды, полковник, и не совсем точно схватываете обстановку. Они нам уже не опасны. Интернациональный союз разрушен навеки. Колесо истории повернуто. Корабль бунтовщиков налетел на скалу и разбился. Теперь ни Володин, ни его товарищи нам не страшны... Итак, сегодня его отпустить, а не позже, чем завтра его и Асрияна вручить мне!

Полицмейстер. Простите, ваше превосходительство, живыми или мертвыми?

Губернатор. Вам следовало давно усвоить политическую терминологию, полковник. Разумеется, мертвыми.

Полицмейстер. Слушаюсь, ваше превосходительство.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Подпольное собрание.

Володин. На этом кончим, товарищи. Теперь за дело. Рабочие ждут от нас слова. Надо разъяснить всем, что забастовка должна расти, что это выступление мы должны довести до победного конца. К забастовке должны примкнуть все промыслы, как один. Пошли, товарищи. Выходить по одному, по два.

Бахши. Хочу сказать, товарищ Володин... Это собрание еще больше запутало мои мысли. Там кровь льется, а мы здесь сидим, сложа руки.

Володин. По дороге поговорим. Пошли.
Арам. Так и знайте, товарищ Володин, я на вас буду жаловаться.

Володин. Кому?

Арам. Генерал-губернатору. Вы игнорируете его слова.

Володин. Нет, Арам, ты неверно мыслишь.

Исак. Почему же неверно? Губернатор прав. Ты ведь сам передал нам его слова: политика—шахматы. Он мне говорит—мат, а я должен молчать? Клянусь, я ему закачу такой мат, что чертям тошно станет.

Володин. Нет, Исак, партия запрещает это делать. Наша организация не может заниматься убийством из-за угла.

Исак. Не согласен. Они ведь убивают. Что ни день, то потеря. А сколько они убили за все время? Сколько сослани? Вы же связываете нам руки... На что это похоже? Ты меня бей, а я стою буду и смотреть. Нет, он одного убьет, а я пятерых.

Арам. Верно, Исак.

Володин. Стойте. Пойми, Исак, убив одного или пятерых, ты ничего не добьешься. Убьешь этого—на его место другой придет. Главное—это организованность. Дерево рубят под корень. Надо свергнуть кровавый строй. А это возможно только в массовой борьбе.

Исак. Эх, погоди, мой ишачок, не умирай: придет весна—созреет клевер. Когда же массы поднимутся? Когда они начнут рубить дерево?

Арам. Значит, сиди себе пока на бережку, жди, когда подует ветер и погонит твой корабль.

Володин. Сидеть не нужно. Партия говорит: надо как можно скорее организовать массы и свергнуть этот ненавистный строй.

Исак. Одно другому не мешает, дорогой. Забастовка сама собой, а это само собой. Надо убить губернатора, и точка!

Арам. Верно. Пока нет лошади, путник едет на осле. Царя нельзя, так хоть городского...

Володин. Неверно! Этого делать нельзя.

Бахши. Все это меня и путает. С одной стороны, я всегда был против крови, а с другой стороны, смотрю: кровь-то летится! Враги убивают, а ты стой и любишь? Так?

Володин. Любоваться — преступление. Убивать нужно, но не из-за угла, не по одному, а в открытом бою, в окопах. Надо свергнуть самодержавие! Идем, Бахши, меня ждут в другом месте.

Володин и Бахши выходят.

Арам. Володин деликатничает. Того не тронь, этого не тронь. Тебя будут убивать, а ты иди, рабочих уговаривай. Этого бойся, того бойся, сунь голову в мешок с мукой и сиди там.

Эй ваз. Нет, товарищи, вы не правы. Володин верно говорит. Одного убьешь, другой придет. Ручей перекрывают у истока.

С улицы доносится выстрел.

Арам. Что это?

Эй ваз. Как бы с ребятами чего не стряслось. (Хочет выйти, Арам останавливает его.)

Арам. Стой, брат! Куда полетел?

Вбегает взволнованный Бахши.

Эй ваз. Что случилось, Бахши? Почему ты вернулся?

Бахши. Убили! Володина убили!

Арам. Убили? Ах, палачи!..

Эй ваз. Надо идти, товарищи. Нет, нет, не вместе, по одному.

Исак. Я, товарищи, ничего не знаю! Губернатор сказал: политика—шахматы, поживем—увидим. Выходит, кто не живет, тот не видит. Он сказал и сделал. Так хватит, товарищи. Будь, что будет! Смерть за смерть!..

Аршак. Мы их должны проучить.

Исак. Верно. Я твердо решил: кровь за кровь! Я иду один.

Аршак. Ладно, пошли. Только ты знай, Исак, один из двух должен обязательно погибнуть: или боец, или жертва.

Исак. Я готов на все.

Аршак. Хорошо, и я с вами. Смерть за смерть!

Исак. Да, смерть за смерть!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА
ПЯТНАДЦАТАЯ

Улица. Арам продает цветы.

Арам. Чудные цветочки, свежие цветочки, утром сорваны! Кому надо? Только что из сада. Гвоздики, нарциссы, фиалки!.. Есть для женихов, для невест, для свадьбы! Есть для холостых и женатых. Есть для траура, есть для похорон, для тех, кто при деньгах, для тех, кто умен. Для того, кто здоров, для того, кто больной, для того, кто от нуля погиб шальной. Подходи, кто хочет, хватит на весь свет, стоит дешево, цены же им нет. Пах, пах, пах! Бедник, не умирай дома, иначе кто умрет на мостовой?

Входит Исак.

Исак. Эй, продаешь цветы?

Арам. Продаю, как твоей душе угодно. Штучно, как арбузы, пачками, как людей на мостовой, батманами, как горох, аршином, как шелк! Сам говори, как хочешь? *(Тихонько.)* Они сейчас найдут.

Исак. Хорошо, почему эти?

Арам. Эх, да что там почему? Что дешевле девичьего мондела и подороже человеческой головы.

Исак. Где она?

Арам. У меня. Сколько тебе надо? Когда надо? К твоим услугам. Для чего надо цветы?

Исак. Как для чего? Давай, говорю... Для голубов и для пельменей.

Арам. Прону, покунатель, цветы бери, а на корзину не наваливайся, унадет.

Исак. А эти почему?

Арам. Цена разная. Для свадьбы одна, для похорон — другая.

Исак. Мне на кладбище.

Арам. Тогда возьми дороже. Сейчас покойников много. Только для этого и берут. Другому за пятак дам хороших, а тебе за гривенник — наилучших... Она внутри букета. Когда бросишь, цветы оставь, это будет как доказательство на всякий случай.

Входит Аршак.

Аршак. Эй, почему цветы?.. Уж расходятся, идут сюда, будь готов!

Исак. Ну, что ж, давай один букетик.

Арам. Изволь, дорогой!

Аршак. Только не забудь: как бросишь — присядь к земле. Да последней кидай. Помни, Исак, шах и мат!

Исак. Не беспокойся. Сколько мне платить?

Арам. Чем больше дашь, тем больше тебе чести.

Аршак. Я пошел...

Арам. Тихо, корзину свалишь. Быстрее иди, тебя могут узнать.

Аршак. Идут. Ну, всего... Будь молодцом. Смотри, чтоб рука не дрогнула. *(Уходит.)*

Исак. Браточек, расчет точен?

Арам. Все верно, дорогой. Да примет господь душу усопшего... Вот он, иди вперед.

Исак. Прощай. *(Уходит.)*

Входят губернатор, полицмейстер, пристав и околоточный.

Губернатор. Итак, полковник, Володина ни убрали, а Асрияна пропорошили?

Полицейстер. Исчез, генерал. Но где бы он ни был, на земле или на небе, сегодня мы тоже с ним закончим.

Губернатор. Борис Матисевич, хорошо бы цветочков немного кузнить.

Полицейстер. Я распоряджусь, чтобы принесли домой. *(Губернатор уходит, полицмейстер подходит к Араму.)* Эй, соленый огурец, живо букет!

Арам. Из каких прикажете? из пресных или из соленых?

Полицейстер. Не болтай много. Быстрее шельсь. Они ушли... Сам принесясь.

Арам. Сию минуту, я сейчас.

Слышен взрыв бомбы. Поднимается суматоха. Полицейстер делает несколько неуверенных шагов в сторону взрыва, но вulti не решается. Арам быстро приседает. Спешит городовые. По сцене бегают перепуганные люди. Вбегает Эйваз.

Эйваз. Где Бахши, Арам?

Арам. Поздно, уже взорвалась, беги!

Эйваз. Я спрашиваю, где он?

Полицейстер. Асриян! *(Бежит за ним. На сцену выбегает губернатор, полицмейстер останавливается.)*

Губернатор. Ах, сегодня! Мы еще сочтемся!

Полицейстер. Что с вами, генерал?

Губернатор. Шахматы продолжаются. Они кинули бомбу.

Полицейстер. Вы ранены, генерал?

Губернатор. Слегка в руку, полковник. Разбойник побежал туда. Взять его! Немедленно за ним! Если уйдет, вы мне жизнью ответите. Быстро!

Полицейстер. Сейчас, ваше превосходительство. *(Убегает.)*

Губернатор. Вынесли смертный приговор? Хотят играть со мной в шахматы?!

Убегает Исак.

Исак. Приговор в силе, ваше превосходительство. Шах и мат!

Губернатор сует руку в карман, но Исак его опережает, кидает вторую бомбу и сам приседает. Раздается взрыв, губернатор падает.

Арам *(высовывается из-за корзины)*. Ай да, молодец! Вот так мат!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Зал суда. На скамье подсудимых Эйваз и Бахши.

Председатель. Тише, не шуметь! Суд должен уточнить некоторые моменты. У нас есть вопросы. Во-первых, полицейстеру. Имеются ли у вас еще какие-нибудь доказательства и факты, подтверждающие принадлежность подсудимого Бахши к революционной организации?

Полицейстер. К сожалению, нет. Что же касается Эйваза Асрияна, то он неоднократно сидел в тюрьме, откуда ему различными путями удавалось бежать. В последнее время он тоже скрывался от властей. Я видел собственными глазами, как Асриян кинул бомбу. А Бахши у нас на подозрении. Очевидно, он недавно вступил в организацию и еще не успел себя проявить.

Саламов. Доказательства есть у меня!

Председатель. Говорите.

Саламов. Этот сукин сын—шпион! Сам покойный губернатор подтвердил это. Я слышал его выступление в мечети. Убитый лежит на земле, как бревно, а он говорит—пробогаз! Асриян же—это такой пройдоха, каких не слышишь. Ублюдок. Он родственник Агамяна. Он все время сел на промыслах смуту. Покушение—дело рук армян! Покойный губернатор держал их в ежовых рукавицах, вот они и убили его. А карабахца втащили сюда, чтобы опозорить перед государем мусульман.

Председатель. Господин Саламов, можете вы подтвердить все это фактами?

Саламов. А разве это не факты? Не верить такому человеку, как я? Я их знаю, как облупленных. Оба проклятые негодяи!

Председатель. Хорошо, садитесь.

Эйваз. Господин председатель, прошу вас, спросите у полицейстера, зачем он искал меня: предать суду или убить из-за угла?

Председатель. Правительственные организации, подсудимый, не занимаются убийством из-за угла. Сядьте и потрудитесь впредь тщательнее выбирать выражения. Господин Рубен Агамян, вы категорически подтверждаете слова Эйваза Асрияна, сказанные вашему сыну? Дело идет об убийстве генерал-губернатора и о враждебной позиции в отношении императорского трона.

Агамян. Да, я категорически это подтверждаю. Клянусь вам жизнью, сын скажет то же самое, когда придет. Мне известно также, что Бахши его сообщник. Нет сомнений, что это их проделка. Конечно, тут замешаны и наши соседи...

Саламов. Проклятье тому, кто здесь замешан! Ты у меня получишь, сукин сын Агамян!

Председатель. Прекратить! Тихо! Арам Бабаян, вы категорически утверждаете, что у Бахши с собой...

Арам. Что?

Председатель. Вы категорически утверждаете, что у Бахши с собой...

Арам. Что?

Председатель. Вы категорически утверждаете, что у Бахши с собой ничего не было, однако...

Арам. При чем здесь я? Бедяга покупал у меня цветы, и я хорошо видел, что при нем ничего не было.

Председатель. Может, в руках не было, а в карманах было?

Ара м. Что?

Председатель. Может, в руках не было, а в кармане было?

Ара м. Нет, и в карманах ничего не было.

Председатель. Откуда вы знаете, было или...

Ара м. Что?

Председатель. Откуда вы знаете, было или нет?

Ара м. Откуда? Откуда я знаю? Я видел его карманы. Он искал деньги и вывернул их. Деньги нашел...

Председатель. Садитесь.

Прокурор. По-моему, вопрос ясен. Можно прекратить опрос свидетелей. Восемь полицейских и три пристава своими глазами видели, как Эйваз Асриян дважды кинул бомбу в генерал-губернатора. Принадлежность подсудимого к бунтовской организации доказана. Бахши также член этой организации. Террористический акт Эйваза Асрияна следует расценивать как покушение на священный трон Великой Русской Империи и государя-императора. Именно поэтому я настаиваю на своем первоначальном предложении и требую от суда, чтобы Эйваз Асриян был приговорен к смертной казни, а Бахши—к десяти годам тюремного заключения.

Председатель. Подсудимый Эйваз Асриян, представляем вам обвинение. Вы убили генерал-губернатора и тем самым совершили покушение на священный трон Российской Империи. Можете ли вы сказать что-нибудь в свое оправдание? Приговор суда будет зависеть от вашего чистосердечного раскаяния и искренности.

Бахши. Господин председатель, я хотел бы кое-что сообщить вам.

Председатель. Говорите.

Бахши. Вопрос важный и имеет отношение к тому, что скажет Асриян.

Эйваз. Брось, Бахши!

Председатель. Не мешайте, подсудимый!

Бахши. Все свидетели, в том числе Саламов и Агамян, показали, что генерал-губернатора убил Эйваз Асриян. Прокурор требует смертного приговора. Но я заявляю суду: все это ложь! Эйваз Асриян не виновен. Генерал-губернатора убил я.

Председатель. Подсудимый Бахши, лишая вас слова.

Саламов. Ну и ну! Все слышали? Разве не говорил я, что этот сукни шинион? Вы отрицали? Он хочет оклеветать мусульман.

Багадыр-бек. Господин председатель, от имени всех мусульман я заявляю протест. Такое положение противоречит нашей национальной позиции... Наши национальные права...

Саламов. Ради аллаха, Багадыр-бек, не суй сюда свою национальность!

Председатель. Тихо! Не кричите! Это не собрание управы, а заседание суда.

Прокурор. Господин председатель, мне думается, подсудимый Бахши болен. Предлагаю назначить его на экспертизу.

Бахши. Я совершенно здоров.

Эйваз. Прокурор прав. Несомненно, гражданин Бахши или болен или... просто он мой друг. Он хочет принять на себя вину и смягчить мне приговор. Но он не имеет никакого отношения ни к этому делу, ни к революционному движению вообще. Смерть генерал-губернатора—это воля рабочих. Она исполнена.

Прокурор. Кто из вашей организации выносил этот приговор?

Эйваз. При чем здесь организация? Организация—это я сам. И председатель я, и члены ее тоже я. Приговор был вынесен мною, я же его и исполнил. Генерал-губернатора убил я.

Председатель. За что?

Эйваз. Он провокатор, такой же, как и вы! Он травливал друг на друга две братские нации, он оставил тысячи детей без матерей, жен без мужей, семьи без кормильцев. Они погибают теперь с голоду. Все эти Агамяны и Саламовы, которые выступали против нас сегодня, ваши подручные. Они игрушки в ваших руках, в руках генерал-губернаторов!..

Саламов (с места). Эй!.. Эй! Ты что?

Председатель. Подсудимый, молчать!

Эйваз. Вот передо мной двенадцать полицейских. Но все они лгут. Ни один из них не видел, что я убил генератора. Они твердят это по вашей указке. Сегодня вы нацепили маску правосудия и хотите расправиться

со мной. Но кто вы сами? Кто убил Володина? Кто убил Рахманова? Кто убил Бинадзе? Кто убийца Эремьяна? Разве их судили? Нет! А почему нет? Да потому, что вы не судьи, а мясники, палачи! Престол, охраняемый вами, скоро рухнет. И скоро, очень скоро вы сами будете сидеть на этих самых скамьях, на которых сейчас сидим мы. Тысячи детей спросят у вас про своих отцов, тысячи матерей потребуют от вас своих сыночек. Вы смеете называться судьями? Это не суд, а кровавая расправа.

Председатель. Возьмите себя в руки, подсудимый. Оскорбление суда не пойдет вам на пользу. Видно сразу, что вы действительно враг священного престола Русской Империи.

Эйваз. Да, я ваш враг! Я враг вашему трону, который плавает в кривой. Я враг вашему двуглавому орлу, который питается человеческой! Я враг вашему строя, который держится на штыках и пулеметах. Я враг вашего ложного кровавого правосудия. Повесив меня сегодня, вы не отсрочите своего конца, который предрешен историей. Я лишь один из загубленных вами миллионов. Но не сегодня-завтра эти миллионы поднимутся из земли и обрушат на ваши головы ваш забрызганный кровью престол. Я верю в это всем своим существом.

Председатель. Подсудимый, лишая вас слова. *(Все в зале встают, председатель читает приговор.)* Суд считает доказанным виновность Эйваза Асрияна в убийстве генерал-губернатора. Эйваз Асриян—враг священного престола Великой Русской Империи. Суд также подтверждает связь подсудимого Бахши с организацией бунтовщиков. Исходя из всего этого, Императорский суд постановляет: подсудимого Эйваза Асрияна приговорить к смертной казни через повешение, а подсудимого Бахши—к пяти годам каторжных работ. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

Председатель суда захлопывает папку, все выходят из зала, свет гаснет, и освещении остаются только Эйваз и Бахши.

Бахши. Ты нужнее для революции, чем я.

Эйваз. Понимаю тебя, Бахши! Но ты не смог бы ничего доказать. Сейчас нас разлучат. Это наша последняя встреча. Хочу тебе сказать на прощание: будь тверд в борьбе! И еще... Отца убили, мать и сестра остались

одни. Поручаю тебе их. *(Подходят солдаты.)* Прощай, Бахши! Не горюй. Сегодня они нас на виселицу, завтра—мы их. *(Обнимаются.)*

ЗАНАВЕС

КАРИНА СЕМНАДЦАТАЯ

Крохотная комнатка в селении. Сона лежит на постели, рядом с ней мать и сын.

Сона. Ах, как тоскливо, мама!
Набат. День пасмурный, доченька. Погоди, пот выглянет солнце, тебе веселее станет.

Сона. Интересно, мама, где сейчас Бахши?

Набат. Кто знает, доченька? Говорят, Сибирь большая. Может, жив, а может, и нет...

Сона. Если бы был жив, приехал бы. Ведь срок уже давно кончился. Я веду счет.

Набат. И он неудачник доченька, да поможет ему господь.

Сона. Мама, а что он скажет, если увидит меня такой? Будет ли он любить меня? Дай мне, пожалуйста, зеркало, мамочка.

Набат. И что тебе такие дурные мысли приходят сегодня в голову? Слава богу, страшного у тебя ничего нет. Заболела—поправишься, и все будет хорошо.

Сона. Нет, мама, чуется мое сердце, что я больше не встану. Посмотри, что стало с моим лицом! Испугаться можно. Нет, он не будет меня больше любить. Он, кто знает... А как он меня прежде любил!

Набат. Да, он любил тебя больше своей жизни.

Сона. Видно, счастье и горе ходят вместе, мама. Если я умру, и Бахши приедет, покажи ему мою могилу и скажи, что я просила его позаботиться о маленьком Бахши. Передай, что я всегда ждала его, очень!..

В это время с улицы доносятся звуки тара, красный женский голос поет.

Упорхнула навсегда
Из родимого гнезда.

Птичкой вольной молодой
Залетела в сад чужой.

Но охотник взял ружье,
В сердце выстрелил мое.
Птица раннее весной
На земле лежит сырой.

Сона. Постой! Слышишь?

Набат. Да что с тобой, доченька? Откуда такие мысли?

Сона. Ах, мама! Если бы кто-нибудь мог сыграть так, как играл Бахши! Вот бы я послушала! У нас по соседству живет слевой тарист. Он, кажется, знает ту мелодию. Попрошу тебя, позови его, пусть сыграет.

Набат. Уста Амиса?

Сона. Не знаю, как звать его. Впрочем, нет, мама, не ходи. Он не сыграет так. А без этой мелодии тар не жуен мне.

Набат. Кто это зовет тебя во дворе? Слышишь?

Сона. Может, письмо пришло? *(Набат поднимается и выходит. Сона обращается к сыну)*. От тех дней, когда я была счастлива, когда я была вместе с Бахши, мне осталось только твое имя да вот этот тар. Ты вырастешь, большой и научишься на нем играть. Но что ты будешь делать, если я умру, мальчик мой? Ах, если бы вернулся Бахши! Я была бы спокойна за тебя. Он любил бы тебя как родного сына!

Вбегает радостная Набат.

Набат. Сона! Сона! Милая, он здесь!

Сона. Кто? Тарист?

Набат. Да нет, он сам... Бахши!

Входит Бахши, с ним женщина и девочка.

Бахши. Сона!

Сона *(внимательно смотрит, наконец, узнает)*. Бахши, это ты! Слава богу, ты здоров! Подойди ближе *(Хочет поцеловать, но останавливается в нерешительности)*. Хочу тебя поцеловать, но мне нельзя... Я больна. Дважды в жизни я хотела тебя поцеловать, и оба раза мне это не удалось... Ничего, вот, бог даст, выздоровлю, тогда... Ну, как ты жил? Садись, Бахши! Ведь ты не боишься? Я такая желтая...

Бахши. Что ты, Сона! Не думай об этом. Ты поправишься. Верь, я тебя исцелю.

Набат. От такой радости ты должна завтра же встать.

Сона. Встану, мама, обязательно встану! Я узнала твою игру, Бахши, только думала, мне показалось. Сегодня с утра на сердце было так тревожно, словно должно было что-то случиться... Кто эта женщина, Бахши? Твоя жена?..

Бахши. Да, Сона... Она из Грузии, сестра моего товарища. Мы были вместе.

Сона. А это твоя дочь? Красивая девочка. Как ее звать?

Бахши. Сона.

Сона. Сона? Ты называл ее моим именем? А моего сына звать Бахши, маленький Бахши. Ты вырастишь их вместе.

Бахши. Я тебя не оставляю, Сона. Мы будем вместе с тобой растить их.

Сона. Нет, Бахши, я не выживу. Но здесь ты меня не оставляй, увези в Баку... Ты хорошо сделал, что женился... У меня к тебе одна просьба, Бахши. Это последнее, самое сильное желание в моей жизни... Сыграй мою любимую песню. Я хочу ее спеть. Жалко, что не могу встать, а то бы...

Бахши. Моя Сона! Я сейчас сыграю, только, прошу тебя, не говори так печально...

Бахши играет на таре, Сона тихонько поет:

Упорхнула навсегда
Из родного гнезда.
Птичкой вольной молодой
Залетела в сад чужой.

Но охотник взял ружье,
В сердце выстрелил мое.
Птица раннее весной
На земле лежит сырой.

Внезапно Сона умоляет, откидывается на подушку.

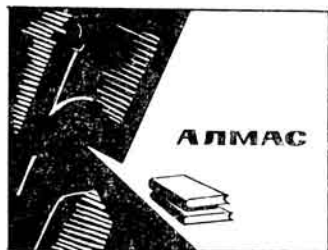
Бахши *(бросается к ней)*. Сона, Сона!

Освещение меняется.

Молодая Сона. Значит, маленькая Сона и маленький Бахши—это мы, а большой Бахши—ты?

Старый Бахши. Да, дочка, да. Итак, Сона пропела песню, потом вдруг неожиданно вытянулась и умолкла. Глаза у нее закрылись, и навсегда. Бахши наклонился и в первый и последний раз поцеловал ее холодющие губы. Тело Сона перевезли в Баку и здесь похоронили. Ее маленького сына Бахши тоже забрал с собой в Баку. Генерал-губернатор здесь уже был другой, но революционная борьба продолжалась по-старому и ширилась с каждым годом. Наконец, Октябрьская революция свергла власть царя, власть жандармов и буржуазии. Народы стали свободными и зажили по-братски. Рушился старый мир, рос и креп новый. Сносили старое кладбище и на его месте воздвигали чудесный дворец. Бахши был в гуще этой стройки. Дай руку, Сона! И ты, Бахши! Пусть эта грустная история навсегда будет погребена на старом кладбище прошлого. Пусть могучие руки нового мира навсегда соединят ваши сердца, как соединились жизни двух наших братских народов!

ЗАНАВЕС

ПЬЕСА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ, СЕМИ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алмас-ханум	— учительница, молодая девушка.
Наз-ханум	— ее мать.
Фуад	— жених Алмас.
Демирдаш	— доктор.
Джамал	— учитель, друг Фуада.
Мирза-Самендар	— заведующий школой.
Барат	
Гюльверды	— комсомолцы.
Аллаверды	— старик-крестьянин.
Сурьма	— девочка, ученица.
Автиль	— крестьянин-бедняк.
Яхши	— молодая крестьянка.
Бала-оглан	— председатель сельсовета.
Шариф	— секретарь сельсовета.
Гаджи-Ахмед	— маскирующийся кулак.
Ибад	— подкулачник, деверь Яхши.
Бала-Рза	— зажиточный крестьянин.
Гюльханум	— его жена.
Оджагули	— старик крестьянин.
Фатманиса	— повивальная бабка.
Председатель комиссии	

Члены комиссии, крестьяне, крестьянки, молодежь, дети.

Действие происходит в отдаленной деревне Азербайджана.

Время — около 1927 — 1928 гг.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Шола. Задняя стена остеклена. За ней видны улица, дома, мечеть и минарет. По улице идут деревенский мулла и его приверженцы — старики, несущие на плечах гроб; поют молитвы.

Мулла. Боже милосердный, ты создал человека и послал ему коран. Ты сотворил луну и солнце. Пожалей и помилуй нас!

Старики. Боже великий! Ничего не происходит помимо воли и желания твоего. Пожалей и помилуй нас! *(Спускаются по склону.)*

В школе перед окном собрались дети, они поют веселую песню. Алмас входит в комнату, с нею женщина в чадре. Это — Яхши.

Алмас. Здравствуйте, дети!

Дети. Здравствуйте, тетя Алмас.

Сурьма. А мы уж хотели расходиться.

Все окружают Алмас.

Алмас. Стройтесь в ряды, дети!

Дети становятся в ряды.

Давайте петь громче, чтобы нас все слышали. Заглушим похоронное пение муллы. Ну, начали!

Заневает пионерский марш. Дети дружно подхватывают.

Яхши. Им весело, а у меня сердце разрывается, Алмас-ханум, я пойду. Песня разбередила мое горе, плакать хочется.

Алмас. По мужу скучаешь? Стоит ли, Яхши? Говорят, что он кого-то убил?

Я х ш и. Жену своего брата. Какие-то семейные раздоры вышли. Только... убил-то сам брат, а он по родственному принял вину на себя.

А л м а с. Давно он в тюрьме?

Я х ш и. Полтора года. Скоро должен вернуться. Но я не хочу, чтобы он возвращался, Алмас-ханум.

А л м а с. Как не хочешь? Зачем же живешь в его доме?

Я х ш и. А что же делать?

А л м а с. Уйди. Будь сама себе хозяйкой.

Я х ш и. Разве можно так? Старики учат: и бог—один и муж—один.

А л м а с. Ой, не верю! По твоим глазам вижу, что кого-то любишь.

Я х ш и. Да какая там любовь, Алмас! Не тревожь мое горе! Опять заплачу...

А л м а с. Слушай, Яхши, я шучу, а ты всерьез принимаешь. Опять слезы потекли.

Я х ш и. Ах, Алмас-ханум, тоска гложет мое сердце! Хочешь, всю правду скажу? Вот—возьми коран, стань лицом к Мекке и поклянись богом, что не выдашь меня.

А л м а с. Что ты, Яхши? Я и без корана твоей тайны никому не открою.

Я х ш и (*вынимает из кармана бумажку и передает ей, а сама вытирает глаза кончиком чадры*). На вот, прочти!

А л м а с (*читает с возрастающим волнением и вдруг вскакивает с места*). Неужели правда, Яхши?

Я х ш и. Ты ведь знаешь—в деревню приехал твой друг, доктор Демирдаш. Я ходила к нему тайком от деверя. Доктор дал мне эту бумагу... Ради бога, Алмас, никому не говори.

А л м а с. Как же это случилось? Муж полтора года в тюрьме, а ты... ты беременна?

Я х ш и. Алмас, я скоро умру. Я убью себя!

А л м а с. Ты с ума сошла! Яхши, родная, мы еще проживем. Если не любишь мужа, разведись. Запишу тебя в женскую артель «Зарница». Научишься работать на машине, будешь зарабатывать, свободной будешь, грамотной. Выйдешь замуж за любимого. Вот вечером на свадьбе я женщинам рассказывать буду о новой жизни. Приходи слушать.

Я х ш и. Если бы я не боялась, ушла бы от мужа и записалась в эту «Зарницу»... Но меня убьют, Алмас!

А л м а с. Кто?

Я х ш и. Деверь... Он будет мстить за мужа.

А л м а с. Выходит—у тебя с одной стороны стена, с другой—нож...

Я х ш и. Что же я могу сделать? Только плакать.

А л м а с. Бороться надо!

Я х ш и. Я ходила к мулле Субхану, говорила—хочу разводиться. Он сказал, что мне из имущества ничего не полагается, хотя я его и своим трудом накопила. По его словам, шарнат женщине ничего не дает. Все принадлежит мужу.

А л м а с. Ты только разведись. Через суд имущество потребуем.

Я х ш и. Мулла Субхан и развод не совершил. Говорит: «Право мужа. Если не захочет—не даст развода. Мужчине имеет право, а женщина—нет». Вернулась я домой и до самого утра плакала.

А л м а с. Пойми ты, ценя слезами не размоешь. Их надо силой рвать!

Я х ш и. Кто-то идет. А я сижу здесь... Прощай, девушка!

Слышен шум во дворе.

Г о л о с. Только скорей, пожалуйста. Не задерживайте!

Д ж а м а л. Сейчас, сейчас...

В комнату вбегает Наз-ханум.

Н а з - х а н у м. Яхши! Яхши! Тебя деверь по всем домам ищет!

А л м а с (*возвращает справку доктора*). Возьми, не позабудь!

Я х ш и. (*испуганно*). Ищет? Ой! (*Бросается к двери*.) Творец корана, только на тебя надеюсь!

Входят Джамал, Барат, Гюльверди.

Д ж а м а л (*входя*). А! Алмас-ханум, вы дома? Я зашел попрощаться.

А л м а с. Куда это вы собрались, Джамал?

Д ж а м а л. Уезжаю в город.

А л м а с. Совсем?

Д ж а м а л. Вероятно. Вас это волнует?

А л м а с. Нет, нет, совсем не это.

Д ж а м а л. А мне кажется, вы недовольны моим отъездом.

А л м а с. Просто не понимаю, зачем вы уезжаете.

Д ж а м а л. Соскучился по городу... И вам советую собираться. Культурный человек здесь долго жить не может.

Г ю л ь в е р д ы. По-вашему, здесь могут только пасти жить?

Б а р а т. Которым не хочется быть культурными?

Д ж а м а л (не слушая их). Я вам предлагаю, Алмас, ехать со мной. А то потом будете говорить, что я вас бросил и убежал один!

А л м а с. Нет, Джамал, я не поеду.

Д ж а м а л. Как?! Фуад мне наказывал, чтобы вы вместе со мной вернулись.

А л м а с. Здесь—фронт, я не хочу дезертировать, как вы.

Д ж а м а л. Что вы тут одна сделаете? Ведь здесь даже партийной ячейки нет.

Б а р а т. Как—одна?!

Г ю л ь в е р д ы. Нет партийцев, так есть комсомольцы!

А л м а с. Плоховата на вас надежда, ребята. Вам бы поучиться сначала... Как-нибудь справлюсь, Джамал.

Торопливо входит, потрясая какой-то бумажкой, Мирза-Самендар.

Мирза-Самендар. Да буду я жертвой закона Магомета! Да буду я жертвой закона Магомета! (После каждой фразы ждет, чтобы Алмас спросила его о причине волнения. Она молчит. Он говорит с еще большим раздражением.) Магомет хорошо знал, что за дьявольские создания женщины.

Алмас продолжает молчать.

Дай верблюду крылья, ни одна крыша в деревне не останется целой. Дай женщине волю—весь народ перемутит.

Алмас молчит. Мирза-Самендар сердито проходит в другую комнату.

Д ж а м а л. Что это с ним?

А л м а с. Обычная история. Не трогайте его.

Д ж а м а л. И это—ваш заведующий школой? Едемте, Алмас, вы одначете здесь. Что в этой деревне делать?

А л м а с. Работа найдется. Сегодня шесть человек сразу в «Зарницу» записались.

Д ж а м а л. Что это за «Зарница» такая?

А л м а с. Женская ткацкая артель. Я ее организовала, чтобы помочь женщине стать самостоятельной, грамотной. Мы привезли из города ткацкие машины. Видите... (Показывает в сторону.) Начало есть, надо довести дело до конца.

Д ж а м а л. Но нельзя же забывать и о своей личной жизни. У вас в городе жених, Фуад, он ждет вас. Вспомните о нем.

Входит Демирдаш с бумагой в руках.

Демирдаш. Здравствуйте, Алмас-ханум, я просмотрел ваш план.

А л м а с (не дав ему кончить). Все эти предложения я сделаю крестьянам. Сегодня свадьба, народу там будет много, вот я и воспользуюсь случаем.

Д ж а м а л (с презрением). Алмас-ханум, у вас в комнате незнакомого мужчину?

А л м а с. Вы озадачены? И, конечно, скажете Фуаду, что видели у его невесты мужчину?

Д ж а м а л. Фуад может посмотреть на это серьезно, чем вы думаете!

А л м а с. Тем хуже для него.

Демирдаш. Алмас-ханум, мне все-таки кажется, что в вашем плане работы много спорного.

А л м а с (прерывая). Познакомьтесь. (Показывая на Джамала.) Друг моего жениха. Был учителем в соседней деревне, а теперь убегает. (Показывая на Демирдаша.) Мой друг и советчик—доктор Демирдаш. Я его больше всего люблю.

Демирдаш. Но не всегда слушает.

Во дворе слышен шум.

Г о л о с. Да куда же он пропал? Не почевать же нам здесь. На поезд опоздаем.

Д ж а м а л. Сейчас, сейчас! Прощайте! (Думает.) Не скучайте.

А л м а с. Передайте привет Фуаду.

Джамал. С удовольствием передам, что вы здесь не скучаете. *(Уходит.)*

Демирдаш. Он теперь понаскажет Фуаду всякой ерунды.

Алмас. Думаю, что Фуад не обратит внимания на такие мелочи. Любовь должна пересилить. Он меня крепко любит.

Демирдаш. А вы его?

Алмас. Думаю, и я не меньше. Мы давно не виделись. Надо хорошенько проверить чувство.

Входит Мирза-Самендар.

Мирза-Самендар *(сердито)*. Да буду я жертвой закона Магомета! Не дай бог и врагам попасть во власть женщины! *(После каждого слова ждет, чтобы Алмас ответила ему, но она молчит. Наконец, он обращается прямо к ней.)* Я хочу знать, кто здесь заведующий? Ты или я? А?

Алмас. Вы.

Мирза-Самендар. А почему же из Наркомпроса присылается бумага на твое имя? А?

Алмас. А потому, что когда вас не было, бумагу относительно пианино послала я.

Мирза-Самендар. Заведующий остался в створе, а разные люди пишут бумагу от своего имени и получают ответы на свое имя.

Алмас. Мирза Самендар, ведь дело не в имени.

Мирза-Самендар. Пусть обрушится на меня закон Магомета! Слушай, что ты здесь, в школе, творишь? А? Превратила школу в женские посиделки. Каждый день собираешь сюда стаю женщин и без конца болтаешь с ними.

Алмас. Мирза-Самендар, артель «Зарница» разве плохое дело? Вы должны мне помогать, а не браниться.

Мирза-Самендар. Сегодня же уберу отсюда эти машины! Заведующий я или нет? Кто распоряжается в школе? Я или нет? Сейчас же выбросит эти машины!

Алмас. Да они же здесь временно. Я написала докладную записку, чтобы нам для артели дали мечеть и сад Гаджи-Ахмеда. Это же я буду предлагать сегодня и крестьянам. Как только утвердят мои предложения, сейчас же уберем машины.

Мирза-Самендар. Пусть падет на меня гнев Магомета! Чтобы глаза мои не видели этих машин! *(Уходит, ворча.)*

Демирдаш. Алмас, послушайте, у меня все не выходит из головы ваш план. Это же целая революция. Для проведения такого плана вам нужна армия людей.

Алмас. Армия есть. Вот смотрите. Четырнадцать человек в артель записались, да еще шестеро — сегодня. Четыре женщины в резерве: с мужьями переговоры ведут. Вот вам и армия!

Демирдаш. Это хорошо. А скажите по совести, — часто вы встречаетесь с этими людьми? Разговариваете с ними, укрепляете в них дух? Ведь одно дело — записаться в артель, другое дело — закрепиться в ней.

Барат *(перегладившись с Гюльверды)*. Да, с массовой работой у нас плоховато.

Демирдаш. Вот видите. Боюсь, Алмас, как бы на первом собрании в вашу голову не полетели камни. Слишком много вы сразу предлагаете.

Алмас. Ничего не будет. Революция требует смелости. У меня много сторонников. Вот смотрите: Барат, Гюльверды... Председатель сельсоветы Балаоглан и его секретарь Шариф тоже поддержат.

Демирдаш. Ну, что ж, желаю удачи. Мне пора ехать, Алмас. *(Направился было к выходу, но приостановился.)* Я давно хотел чем-нибудь отметить нашу дружбу. Хотите мою карточку? Я тут и надпись сделал. Пусть мой подарок принесет вам счастье.

Алмас. Спасибо. Мы проводим вас, Демирдаш.

Все уходит.

Голос Мирза-Самендара *(во дворе)*. Да буду я жертвой закона, если не выброшу эти машины!

Входит Мирза-Самендар, затем Джамал.

Джамал. Алмас-ханум, Алмас-ханум, я вам позавел сказать напоследок... *(Заметив Мирза-Самендара.)* Куда девалась Алмас-ханум?

Мирза-Самендар. А черт ее знает, где она шляется.

Джамал *(показывая на карточку, оставленную на столе)*. Вы этого человека знаете?

Мирза-Самендар. Тут не один и не два бывает.

Всех не упомнишь. Если бы я знал адрес ее жениха, я бы ему кое-что написал. *(Выходит из комнаты.)*

Д ж а м а л. Давно эта карточка здесь? *(Смотрит в сторону Мирза-Самендара, но, заметив его отсутствие, прячет карточку в карман и быстро уходит.)*

Через некоторое время входят Наз-ханум и Алмас.

А л м а с. Мама, мне показалось, что кто-то вышел из комнаты.

Наз-ханум. Я не заметила, дочка. А все может быть. Боюсь я, доченька, за тебя. По ночам от страха глаз не смыкаю. В деревне, в какой дом ни придешь, к какому столу ни присядешь, только о тебе и спорят. Одни говорят, что ты женщины портишь, другие говорят—мужчин!

А л м а с. Мама, они еще не понимают, что я для их же пользы работаю.

Наз-ханум. Дочка, сжался надо мной! Ты одна у меня. Не вмешивайся в мирские дела. Ты только учи детей и молись богу, как Мирза-Самендар. Против этого никто ничего не скажет.

А л м а с. Чего ты боишься, мама?

Наз-ханум. Боюсь, подкапываться под тебя будут. Снимут со службы. А то и еще хуже. Говорят, в прошлом году сюда приезжал агроном; не знаю, чем он был плох, только в одну темную ночь бесследно пропал человек, до сих пор даже трупа не нашли.

А л м а с. Ах, мама, ведь это же наша деревня, наши крестьяне, чего нам бояться? Я им объясню, и они поймут, что пора жить и работать по-новому.

Входит Шариф.

Ш а р и ф *(улыбаясь)*. А, Алмас-ханум! Скоро люди на свадьбу будут собираться. К беседе готова?

А л м а с. Я давно готова.

Наз-ханум. Сынок, смотрите, как бы не обидели там мою Алмас.

Ш а р и ф. Вы, мамаша, не беспокойтесь. Я, ведь, тоже там буду и в случае неприятностей всех фактически и документально успокою.

А л м а с. Шариф, а не делаем мы ошибки, идя на свадьбу?

Ш а р и ф. К крестьянам нужен подход. Вас же приглашали. Если не пойдете, могут обидеться. Тогда труднее будет работать.

Во дворе поднимается шум. Бала-Рза, крестьянин среднего возраста, тащит за руку женщину и, громко ругаясь, входит в комнату.

Б а л а - Р з а. Мирза-Самендар! Иди, негодница! Мирза-Самендар!

Ш а р и ф. Что случилось, кербалаи! Бала-Рза?

Б а л а - Р з а *(не отвечая прямо)*. Иди, говорю тебе. Посмотрим, в каком законе это написано!

Мирза-Самендар входит.

Мирза-Самендар. Кто меня спрашивает?

Б а л а - Р з а. Я зову, я! Хочу знать, для чего вас в нашу деревню послали? А?

Мирза-Самендар. Учить детей.

Б а л а - Р з а. Очень хорошо! А в мирские дела вы должны вмешиваться?

Мирза-Самендар. Нет.

Б а л а - Р з а. Хорошо. А в каком это законе написано, чтобы муж не был в артели, а жена была? Не видишь, собачья дочь! Я оторву тебе голову и повешу сушить! Говори, кто тебя записал?!

Гюль-ханум *(показывая на Алмас)*. Вот она записала. Говорила, что ремеслу научит.

Б а л а - Р з а. Кто это сказал,—пусть будет проклят вместе со своим ремеслом, матерью и со всеми родными.

Ш а р и ф. Кербалаи Бала-Рза, успокойся. Я тебе сейчас все фактически и документально разъясню.

Б а л а - Р з а. Нет! Пускай она мне скажет, по какому закону жену без разрешения мужа в артель записала?

А л м а с. Дядя Бала-Рза, я твою жену не на плохое дело сманила. Она учиться будет, зарабатывать будет.

Б а л а - Р з а. Пропави этот заработок!

Наз-ханум. Кербалаи Бала-Рза, ради бога, не сердись на мою дочь!

Мирза-Самендар. А пускай твоя дочь не лезет, куда не просят.

Входит с резким криком Ибдал.

¹ Слово Кербалаи у мусульман приставляется к имени лица, посетившего священные могилы имамов в городе Кербала.

Ибад. Мужчины, зарывайте папаху в песок и носите, как бабы, косынки! Это собачье отродье здесь было?

Алмас. Какое «собачье отродье»?

Ибад. Клянусь Магометом, когда я разгорячусь, так отца родного могу убить!

Алмас. Что вам от меня нужно?

Назханум. Дочка, ради бога, пойдешь в комнату. Видишь, не в себе человек.

Ибад. Жена моего брата была здесь или нет? Убью, как собаку! Мне кровь в голову ударила!

Алмас. Вам лучше ее спросить, где она была.

Ибад. А я вот у вас спрашиваю! Была или нет?

Алмас. Я не знаю.

Шариф. Ибад, дорогой, успокойся. Я все дело фактически расследую и тебе расскажу.

Бала-Рза. Вычеркивай жену из артели! Вычеркивай, говорю!

Алмас. Не имешь права за нее требовать.

Бала-Рза. Не толкай меня на убийство! Зачеркивай!

Назханум. Зачеркнет, милый, зачеркнет. Вот принесу карандаш,—и зачеркнет.

Бала-Рза и Гюльханум уходят.

Ибад. Клянусь Меккой, если узнаю, что она была здесь, на куски разрублю! Или папаху моя будет не папахой, а бабьей косынкой! *(Уходит.)*

Мирза-Самендар. Видели? Зачем вам вмешиваться в чужие дела и портить с крестьянами отношения? Пропали они пропадом! Берите пример с меня. Учите их детей, берите за это сыр, масло и ешьте за упокой душ их родителей. И все. Точка.

Алмас *(внимательно слушает Мирза-Самендара, потом подходит к нему, смотрит на него и говорит)*. Тьфу! Слушать тошно!

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

Сал. Свадьба. Много народу. Музыка, танцы. Пьют вино. Жарит шашлык. Шум. Среди гостей Алмас, окруженный молодежью.

Гаджи-Ахмед. Нужно разобраться хорошенько. Спросим, что это за штука артель? Принудительно или добровольно?

Ибад. Хоть бы слово промолвила! Такая хитрая, слушает всех, а сама и губами не пошевелит.

Гаджи-Ахмед. Не будем торопиться. Рано или поздно раскусим. Узнаем, что за птица. А может быть, уж и не такая страшная. Так или не так?

Бала-Рза. Э-э, Гаджи! Я эту девушку уже достаточно раскусил.

Ибад. А мулла Субхан не придет?

Гаджи-Ахмед. Нет. Может все дело испортить.

Подходит Оджагкули.

Оджагкули. Говорят, дочь Назханум будет сегодня доказывать, что бога не должно быть.

Ибад. У нее ни бога, ни пророка! Она требует загнать женщин в один сарай, а мужчин—в другой. И чтобы ни один мужчина не смел пальцем тронуть свою жену. Все чтобы вместе сеяли и вместе спали. Понимаешь? До сих пор, говорит, женщины подчинялись мужчинам, а теперь мужчины должны женщинам подчиняться. Понимаешь?

Оджагкули. Значит, и в бога не ведет верить?

Балаоглан. Дело не в этом. Тут другое.

Шариф. Успокойтесь, она еще документально ничего не доказала.

Ибад. Вам папаху с головы снять,—и то вы не отнетесь.

Бала-Рза. Доживем до того, что ни одна женщина мужа слушать не будет, ни один сын с отцом считаться не будет.

Подходит Мирза-Самендар.

Гаджи-Ахмед. Пожалуйте, пожалуйте, Мирза-Самендар! Сюда, сюда, ко мне.

Мирза-Самендар. Не беспокойтесь, Гаджи, я и здесь посижу.

Гаджи-Ахмед. Нет, нет, пожалуйста, ко мне. Вот так! Ну, как живете? Вчера сбили свежее масло, говорю детшкам: снесите Мирза-Самендару фунтиков пять, он ведь большой любитель.

Мирза-Самендар. Хорошее было масло. Спасибо, Гаджи! Мне прямо-таки неловко от ваших забот.

Гаджи-Ахмед. Ээ, бросьте! Свет так создан. Заработали другие—я ем, зарабатываю я—другие едят. Рука руку моет, а обе—лицо¹.

Мирза-Самендар. Мы всегда к вашим услугам.
Гаджи-Ахмед. Нет, нет, это я к вашим услугам.
Оджагкули. Хороший разговор и слушать приятно.

Мирза-Самендар. Признаться, вы меня прямо бадуете.

Гаджи-Ахмед. Так и должно быть. Живете вы с общиной в ладу, не вмешиваетесь не в свои дела, суматохи не делаете—за то и народ вас любит.

Мирза-Самендар. Зачем суматоха? Мое дело маленькое, даю в день четыре урока, получаю свое жалованье. Для остального—есть сельсовет, райком. Головы не хватит вмешиваться во все дела. А некоторые выскочки всюду нос суют.

Шариф. Мирза-Самендар, Алмас-ханум только хочет, чтобы наша деревня культурнее стала. А что касается артели...

Гаджи-Ахмед. И вы тоже—«артель»! Ну что ж, если хотите, давайте сделаем артель. Понадобятся учи-

тельнице в артель два быка,—дадим четыре. Надо деньги—бери деньги. Нужны люди—дадим. Только, чтобы шуму не было. Я без шума люблю помогать.

Автиль. Ты и мне займы давал, а потом за шесть пудов пшеницы последнюю корову отнял.

Ибад. Собрала вокруг себя мальчишек и тараторит. Удивляюсь народу: чего терпим?! Наши мужчины папаху только от холода надевают, позабыли, что она честь берет¹.

Алмас, Барат и несколько молодых парней подходят.

Гаджи-Ахмед. А ну, Балаоглан, пора подстрекнуть ее. Пусть запоет, тогда виднее будет, что за птичка. Будем, знать, что дальше делать.

Балаоглан (стучит по столу). Товарищи, слушайте! Вы все знаете нашу новую учительницу Алмас-ханум. Мы очень рады, что она не отказалась прийти на свадьбу. Прошу выпить за ее здоровье.

Все. Алмас-ханум, будь здорова!

Крики, пьют, музыка.

Балаоглан. Мы просим ее поделиться с нами мыслями. Говорят, что она хочет перестроить жизнь нашей темной деревни.

Барат (кричит). Просим, Алмас-ханум. Скажи, скажи!

Молодежь хлопает в ладоши.

Гаджи-Ахмед. Просим, просим! (Аплодирует.)

Аплодируют Шариф, Балаоглан и другие.

Алмас. Товарищи, я знаю, что в деревне кто-то распустил про меня разные нелепые слухи. Я хочу, чтобы мои мысли были ясны для всех. Ясность важнее всего.

Голоса. Правильно, правильно!

Аплодируют.

Алмас. Я училась в городе на народные деньги. И вот приехала к вам, моим братьям и сестрам, чтобы здесь работать учительницей. Я хочу, чтобы наша деревня

¹ Народная поговорка, примерно соответствует русской: «Долг плателем красен».

¹ Папаху (азербайджанский головной убор) считается символом чести.

не оставала от других, где организуются колхозы, где бедняки уже стянули со своей шеи кулаков, где женщины становятся равноправными с мужчинами...

Б а р а т. Bravo, bravo. *(Аплодирует.)*

И б а д. Да погоди ты! *(Ахмеду.)* Не знает, что сварили, а кричит—ложку давай!

Наз-ханум с волнением следит за ходом собрания.

О д ж а г к у л и *(встает, оправляет одежду)*. Хорошо! А вот ответь мне: каждое здание имеет своего творца или не имеет?

А л м а с. Что вы сказали?

Б а л а о г л а н. Дядя Оджагули, потерпите чуточку. Пусть Алмас-ханум договорит, а потом уж вы.

О д ж а г к у л и. Нет! Пусть она раньше ответит: каждое творение имеет своего творца или не имеет?

Ш а р и ф. Дядя Оджагули, успокойтесь.

Г а д ж и-А х м е д. Да не болтайте глупостей! Садитесь! Дайте послушать, что говорит человек.

А л м а с. Товарищи, главная наша забота о бедняках деревни. Мы хотим, чтобы в нашей деревне бедняков не осталось, чтобы все они жили в достатке, стали культурными, передовыми строителями социалистического общества.

Г а д ж и-А х м е д. Молодец, девушка! Умная девушка! Самая правильная программа, что ты говоришь.

Все аплодируют, пьют за здоровье Алмаса.

Не богачей превратить в бедняков, а бедняков—в богачей. Вернее быть не может! Будь здорова, дочка! Ура!

Крики, музыка, пьют, чокаются. Выбегает танцор и танцует национальный танец. Все хлопают в такт музыке. Выбегает второй танцор, потом в круг танцующих входит Гаджи-Ахмед.

Ш а р и ф. Товарищи, тише! Пусть Алмас-ханум закончит свою речь.

Г а д ж и-А х м е д. Просим, просим! Слушайте, что наша дочка будет говорить.

Все рассаживаются.

О д ж а г к у л и *(опять встает)*. Братья, я спрашиваю ее при всех: каждое здание имеет своего творца или не имеет?

Б а р а т. Заткните ему глотку!

А л м а с. Я, товарищи, еще молода. Правда, я окончила университет, но самый большой университет—это жизнь. Я жизнь видела меньше, а вы больше. Старшие должны помогать нам, молодежи, и сообща исправлять наши ошибки. Если же мы будем вставлять друг другу палки в колеса, то наша деревня вперед не пойдет.

Г а д ж и-А х м е д. Молодец, девушка, молодец! *(Встает.)* Раз ты с открытой душой подходишь к нам, можешь распоряжаться нами. Никто слова не скажет. А что—до имущества, пустаки. Все вложим, все отдадим, а ты делом и советом поможешь.

В с е. Правильно! Правильно!

Хлопают. Пьют за здоровье Алмаса.

Б а р а т *(Гюльверды)*. Не нравится мне Гаджи, что-то очень раздобрился он.

Б а л а-Р з а. Ай, Гаджи-Ахмед! Bravo! Хитро линию проводит. Гаджи, bravo!

Б а л а о г л а н. Товарищи, тише! Алмас-ханум еще хочет сказать.

Г а д ж и-А х м е д. Молодец, девушка, молодец! *(Обращается к Наз-ханум.)* Слушай, сестра, иди сюда, ко мне, здесь есть место. Дайте дорогу сестре. *(Обращается к Алмас.)* Ну, говори, дочка, говори.

А л м а с. Мы не допустим больше, чтобы один богатели за счет других, как было раньше. Надо сделать труд коллективным, чтобы инвентарь был общим, в руках коллектива. Вот почему я и предложила организовать артель «Зарницу». Но некоторые мужья не пускают туда своих жен.

А в т и л ь. Верно, дочка! Вчера Кербалаи Бала-Рза ударил оглоблей свою жену. Теперь она целый месяц будет хромать, как старый мул у Оджагули.

О д ж а г к у л и. У кого это мул хромой? У меня? Врешь! Никогда этого не было!

Ш а р и ф. Успокойся, Кербалаи Оджагули.

О д ж а г к у л и. Куда ни пойдешь, все меня за мула дразнят. Они просто клеветают на него. Я тебе покажу, какой мой мул хромой!

А л м а с. Мы должны ударить по рукам, которые держат своих жен взаперти. Женщины надо освободить от

гнета, снять с них чадру, чтобы они могли участвовать наравне со всеми в строительстве новой жизни.

Б а л а - Р з а (Ибаду). Это она на нас намекает.

И б а д (кричит с места). Ты о себе думай, а о наших женах не беспокойся! Сами с ними справимся!

Г а д ж и - А х м е д. Ибад, замолчи! Послушаем, что дальше скажет!

Б а р а т (кричит). Правда глаза колет?

А л м а с. Товарищи, не на плохое дело я зову женщин. К честному труду я их призываю. Не сегодня, так завтра,— они все равно в артели будут.

И б а д. Ты что же, мою жену насильно потащишь?

А л м а с. Она сама придет. Ткацкая артель для женщин—полезное дело, всем видно.

И б а д. Ну, моя не придет, за это я ручаюсь.

А л м а с. А потом мы организуем артель садоводов. Там могут работать и мужчины.

Б а р а т. Все запишем!

А в т и л ь. Вот я уже записался.

А л м а с. Для начала немного понадобится. Если зад Гаджи-Ахмеда передать коллективу, будет достаточно.

Г а д ж и - А х м е д. Как это... Как это ты сказала?.. Все говорила хорошо. И вдруг такое... Как? Я не расслышал.

А л м а с. Я говорю, что сад нужно взять для артели садоводов.

Г а д ж и - А х м е д. Мой сад, что ли?

А л м а с. Не знаю. Называется садом Гаджи-Ахмеда.

Г а д ж и - А х м е д. А кому доходы от сада?

А л м а с. Доходы пойдут в пользу работающих в нем колхозников.

Г а д ж и - А х м е д. А я куда делся, умер, что ли? Сад мой, я за него правительству налоги плачу! Я—инвалид, вот мои бумаги. Нет, сада не отдам, шалишь! Вы слышали?—Мой большой сад присовоит!

Г о л о с а к р е с т ь я н. Постой, Гаджи, может, что тебе во вред, нам на пользу.

Б а р а т. Товарищи, я тоже за это предложение!

А л м а с. Говорить—так уж до конца. Почему у нас до сих пор плохо дело шло? Предсельсовета должен помогать колхозам. А наш Балаоглан, может быть, и хороший человек, только не на месте. При мне несколько женщин обращались к нему за советом—идти или нет в ар-

тель. А он ни «да», ни «нет» не сказал. Надо переизбрать такого председателя. Я бы предложила выбрать председателем женщину: она не даст в обиду свою артель.

Б а л а о г л а н. Как это? Что ты сказала? Председатель не годится? Женщину председателем? Нет, товарищ учительница, не вы меня избирали, не вы и переизберете.

Б а л а - Р з а (обращаясь к Ибаду). Балаоглан попался.

И б а д. По самой макушке ударила. Женщина-председатель!

Г а д ж и - А х м е д. Не годится председатель сельсовета—значит, не годится. Выберем другого. Выберем женщину!

Б а л а о г л а н. Гаджи, что я сделал плохого? Всегда слушал ваши советы.

Г а д ж и - А х м е д. У меня сад хотят отобрать, а ты слова не сказал!

Б а л а о г л а н. Я ей рот заткну! Лишаю вас слова, товарищ учительница!

Ш а р и ф. Верно! Это—непорядок. Документально докажу, что срок выборов не истек. Мы еще поработаем. Ты погорячилась, Алмас, признайся.

А в т и л ь. Ага, и тебя задело, чернильная душа!

Б а р а т. Правда глаза колет. Тише, дайте ей говорить! Слово не за документом, Шариф, а за народом. Как народ скажет, так и будет.

А л м а с. И еще одно предложение. Для наших ткацких машин места нет. В деревне большое помещение—только мечеть. Вынесем постановление, чтобы передать мечеть под ткацкую артель.

Г а д ж и - А х м е д (громко кричит). Закрывать мечеть? Превратить мечеть в балаган?

Г о л о с а к р е с т ь я н. Что с мечетью сделать? Оджагукули. Как это закрыть? Что ты, в мечети конюшню хочешь сделать? Мусульмане, чего вы ждете? В мечеть лошадей хотят пустить?

Г о л о с а:

— Так нельзя.

— А станки куда девать?

— Да ты не понимаешь, не говорила она о лошадях.

— Ты сам ничего не понимаешь!

А л м а с. Крестьяне, слушайте!

Б а л а о г л а н. Сказал—лишаю тебя слова!
И б а д. Нельзя сад отбирать у инвалида, не по закону!

Г а д ж и - А х м е д. Ибад, Ибад! Черт с ним, с садом. О мечети кричи, так лучше.

А л м а с. Товарищи, я прошу дать мне закончить...

И б а д. Жен хотела отнять—молчали, имущество за тронула—молчали. Мечеть задевать не дадим.

Ш а р и ф. Я не женат, я в мечеть не хожу. А вот на счет перевыборов—неправильно. Этак она скажет—и секретаря уволить. Ты погорячилась, Алмас, откажись. Документально откажись, а то все дело провалишь.

А л м а с. Шариф, я их по карману ударила, они и забесились. А ты чего боишься потерять?

Н а з - х а н у м. Дочка, они могут наброситься на тебя. Беги скорей домой.

Б а р а т. В самом деле, не уйти ли тебе, Алмас? Нас мало, их много. Не подготовили мы народа.

Г а д ж и - А х м е д. Оджаккули, почему ты заткнул себе глотку? То никому говорить не давал, то молчишь. Объясни народу!

О д ж а г к у л и *(встает)*. Братья, я спрашиваю у нее *(показывает на Алмас)*, перед всеми спрашиваю: каждое знание имеет своего творца или не имеет? Да или нет?

Г а д ж и - А х м е д. Чего же вы стоите! Ведите своих жен и детей в мой сад! Я его уступаю. Я со старухой милостыню пойду просить. Идите в мечеть, сделайте там духан.

И б а д. Мужчины, зачем вы папаху носите? Разве у вас нет чести? Я за честь и религию на нож пойду! *(Бросается к Алмас.)*

Б а р а т. Не смей! Стой! Держите его!

И б а д. Пусти мою руку, молюсь!

Дерутся.

Б а л а - Р з а. Мечеть задеваешь?.. Бей ее!

А в т и л ь. Одумайтесь, ребята, куда вы лезете? На какое дело? *(Преграждает проход.)*

Б а л а - Р з а. Один за всех ответчу! *(Порывается к Алмас.)* Бейте ее!

Вдруг из толпы выскакивает маленький мальчик, хватает его за руку.

М а л ь ч и к. Не надо бить учительницу!

Б а л а - Р з а. Кто это меня держит? Смотрите: дело до того дошло, что мой собственный сын на меня восстает. Ах, ты, сукин сын! *(Дерет его за уши.)*

Г о л о с а. Конец мира! Дети восстанут против отцов! Оджаккули. Постойте, я у нее спрошу: неужели и святым мошам не верит?

Ш а р и ф. Товарищи, успокойтесь! Так нельзя! Слушай, Гюльверды, открой эту дверь. Алмас-ханум, уйди туда. На минутку, на минутку... Балаоглан, успокой людей. Что это такое? Девушку среди бела дня убить хотят! Всем нам отвечать придется. Нельзя так. Документально говорю, пропадем. А мы с Балаогланом, как власть, первые. Фактически!

И б а д. Шариф, не мешай!

Г а д ж и - А х м е д. Она вносит разлад. Мы требуем, чтобы она сейчас же ушла из нашей деревни. Бала-Рза, скажи людям, пусть кричат. А то в грех введет.

Б а л а - Р з а *(а за ним и другие)*. Пусть из нашей деревни уходит! Пусть уходит! Уходит!

И б а д. Что же вы стоите? Берите ее!

Толпа пытается вернуться в помещение. Шариф и Барат упираются, не пускают.

Н а з - х а н у м *(в ужасе кричит)*. Убьют, дочку, убьют! Шариф *(вскакивает на стол)*. Слушайте, довольно шума! Она уйдет из деревни! Дайте ей уйти!

Г о л о с а. Пускай уходит! Пускай уходит!

Ш а р и ф *(открывает двери, говорит)*. Алмас-ханум, идите! Поидемте...

А л м а с выходит. Спокойно смотрит на собравшихся и под гневными взглядами людей спускается по лестнице.

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Небольшая ткацкая мастерская «Зарница». Несколько станков стоит рядом. Вечерет. Только две женщины работают у станков. Одна из них поет. Входит На з-х а н у м. Очень усталая. Старается не смотреть на дочь.

А л м а с. Что мама?

На з-х а н у м. Ничего.

А л м а с. Была на улице, кого-нибудь видела?

На з-х а н у м. Нет. Никто из женщин по нашей улице больше не ходит.

Молчание.

Наверное, стыдно встречаться со мной. Ходила к Гюль-Джамал.

А л м а с. Ну?

На з-х а н у м. Спрашиваю: «Почему не приходишь работать и учиться?» — Говорит: «Крестьяне, по приказу стариков, решили, чтобы никто свою жену или дочь к Алмас не пускал. А кто не послушает, с тем не кланяться». А к Автилю сговорились не ходить на похороны его умершего родственника. Говорят, все своих жен взяли из артели, а он оставил. Сидишь, дочка, полуголодная, смотреть на тебя не могу! Ходила за мукой—опять ни у кого не нашла.

А л м а с. Надо было взять в кооперативе.

На з-х а н у м. Кооператив второй день закрыт: поехали за товаром в город. У двоих соседей была, не дают...

А л м а с. Что же они, голодом нас хотят уморить?

На з-х а н у м. Говорила тебе я, в общественные дела не вмешивайся! Очерняет тебя, оклеветает... Боюсь, как бы хуже чего не сделали.

А л м а с. Не бойся, мама, у меня друзья есть.

На з-х а н у м. Дочка, кто тебе поможет?

А л м а с. Как кто? А Шариф, Автиль, Барат? Что ни говорят, а Автиль жену все-таки оставляет на работе. Это—не маленькое дело. Подождем—и другие одумают. А там комсомольская ячейка организуется, легче будет. Да у меня и у самой силы хватит, справлюсь...

На з-х а н у м. Ох, дочка, много ты на себя берешь. Не сходишь ли мне лучше к Гаджи-Ахмеду,—скажу: «Давай помиримся».

А л м а с. К Гаджи-Ахмеду? Да ты с ума сошла? С голоду умру—не пойду к нему.

На з-х а н у м. А как же быть, дочка? У него сила в деревне: что захочет, то и сделает.

А л м а с. Подожди, сами придут ко мне: за мной правда.

На з-х а н у м. Мало ли правды на свете! За правду денег не платят. Не попросить ли у Гаджи через Яхши молока?

А л м а с. Не надо, не дадут.

На з-х а н у м. Яхши, как бы для себя возьмет.

А в т и л ь (входит). Здравствуйте, Алмас-ханум!

А л м а с. Заходите, дядя Автиль. Я слышала, что и вас прижимают.

А в т и л ь. Да, собака Гаджи-Ахмед верх берет. Сельсовет за него. Все имущество оно переписал на имя родных, а сам ходит и всем сует под нос свое инвалидное удостоверение. Вот и борись с ним.

А л м а с. Вы, дядя Автиль, все же оказались крепче других. А вот Барата второй день не видно.

А в т и л ь. Барат тогда, в драке с Ибадом на свадьбе, руку себе вывихнул. Лежит дома. В деревне такая суматоха—сам черт не разберет! В сельсовете написали постановление, будто ты—склоиничка, сеешь среди крестьян разлад. Требуют убрать тебя со службы, отозвать из деревни. Многие подписались, только Шариф не согласился. Да еще Барат с Гюльверды. Но ничего не вышло: тех больше.

А л м а с. Дядя Автиль, когда против нас идут Гаджи-Ахмед или мулла Субхан, мне понятно! Но обидно, когда крестьяне слушают их во вред себе.

А в т и л ь. Эх, дочка! У Гаджи—сила. Половина деревни—родня. Другая половина—в долгах. А тут еще ты

о мечети заговорила, и мулла против тебя пошел. Он сказал, что встречаться с тобой грешно. Поторопилась ты. Очень много потребовала.

Алма с. Что же надо было делать?

Автиль. Как что? Прежде чем идти на свадьбу, да со всеми говорить, собрала бы разок—другой молодежь, да вот таких, как я, объяснила бы нам все хорошенько. Тогда бы и перед всеми крестьянами можно было выступить. Мы бы дружнее держались и в обиду тебя не дали.

Алма с. А теперь, значит, я вроде как одна осталась?

Автиль. Если правду сказать—ты и раньше почти одна была. Очень мало с нами встречалась.

Алма с. Значит, одиночка? Интеллигентка, полковдец без армии?

Автиль. Не знаю я, дочка, этих мудреных слов. Верю только, что добра нам хочешь. Но если сил не хватает, чего уж там... Я с просьбой к тебе пришел.

Алма с. Говори, дядя Автиль.

Автиль. Хочу, просить, чтобы жену из артели отпустила.

Алма с. Эх, дядя, и ты сдался?

Автиль. Мулла говорит—твоя жена грешная. А ты с ней, как чашка с ложкой... Второй день никто со мной не здоровается. Я не могу жить в стороне, тяжело.

Алма с. Подождал бы... Все равно на нашей стороне сила будет.

Автиль. Может и так. Только мечетью ты народ отпугнула.

Алма с. Дядя Автиль, надо бороться до конца.

Автиль. Когда жена собирается к тебе, так все прямо и говорят, что она в непристойное место идет. Ну, слово... жена, идем, уже темнеет. Идем... Прощай, Алмас-ханум! Ради бога, прости меня! Мы как-никак все-таки с обществом связаны...

Алма с. Прощайте, дядя Автиль! Я вас не виню. Я только думала, что вы смелее других.

Автиль. Темные мы, Алмас-ханум. Что делать?

Алма с. Дядя Автиль, если мне захочется с вами поговорить, можно будет к вам прийти?

Автиль. Домой? Что ж, приходи...

Выходят. Молчание. Спустя немного Автиль возвращается.

Алмас-ханум!

Алма с. Я слушаю.

Автиль (*задумывается*). Ничего, ничего... Я только еще раз попрощаться. (*Уходит.*)

Алма с. Увел. (*Молчание.*) Все станки остановились. С каким трудом я доставала их! Каждому повороту колеса радовалась, как мать первому шагу дитяти. И мастерской, было, маленькой обзавелась. А теперь все замолкло. Остановилось. Неправда, мама, этих колес остановить нельзя!

Наз-ханум. Говорила тебе—учи детей и сиди спокойно. Живи, как Мирза-Самендар. Полчас назад ему опять яйца и фрукты понесли, а мы сидим голодные.

Алма с. Мама, Мирза-Самендар—продажный человек. Ты хочешь, чтобы я тоже свою правду за кусок хлеба продала? Хочешь, да?

Наз-ханум. Я хочу, чтобы ты делала людям добро. Но ведь никто не понимает. Вот отнимут у тебя службу,—что тогда?

Входит Автиль.

Автиль. Алмас-ханум, прости, пожалуйста, опять я вернулся.

Алма с. Пожалуйста, дядя Автиль... Вы все хотите что-то сказать, да не решаетесь.

Автиль (*понижая голос*). Алмас-ханум, вы с матерью по ночам где спите?

Наз-ханум. Что случилось? Зачем об этом спрашиваешь?

Автиль. Я хочу предупредить, чтобы не спали при открытых дверях... И если ночью кто постучит, так ни за что не открывайте.

Алма с. Дядя Автиль, если вы знаете что-нибудь, так говорите открыто.

Автиль. Особенного пока ничего. Только люди взбесились, теперь трудно их остановить. Всякое может случиться. Да вы не пугайтесь. Я бы посоветовал вам уехать на некоторое время, если можно, в город. А когда все успокоится—опять вернется.

Алма с. Хорошо, дядя Автиль. Спасибо. Мы подумаем.

Автиль. Ну, прощайте теперь.

Алма с. Прощайте, дядя Автиль!

Автиль уходит, Алмас одевается и хочет идти.

Наз-ханум. Куда?

Алмас. Хочу к Барату, посоветоваться. Говорят, он руку вывихнул.

Наз-ханум. На улице уже темно. Нельзя одной. Пстой, и я пойду.

Открывается дверь. Алмас отступает назад—в дверях показывается Гаджи-Ахмед.

Алмас (вздрогнув). Вы?

Гаджи-Ахмед. Не бойся. Мы. (Входит в комнату.) Балаоглан, заходи.

Балаоглан заходит.

Жаль, с нами нет Ибада.

Балаоглан. Да, жаль. Замешкался где-то.

Наз-ханум. Я боюсь...

Алмас. Что вам надо?

Гаджи-Ахмед. Пришли навестить. Можно сесть?

Алмас. Садитесь.

Гаджи-Ахмед. Мы слышали, с продуктами у вас плоховато. (Молчание.) Как дела, Алмас-ханум?

Алмас. Своим порядком.

Гаджи-Ахмед. Слава богу.

Балаоглан. Что хорошо, то хорошо.

Гаджи-Ахмед. На заседание Совета не ходила?

Алмас. Что мне там делать, при таком председателе?

Балаоглан. Решение сельсовета слышала?

Алмас. Нет, не слышала.

Балаоглан. Решение вынесено такое: учительница Алмас, которая вносит в деревню разлад, ссорит сельчан и допускает перегибы,—просить район снять со службы.

Алмас. Хорошее решение.

Гаджи-Ахмед. Что же тут хорошего?

Алмас. Для вас хорошее.

Гаджи-Ахмед. Скажи, дочка, сколько тебе лет?

Алмас. Я за вас замуж не собираюсь.

Гаджи-Ахмед. Больше двадцати не будет. Как ты думаешь, Балаоглан? Так или не так?

Балаоглан. Пожалуй, так и есть.

Гаджи-Ахмед. Хорошо. Допустим, даже два-

дцать. Все-таки молода, неопытна. А сколько, по-твоему, мне лет?

Алмас. Не интересуюсь.

Гаджи-Ахмед. Этой весной исполняется пятьдесят. Так ведь?

Алмас. Не знаю, документов не видела.

Гаджи-Ахмед. Значит, я старше, опытней. Зато ты—ученая, а мы—люди темные. В наше время школ не было... А сейчас у тебя сын мой и дочь учатся... Я своей пустой головой так понимаю, что в наше время неграмотный человек—все равно что скотина.

Балаоглан. Так, так... Лучше сто умных врагов, чем один глупый друг.

Гаджи-Ахмед. Верно, дочка?

Алмас. Не знаю.

Гаджи-Ахмед. Вот я при своей темноте пятьдесят лет в мире прожил. Куда ни пойду, всюду двери для меня открыты. И тебе бы так жить. Знает бог, как я был рад твоему приезду... Пусть, говорю, и из нашей деревни выйдут ученые! Позвал тебя в гости—пускай, говорю, люди смотрят, какой ей почет. И за все это, дочка, ты обидела нас. Сильно обидела—и меня и Балаоглана. Так или не так, Балаоглан?

Балаоглан. Так, так.

Гаджи-Ахмед. Мы думали, что помогать нам будешь, а ты начала, бог весть, с чего! Мечет ей отдай, сад отдай... Я такой человек: когда дело дойдет до вражды, перед пулей глаз не закрою. Последней иголки лишусь, а не сдамся. Теперь смотрю—с кем же враждовать? Молоденькая, одинокая... Клянусь своим сыном, когда в Совете выносили постановление, у меня сердце кровью обливалось. Алмас-ханум, скажи одно только слово: «Да», и завтра же все так поставлю, что молиться на тебя будут. Так или не так, Балаоглан?

Балаоглан. Так, так. Все молиться будут.

Гаджи-Ахмед. Позавчера мой сын говорит: «Отца, я учительнице молоко хочу отнести». Говорю: «Возьми бурую корову и привяжи у них во дворе, пускай Наз-ханум каждый день будет сама донть». Думаю, раз ребенок любит учительницу, значит, учительница хорошая. Так или не так, Балаоглан?

Балаоглан. Верно. Моя дочка тоже вас любит...

Жены ткнут ковер, а она говорит: «Это для моей учительницы». Думаю, раз говорит, значит, любит учительницу.

Гаджи-Ахмед. Мы к тебе всем сердцем, а не как Шариф. В глаза он тебя хвалит, а за глаза Мирзе-Самендару сплетничает. Раз я тебя в гости приглашал, значит, ты мне друг. Клянусь богом, я этому Шарифу завтра же такую трепку задам, что имя свое позабудет! Как он смеет трогать моего друга?

Балаоглан. Я знаю, что у него на душе.

Гаджи-Ахмед. А я не знаю что ли? Он боится, что Гаджи-Ахмед с Балаогланом сговорятся и вдруг Алмас-ханум вместо него в секретари сельсовета проведут.

Балаоглан. Вот, вот!

Гаджи-Ахмед. Так даю тебе честное слово, Балаоглан: на зло Шарифу сделаю то, чего он боится. Завтра же подговорю народ, чтобы Алмас-ханум провели в секретари.

Балаоглан. Зачем народ? Я—председатель. Сам все устрою, и больше ничего. Только пусть Алмас-ханум скажет, что согласна.

Алмас. Хорошо. Что же я за все это должна сделать?

Гаджи-Ахмед. Как, то есть, что должна делать? Гм... (Ухмыляется.) Она думает, что нам что-нибудь от нее надо.

Балаоглан. Боже упаси!

Гаджи-Ахмед. Мы только просим, чтобы ты сад не мучила. Что у меня отнимут сад, мне не жалко. Пусть сто таких садов возьмут. Я сам дарю тебе сад,— тот, что под родником. Через два-три месяца возьми и переходи туда. Хочешь—школу туда перенеси, хочешь—артели там устрой.

Алмас. Этот сад ни для школы, ни для артели не годится.

Гаджи-Ахмед. Для артели не годится,—сама будешь жить. Самой не понравится—подари кому-нибудь. Мне все равно. Твой сад.

Алмас. Ты этот сад себе оставь, а другой, большой, артели отдай.

Гаджи-Ахмед. И большой бы не пожалел. Одно обидно: я над ним в поте лица сам трудился, а потом придут в него люди, которые у меня же батрачили, и будут смеяться надо мной: «Вот как одурачили Гаджи-Ахме-

да». Нет, тот сад я не отдам. До последних сил буду бороться. Уж лучше давай о мечети поговорим. Может быть, придумаем что-нибудь. Мулле Субхану так скажем: «Ты в мечети был муллой, а теперь мечеть сделаем школой. Ну, и будь там учителем, а чалму можешь и не носить... Не умрешь ведь». Он человек сговорчивый, согласится. И ты с ним детей учить будешь.

Алмас. Значит, всех распределили.

Гаджи-Ахмед. Да, да. И секретарем сельсовета тебя сделаем. Шарифа прогоним. Надоел: болтает много, а дела не делает.

Балаоглан. Так, так. Только и знает, что «фактически» да «документально».

Алмас. Так вот что, почтенные. Я вас слушала очень внимательно. И поняла, что я, действительно, еще ребенок.

Гаджи-Ахмед. Молодец, девушка, молодец! Клянусь богом, Балаоглан, люблю слушать, как она говорит.

Назханум. Клянусь богом, давеча я сама хотела к вам идти мириться!

Алмас. Мать!

Гаджи-Ахмед. Напрасно не пришли! Видит бог, лучшего барана для вас зарезал бы. Раз человек меня уважает, так я для него жизни своей не пожалею. Так или не так?

Балаоглан. Истинная правда!

Назханум. Видит бог, она второй день крошки не проглотила. А вечерами ходит взад-вперед по комнате или забьется в угол, к машинам своим, и плачет.

Алмас. Мать! Иди в другую комнату и молчи.

Назханум. Я, дочка, ничего плохого не говорю.

Алмас. А я знаю, что им выгоднее сотне поров ночью, чем одному честному.

Балаоглан. Рука руку моет, а обе—лицо.

Алмас. И еще говорят, что осел осла чешет¹. Слушайте дальше, почтенные. Я теперь вас великомерно понимаю. Но меня так легко купить нельзя. Деревню я плохо знала и думала, что перестроить ее легко. Я не ожидала, что здесь можно встретить вот таких, как вы. Но первый камень, о который я споткнулась, заставил меня очнуться. Да, я пока еще ребенок. Но камень меня мно-

¹ Поговорка, означающая: долг платежом красен.

гому научил. Я впервые увидела перед собой настоящего врага. Его острые когти, озлобленные глаза, оскаленные зубы...

Гаджи-Ахмед. Боже мой! Где же у нас могут быть враги?

Алмас. Они здесь! Вы.

Наз-ханум. Дочка!

Гаджи-Ахмед и Балаоглан (одновременно). Мы?!

Алмас. Да, вы!

Гаджи-Ахмед. Спасибо! Идем, Балаоглан! Пусть все останется, как есть. Пусть так ничего и не вырастет на камне. Это я сказала, Гаджи-Ахмед! Идем, Балаоглан!

Алмас. Постойте! Я еще не все сказала. Я молода и неопытна. Пусть такой и останусь. Лучше иметь полный карман, чем полную голову. Вы мне обещали многое. Так давайте наличными. Я так хочу.

Гаджи-Ахмед. Значит, на камне кое-что вырастет?

Алмас. Да. Вырастет, вырастет!

Гаджи-Ахмед. Очень хорошо. Жди, мы сейчас вернемся.

Гаджи-Ахмед и Балаоглан уходят.

Наз-ханум. Дочка, ты правильно сделала. Тебе ничего не оставалось кроме, как согласиться.

Алмас (пишет записку и передает матери). На, передай Барату, только скорей, слышишь. И слова никому не говори. Чтобы Барат сейчас же шел сюда... Скорей!

Наз-ханум. Слышу. Ладно. (Уходит.)

Входит Шариф. Он принес с собой кувшин, два хлеба и еще узелок с чем-то. Кладет на стол и по-дружески заговаривает с Алмас.

Шариф. Здравствуйте, Алмас-ханум, жемчуг мой, рубин мой!

Алмас. Здравствуйте, Шариф! Где вы пропадали так долго? А мне так нужна была помощь. (Показывает на принесенное Шарифом.) Вы что, провизии мне запасаете? Думаете, долго воевать?

Шариф. Я сам как на войне. Такая в Совете курьеры, хоть беги. Все сразу, как лягушки квакают. Тут и Гаджи-Ахмед, и мулла Субхан, и Балаоглан, и наши — жаль, что мало их. И все, каждый свое, орут о вас.

Алмас. Это что, на заседании Совета?

Шариф. Всего много — и собраний, и заседаний. Было тайное собрание в мечети, было у Гаджи-Ахмеда, у Ибада. А потом открытое заседание сельсовета.

Алмас. Слышала, Шариф. Нужно обо всем этом безобразии в газету написать.

Шариф. Конечно. Все честь-честью, фактически и документально напишем.

Молчание. В это время тихо открывается дверь, оба внимательно смотрят на нее. Показывается маленький ребенок, за плечами у него мешок — больше, чем сам он. Вошло еще несколько детей, — со свистками дуга, с банками масла, с сыром. Один маленький спотыкается, падает — в картонка рассыпается на полу. Алмас, смеясь, поднимает его.

Алмас. Что это такое? А? Сурьма, где вы все это достали?

Сурьма. Из дому несем.

Алмас. А кто вам дал?

Сурьма. Самн взяли.

Алмас. А кто велел брать?

Сурьма. Мы слышали, что вам хлеба не дают. Вот мы собрались, и когда все спали, набрали всего и принесли.

Алмас. Значит, украли?

Сурьма. Нет, не украли.

Алмас. Она не украла. Просто взяла тайком и принесла. Правда ведь?

Сурьма. Правда. Подставила табурет, встала на него и достала с полки кувшин.

Алмас. А мать не видела?

Сурьма (качает головой). Я же говорила — все спали.

Алмас (другим детям). И вы тайком принесли?

Дети. И мы.

Алмас. Ребята, нельзя так делать. Сейчас же нести обратно.

Сурьма. Я устала. Я не могу обратно нести.

Шариф. Ничего. Пусть остается. В этом году хороший урожай, в деревне всего много.

Алмас. Нет, Сурьма, золотая моя, отнеси назад.

Дети. Мы же устали!

Плачут.

Алмас. Ребята, голубчики, слушайте. Тайком от родителей ничего делать нельзя. Становитесь в ряды!

Все становятся.

Пусть каждый возьмет свою вещь в руки.

Все берут.

Алмас. Украдкой от матери на полки лазить нельзя. Повторите хором. Ну, раз, два!

Дети (*хором повторяют*). Украдкой от матери на полки лазить нельзя.

Алмас. На-ле-во!

Все поворачиваются налево.

Шагом марш!

Все уходят.

Вот они какие! Пройдет время, они вырастут, тогда вся деревня по-другому заживет. Сколько будет веселья, счастья! Кто сказал, что мне грустно? Где мой тар?

Она берет тар. Керосин в лампе кончился. Свет постепенно гаснет. Комната освещается только лунным светом. Алмас играет бодрую восточную мелодию.

Шариф. Алмас-ханум, я люблю вас!

Алмас. Шариф, я вас тоже люблю, вы—неплохой товарищ. Если бы только вы были более устойчивы.

Шариф. А я вас не только, как товарища, люблю. Вы—замечательная девушка. Я вас больше всех звезд, больше луны и больше солнца люблю! Фактически и документально!

Алмас. Шариф, милый, я не могу по-вашему любить... У меня есть жених.

Шариф. Что жених!.. Ты должна быть моей. Я люблю твои прекрасные глаза, твои золотистые волосы!.. (*Подходит к окну и вдруг целует ее в плечо.*)

Алмас (*отступая*). Шариф!..

Шариф. Алмас, душа моя! Ты!.. Ты... Все красивые слова из всех книг выучил для тебя, а сейчас все забыл, черт побери!

Алмас. Шариф, постыдитесь же!

Шариф. Я из-за тебя могу со всей деревней пересориться!

Алмас. Шариф! (*Шариф обнимает Алмас. Она вырывается, становится к нему лицом, смотрит на него внимательно и вдруг изо всей силы ударяет его по щеке. Но Шариф, стиснув зубы, бросается на нее и обнимает. Алмас старается вырваться из его рук.*)

Оставь, тебе говорю!

Шариф. Подожди, я... фактически докажу свою любовь!

Алмас. Оставь, подлец! (*С силой отталкивает Шарифа.*)

Шариф падает. Входит Гаджи-Ахмед, Балаоглан, Барат и Назханум. Шариф отряхивается. Алмас стоит, сильно взволнованная. Вошедшие недоумсимо и многозначительно переглядываются.

Гаджи-Ахмед (*обращаясь к Балаоглану*). А? Так или не так?

Балаоглан. А? Так, так...

Шариф уходит, громко хлопнув дверью.

Назханум. Что случилось?

Алмас. Ничего. (*Возбужденно, Гаджи-Ахмеду*) Принесли?

Гаджи-Ахмед. Принесли.

Алмас (*резко*). Давайте.

Гаджи-Ахмед кивает на Барата, при нем мол нельзя.

Алмас. Ничего, ничего. Это—свой человек.

Гаджи-Ахмед. Здесь две тысячи. Часть внес мulla Субхан. Деньги мечети. Хватит. Балаоглан, а ты сколько принес?

Балаоглан. Пусть Алмас сама пересчитает.

Гаджи-Ахмед (*указывая на мешочек*). А тут немного мелочи, на первые расходы.

Алмас. Барат, будь свидетелем. Почетные старцы нашей деревни вместе с председателем Совета принесли мне взятку, две с лишним тысячи рублей. Хватит или нет? Как ты думаешь?

Молчание.

Барат (*растерянно*). Не знаю...

Алмас. Советуй.

Б а р а т. Алмас-ханум, тебе самой лучше видно. Дейлай, как сама думаешь.

А л м а с. Как сама думаю? Я думаю—лучше вот так! Так! Так!.. *(Гневным движением бросает деньги в лицо Гаджи-Ахмеду.)* Вот так! Теперь можете идти. На лестнице сломана ступенька, не упадите.

Г а д ж и-А х м е д *(злбно)*. Не прощаемся. Увидимся еще.

Уходят.

А л м а с. Барат, выбрось им этот мешок.

Б а р а т. Пойдите, пойдите! Еще не все... *(Хватает мешок с мелочью, выбрасывает в окно. Слышно, как деньги падают со звоном.)* Молодец, Алмас! А я уже было испугался за тебя.

А л м а с *(после некоторого молчания, с очень усталым и расстроенным видом)*. Барат, и ты уходи. Я очень устала.

Б а р а т. Алмас-ханум...

А л м а с. Уйди, Барат. Увидимся потом, потом...

Б а р а т. Ну, прощай! *(Выходит.)*

А л м а с подходит к окну. Прислонившись к раме, некоторое время стоит, освещенная лунным светом. Потом очень устало садится и берет кусок хлеба с подокошника. Наз-ханум неловко смотрит на нее.

Н а з-х а н у м. Очень хорошо. Деньги выбросила, а сама ест сухой хлеб. Дурак тот, кто тебя умной считает.

А л м а с *(с горькой усмешкой, глядя на мать)*. Эх, мама, мама! И ты против меня!

з л а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Алмас перед училищем, окруженная детьми.

С у р ь м а. Тетя Алмас, почему вы теперь совсем не смеетесь?

А л м а с. Нет, моя милая, я по-прежнему смеюсь.

С у р ь м а. А почему мы с песнями по селу не ходим?

А л м а с. Недруги наши не разрешают, ругаются.

С у р ь м а. А за что вас тогда побить хотели?

А л м а с. Они собирались всех ребят превратить в своих батраков, а я не давала. Я хочу, чтобы вы трактористами, шоферами, летчиками были, а им это невыгодно.

С у р ь м а. А можно нам хоть разок с песнями пройти по деревне?

А л м а с. Хорошо, идите. Только скорей возвращайтесь.

С у р ь м а. А что петь? Какую песню?

А л м а с. Какую хотите. Ну, стройся в ряды. Вперед, ма-арш.

Дети становятся в ряды и начинают песню. Распевая, уходят. Алмас входит в ворота училища. В это время Шариф выбегает на площадь, открывает калитку во двор Балаоглана.

Ш а р и ф *(кричит)*. Балаоглан! Балаоглан! *(Отходит от калитки.)* Куда он, дьявол, пропал? *(Второпях хочет уходить, но сталкивается с Гаджи-Ахмедом.)*

Г а д ж и-А х м е д. Шариф?

Ш а р и ф. Здравствуйте, Гаджи!

Г а д ж и-А х м е д. Какие новости?

Ш а р и ф. Вот это видел? *(Показывает газету.)*

Г а д ж и-А х м е д. Откуда я мог видеть? А что там?

Ш а р и ф. Пропала! С треском провалилась! И все честь-честью, фактически и документально...

Г а д ж и-А х м е д. Да что ты говоришь? Завтра же режу для тебя серого барана, ей-богу! А ну-ка...

Ш а р и ф. Вот слушайте. Статья называется «Зарвавшаяся учительница». А дальше кроют: «Заведующий училищем Мирза-Самеидар—человек старательный, добросовестный и пользуется любовью всей деревни. Но учительница Алмас не хочет подчиниться его указаниям и творит недопустимые безобразия. Устраивает у себя на квартире кутежи, развращает деревенскую молодежь...».

Г а д ж и-А х м е д. Вот молодежь—кто писал? Барата бы здесь надо было еще прицепить.

Ш а р и ф. Слушай дальше: «Мало того, что она сама развращена, она также развращает и детей. Приводит их на свои кутежи и заставляет голыми плясать перед своими друзьями...».

Г а д ж и-А х м е д. Здорово написано!

Ш а р и ф. Хорошая статья. «Кроме того, принуждает учеников красть тихонько от родителей из дома масло, сыр и другие продукты для своих кутежей...»

Г а д ж и-А х м е д. Ай, как это все правильно! Теперь она пропала. Завтра режу серого барана.

Входит Балаоглан и Оджакгули.

Б а л а о г л а н. А мы вас ищем!

О д ж а г к у л и. Чудо, братья, грозное чудо!

Ш а р и ф. Слышали мы про это чудо, пойдй другим рассказки.

О д ж а г к у л и *(не слушая его, торопливо начинает)*. Мулле Субхану приснился сон. Старец святой в белом платье и на белом коне... *(Запинаясь, словно забыв прок.)* Явился ему во сне и говорит: «Что ты, мулла Субхан, спишь? Господь бог в эту деревню холеру пошлет».— «За какие грехи?».— «спрашивает мулла Субхан.— А старец ему в ответ: «Потому что...».

Г а д ж и-А х м е д. Говорят тебе, слышали, еще прежде, чем мулле сон приснился. Иди, бабам рассказывай.

О д ж а г к у л и. Фу, ты! Ни младшему внушения, ни старшему почета. Вот бог-то нас и наказывает за это... *(Уходит.)*

Ш а р и ф *(Балаоглану)*. Читал про нашу красавицу? Балаоглан. Как же! Получил газеты и сейчас же прочел.

Ш а р и ф. Ну, что, нравится тебе мое перо?

Б а л а о г л а н. Еще бы! Хорошее перо.

Ш а р и ф. Она думала, что крестьяне ничего не поймут. Как барашков—куда захочу, туда и поведу. Шалить. В нашей деревне и могучие львы, пруде меня, живут!

Б а л а о г л а н. Только вот конец статьи мне не нравится.

Г а д ж и-А х м е д *(тревожно)*. А что там?

Б а л а о г л а н. О комиссии какой-то пишу.

Г а д ж и-А х м е д. Что еще за комиссия? Ну-ка, прочти.

Ш а р и ф. «Критикующих она пытается оклеветать разными небылками. В общем, учительница создает склоку в деревне. Все крестьяне требуют немедленно отозвать и наказать такую склочницу...» Ну, и так далее...

Г а д ж и-А х м е д. Где же тут о комиссии? Ничего плохого не слышу.

Б а л а о г л а н. Дальше, дальше, в самом конце.

Ш а р и ф. Да это пустяки, так... приписка. От редакции. Дескать, для расследования всего дела создана комиссия.

Г а д ж и-А х м е д. А? Комиссия придет? Это не особенно хорошо.

Ш а р и ф. Не беспокойтесь. Я все документально докажу. Разве вы не видели, как дети таскали продукты?

Б а л а о г л а н. Видели. Мы их на дороге встретили.

Ш а р и ф. А разве дети каждый день голые не танцуют? А Барат и другие не смотрят? Сколько раз я сам ходил и смотрел! Сама она меня приглашала: «Иди, посмотрю моих детей...». Я—селькор, пишу только фактически.

Г а д ж и-А х м е д. И когда эта комиссия придет?

Ш а р и ф. Кто знает. Может быть, завтра, послезавтра.

Г а д ж и-А х м е д. Слушайте! С этим делом шутить нельзя. Я сейчас же пойду к мулле Субхану, а вы, с народом поговорите. Нужно иметь доказательство. Хорошо бы прямо арестовать ее. К арестованной отношение будет другое. Так или не так?

Балаоглан. Хотите, сейчас же арестую и посажу в конюшню?

Гаджи-Ахмед. Нет, нет. Нужно, чтобы это было сделано комиссией. Идемте к Ибаду, пусть он тоже предупредит своих людей.

Шариф. Ибад предлагал: «Хотите, в одну ночь с ней кончу,—ни слуху, ни духу не останется».

Гаджи-Ахмед. Так нельзя! Осторожней надо.

Шариф (смотрит в открытые ворота училища). Вот и красавица наша идет.

Гаджи-Ахмед. Ну, нам тут делать нечего.

Уходят. Входят Демирдаш и Алмас.

Демирдаш. Это хорошо, что вы не намерены успокоиться.

Алмас. И не думала. Я теперь здесь вроде как арестованная. Вчера меня предупредили, что без разрешения предельсовета я оставлю деревню не могу. А Фуаду написали анонимное письмо, что со мной в комнате живет какой-то мужчина. Они, должно быть, вас видели.

Демирдаш. Фуад, вероятно, рассердится?

Алмас. Не знаю. Если он поверит сплетне, я разочаруюсь в нем. В самую трудную минуту я вспоминаю его и становлюсь бодрее. И вашу поддержку я очень ценю.

Демирдаш. Надо было раньше слушать меня. Помните, я вас предупреждал, что очень за многое беретесь.

Алмас. Не корите, Демирдаш. Мне очень тяжело.

Демирдаш. Я не корю, а только напоминаю,— пусть это будет для вас уроком.

Алмас. Ничего. Крепче буду от этого урока.

Демирдаш. Вот это—настоящие слова. Ну, я пойду навестить больного. Готовьте детей для осмотра.

Алмас. Хорошо. Да вон они уже возвращаются с прогулки.

Демирдаш уходит. Алмас прислушивается к песне детей, задумывается, затем радостно улыбается.

Голос Мирза-Самендара. Не орите, вам говорят! Расходитесь, собачьи дети!

Алмас вздрагивает. Голоса детей замолкают. Дети разбегаются по сцене. Входит Мирза-Самендар.

Мирза-Самендар (громко кричит). Да буду я жертвой закона Магомета! Кто в этом проклятом училище заведующий? Ты или я?

Алмас молчит.

Ах, знал Магомет своих людей! Знал, что женщина— дьявол.

Алмас. Что случилось, Мирза-Самендар?

Мирза-Самендар. Когда я освобожусь от тебя? Долго ли мне терпеть? Сейчас же пойду писать доклад Наркомпросу. Или я останусь, или ты.

Алмас. Мирза-Самендар! Я не претендую на заведование школой, можете быть спокойны.

Мирза-Самендар. Ты еще не заведующая, но уже всю деревню взбудоражила. А что будет, когда станешь заведующей? Да обрушится на мою голову закон Магомета! Зачем ты собрала детей?

Алмас. Доктору показывать буду.

Мирза-Самендар. Прекрасно. Я—заведующий или ты?

Алмас. Вы!

Мирза-Самендар. Я не разрешаю доктору осматривать моих детей! Какое ты имеешь право без меня распоряжаться?

Алмас. Гражданин заведующий, вы были в гостях: я не могла взять у вас разрешение. А доктор здесь проездом, остановился не надолго. Надо пользоваться случаем. Хотите вы или нет, а я намерена показать детей врачу.

Мирза-Самендар. Что? Я—ишак или заведующий?

Алмас. Заведующий.

Мирза-Самендар. Так я запрещаю показывать детей!

Алмас. А я в этом случае вашему приказу не подчинюсь. Жалуйтесь—кому угодно.

Мирза-Самендар. Магомет знал, что женщина—дьявол! Училище препратили в ярмарку! Сейчас же пойду обо всем напишу в Наркомпрос. Или я здесь останусь, или ты!

Алмас. Я-то останусь, гражданин заведующий, а останетесь ли вы, не знаю.

Мирза-Самендар. Посмотрим! Кого крестьяне захотят, тот и останется. С этого месяца я выписывать

тебе жалованье перестая. Пусть буду я жертвой закона Магомета! (*Уходит.*)

А л м а с задумывается. Дети по одному выходят из углов.

А л м а с. Дети, куда вы спрятались? Быстро раздвайтесь: сейчас доктор придет.

В это время какая-то женщина, закутанная в чадру, тихо трогает ее за платье. А л м а с быстро оборачивается.

Кто это?

Я х ш и. Алмас-ханум, я к тебе.

А л м а с. Яхши, это ты? Каким образом?

Я х ш и. Только два слова хочу сказать.

А л м а с. И ты не побоялась прийти ко мне?

Я х ш и. Боялась. Другого выхода нет. Скоро может вернуться муж. Как я ему покажусь?

А л м а с. Что случилось?

Я х ш и. Алмас-ханум, у меня большое горе. Ты—хороший человек. Всем женщинам помогаешь. Я только к тебе могу обратиться. Больше у меня никого нет. Помогите мне!

А л м а с. Если сумею, Яхши, я обязательно помогу.

Я х ш и. Клянись всем, чему веришь!

А л м а с. Яхши, мое слово—клятва!

Я х ш и. Алмас-ханум, одна надежда на тебя. На небесах—бог, а на земле—ты. Помогите моему ребенку!

Показывает ребенка, которого держит под чадрой.

А л м а с (*вздрагивает, отшатывается назад*). Чей это ребенок. Яхши?

Я х ш и. Со мной это случилось, когда Ибад уехал в город. Вернется—обоим нас убьют... Один бог знает, что я хотела его своими руками уничтожить, в колодезь хотела бросить... но не могу. Руки не поднимаются. Алмас-ханум, умоляю тебя, богом заклинаю—помогите мне!

А л м а с. Чем я могу помочь, Яхши, чем?

Я х ш и. Не знаю... Только я не могу ребенка убить. Смотрю в лицо—губки свои сосет, просит молока... Руки опускаются!

А л м а с. Яхши, я прямо не знаю, как быть. Голова кругом идет.

Я х ш и. Дай какой-нибудь совет, спаси от смерти! Девять месяцев я мучилась. Не показывалась никому.

Пряталась от людей. Сколько лет умоляла бога, просила ребенка, а теперь собственными руками должна убить его!

А л м а с. Яхши...

Я х ш и. Алмас-ханум, вот я вместе с ребенком тебе кланяюсь. Спаси нас!

Быстрыми шагами входит Ибад. Он гневно смотрит на обеих женщин. Они в один голос вскрикивают: «Ах!» Потом стоят бледные, неподвижные. Ибад медленно подходит к ним, останавливается, внимательно смотрит в лицо то одной, то другой.

И б а д (*холодным голосом*). Ты что тут делаешь? А?

Обе женщины молчат.

Ты слышишь? Что ты тут делаешь?

Молчанье.

Чей это ребенок?

Опять молчанье.

Не слышите, что я говорю? Чей это ребенок?

Я х ш и (*со стоном*). Ребенок... ребенок...

Женщины смотрят друг на друга.

И б а д (*дрожа от гнева*). Чей, спрашиваю, ребенок?

Наконец, А л м а с поднимает голову и спокойным голосом отвечает.

А л м а с. Ребенок мой.

И б а д. А почему твой ребенок у нее на руках?

А л м а с. Я прошу ее ухаживать за ним.

И б а д. (*почти вырывает ребенка из рук Яхши и сует его Алмас*). На! Сама нагуляла, сама и ухаживай! Она тебе—не нянька!.. Вставай ты, собачья дочь!

Ударяет Яхши ногой. Я х ш и падает вниз лицом.

И б а д. Разлегалась! Со дня на день муж приедет, а ты тут с чужими вырожденками вознишься! Марш домой! Я с тобой там поговорю! (*Алмас*). И с тобой скоро рассчитаемся! Недолго терпеть осталось. Эх, время! Мужиками бабы управлять стали!

Уходят. А л м а с с ребенком на руках стоит неподвижно, как бы оцепенев. Темнота.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Перед училищем. Старухи, дети, старики, собравшись в кучу, смотрят в щели забора и двери училища, многозначительно переглядываются, подмигивают друг другу.

Ф а т ь м а н и с а (вынимая трубку изо рта). У-у, ты чертова сила! Поглядите на дочь Атамоглана, как она ломается!

Торопливо входит О д ж а г к у л и.

О д ж а г к у л и. Братья, братья! Слышали сон муллы Субхана?

Ф а т ь м а н и с а. Какой сон?

О д ж а г к у л и. Чудо! Грозное чудо! Святой отец муллы Субхан уснул, и во сне явился ему святой старец на белом коне, в белой одежде и сказал: «Бог пошлет в вашу деревню холеру, весь народ вымрет. Вы хотите препятить дом божий в дом разврата!» Мулла Субхан смиренно ответил ему: «Это не мы, это женщина одна хочет». — «А какие же вы, — говорит, — люди и мужчины, когда с одной богохульной женщиной справиться не можете?»

Ф а т ь м а н и с а. Так оно и есть. Никто пальцем не смеет ее тронуть. А сама, смотри, как ломается!

О д ж а г к у л и. Кербалан Фатьманиса, кто там ломается?

Ф а т ь м а н и с а. Что ты, слепой, что ли? «Кто ломается?» Хромую ногу твоего мула доламывают.

О д ж а г к у л и. У, старая карга! Опять мул! Ты его своим колдовством сглазила, чертова перечница!

Ф а т ь м а н и с а. Ишак! С прошлого года восемьдесят копеек за наговор задолжал и не платишь. А когда спрашиваю — говоришь: «не помню». (Дети в школе начинают петь.) Опять начали орать. Глядите, добрые люди, как дочь Балаоглана ломается! Совершенно голая!

О д ж а г к у л и. Совершенно без платья?

Ф а т ь м а н и с а. Голая, как сейчас родилась.

О д ж а г к у л и. Дайте-ка я посмотрю.

В это время всбегает Ш а р и ф.

Ш а р и ф. Что за собрание? Что случилось, кербалан Фатьманиса?

Ф а т ь м а н и с а. Смотри, какой там кутеж. Учительница голых детей заставила плясать.

Ш а р и ф. Опять пляшут? А ну-ка, подписывайтесь здесь! (Вынимает бумагу и чернила.) Нельзя этого больше терпеть. Нужно иметь стыд. Тетя Фатьманиса, подписывайся.

Ф а т ь м а н и с а. А как же подписываться? Я ведь неграмотная.

Ш а р и ф. Палец обмакни и сюда приложи. «Показывает на чернильницу и на бумагу»). Так. (Другим.) И ты подписывайся. И ты... Чтобы документально получилось. Подтверждайте, что мной в газете было написано.

Входит Барат и Гюльверды.

Б а р а т. Шариф, зачем ты клеветешь на учительницу?

Ш а р и ф. Не кричи! Никакой клеветы, все фактически.

Г ю л ь в е р д ы. Так это ты в газету написал? И не совестно врать?

Б а р а т. Мы тебя к суду притянем!

Ш а р и ф. Не притянете! Вот — доказательство: весь народ! Все видели как дети голыми танцевали. Все видели и подписали. (Показывает бумагу.)

Г ю л ь в е р д ы. Завтра придет комиссия. Ты за клевету отвечать будешь.

Ш а р и ф. Комиссия? Пусть едет. Я сам хочу, чтобы она скорее приехала и посмотрела на наших комсомольцев. Ты, Барат, каждую ночь до утра с учительницей кутишь.

Б а р а т. Я? С учительницей?

Ш а р и ф. Да, да, ты! И ребенка прижил.

Б а р а т. Какого ребенка? С кем?

Ш а р и ф. С Алмас-ханум. Твой ребенок и ее. Разве без отца ребенок может родиться? Сельчане, разве, может без отца быть ребенок? Ведь не от святого же он духа?

Б а р а т. У меня и Алмас родился ребенок? Да что ты, совести, что ли, совсем лишился?

Ш а р и ф. Жениха Алмас, слава богу, здесь не было.

Тогда от кого же ребенок? Ты знаешь? Ну, говори! Ага молчишь?

Фатьманиса. А что ему говорить-то! Он молчком сделал свое дело и в сторону.

Входит Бала-Рза, Автиль, Ибад.

Бала-Рза. Что за шум?

Фатьманиса. А вон, посмотри, что там делается! Раздели наших детей догола и заставили танцевать.

Бала-Рза. Как, мою дочь раздели?

Шариф. Не только твою. Всех раздели.

Бала-Рза. Я сейчас ей покажу, проклятой! *(Входит в школу.)*

Фатьманиса. А чего же вы стоите? Берите своих детей! Спасайте от позора!

Голоса из толпы:

{	— Идем!..
	— И мы!..
	— Куда?
	— И мы своих детей возьмем!
	— Возьмем!

Шум.

Бала-Рза *(выводит дочь в спортивном костюмчике, обращается к толпе)*. Женщины, дайте-ка сюда чадру!

Фатьманиса *(вырывает у кого-то платок, бросает ему)*. На! Всех совратила, проклятая!

Автиль. Слушай, куда ты ребенка тащишь?

Бала-Рза. А тебе какое дело?

Автиль. Как мне какое дело? Она же—будущая невеста моего сына. Обручали, ведь.

Бала-Рза. Значит, ты согласишься, чтобы твоя невестка была опозорена?

Автиль. Я хочу, чтобы она училась.

Бала-Рза. Пока она—в моем доме. Вот вырастет, придет к тебе, тогда муж будет распорядиться.

Автиль. Ты мою невестку неграмотной оставить хочешь?

Шариф. Его дочь. Хочет—учит, хочет—дома запрет.

Автиль. Невестка моя или не моя?

Бала-Рза. Коли на то пошло, я ее за твоего сына совсем не отдам! Завтра же бери свой выкуп обратно.

Лучше собаке отдам, чем твоему сыну!

Автиль. Говорю тебе, пусть идет учиться!

Бала-Рза. Отстань! Клянусь богом, драться буду!

Ссорятся и уходят. Из школы выходит Барат со стариком Аллаверды.

Барат. Одумайся, оставь ребенка в школе.
Аллаверды. Не распоряджайся. Я ее породил или ты?

Барат. Она сестра мне или нет?
Аллаверды. А ты сын мне или нет, чтобы не слушаться?

Барат. Я не позволю, чтобы моя сестра оставалась неученой.

Аллаверды. Не отстанешь, спрашиваю?

Барат. Нет.

Аллаверды. Нет? Ну, так на тебе! *(Бьет Барата по щеке.)* Уйди, говорю!

Барат. Уймись, старик! Ты же—отец мне. Оставь, прошу, ребенка. Это все враги наши вас настраивают... Что вы, товарищи, делаете? Женскую артель развалили, теперь до училища добрались?

Шариф. Это твоя негодная полюбовница развалила училище!

Барат. Нет, это—твоя работа, двурушник!

Шариф. Моя?! Слава богу, весь народ видит.

Ибад. Пускай все скажут. Если учительница без мужа родила, то разве можно ей доверять детей?

Крики в толпе. Не нужна нам такая учительница!

Барат. Вы клеветеете на нее! Не было там никаких плясок. Просто—дети занимаются физкультурой. Я завтра в комиссии потребую от вас доказательств!

Шариф *(потрясая бумагой)*. Вот они, доказательства!

Фатьманиса. Да чего там языком зря вертеть! И я докажу. Кто всех детей в селении принимает? Я или не я? И у Алмас ребенка приняла я. Ночью Наз-ханум пришла ко мне и вызвала к своей дочери. Я пошла и приняла у нее ребенка. Греха не спрячешь. Тут дело ясное.

Алмас выходит к толпе.

Алмас. Крестьяне! Товарищи! Не верьте! Я вам всю правду расскажу...

Ф а т ь м а н и с а. Не надо! Лучше тебя знаем. Сама своими глазами видела!

Ш а р и ф. В газете все написано!

А л м а с. Товарищи, советское правительство...

Г а д ж и - А х м е д. Ты советское правительство поносишь? Не смей наше правительство трогать!

А л м а с. Товарищи, дайте же мне сказать!

Ш а р и ф. Не хотим! Не допустим, чтобы ты при нас говорила против советской власти! Товарищи, мы все слышали!

Б а л а о г л а н. Граждане! Расходитесь! Не шумите! Из города приехала комиссия и прокурор.

Ш а р и ф. Очень хорошо! Вовремя. Пускай придут и посмотрят, какую учительницу нам прислали. Разрушила прекрасное училище! Пускай придут и собственными глазами убедятся. Вот она, гулящая! Вот она, контра!

Алмас, обессиленная, стоит, прислонившись к стене. Все быстро расходятся.

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Комната Алмаса. Поздний вечер. В комнате горит лампа. Время от времени слышны раскаты грома. В окно виден дождь, сверканье молнии. Алмас за столом пишет. Заплакал ребенок. Алмас встает, подходит к нему.

А л м а с. Нельзя плакать, нельзя! Голодная? Ах ты, моя бедняжка! Ну, потерпи. Сейчас молочка тебе вскипячу. *(Раздается стук. Алмас закрывает ребенка.)* Кто там?

Г о л о с Б а р а т а. Алмас-ханум, это я, Барат.

Алмас уходит и возвращается с Баратом.

А л м а с. Что слышно, Барат?

Б а р а т. Комиссия приняла требование крестьян.

А л м а с. Какое? Снять меня со службы, отдать под суд?

Б а р а т. Нет, требование открытого разбора дела. С завтрашнего дня заседания будут открытыми.

А л м а с. Тебя допрашивали?

Б а р а т. И меня, и Гюльверды, и Автиля. У меня спрашивали о таких вещах, что я порою не знал, как и ответить.

А л м а с. Испугался?

Б а р а т. Испугаться-то не испугался... а страшновато было. Ты похудела, Алмас, побледнела.

А л м а с. Плохо сплю, Барат. По ночам думаю и не нахожу выхода.

Б а р а т. Держись крепче, Алмас, мы стоим за тебя. Будь ближе к людям, не замыкайся, как прежде.

А л м а с. Это мне теперь ясно. Тут другое... Вот ска-

жи мне, Барат, если бы жизнь двух людей зависела от одного твоего слова, что бы ты сделал?

Б а р а т. Что бы сделал?

А л м а с. Невинных, несчастных людей...

Б а р а т. Ну, конечно, я бы сделал так, чтобы они жили.

А л м а с. Но их жизнь будет смертью для меня, для моего дела. Их жизнь очернит всю мою работу... Пони-маешь?

Б а р а т. Что-то не особенно понял, Алмас.

А л м а с. Я между двух огней, Барат. Или погибнут двое невинных, или в глазах всей деревни я навсегда должна запятнать себя, свое имя, свое дело. Вот какие дела. Я как-то с мыслями собраться не могу. Дай мне совет, Барат.

Б а р а т. Прежде всего мы должны раскрыть все их сплетни.

А л м а с. Не раскроем. У меня руки связаны. Я долж-на молчать. Тяжелое положение, Барат, очень тяжелое!

Б а р а т. Не бойся, Алмас-ханум! Давеча я сам боял-ся, а теперь прошло. Мы не только защищаться, а обви-нять их будем.

А л м а с. В чем?

Б а р а т. Они ведь явно клеветуют. Говорят, что меж-ду нами что-то было.

А л м а с. Значит, они и тебя запутать хотят?

Б а р а т. Ну, да. Будто бы у нас даже ребенок ро-дился. Видишь, какая дикая ложь.

А л м а с (с волнением). У нас ребенок?

Б а р а т. Вот завтра мы и потребуем, пускай они это докажут. Пусть покажут ребенка. У них же нет никаких доказательств.

А л м а с (почти со стоном). Доказательства... а если есть?

Б а р а т. Что есть?

А л м а с. Доказательства, говорю.

Б а р а т. Тебе нездоровится, Алмас, ты бредишь.

А л м а с (указывая на ребенка). Вот их доказатель-ство.

Б а р а т (в страхе вскакивает). Как? Значит, ребенок действительно есть?

А л м а с. Сам видишь.

Б а р а т. Все пропало! Теперь и мне будет плохо.

А л м а с. Почему же тебе, Барат?

Б а р а т. Они докажут, что ребенок наш. Кто же после этого нам поверит?

А л м а с. И ты веришь, что ребенок мой?

Б а р а т. Ну, а чей же?

А л м а с. Нет, нет! Не могу я этого сказать, Барат, не могу! Понимаешь?

Б а р а т. Да. ведь поневоле придется сказать. Они спросят, чей ребенок? И ты должна будешь ответить. Или их клевета останется неразоблаченной.

Открывается дверь, с большой осторожностью входит Ш а р и ф.

Ш а р и ф (улыбаясь). Можно войти? (Никто не отве-чает. Говорит двусмысленно.) Не помешал?..

А л м а с. Что вам надо?

Ш а р и ф. Я—секретарь Совета и принес вам бумагу от председателя. (Молчание.) Имею и другое поручение.

А л м а с. Говорите.

Ш а р и ф. Мне приказано сказать наедине.

А л м а с. Я от Барата ничего не скрываю.

Ш а р и ф. Это и нам и прибывшей комиссии известно. Я могу говорить с вами только наедине. У меня офици-альные бумаги имеются.

Б а р а т. Я пошел, Алмас-ханум.

А л м а с. Барат, не уходите.

Б а р а т. Я потом зайду. (Ушел.)

Ш а р и ф. Так, так. (Молчание.) Вы на меня, Алмас-ханум, кажется, немного обижены. (Молчание.) Что же делать? Так вышло... Я очень жалею... Общественное дело дороже. (Молчание.) Завтра комиссия вызывает вас на открытое заседание для разбора дела. Вот что я хотел сказать.

А л м а с. Кроме вас, честнее никого не нашли по-слать?

Ш а р и ф. Алмас-ханум, оставим оскорбления. Завтра комиссия вызывает вас на заседание. Ваше положение очень тяжелое. Вы это знаете. Я—не присяжный, но не хуже всякого присяжного вижу. У вас никакого выхода нет. Я вам обвинительный акт документально могу про-честь. (Читает отрывок.) «Учительница Алмас-ханум...», так... так... «собрав вокруг себя неопытную молодежь де-ревни, занималась кутежами... Учениц своих заставляла голами танцевать перед своими друзьями. Критикующих

ее действия она старалась оклеветать, и, наконец, рождение незаконного ребенка вывело крестьян из терпения, и послужило причиной увода из училища детей, и вызвало фактическое закрытие училища». Так или не так?

А л м а с. Вам лучше знать.

Ш а р и ф. Правильно это или неправильно, богу одному разбирать. А мы—только люди, доказать обратное вы не сможете. На все это имеются документальные доказательства и свидетели.

А л м а с. Что вы от меня хотите?

Ш а р и ф. Алмас-ханум, мне поручено помочь вам.

А л м а с (с иронией). Очень тронута.

Ш а р и ф. Алмас-ханум, я тебя больше жизни люблю! Ты—учительница, начинай опять учить детей. А что касается «Зарницы», мечети и так далее, забудь пока об этом. Мы все будем тебе помогать. Пожалуйста, пускай деревня учится, богатеет, никто не возражает. А там—присмотришься ко мне. Право, я уж не такой плохой человек.

А л м а с (с горькой улыбкой). Ну, хорошо. А если не соглашусь, что мне будет?

Ш а р и ф. Что будет? (Протгиивает ей бумагу.) Вот... Ей богу, Алмас-ханум, я тут ни при чем. Сами крестьяне требуют. Вот здесь многие подписались. Наши крестьяне все равно, что бараны. Один с горы бросается—все за ним. Что три, четыре почтенных человека скажут, то и будет. Тридцать родственников у одного, тридцать—у другого, тридцать—у третьего. Это много. И у каждого по пяти друзей. Вот вам и все пятьсот!

А л м а с. Значит, если я не соглашусь, борьба будет продолжаться?

Ш а р и ф. Тогда уж не обессудьте, мы будем знать, как поступить. Газета, документы, протоколы—все это против вас. Если вы еще не потеряли способности думать, подумайте хорошенько, а потом ответьте.

А л м а с. Да, я еще не потеряла способности думать. Надумала и ответчу. (Вырывает бумагу из рук Шарифа и бросает ему в лицо.) На тебе, на! Так и скажи своим друзьям: борьба продолжается!

Ш а р и ф. Гм... (С усмешкой.) Смотрите, если укус слишком крепок, то он разрывает бутылку, в которой сам находится!

Уходит. Алмас запирает за ним дверь. Подходит к окну. Гремит гром, и в окно видно, как сверкает молния. От ветра стучат ставни окон. Крупные капли дождя хлещут по стеклам. Опять стук в дверь.

А л м а с. Кто? (Не отвечает, но продолжают стучать. Подходя к двери.) Кто здесь?

Г о л о с Я х ш и (тихо). Я...

А л м а с (очень осторожно открывает дверь, смотрит).

Я х ш и! Ты?

Я х ш и. Я.

А л м а с. Войди, никого нет.

Я х ш и входит.

Дождь и гроза, а ты пришла почти раздетая. Простудишься.

Я х ш и. Я прямо с постели. Ибад еще не вернулся. Приезжее начальство его вызвало.

А л м а с (передает ей ребенка). Покорми: проголодалась бедняжка.

Я х ш и (берет ребенка, плачет и кормит). Бог не должен это терпеть. Сердце изболелось за ребенка! Вечером сидела одна в комнате и начала качать пустую золовнику люльку.

А л м а с. Бедняжка! Как она жадно сосет.

Я х ш и. Услышала я, что завтра тебя на суд вызывают. Принесла коран из мечети, открыла и положила его себе на голову. Хожу по комнате с кораном на голове и молю бога, чтобы он тебе помог... Ну, пойду, а ты вернись. (Передает ребенка Алмас.)

Алмас, поколебавшись, берет его.

Я х ш и (направляется к двери). Алмас-ханум, я верю, что бог наградит тебя за доброту. Прощай! (Медленно отходит к двери.)

Вдруг Алмас очень нерешительным голосом зовет ее.

А л м а с. Я хши, я хочу тебе сказать... я хотела сказать... Если возможно... Может быть, ты возьмешь ребенка с собой? Я не могу больше!

Я х ш и (в отчаянье). Взять? Куда взять? (Растрепанно стоит на одном месте.)

А л м а с. Завтра меня вызовут на разбор дела. Если я не скажу, что ребенок твой, то все спалится на меня.

Я х ш и (берет ребенка). Что же мне делать?

А л м а с. Не обвиняй меня, Яхши! Если бы все зави-

село только от меня, я бы на смерть согласилась, а тебя не выдала. Но я не имею права умереть, у меня большое дело. Если я выйду с ребенком на сход, то дело провалится. Это все равно, что умереть. Ребенок будет козырем в руках преступных людей для обмана крестьян. Понимаешь?

Я х ш и (ничего не понимая, машинально подтверждает). Понимаю.

А л м а с. Поверь, Яхши, я вынуждена так поступить. Другого выхода у меня нет. Понимаешь?

Я х ш и (ничего не сознавая, качает головой). Понимаю. (Идет, сама не зная куда.)

А л м а с. На! Прикройся моей шалью. А то дождь. Пусть пройдет несколько дней. Потом принесешь. Я опять возьму его. Возьму и отправлю в город, в приют...

Я х ш и (как бы спрашивая самое себя). Боже! Куда же и теперь ее денут?

При выходе шаль спадает с ее плеч на пол. Она, не заметив этого, уходит. Алмас берет шаль, выходит за ней. Спустя некоторое время, она возвращается одна, закрывает дверь, подходит к окну. Смотрит. Затем садится к столу и начинает писать, но писать не может. Все сильнее гром. Дождь бьет в стекла. Сверкает молния. Подруга от грома, Алмас поднимается и вновь подходит к окну. Со двора слышен голос.

Г о л о с А в т и л я. Алмас-ханум! Алмас-ханум!

А л м а с. Кто?

Г о л о с А в т и л я. Я, Автиль.

Алмас открывает дверь. Входит Автиль.

А в т и л ь. Приехал из города какой-то человек, ищет тебя. Вот его веди.

А л м а с. Гроза усиливается?

А в т и л ь. Тяжелый ливень, что глаз открыть нельзя. Как из ведра хлещет.

А л м а с (с волнением). Куда пойдет бедняга в такую страшную погоду?..

А в т и л ь. Кто? Приезжий, что ли? Сейчас здесь будет. Линейка застряла в грязи.

А л м а с. Что она будет делать в такую ночь?

А в т и л ь. О ком вы? На повороте кого-то в белом платье ветер сбил с ног. Кажется, женщина...

А л м а с (в сильном волнении). Не могла идти? Упала?

Ослепительно сверкнула молния и на мгновение осветила всю площадь за окном. Алмас дико кричит: «Она пропала!» Хочет выбежать.

А в т и л ь. Алмас-ханум! Алмас-ханум! Что с нами? Успокойтесь! Я сейчас сам за ней сбегу. (Убегает.)

А л м а с (вне себя, как будто в бреду). Под дождем и ветром одна... С ребенком... Это преступление. Я не могу! Не допущу! (Убегает из комнаты.)

Через некоторое время в комнату входят Автиль и Фуад.
Фуад в промокнутом плаще.

Ф у а д. Ты ей сказал о моем приезде?

А в т и л ь. Да, да. Передал. Она очень беспокоилась.

Ф у а д (многозначительно). Беспокоилась? По-видимому, она догадалась, что это—я.

А в т и л ь. Собственно говоря, она как-то того... была вне себя... Она как-то вот так... (Старается дополнить слова жестами.) Вот так, как будто в бреду. Я никогда ее такой не видал.

Ф у а д (внимательно смотрит на прикрепленную к стене фотографию). Это, кажется, тот самый и есть? (Обращается к Автилю.) Простите, дядя, вы этого человека знаете?

А в т и л ь. Видел. Он, кажется, друг или родственник Алмас. Последние время часто приезжает к ней.

Ф у а д. Вы сказали—часто?

А в т и л ь. И всегда останавливается у нее.

Ф у а д. Ага! Дело проясняется.

А в т и л ь. Подожди, я посмотрю, куда она пошла? (Хочет уйти.)

Навстречу идет Алмас с ребенком в руках. Заметив людей, вздрагивает. Прислоняется к стене. Вдруг, узнав Фуада, бросается к нему с неудержимой радостью.

А л м а с. Фуад! Милый! Как хорошо, что ты приехал! (Хочет поцеловать его. Останавливается и возвращается назад). Подожди. Я сейчас ребенка уложу. Я хочу тебя крепко-крепко поцеловать! Я соскучилась по тебе! (Укладывает ребенка.) Я сейчас, Фуад. Мне очень тяжело, но ты приехал—и будет легче. Здесь на меня все темные силы восстали. Вот на столе лежит письмо. Я тебе все написала, Фуад. Мне сейчас так нужна твоя помощь! (Смотря на ребенка.) Ой, бедняжка, как носилела... Знаешь, Фуад, я сейчас его, можно сказать из объятий смер-

ти вырвала. Пусть поспит. *(Снова бросается к Фуаду.)*
Фуад, милый! Я глазам своим боюсь верить! *(Хочет обнять его.)*

Фуад *(отстраняя ее руки, холодно)*. Подожди, Алмас.

Алмас в недоумении, потом вспоминает, что Автиль здесь, и вновь воодушевляется.

Алмас. Это ничего, Фуад. Дядя Автиль—свой человек. Он очень хороший. Он мне—как отец родной. Он знает, что я соскучилась по тебе!

Автиль. Дочка! Я потом зайду. *(Хочет уйти.)*

Алмас. Дядя Автиль, он—мой жених. Он нам теперь поможет.

Автиль *(уходя)*. Дай бог, дочка, дай бог.

Алмас *(возбужденно)*. Фуад, милый! Если бы ты знал, как много я пережила здесь! *(Опять хочет его обнять.)*

Фуад *(снова резким движением отстраняет ее руку)*. Подожди. Надо прежде поговорить.

Алмас. Фуад, что с тобой?

Фуад. Ты сама должна хорошо знать, что со мной. Если бы у тебя все было здесь хорошо...

Алмас *(вновь с радостью)*. Сейчас вспомнить об этом некогда. Сейчас самый разгар борьбы. Понимаешь? Борьбы не на жизнь, а на смерть! Но теперь ты со мной, ты меня защитишь. А ты бы посмотрел, что было раньше... *(Забывается, повторяет попытку обнять его.)*

Фуад *(еще резче отталкивая ее)*. Постой, говорю тебе! Не притворяйся непонимающей.

Алмас *(совершенно растерянная, останавливается и смотрит на него)*. Фуад, в чем дело?

Фуад. В чем? Это я должен спрашивать. Чей здесь ребенок?

Алмас *(в сильном волнении)*. Ребенок? Ага! Значит, так? Значит, и ты так?

Фуад *(передразнивая ее)*. Так, так, так! Я спрашиваю, чей это ребенок?

Алмас *(постепенно берет себя в руки, застывает пуговицу блузки, поправляет волосы и с легкой улыбкой смотрит на Фуада, говорит спокойным, но внутренне очень напряженным голосом)*. Предположим, ребенок мой?

Фуад. Твой? А кто его отец?

Алмас. Это не ваше дело.

Фуад. Алмас, очнись! Посмотри на меня хорошенько. Ты меня узнаешь?

Алмас. Я вас хорошо знаю. Вас зовут Фуадом.

Фуад. Этого мало.

Алмас *(еще напряженнее)*. Я считала вас своим женихом.

Фуад. Не мучь меня! Чей ребенок? Ты сказала: «предположим». Я требую точного ответа—чей!

Алмас. Точно? Мой ребенок! Если хочите, мой!

Фуад. Кто отец?

Алмас. Повторяю, не ваше дело. Это не только моя тайна.

Фуад. Алмас, ты в уме? Ты же моя, Алмас, моя! Ты должна принадлежать только мне!

Алмас. Я не принадлежала вам раньше. А теперь мне ясно, что никогда не буду принадлежать.

Фуад. Ты же моя невеста!

Алмас. Невеста? Нет! *(Снимает с пальца кольцо и бросает на стол.)*

Молчание.

Фуад. Алмас, Алмас! Где же те дни, когда ты клялась мне, что больше всех на свете любишь меня?

Алмас. Я и теперь могу поклясться, что в моих словах была только правда.

Фуад. Ну, клянись и теперь! Клянись, Алмас, девочка моя родная!

Алмас. В одинокие ночи, когда слезы сжимали мне горло, я думала, что придет Фуад, похлопает меня по плечу и с радостной улыбкой скажет: «Молодец, Алмас!» И приласкает меня. А ты с чем явился? Ты так же, как Гаджи-Ахмед и его грязные друзья, набросился на меня из-за этого несчастного ребенка! Ты даже не поинтересовался, как я жила, а сразу начал с допросов. Ты—обыватель, мещанин! И такого я знала на помощь.

Фуад. Пойми, Алмас, между девушкой и женщиной есть грань. Перейти ее—значит разрушить счастье семьи. Как же это случилось, Алмас? Ведь ты была девушкой, которая краснела от слов любви и от вольных шуток?

Алмас. Но ведь говорят, что любящий человек все может простить.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Сельсовет. Заседает комиссия. Справа сидит Алмас.

Фауд. Все? А что скажут люди?.. Нет, ребенка я тебе не могу простить!

Алмас. Не можешь простить? *(Вынимает из ящика стола бумагу и протягивает Фауду.)* А это что такое?

Фауд. Это... это...

Алмас. Я помогу тебе. Это твое письмо с признанием, что ты платишь алименты.

Фауд. Но, Алмас, это ведь—молодость, прошлое. Это дело случайное! Ну, случилось... Ошибка...

Алмас. Случилось? А если и у меня случилось?

Фауд. Но ведь ты—женщина!

Алмас. Мы говорим на разных языках. Если любовь в силах прощать ошибки, то она должна прощать их не только мужчине. Она должна прощать и женщине.

Молчание.

Фауд. О существовании ребенка кто-нибудь знает?

Алмас. Зачем ты об этом спрашиваешь?

Фауд. Пусть никто не знает. Пусть это тайна остается между нами.

Алмас *(нервно)*. Наоборот! Я постараюсь, чтобы все об этом узнали, и поняли, что никакого позора тут нет. Позорно было бы, если бы я бросила ребенка или погубила его. *(Бросает на пол письмо.)*

Входит Демирдаш.

Алмас *(как бы ища поддержки, бросилась к нему)*. Вы вернулись, Демирдаш! Я очень, очень рада!

Демирдаш. Ветер и гроза измучили лошадей. Не мог раньше приехать.

Алмас *(возбужденно)*. Познакомьтесь!

Демирдаш *(подходя к Фауду, с легкой улыбкой протягивает руку)*. Демирдаш!

Фауд сердито поворачивается к нему, смотрит то на его лицо, то на свою руку и вдруг с размаху бьет его по щеке. Пауза. Все трое, каждый по-своему, переживают случившееся. Входит Барат, Гюльверды и еще несколько комсомольцев. Фауд резко поворачивается к Алмас.

Фауд. Завтра на разборе дела встретимся! *(Громко хлопает дверью и уходит.)*

Шариф *(говорит с жаром, у него в руках записки)*. Мы, крестьяне, не допустим, чтобы волки, переодетшись в овечью шкуру, рыскали среди нас. Мы не потерим распутниц. Она раздевает взрослых девиц и заставляет их тащиться перед своими друзьями.

Барат. Врешь! Она просто учила детей физкультуре.

Шариф. Что, я вру? Вот заявление крестьян. Тут много подписей. Документально! Они все своими глазами видели. Она учит детей не физкультуре, а воровать у родителей для нее продукты. И это неправда? Пусть скажет председельсовета. Так, товарищ Балаоглан, или не так?

Балаоглан. Так, так. Своими глазами видел.

Шариф. Твоя собственная дочь дома яйца крала или не крала?

Балаоглан. Крала...

Шариф. Гаджи-Ахмед, твой сын кувшин с маслом украл или не украл?

Гаджи-Ахмед. Клянусь вам, товарищ председатель, раз спрашивают, надо говорить правду. Для правды—сына не пощажу. Украл он кувшин с маслом.

Оджагкули *(истает)*. А почему вы про мечеть забыли? Товарищ комиссар, я спрашиваю тебя—каждое здание имеет своего творца или не имеет? А учительница хочет разрушить это здание.

Барат. Ты иди своему хромому мулу ври!

Оджагкули. Опять про мула! У кого мул хромой, собачий сын?

Шариф. Предположим, я говорю неправду. А что вы скажете про ее ребенка? Товарищ Барат, может быть, и это—неправда? Больше года учительницей здесь, а жених приехал только вчера. Откуда же этот ребенок появился? Что молчите, товарищ Барат, Гюльверды и Антиль? Ну, скажите что-нибудь.

Гаджи-Ахмед. Вот молодец, хорошо поймал!

Шариф. Поэтому крестьяне и увели своих жен из артели. И опять жены остались... *(Палец его срывается с записной книжки, он теряет страницу, перелистывает)*

книжку.) И опять женщины остались... и опять женщины остались... (находя страницу) женщины остались в темноте и невежестве. И из училища своих детей разобрали. И училище развалилось.

Гюльверды. Провокатор! Училище вы развалили. Шариф. А посему такая развратная женщина недостойна быть советской учительницей. Ее надо снять и предать суду, чтобы другим было уроком.

Многие хлопают, входит взволнованная Наз-ханум.

Наз-ханум. Что с моей дочкой делают? (Направляется к Алмас.) Что с тобой делают, дочь моя?

Автиль. Ничего, Наз-ханум. Заживет, крепче будет.

Председатель. Гражданин Гаджи-Ахмед!

Гаджи-Ахмед. Товарищ председатель! Я—крестьянин-середняк и инвалид. Вот моя бумага. Я нашей власти готов головой служить, хоть и неграмотный, законов не знаю. Все, что сказал Шариф, правильно. Но я просил бы представителей власти на этот раз простить учительницу. Мы—люди темные. Правда, говорят, из-за сухого поляна и мокрое загорается. Ее не накажешь,—крестьяне и хороших учителей будут чураться. Сказано мудрецом: ужаленный змеей и веревки боится. Но все же я просил бы облегчить ее наказание. Она—ребенок. Раз ошиблась—другой раз подумает. Я ей все прощаю.

Ибад (с места). Про ребенка скажи, про ребенка!

Гаджи-Ахмед. Про ребенка я уж и не знаю... Даже язык не поворачивается. Одно скажу: такой женщине крестьяне ни жен, ни детей своих не доверят. Она больше в нашей деревне работать не сможет. Мне, товарищ председатель, терять нечего, потому и говорю правду. У меня, кроме жены, ничего нет, да и ту ни лошадь с соломой, ни собака с костями не съест. Меня советская власть в обиду не даст.

Ибад (с места). Товарищ председатель, я хочу спросить, что должна делать учительница в деревне? Ясно: детей учить. Очень хорошо! А она что делает? Собирает всех женщин и плетет небыллицы: «Муж тебя обижает—уходи!». Предсельсовета ей не хорош. Ей председателем женщину подавай. Мечеть нужно превратить в клуб. Разве это по закону?

Бала-Рза. По какому это закону можно мужа за-

ставлять сидеть дома, а жену в артель или на курсы записывать?

Председатель. Товарищ Барат.

Барат. Я могу сказать только то, что с приездом Алмас-ханум училище было приведено в порядок. Она каждый день приходила с нами беседовать. И мы к ней ходили...

Гаджи-Ахмед. Беседовать! Знаем мы эти беседы.

Барат (смущенно). Мы всегда о деревенских делах говорили. Она указывала, что деревня наша отстала и надо ее сделать передовой. А для этого необходимо работать сообща, купить машины, раскрепостить женщину, неграмотность изжить. Она всех нас подбадривала и вселяла силу для борьбы вот с этим кулачем. Она была комсомольцем большой подмогой. Вот и все. Ребята могут это подтвердить.

Шариф. Ребята! Ты лучше про ребенка расскажи!

Барат (смущаясь). Про ребенка я ничего не знаю.

Шариф. Про собственного ребенка ничего не знаешь?

Барат. Я только знаю, что все это—клевета.

Голоса. — Правильно! Правильно!

Хлопают.

— Неправда! Неправда!

Председатель. Гражданин Автиль.

Автиль. Товарищ председатель, что я могу сказать? Если медленно одеваюсь, хозяин, у кого батрачу, бьет: «Иди скорей на работу». Если быстро,—бьет: «Куда из дома торопишься?». Сказать хорошо—значит, пойти против них. (Указывает на Гаджи-Ахмеда.) Сказать плохо—пойти против себя и против нее. (Указывает на Алмас.) Уж если говорить правду, то она хорошо работает. Девушка смелая. Ужиться среди этих живоглотов—не легкое дело.

Фатманиса (кричит с места). Ну и старик! Бороды своей не стыдится!

Шариф. Товарищ председатель! Вот эта—почтенная старушка нашей деревни. Ребенка у учительницы приняла она. Пусть скажет.

Председатель. Гражданка Фатманиса.

Фатманиса (встает, выходит на середину и делает поклон на все стороны). Приветствую всех собрав-

шихся здесь. А также приветствую всех прибывших гостей, наших комиссаров. Я, товарищи комиссары, в этой деревне принимаю всех детей. Было темно. Наз-ханум приходит ко мне и зовет: «Идем к нам». Иду, значит, к ним... Вижу, посреди комнаты лежит дочь ее. Вот-вот умрет. Вижу—дело плохо. Подошла, значит, и раз, два—ее ногой по спине. «Не теряй силы»,—говорю. Так вот и пришла от нее ребенка.

Наз-ханум *(с места)*. Бога позабыла! Когда я за тобой приходила? У кого ты ребенка приняла?

Фатманнса. У твоей дочери. Я клялась никому об этом не говорить, но нельзя же скрывать от наших комиссаров. Я их на весь свет не променяю! Ты приходи-ла и умоляла меня!

Наз-ханум. Лжешь, старая сплетница!

Фатманнса. Я кораном могу поклясться. Ребенка я приняла. И пупок я обрезала. И в одеяло младенца завернула. С такими сединами я перед богом и комиссаром врать не могу.

Автиль. Будь ты проклята, горбатая чертовка, за такую правду!

Наз-ханум. Братья, клянусь, что эта женщина врет!

Председатель. Гражданка Фатманнса, что вы знаете о танцах детей?

Фатманнса. Врать не буду. Не скажу, что девочки голые плясали... А в одних ситцевых панталончиках—это правда... А мужчина с огромными усами... *(Указывает на Демирдана)*. Вот тот... в шляпе. Одну девочку у этого место... *(Берется за бока и криклется)*. Кутеж—дядь коромыслом идет! Пьянство!

Председатель. Довольно, садитесь.

Демирдан. Гражданка, видимо, не знает, что когда выслушиваешь у детей сердце и легкие, то этого нельзя делать, не прикасаясь к ним. Единственно, чем поил я детей во время «кутежей»—это хинной.

Алмаc. У меня к этой гражданке есть вопрос.

Председатель. Задавайте.

Алмаc. Она говорила, что приняла у меня ребенка. Пусть ответит—кто ребенок: мальчик или девочка?

Фатманнса. А? Мальчик или девочка?.. Гм... Мальчик или девочка?

Барат. Ну, горбатое чучело, мальчик или девочка? Скажи же?

Фатманнса. А-а-а... Мальчик или девочка?

Алмаc. Большие вопросов не имею. *(Садится)*

Шариф. Чем самой спрашивать, лучше расскажи, от кого ребенка приняла?

Алмаc. Это никого не касается.

Ибад. Как, то есть, никого не касается?

Гаджи-Ахмед. Это почему—не касается?

Шариф. Кто сказал—не касается?!

Председатель. Граждане, ребенок—это ее личное дело. Это нас не касается.

Бала-Рза. Нет, пусть она открыто скажет, чей ребенок?

Алмаc. Ребенок мой.

Наз-ханум. Алмас, что ты делаешь?

Ибад. А кто отец?

Алмаc. Это—мое дело.

Председатель. Граждане, это ничего общего не имеет ни с ее учительством, ни с общественной работой. Это—вопрос особый.

Ибад. Мы требуем—пусть она скажет, чей ребенок.

Все. Пусть скажет, пусть скажет!

Фуад *(встает и спокойно говорит)*. Товарищ председатель, я—женех учительницы Алмас-ханум и перед всеми собравшимися заявляю, что ребенок мой.

Алмаc *(нервно)*. Ребенок не ваш, гражданин Фуад. Благодарю вас за позднюю защиту.

Ибад. Товарищ председатель, нельзя крестьян обманывать! Пусть она скажет открыто, чей ребенок.

Председатель *(видя настойчивость собравшихся)*. Гражданка Алмас-ханум, может быть, вы ответите на этот вопрос?

Алмаc *(резко)*. Ребенок мой! Больше никаких обещаний давать не хочу.

Шариф. Потому что шиновата.

Председатель. Граждане, заставить ее отвечать на этот вопрос нельзя.

Ибад *(бросается в середину)*. Как это так заставить нельзя? Посылаете к нам какую-то раснуницу и хотите, чтобы мы своих жен и детей передали ей в руки! Нет, такая учительница нам не нужна! Ее гнать надо!

Голоса. Гнать ее! Гнать!

Председатель. Успокойтесь, граждане! Комиссия все беспристрастно разберет.

Ибад. Мы требуем—прогнать из деревни и судить эту беспутную женщину!

Яхши, путаясь в чадре, бегаёт на сцену, взволнованно кричит:
«Стойте! Стойте!» Взоры всех обращаются к ней.

Яхши. Крестьяне, стойте! Не трогайте ее! Подождите, я вам всю правду расскажу!

Все в недоумении переглядываются.

Алмас (испуганно). Яхши...

Ибад (гневно). Что тебе здесь надо, бесстыжая?

Яхши (падает на колени перед комиссией). Не судите ее! Она ни в чем не виновата! Дайте мне... я вам всю правду расскажу. Ребенок мой!

Собрание поражено.

Голоса. Как? Не может быть!

Яхши. Я теперь ничего не боюсь! Мне все равно. Она не виновата. Она мне хотела помочь. Ребенок мой! Меня, меня судите!

Гаджи-Ахмед (удивленно). Не может быть! Это—глупая шутка.

Яхши. Я кормлю своим молоком ребенка!

Гаджи-Ахмед. Чего болтаешь! Откуда ребенок? Ведь муж у тебя дано...

Яхши. Ночью, по совету кербалан Фатьмансы, я заперлась в мечеть и просила у бога, чтобы мужа скорее простили. Поздно ночью дверь мечети открылась. Кто-то весь в черном подошел ко мне и схватил меня. От испуга я потеряла сознание... Меня взяли силой.

Голоса (с возмущением). В мечети?!

Яхши. В мечети.

Голоса. Кто же этот подлец?

Ты его узнала?

Яхши. Я потом его узнала.

Голоса. Кто он?

Яхши. Мулла Субхан.

Голоса. Как! Мулла Субхан?

Яхши. Мулла Субхан.

Голоса. {Смерть насильнику!

Пусть провалится, проклятый!

Яхши. Я хотела скрыть свой позор, ведь меня бы муж и деверь убили за это! (Указывает на Алмас.) Она спасла меня от смерти и взяла ребенка к себе. Она—хороший человек. Она всем помогает.

Голоса. {Арестовать негодяя!

{И всю кулацкую банду тоже!

Председатель. Товарищи, в комиссии находится представитель прокуратуры. Он поддерживает ваше справедливое требование о немедленном взятии под стражу муллы. Он вносит еще дополнительное требование: арестовать кулаков, злостных клеветников и провокаторов: Гаджи-Ахмеда, Ибада, Балаоглана, Шарифа, Фатьмансу.

Голоса. {Правильно!

{Всю банду!

Гаджи-Ахмеда и других берут под стражу.

Председатель. Гражданка Алмас-ханум, все наши показания здесь зафиксированы. Для того, чтобы всесторонне выяснить вопрос, я заседание вел, не придерживаясь формального порядка, а давал возможность всем высказаться. Вы все слышали. Хотите что-нибудь еще добавить?

Алмас (встает и спокойно начинает). Я к сказанному почти ничего добавить не могу. Мои враги сами меня оправдали.

Председатель. Значит, вы себя виновной ни в чем не признаете?

Алмас. Нет, признаю.

Председатель. В чем же?

Шариф. Прошу это заявление документально за протоколировать.

Алмас. Товарищи, я признаю себя виновной вот в чем. К ответственной работе в деревне я подошла не как большевик-агитатор, не как массовик, а как интеллигент-одиночка. Я знала свой путь, но не позаботилась найти спутников,—положилась только на свои силы. Словно правившая идеалистка, я лежерействовала. Вот в чем моя ошибка, вот в чем я признаю себя виноватой. Но пусть не радуются враги. Мое положение все-таки лучше. Меня жизнь научила, а их наказала. Никаким Гаджи-Ахмедом

не свернуть нашей деревни с нового пути. Ведь это—путь большевиков, товарищи! Я пойду по нему вместе со всеми. А ошибки, что же... Заживет, как сказал дядя Автиль, крепче буду.

ЗАНАВЕС

ПЬЕСА В ОДИННАДЦАТИ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

●
Гюльсбах — молодая актриса, приехавшая в Баку из Москвы, где окончила театральное училище.

Заман } артисты бакинского театра.

Саван } артисты бакинского театра.

Амулла — директор театра, выдвиженец.

Алимурад — артист, председатель месткома.

Нильяс — парторг.

Хуршид } актрисы.

Асия } актрисы.

Алимухтар — режиссер-самоучка.

Байрам — молодой режиссер, окончивший театральное училище.

Шоаги — помощник режиссера.

Ариф Хикмет — актер, учившийся в Москве.

Мирза Джамал } старые актеры.

Хосмамед } старые актеры.

Кудрат Арслан — известный драматург.

Отгул — молодой драматург, студент.

Гамар — пожилая женщина, учительница шаррита, иногда дает уроки русского языка.

Гюляр — ее дочь, школьница.

Турач — жена Кудрата Арслана, образованная молодая женщина.

Миनावар — молодая театралка.

Аллабас — курьер театра.

Дашдемир — председатель конкурсной комиссии.

Туту — четырехлетняя дочь Кудрата Арслана.

Староверов — художник театра.

Эльдар — рабочий.

Худайр } крестьяне, участвующие

Мулла Рахман } в сцене из одиннадцатой

Абдул } картины.

В пятой картине принимают участие Хикмет Камал, Фикрет Кямал и критик Кямал Фикри. В массовой сцене участвуют писатели, критики, актеры и зрители. Помимо этого, в спектакле принимают участие еще двадцать пять актеров.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

●
Комната в театре. Заман стоит перед зеркалом с листком в руках, разучивает текст, сопровождая чтение различными жестами.

Заман.

Эй, ты, из стада обезьян, возвысившийся до человека!
Эй, ты, вышедший из низов, пробивающий гору для тоннеля!

Эй, ты, останавливающий бурные потоки бетоном!
Эй, ты, добывающий огонь из воды, усмиривший Арак!

Эй, вы, из ржавого железа делающие живой мотор!
Эй, вы, извлекающие электричество из ничего!
Эй, вы, в центре земли прорывающие длинные пути!
Эй, вы, хлопающие железными крыльями в бескрайней стратосфере!

Эй, вы, быющие громадным топором по старой жизни!
Эй, вы, железными руками строящие новую жизнь!
В атаку на медь, на нефть, на соль в центре земли!
В атаку на звезду, светящуюся посреди неба!
В атаку на всю вселенную, на земной шар, на воду и реки!
В атаку на землю, которая покоряется нашему общему удару!

Входит Хосмамед.

Хосмамед. Эй, Зеркало-Заман, ты опять корчишься, как мартышка? Где ребята?

З а м а н. Понесли жалобу святому Аббасу на нового режиссера.

Х о с м а м е д. Невежда ты после этого! Всегда, когда тебя спрашивают, тебе обязательно нужно показать свое невежество. (*Хочет уйти.*) Эй, Зеркало-Заман, там еще одна прикатила... Я не знал. Только сейчас увидел на улице.

З а м а н. Кто это?

Х о с м а м е д. Новая актриса. Но, клянусь тебе, чертовка дьявольски хороша. Невозможно даже долго смотреть на нее. Лицо словно светится.

З а м а н. Смотри, как бы она святой не оказалась.

Х о с м а м е д. Эх, невежда! Опять начал?

З а м а н. Слушай, Хосмамед, тебя тут с утра искал муэдзин из Тазапирской мечети.

Х о с м а м е д. Что ему надо было?

З а м а н. Откуда мне знать? Говорит, когда Хосмамед в мечети вырывал у нового режиссера из рук цепь, то ударил по кафедре и сломал подпорку.

Х о с м а м е д. Да отдубасит аллах, владелец кафедры, леща по спине! Разве кафедра Тазапирской мечети с цепью? Клянусь святым Аббасом, вы доболтаетесь до того, что ваши физиономии перекосятся, как у мартышек. Что ж делать, милко? Новый режиссер—ваш дружок. К нам не благоволил. Двадцать лет я тружусь на этой сцене, а теперь приезжает какой-то коротышка и собирается учить меня ходить!

З а м а н. Учись, а что такого? Не топором же тебя бьют по спине?

Х о с м а м е д. Иди ты! Я вам всем вот уже двадцать лет даю уроки на голодный желудок. Я настоящий артист и к тому же еще поэт.

З а м а н. Слушай, Хосмамед, продаю штаны.

Х о с м а м е д. Убирайся ты от меня, невежда! Что я, перекушник? Сколько пар продаешь?

З а м а н. Сколько пар? Сто. Я тебе не Баксоюз, злосчастный. Зарплату еще не получили. Сижу без денег. Есть у меня один штаны, хочу продать.

Х о с м а м е д. Эх, ты! Дочер нет. Иди и ты халтурь. Существуют сотни клубов. Не желаешь?.. Что прилип к своему разбитому зеркалу и скачешь с утра до вечера, как кузнечик?

З а м а н. Эх, Хосмамед, для выступлений нужен материал. А его нет.

Х о с м а м е д. Откуда же другие берут? Вот у меня есть стихотворение. Честное слово, клянусь святым Аббасом, только вчера ночью написал. И тема очень модная. О том, как наши женщины пудрятя. Позавчера Сапан давал мне двенадцать рублей—я не отдал. Уступлю тебе за восемь.

Входит Сапан.

С а п а н. Врет, врет, хоть умри, больше трешки не дам.

Х о с м а м е д. Пошел ты, невежда... За три рубля фунт картошки не купишь. На днях вернутся наши из колхоза, любой за пятнадцать рублей оторвет у меня с руками и ногами.

С а п а н. Обманщик! Накатал все, что на ум взбрело. Нет ни соли, ни смысла, ни ритма, ни рифмы. Начнешь читать—никто и слушать не станет.

Х о с м а м е д. Честное слово, стихи одобрены такими поэтами...

С а п а н. Плюнь мне в лицо, если в этом стихотворении есть рифма. Абсолютно нет рифмы, как у осла рогов.

Х о с м а м е д. Проклятые отцу лгуна! У этих стихов плохая рифма?! Прошу тебя Зеркало-Заман, послушай и втолкуй ему. (*Шарит по карманам.*) Ты ничего не смыслишь в литературе. Современные стихи не имеют рифму.

С а п а н. Но смысл все-таки должен быть.

Входят Ариф, Хикмет, Хуршид и Мирза Джамал.

А р и ф Х и к м е т. Товарищи, девушка из Москвы, Гюльсабах-ханум, с сегодняшнего дня приступает к работе. Сейчас директор представит ее нам.

Х о с м а м е д. Прошу тебя, Ариф Хикмет, послушай н ты.

Х у р ш и д. Я думаю, она тоже поработает с седылку, потом выйдет замуж, а сцену—по боку. Да и разве станет она так, как мы... Дают стариковскую роль—играем, посылают в колхоз—съем.

З а м а н. Что ты сердиться, Хуршид-ханум? Сколько лет я вижу тебя горящей на этой сцене, но не помню, чтобы ты знала свою роль. А того, кто не знает, учат.

Хосмамед. Прошу тебя, Хуршид-ханум, потрудись, послушай и ты мои стихи.

Сапан. Дайте же, друзья, этому быку прочесть свои алополучные стихи.

Мирза Джамал. Кто он такой, чтобы учить всех? Сколько лет я, как Фархад, дроблю здесь камин киркой? Я создал эту сцену. А теперь какой-то молокосос пришел и будет учить меня!

Хуршид. Если ему так хочется учить кого-нибудь, пусть пойдет и вразумит свою сестру. А то, как вечер, она размазывает губы, наштукатурит лицо и бежит на бульвар.

Хосмамед. Я как раз об этом и написал. Потрудись, послушай-ка. *(Читает.)*

В пудру девушки нос окунут и идут на бульвары.
То в юбочку обрядятся, то в шаровары.

Сапан. Ты читай, напевай, пой.

Хосмамед. Клянусь, пока не заплатишь, не буду читать напевай.

Сапан. Что это такое? Разве это стихи? Ни рифмы, ни ритма...

Хосмамед. Ты ничего не понимаешь в рифме. Бульвары—шаровары—разве это не рифма?

Заман. Послушай, Хосмамед, какая это девушка ходит в шароварах?

Хосмамед. Здесь дело совсем не в шароварах. Вопрос в том, что наши девушки пудрятся.

Сапан. Ну и что такого? По-твоему, женщины не должны пудриться? Может, мужчины должны? Вот видишь, бессмыслица.

На сцену выбегает Шовги, слушает стихи.

Шовги. Интересно, бульвары-шаровары— что за форма стиха: это марсие или пайманбар?

Сапан. Нет, это касыда. А шаровары—прилеп.

Хосмамед. Эх, невежда! *(Обращаясь к Шовги.)* Посмотри на себя. Ты похож на крысиного короля. И это наш помреж!

Заман. Идут, идут...

Сапан. Прошу тебя, Хосмамед, повремени со своей касыдой. Потом дочитаешь.

Хосмамед. Невежда! Это твой отец сочинитель касыд, марсиехан.

Входит Амрулла и вводит Гюльсабах. Собираются актеры, актрисы. Мужчины, особенно молодые, аплодируют.

Заман. Да здравствует грамотная, образованная азербайджанская девушка!

Мирза Джамал. Да здравствуют наши молодые кадры! Урра-а!

Амрулла. Товарищи, вам всем известно, что мы собираемся провести в нашем театре огромные преобразования. Затем, товарищи, вот перед вами молодая актриса Гюльсабах-ханум. Она была послана отсюда учиться, закончила московское театральное училище, работала в столичных театрах, у нее на руках имеются хорошие отзывы. С сегодняшнего дня она приступает к работе у нас, как актриса и как режиссер. Таким образом, товарищи, мы выполнили указания партии относительно кадров. У нашего нового товарища есть чудесные планы, о которых она сама вам расскажет.

Мирза Джамал. Что ж, приехала, очень рады, добро пожаловать. Мы все, артисты, работающие на сцене, те самые артисты, которые отдали свои жизни театру, мы все готовы прийти ей на помощь. Ведь это наша дочь. Наша гордость. И мы аплодируем ей.

Все хлопают.

Хосмамед. Но только с одним условием: чтобы она не играла нами как орешками. «Я, мол, приехала из Москвы...»

Заман *(обращаясь ко всем)*. И еще одно условие. Чтобы вы не устранили с ней таких штучек, как с Байрамом.

Хосмамед. А чего же ты хотел? Я двадцать лет мастерски работаю на сцене. И в колхоз ездил. А теперь приезжает какой-то коротышка и говорит: «Я должен научить тебя ходить по сцене». Сам-то больше похож на мышинного короля, чем на режиссера.

Заман. Ты двадцать лет ковылял по сцене, заплетаешься. При чем здесь Байрам?

Сапан. А в стихах твоих нет ни ритма, ни рифмы. Хосмамед. Проклятие отцу луна! В этих стихах нет рифмы? Товарищ Гюльсабах, ради всего святого, послушай ты, скажи, есть ли в моих стихах рифма или нет?

Амрулла. Товарищи, товарищи, не шумите!

Ариф Хикмет. Товарищи, ни для кого не секрет, что экспозиция наших режиссеров не гармонирует с их экспликацией. Сам Станиславский вызвал меня однажды в Москве и сказал: «Когда делаешь спецификацию роли, экспозицию надо строить так, чтобы вышел подлинный субстрат, а субординация отделилась бы, после этого центр тяжести приходится на актера, и центр внимания тоже. Что же касается супрематизма...

Сапани. Товарищ Ариф Хикмет, может, вы потрудитесь растолковать нам немного про экспозицию?

Ариф Хикмет. Экспозиция — это экспозиция... То-есть, экспликация. Понятно?¹

Сапани. Мне, например, непонятно. Может, Хосмамед понял?

Хосмамед. Ну и бестолковый ты! Я-то давно понял.

Ариф Хикмет. Экспозиция — это значит экспозиция. Что здесь трудного? Экс — значит экспорт, то-есть внешний, а позиция — значит фронт. Экспозиция — то-есть, внешний фронт.

Хосмамед. Что же тут непонятного?

Сапани. Товарищ Хосмамед, ты великий артист. Ты все знаешь. А мы, дорогой, не знаем... Если не трудно, просим тебя, растолкуй, чтобы мы поняли, что такое супрематизм.

Хосмамед. И с такими мозгами вы пошли в артисты! Кто бы что ни сказал, вам не нравится. Суп — это значит борщ, а ревматизм — это когда кости ломают.

Шовги. Хорошо, как же теперь узнать, какое отношение имеет Гюльсабах-ханум к этому супу и костному ревматизму?

Ариф Хикмет. Товарищи! Вы не понимаете, потому так и говорите. Сюда пришла новая актриса. Режиссер у нас тоже новый. Видно, в делах начнется спецификация. А поэтому мы должны определить нашу экспозицию, чтобы, когда в будущем будет проводиться субординация, определился центр тяжести каждого. А

¹ В образе Арифа Хикмета создан тип хвастливого актера, который занимается лжеукой, писательской риторикой и выдает себя за специалиста. Хотя он часто употребляет театральные и искусствоведческие термины, все они лишены смысла. Например, его объяснение термина «экспозиция» показывает, что он не понимает по-настоящему смысла этого слова.

позтому я от чистого сердца радуюсь приезду в наш театр товарища Гюльсабах-ханум.

Шовги. Слушай, я произношу твою последнюю фразу. О чудо!

Амрулла. Товарищи, с места не говорите! Нехорошо ведь. Сейчас мы предоставим коротенькое слово нашему молодому режиссеру — Байраму. Потому что все о нем говорят. Где же он? А после него последнее слово дадим Гюльсабах-ханум.

Мирза Джамал. Ты сначала найди его, а потом представляй слово.

Сапани. Вы сыграли с ним такую шутку, а теперь хотите, чтобы он нашелся!

Замани. Он работает не языком. Это человек дела. Бедняга задумал создать в театре что-то новое, а вы все накинулись на него.

Алимухтар. Конечно. Ты придешь, перевернешь вверх дном тридцатилетнюю пьесу, превратишь падишаха в чабана... Создаю, мол, пролетарскую идеологию! Конечно, все накинутся. Актер трудился, столько лет играл роль, создал образ, а теперь ему на голову нахлобучили дырявую папаху. Вот вам, я создаю социальный образ. Конечно, актер не захочет играть.

Замани. Пусть не играет, я буду играть.

Мирза Джамал. Да кто тебе позволит, чтобы ты взял и испоганил мой образ?

Алимухтар. Бедняга над ним двадцать лет мучился.

Замани. Что делать, товарищи? Это борьба. Когда старое здание рушится, кирпич может стукнуть камешка по ребру. Мы этого не боимся.

Амрулла. Товарищ Мирза Джамал... Хватит, говорю. Слово представляется Гюльсабах-ханум.

Алимухтар. Товарищ директор, пусть сначала выскажется адвокат того вашего режиссера. Интересно, с кем это он хочет вести борьбу?

Мирза Джамал. Кого он хочет избить?

Шовги. Товарищ, Мирза Джамал, погодь, сейчас разберемся.

Мирза Джамал. Нет, постоя. Как ему не стыдно? От горшка два вершка, а тоже лезет драться. Тут есть и большие и маленькие. Здесь могут так придавить человека, что от него только мокрое место останется.

Гюльсабах. Товарищи! Когда я уезжала учиться, мне хорошо была известна обстановка на нашей сцене. Поэтому, возвращаясь, я знала, что будет борьба. Но я очень рада, что эта борьба началась уже давно и дело дошло до того, что человека давят, жмут, да так, что из него сочится вода. Без этого не обойтись, товарищи! На то она и борьба. Такова диалектика жизни. Когда сталкиваются мысли и методы, человека жмут, давят, выжимают из него воду. Только посмотрим, кто кого.

Заман. Но ведь мы не хлопок, из которого, если его сдавить после дождя, сочится вода.

Мирза Джамал. Ага.

Хосмамед. Куда же нам привязать ее коня?

Хуршид. Еще не вошла в дом, а уже кричит: «Куда мне повесить винтовку?»

Гюльсабах. Вначале я хотела, не приступая к работе, придти сюда ежедневно, садиться и знакомиться с вашей жизнью. Но я уже познакомилась. Теперь мне все ясно. Ружья с плеч, наперевес, и в решительный бой!

Алимухтар. Кто против кого?

Гюльсабах. Все против всех!

Алимухтар. Для чего это?

Гюльсабах. Для того, чтобы создать новый театр, новый метод, новое мировоззрение, новые темпы и новый размах. Все новые, талантливые, творческие сердца, вперед! А те, кто путаются под ногами, назад, под колеса беспопадной истории.

Алимухтар. Пах, пах, пах... Вот вам приехал из Баку купец.

Мирза Джамал. У нашего театра только один путь, товарищ Гюльсабах, и мы следуем этим путем. Приехала к нам?.. Ты—наша азербайджанская девушка, мы рады тебя видеть, добро пожаловать, ты осыпала нас. К чему же эти угрозы?

Ариф Хикмет. Товарищи, я только что об этом говорил. Пусть каждый уже сейчас определит свою экспозицию, чтобы потом, когда будет проводиться спецификация, не появился бы супрематизм...

Сапан. Эй, Ариф Хикмет, прошу тебя, прикрой прикрой свою кастрюлю с борщом.

Гюльсабах. Радакция газеты «Роте Фане» призвала все советские театры к соревнованию. Главное условие соревнования—улучшить качество репертуара и

улучшить актерское мастерство. Кто завоеует в соревновании первенство, тому будет вручено знамя.

Амрулла. послушайте, товарищи, дело серьезное.

Ариф Хикмет. Еще бы нашему хосмамедовскому театру получить знамя, когда там есть такие великаны, как МХАТ!

Хосмамед. Э... э... Сам ты Хосмамед.

Ариф Хикмет. Родной, чего сердился? Ведь это твоё имя.

Сапан. Какое там имя? Это его прозвище.

Шовги. вовсе не прозвище, а его псевдоним.

Амрулла. Товарищи!

Гюльсабах. Мы можем победить, товарищи. Что нам для этого нужно? Надо заново перестроить работу, надо сменить лицо театра.

Алимурад. Товарищи, я, как председатель месткома, говорю: конечно, соревнование—дело нужное, но мне тут же хотелось бы выяснить у дирекции один вопрос.

Сапан. Подожди ты, Алимурад. Человек говорит...

Алимурад. Товарищи, где я потом соберу столько людей? Вы поговорите и разойдется. А мой вопрос очень важный вопрос.

Амрулла. Что вы хотите, товарищ Алимурад?

Алимурад. Товарищи, я, как председатель месткома, хочу спросить следующее. Когда дирекция выдаст нам зарплату? И почему до сих пор не выдала?

Заман. Эй, Алимурад, дай же говорим о соревновании, а ты суешься со своей зарплатой. Совсем неуместно.

Алимурад. Очень даже уместно. Это самый важный вопрос. А вы не даёте его обсудить. Потом жалуетесь, что местком не работает. И мы еще хотим в таком виде соревноваться!

Сапан. Ах, Алимурад, зарплата—вещь хорошая, только к нашему разговору она не имеет никакого отношения.

Алимурад. Еще какое имеет отношение, товарищи. Вы сейчас так говорите, а потом прибежите и начнете хватать меня за горло: «Давай сюда мою зарплату! Почему не даешь? А еще хочешь, чтобы мы соревновались...» Кто бы это ни был, дайте же мне его сейчас прочистим, положим на лопатки.

Ариф Хикмет. Эх, головы! Разве вы сможете заповесть знамя, когда существуют такие исполнители, как МХАТ?

Амрулла. Послушайте, товарищи, это важный вопрос. Чтобы не получилось: выйдем сражаться с огромными силами и опозоримся.

Гюльсабах. Товарищи, не надо себя запугивать. В других театрах людоедов нет. Силы для соревнования мы имеем. Только походка у нас хлюпкая. Нужно основательно встряхнуться.

Хосмамед. Посмотрим, встряхнемся...

Сапани. Прошу тебя, Хосмамед, только ты не встрявайся, а то из твоих стихов все рифмы улетят.

Амрулла. Товарищи, аллах велик.

Гюльсабах. Мы должны идти двумя путями. Одной рукой будем разрушать, уничтожать, другой — строить, создавать. С нашим репертуаром мы не сможем выйти на соревнование. Много надо выбросить. В сегодняшних постановках нет определенного принципа.

Алимухтар. Что ж, увеличь принцип на пять-шесть порций.

Ариф Хикмет. Она верно говорит. Что обижаешься? Я давно твержу: экспозиция постановок не гармонирует с экспликацией.

Гюльсабах. Во всяком случае, репертуар надо заменить вещами, которые требуют сегодняшний день. И прежде всего — нужно новое сильное произведение.

Мирза Джамал. Видишь ли, Гюльсабах-ханум, голос у тебя хороший. Если б это только ты читала коран. Говоришь: нужна новая вещь!. Но ведь тот, кто может, не пишет, а тот, кто не может, суется. Вот ничего и не выходит. Нет ни героя, ни любовника.

Гюльсабах. Кто же это может и не пишет?

Мирза Джамал. Кто может и не пишет? Кудрат Арслан.

Гюльсабах. Кудрат Арслан!?

Гюльсабах неожиданно вздрагивает и на секунду задумывается, словно вспоминает что-то.

Мирза Джамал. Он всегда писал сильные революционные вещи. А сейчас сидит, словно воды в рот набрал. Ни строчки, ни слова.

Сапани. Занялся преподаванием в школе.

Мирза Джамал. Я вам говорю: без него нам нечего и думать о соревновании.

Замани. Но ведь он не напишет.

Гюльсабах. Товарищи, я давно знаю Кудрата. Если вы позволите, я поговорю с ним. Даю вам слово, что он напишет.

Амрулла. Поговори, милая. Что слепцу надо? Два глаза, даже если один кривой.

Мирза Джамал. Да, если Кудрат напишет, считайте, что мы спели.

Хосмамед. Что спели?

Сапани. Твои стихи без рифмы. Мелодию раст.

Хосмамед. Ах, ты, неужд! Товарищ директор!

Амрулла. Товарищи, Гюльсабах-ханум дается поручение поговорить с Кудратом относительно пьесы.

Мирза Джамал. Не напишет! Человек сейчас преподает в стольких школах. Имеет колоссальный доход. Зачем ему связываться.

Гюльсабах. Напишет, напишет. Здесь решается судьба нашего театра. Надо мобилизовать все силы и средства. Отсюда никто не улизнет назад. Вы получите от меня его пьесу.

Хосмамед. Смотрите, как негодница командует! Слово ей все тут подчиняются.

Гюльсабах. Затем, товарищи, мы прежде всего, должны покончить с кустарщиной. Молодежь у нас сильная. Женский состав тоже неплохой. Материал есть. Только за него надо взяться умелыми руками, верным единым методом.

Алимухтар. Вот ты все и наладишь.

Гюльсабах. Сейчас большинство наших женщин не могут назвать себя творческими работницами.

Хуршид. Вот ты приехала и называй себя.

Гюльсабах. Во всяком случае я буду из всех сил стараться завоевать это право. Сейчас наши женщины работают с надломленными крыльями, без души, без сердца, без желания, без огня, неорганизованно. Например, они пропускают репетиции, чтобы сходить к портнихе. Актриса не горит за свое дело, поэтому в день спектакля не знает роли.

Хуршид. Ты говори за себя. А то залезла на одного осла, а колотишь сразу все стадо.

Мина ввар. Тебе-то что, Хуришид-ханум? Ведь про тебя никто ничего не говорит.

Хуришид. Нет, я знаю, под кого это подкоп.

Мирза Джамал. Да разве она упомянула твою имя?!

Хуришид. Я отлично понимаю, в чей огород камень. Позавчера она там сидела, а мне нужно было к портнихе. Я взяла и пошла. Так ей это не понравилось. Что же делать? Ведь нам не шьют, как некоторым, в Москве.

Гюльсабах. Я, товарищи, не хочу никого обидеть. Будь это единственный случай, я ничего не сказала бы. Но очень печально, что так поступает большинство.

Ася. Тебе какое дело? Разве ты прокурор? Когда я уходила с репетиций?

Мина ввар. А ты что лезешь, милая? Тебя ведь никто не трогает.

Ася. Вот и нет! А что она врет?

Мина ввар. Гюльсабах правильно говорит.

Гюльсабах. Теперь мне все ясно. Я все знаю, товарищи.

Хуришид. Черта с два ты знаешь! Дьявола лысого ты знаешь! Ты за себя говори. Тебе до других нет дела. Ты не директор, не режиссер. Только сегодня пришла в театр, а уже всех переполошила. Что же будет через пять дней?

Ася. Да ничего не будет. Через пять дней она подстрелит себе муженька и делу конец.

Ариф Хикмет. Стойте, товарищи! Пусть человек выскажет свою экспозицию. А потом каждый, кто захочет, противопоставит ей свою экспликацию.

Гюльсабах. Я, товарищи, не директор и не режиссер. С этого дня я частичка вашего коллектива. Мой лозунг разрушить, уничтожить, построить, создать! Я знаю, правдивое слово бывает горьким. Но, вступая в великое соревнование, стесняться отдельных людей, молчать—это значит предать нашу сцену, наше дело.

Мирза Джамал. А ведь верно девушка говорит. Особенно ты, Хуришид, часто уходишь, то в баню, то в магазин. Речь идет о том, чтобы ты старательнее относился к работе.

Все. Верно... верно!..

Гюльсабах. И еще, товарищи, у нас есть консерватизм. Боймся нового, поклоняемся старому. Вот, я ви-

дела, у вас молодой режиссер. В голове у него свежие мысли. Он высказывает их актеру. А актер, вместо того, чтобы усвоить их, обижается, обзывает режиссера ребенком, мальчишкой и другими словами. С этим надо решительно покончить.

Мирза Джамал. К черту такого режиссера. Пусть не забывается. Он только вчера вылез из пеленок, а я уже столько лет вот на этой сцене калечу жизнь. Я создал свободную школу. А что мне говорит этот выскочка? Так не стой, стой вот эдак. Это возьми, то положи.

Гюльсабах. Он верно поправлял. Человек, которого вы пытались сыграть, был лишен социального лица. И вам ни в коем случае нельзя дать подобную роль в новом спектакле.

Мирза Джамал. Я художник. Где вы были, когда я играл Яго, когда я играл Франца, когда я играл Отелло? Я именно так играю Амрастан-бека с тех пор, как открыл глаза. Я создал образ. Я не согласен, чтобы какой-то мальчишка перекраивал мою роль, делал из меня посмешнее.

Гюльсабах. Пусть, товарищи, нас никто не пугает своим стажем. Революция потому и называется революцией, что она нарушает покой веков. То, что не могли создать веками, революция создает в месяцы. А вы требуете от режиссеров патриархальных отношений наших отцов и дедов. Это консерватизм, реакционность. Мы не можем допустить такое. Будь режиссер посмелее, он бы совсем лишил вас этой роли. На современной сцене нужен социальный образ.

Мирза Джамал. Посмотрите на нее! Кого ты учишь? Что, мы не видели революцию? Много ли у вас знаний, чтобы учить меня? Я заложил фундамент этого театра. Я таскал сюда из казино женские платья. Публика швыряла в мою голову яйца. Вы еще на свет не появились, а я уже был актером.

Хосмамед. Вот именно! Разве это дело? Я двадцать лет работаю молотом на этой сцене, как кузнец. А теперь кто-то приходит и я ему не нравлюсь. Он берет мои роли, отдает другому, Заману. Разве аллах вытерпит такое?

Заман. Но ведь ты не хочешь считаться с требованиями сегодняшнего дня. Вчерашнее дряхлое искусство уже не годится нам. До сих пор мы не могли об этом говорить...

Мирза Джамал. И сейчас не можешь. Не должен. Там, где я, ты должен молчать. Для меня все двери открыты, от Наркомпроса до Совнаркома. Тебя и на порог туда не пустят. Публика приходит в театр ради меня. Что вы будете делать, если мы завтра не придем? Вот и останешься здесь ты да твой дружок режиссер. Работай. Посмотрю, что у тебя получится!

Хуршид. Завтра же я иду в Наркомпрос. В присутствии директора говорят такие вещи, а он как в рот воды набрал.

Амрулла. Товарищи, товарищи, не горячитесь. Хуршид верно говорит и получит нужный ответ.

Хоссамед. Завтра меня здесь не будет. Повешу на шею пантросный лоток, буду торговать папиросами. Пусть все видят, пусть все узнают, что сделали с великим артистом!

Аси. Завтра я не приду. Или пусть ей заткнут рот, или...

Минаввар. Оттого, что ты не придешь, театр не закроется.

Мирза Джамал. Товарищ директор, заявляю вам официально, я с каждым встречным нервы трепать не намерен. С завтрашнего дня нас в театре не будет. Или, дорогой, для своего театра других актеров.

Заман. Других? Искать? Вот, например, я.

Алимурад. Ты уже три месяца не платишь членские взносы. Ты уже не член профсоюза.

Санаан. Кто хочет, пусть не приходит. Но я-то ведь пока не умер.

Гюльсабах. Незаменимых людей нет, товарищ Мирза Джамал. Все эти неполадки—результат слабой общественной работы. Местком ни о чем другом не думает, как только о зарплате.

Алимурад. Товарищ, вы не мутите воду. Я, как председатель месткома, веду всю общественную работу. Вы же ведете себя, как какой-нибудь начальник, и будто другие ничего не понимают. Только вы одна все понимаете.

Ариф Хикмет. Товарищ Алимурад верно говорит. Это индивидуализм.

Гюльсабах. Профсоюз объединяет не стены. Работать должны и я, и ты, и он. Если мы все дружно не возьмемся, профсоюз ничего не сможет сделать.

Санаан. Верно.

Мирза Джамал. Завтра же пойду жаловаться. Посмотрю, в каком законе говорится, что старых специалистов можно притеснять.

Ильяс. Мы не должны обижать старых специалистов.

Мирза Джамал. А ну-ка, поднимайтесь все с мест! Пусть дирекция осветит этот вопрос. Кого она оставляет—нас, настоящих артистов, или Гюльсабах-ханум и ее коротышку-режиссера.

Хуршид. Нате, вот ваша роль! Отдайте ее вашей новой артистке, пусть забудит. Мы не можем.

Заман. Не бойся, товарищ Амрулла, театр не развалится, если от нас уйдут несколько человек.

Амрулла. Товарищи, не разбегайтесь. Никому не давалось права мутить воду от имени дирекции. Здесь никто ни с кем не ведет борьбу. Что же касается тех, кто хочет завести склоку, разумеется, найдутся люди, которые укажут им их место.

Гюльсабах. Товарищи, мы не закончили обсуждения вопроса о соревновании.

Мирза Джамал. Иди ты от нас со своим режиссером и делай, что хочешь. Хочешь—соревнуйся, хочешь—волнуйся. Это твоё личное дело.

Амрулла. Товарищ Гюльсабах, хватит. Товарищи, не поднимайте шума. Мы сами утрясем сегодня это дело.

Мирза Джамал. Я создал этот театр. Никто не посмеет тронуть меня пальцем. Завтра ни один актер не будет играть. Пусть играют молокососы. Нате, вот ваша роль!

Санаан. Кто не хочет, пусть не играет. Сколько ни будет ролей, все переиграю один!

Мирза Джамал. Какой-то коротышка пришел и учит: дорогу молодым! Большие артисты говорят этому режиссеру: ты мальчишка! А я заявляю, что выбью ему глаз.

Минаввар. Ну и пусть говорят. Что с того, если они так говорят? Мы ведь как пружина: чем сильнее нас закрутишь, тем лучше работаем.

Мирза Джамал. Клянусь, я так закручу этого выскочку, что у него не только пружины, все рессоры лопнут.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Гостиная в доме Кудрата Арслана. Входит рассерженная Гамар.

Гамар. Нет, Турач, не проси. Честное слово, не останусь.

Турач (смеется). Гамар-ханум!

Гамар. Быть вместе с актрисой, молва о которой идет по всему городу?! Нет, нет! Пригласить меня в общество какой-то ничтожной актриски, у которой ко всему этому еще сомнительная репутация?! Благодаря вас, Турач. Я от вас этого не ожидала.

Турач. Гамар-ханум, зачем вы слушаете все эти слухи? Я абсолютно не верю тому, что говорят о Гюльсабах. Если бы вы только две минуты поговорили с ней, вы сами убедились бы, что вся эта болтовня—враки!

Гамар. Это говорит не один человек, дорогая. Об этом твердит весь город. Сами актеры и актрисы подтверждают это. Говорят, появилась в театре, собрала вокруг себя всех мальчишек и заварила такую кашу, что ничего не поймешь.

Турач. Хорошо, что ж из этого? Вы-то не мальчишка, Гамар-ханум.

Гамар. Нет, нет, дорогая. Я могла бы не придать этому большого значения, но со мной ребенок. Что скажут, если узнают?.. Нет, нет, дорогая. Очень вам благодарна. До свидания.

Гюляр. Ты за меня не бойся, мамочка. Она, наверное, такой же человек, как и мы. Не съест же она нас. О ком только не болтают?

Гамар. Не смей, Гюляр. Где же моя шляпка?

Турач. Гамар-ханум, Гюляр перню сказала. Ведь Гюльсабах не проглотит нас живьем. Прошу вас, не уходите.

Гамар. Нет, нет, милая. Клянусь, не проси. Не могу остаться. Говорят, это такое несчастье, где ни появится—обязательно скандал. Если люди узнают, что я сидела с ней вместе... Да и мне самой неприятно. Пошли, Гюляр.

Входит Кудрат.

Кудрат. Куда вы собрались, Гамар-ханум?

Гамар. Благодарю вас, дорогой. У меня есть маленькое дело.

Турач. Гамар-ханум не хочет находиться в одном доме с Гюльсабах. С утра упрямлюю ее.

Гамар. Воспитание моего ребенка я не променяю на целый свет.

Гюляр. Мама!

Гамар. Не смей, Гюляр! Не будь комсомолкой!

Турач. Гамар-ханум, нас семь-восемь человек, а их—всего лишь два-три. И, кроме того, вы можете с ними не разговаривать.

Гамар. Пусть даже два-три... Да что ты, Турач!.. Ты хочешь, чтобы я посадила свою дочь рядом с какой-то комсомолкой? К тому же эта особа—актриса с сомнительной репутацией.

Входит Отгюн.

Отгюн. Извините, учитель. Я беспокою вас.

Гамар. Где же мой редеюль?

Турач. Может, в другой комнате остался?

Турач, Гамар и Гюляр выходят.

Отгюн. Извините, учитель. Мне ничего не нужно, однако, я хочу знать, на что я способен.

Кудрат. Я пока не смог прочесть вашу книгу. Постараюсь закончить сегодня. И тогда чем смогу—помогу.

Отгюн. Кому ни дам, все прежде всего смотрит на мою внешность, потом поворачивают во все стороны книгу и говорят: «Зайди через два дня, дадим ответ». Прихожу—говорят: «Тебе нужно еще немного поработать». Если бы я знал, что это действительно плохо, я бы занялся другим делом.

Кудрат. Вы не беспокойтесь. Вот ваша книга, лежит на столе, прямо передо мной. Как только прочту, я вызову вас.

Вбегает Турач.

Турач. Кудрат, я ее задержала. Иди быстро, застави ее посидеть... А то и для той девушки будет неприятно. Пойдут слухи: такая-то не захотела сидеть с такой-то и ушла.

Кудрат. Сейчас.

Турач. Вот они и сами идут. Пожалуйста, пожалуйста.

Входит Гюльсабах, Замаи, Байрам.

Гюльсабах. Мы непрощенные гости. Приглашение—придем, не пригласите—придем. Здравствуйте, Турач. Если не знакомы—познакомьтесь. Это Замаи, это Байрам. Первый—актер, второй—режиссер. Я же—ни то, ни другое.

Входит Гамбар и Гюляр. Гюльсабах обращается к Кудрату. Здравствуйте, товарищ литератор. Как шегольски вы одеты. Никогда не думала, что вы такой франт. Раньше вы были гораздо проще.

Кудрат. Что поделаешь? Я понял: людей встречают по одежке. Потому-то и начал уделять внимание внешнему виду.

Гюльсабах. Старая история. С каких пор вас стали увлекать потрешные афоризмы? Мы же всегда прежде раздеваем человека, а потом смотрим.

Кудрат. До нага?

Гюльсабах. До нага.

Гамар. Извольте радоваться!

Гюльсабах. Чья это девочка? Замечательный рост для снени. Гляньте на ее бантик! Из новой материи старый бантик.

Гамар. Она еще не комсомолка и не актриса. Она в старой форме.

Гюльсабах. А содержание мозга какое—новое или старое?

Гамар. Не знаю. Я ведь не доктор.

Гюльсабах. Ну, ничего. Само время обследует и подлечит ее.

Гюляр. Вы, пожалуйста, шпильки не пускайте. Это мое личное дело.

Гюльсабах. Что?

Гамар. Не смей, Гюляр, говорить с ней при мне. Не связывайся.

Гюляр. Я не боюсь ее. Раз так, я не уйду. Останусь здесь и буду драться с ней.

Гюльсабах. Bravo, Гюляр, bravo! Драка—дело сильных. Только вот с этим бантиком драться нельзя. Наш век—железный век. Кто не из железа, у того в драке может треснуть голова.

Гюляр. Мой отец не кузнец, а учитель.

Гюльсабах. А мать лотошница.

Гамар. Пошли, Гюляр.

Гюльсабах. Можно подумать, мой приход испугал вас и вы бежите.

Гюляр. Я не боюсь и не уйду.

Турач. Гамар-ханум, прошу вас, не уходите.

Кудрат. Оставайтесь, Гамар-ханум. Я тоже прошу вас.

Турач. Пойдемте, пойдемте! *(Тацит всех в другую комнату)*.

Гамар. Хорошо, девочка, я поговорю с тобой дома! Гюльсабах. Я, кажется, попала на фронт, где дерутся.

Турач. Проходите все сюда!

Отгюн. С вашего позволения, учитель, я войду. До свидания.

Кудрат. Всего хорошего. Я вас вызову.

Гюльсабах. Кто этот парень? Мы меня ни с кем не познакомили. Мне приходится самой выспрашивать всех по очереди.

Кудрат. Вы оказались вооруженной такими пушками и ружьями, что мы все растерялись.

Гюльсабах. Растерялись? Ничего, товарищ литератор, сейчас мы вас всех отыщем.

Кудрат. Этот парень—мой студент. Он рабкор. Написал книгу, а ее не хотят нигде смотреть. Принес ее мне, хочет знать мое мнение.

Гюльсабах. А вы обратили внимание на его глаза? Цепкие, живые. И в лице чувствуется сила, упорство.

Кудрат. Но до Кудрата ему еще далеко.

Гюльсабах. Стрелка на часах революции не ползет, а скачет, товарищ литератор.

Турач. Проходите, Гюльсабах-ханум. Вас ждут в той комнате.

Гюльсабах. Мне кажется, все меня там так же сильно ждут, как и эта дама с ребенком.

Турач. Прошу вас, не придавайте пустякам значения, Гюльсабах-ханум. Она очень нервная.

Гюльсабах. Не она нервная, а время нервнует ее.

Входит Замаи.

Замаи. Что же получается, Гюльсабах-ханум? Нас сюда привели, а сами сбежали. Ведь мы там никого не знаем.

Гюльсабах. Сейчас. Проходите, товарищ литератор. Что вы застыли?

Турач. Пожалуйста, Гюльсабах-ханум. Наверное, он застыл от восторга.

Все выходит в соседнюю комнату. Заман тоже хочет пройти. Из двери вылетает Гюляр, хватая его за руку, задерживает.

Гюляр. Куда? Вы меня обманули!

Заман. Простите, Гюляр. От страха перед вашей матерью я не смею глянуть вам в лицо.

Гюляр. Значит, мы больше не увидимся?

Заман. Не знаю, Гюляр. Между нами непроходимая пропасть. Вот уже пять лет я работаю изо всех сил.

Гюляр. Теперь можно не работать. Теперь есть кому тебя развлечь.

Заман. Что я могу сделать, Гюляр? Тебя упртали за Китайскую стену. Я дроблю ее, но камни валятся тебе на голову. Брось все, выходи из-за стены, Заман всегда примет тебя с распростертыми объятиями.

Гюляр. Это невозможно, Заман. Я не могу огорчить свою мать. И без того я пытаюсь каждый день объяснить с ней. Мне хочется разорвать этот ее черный бантик и ринуться в жизнь, которая кипит вокруг меня! Мне хочется драться, сражаться! Каждый день я смотрю из окна на моих сверстниц, которые проходят с флагами в руках, с ружьями за плечами. Мне хочется изорвать и выбросить все эти книжки моей матери. Только мне жалко ее слез.

Заман. Что же теперь делать, Гюляр? Говори сама.

Входит Гамар.

Гамар. Ты здесь, Гюляр? Что это значит? *(Заман уходит.)* Все люди сидят в той комнате, а ты здесь уединилась и развлекаешься... Да еще с кем?

Гюляр. Я с ним не развлекалась, мама.

Гамар. Гюляр, пойми, ты девушка. И я не хочу, чтобы про тебя плохо говорили. Ты видишь, какая молва идет об этой особе?

Входит Турач.

Турач. Вы здесь, Гамар-ханум? А я испугалась, что вы опять сбежали.

Гамар. Я не могу сидеть с этой особой вместе! Она совсем не считается с правилами вежливости и приличия.

Турач. Она очень резкая, но, мне кажется, душа у нее открытая. Все, что ни есть, все на языке, а в сердце ее нет зла.

Гамар. Я старше тебя, Турач. Предупреждаю, смотри!. Ты навлечешь на свою голову беду.

Турач. Не понимаю, Гамар-ханум. Я ее полюбила с первого раза и она нравится мне все больше и больше.

Входит Гюльсабах.

Гюльсабах *(обращаясь к Гамар)*. Что это вы испорнули? Сбежать хотите?

Гамар. Я не куропатка, а ты не охотник. *(Оборачивается к Гюляр.)* Пошли, дочка.

Гамар и Гюляр выходит в другую комнату.

Гюльсабах. Кто эта женщина?

Турач. Это наша приятельница. Она очень нервная. Прошу вас, не обращайтесь на нее внимания.

Входит Кудрат с девочкой на руках.

Кудрат. Турач, посмотри на нашу дочку. Что она с собой сделала!

Турач. А что такое?

Кудрат. Стянула у Гамар-ханум пудреницу и замазала себе все лицо. А в довершение к этому, залезла в мешок с мукой.

Турач. Ах, ты, дьяволенок! Ты зачем залезла в мешок с мукой?

Гюльсабах. Ведь твой папа не мельник.

Турач. Ну-ка, скажи тете, сколько будет пятью пять?

Гюльсабах. Ого!.. Она и математику знает? А ну-ка, отвечай, бесенок, сколько будет пятью пять?

Туту. Два...

Гюльсабах. Ах, боже мой!.. Какая молодчина!..

Турач. А теперь пойдём, я окуну тебя в корыто с водой.

Входит с девочкой.

Гюльсабах. Ну, товарищ литератор, я хочу свести с вами счеты. Теперь мне понятно, почему вы ничего не пишете... Пудра Гамар-ханум так запорошила вам глаза,

что вы не видите выхода из этого мешанского мирка, и поэтому не можете ничего написать.

Кудрат. Послушай, Гюльсабах, скажи откровенно, зачем ты пришла? Что тебе нужно от меня? Я столько страдал из-за тебя. Теперь все прошло, все кончилось. У меня есть дом, жена, ребенок, семья...

Гюльсабах. Я хочу вырвать тебя из этого стоячего болота, из этого кладбища для живых мертвецов и кинуть в жаркое пламя новой жизни.

Кудрат. Я из тех, кто всегда посит на своем знамени, в своем сердце огонь революции. Третью жизнь я провел в царских тюрьмах. А теперь...

Гюльсабах. Что теперь?

Кудрат. А теперь я хочу трудиться на другом фронте. Я—учитель.

Гюльсабах. Теперь ты похож на артиллериста, который оставил свою батарею и воюет на кухне с луком.

Кудрат. Довольно, Гюльсабах! Не хочу больше говорить! Не могу!

Гюльсабах. Сейчас ты похож на льва, раненого в жестокой схватке со временем. В твоих глазах нет прежней силы и решимости! Куда ушло то время, когда ты стоял на сцене, как разъяренный лев, и готов был разорвать на куски каждого, кто пошел бы против тебя?! Тогда глаза твои горели, как угли. Я преклонялась перед их силой и страстью! Сейчас же они мне напоминают два потухших вулкана.

Кудрат. Тогда я жил мечтой о тебе. Первые лучи восходящего солнца казались мне твоей улыбкой. В последних бликах на небе после заката я видел твоё лицо! Ты же от меня бежала.

Гюльсабах. Но теперь я не мечта, не призрак. Я—действительность. Вот, стою перед тобой. Это ты теперь призрак, mirаж. Ничего, а самого Кудрата—нет.

Кудрат. Что тебе надо от меня?

Гюльсабах. Мне? Ничего... Но вот нашему театру от тебя кое-что нужно. нас вызывают на соревнование. Нам нужна пьеса. Говорят, это можно сделать ты. Нефтяная армия нашей республики еще не была побеждена ни в одном соревновании, ни в одном сражении. А фронт искусства защищаем мы. Что мы должны сделать для этой армии? Добиться победного знамени.

Кудрат. Я больше не хочу писать.

Гюльсабах. Почему?

Кудрат. Когда-то я был влюблен, хотел прославиться, стать великим писателем. Я боролся за свободу. А теперь все позади, все прошло! Я женился. У меня есть дом, очаг, свобода, известность. Любви, нужда, борьба—все это осталось позади. Сейчас нет такой силы, которая могла бы сдвинуть меня с места. Вот поэтому и не хочу писать.

Гюльсабах. Да, ты уже не тот Кудрат, которого я знала и любила. Ты погас. Однако ты лжешь, ты хочешь писать. Не можешь. Ты, как еж, завернулся в свои колючки, отгородился от всего мира.

Кудрат. Оставь меня в покое, Гюльсабах. Ты права, моя душа погасла.

Гюльсабах. Я хочу вновь поджечь ее, воспламенить.

Кудрат. Что поделаешь! Я любил тебя, ждал. Потом потерял надежду.

Гюльсабах. Жить без надежды, без цели—равносильно смерти.

Кудрат. Значит, если я буду любить тебя, ты сможешь ответить мне?

Гюльсабах. Я люблю львов, которые дерутся с тиграми.

Кудрат. Я теряю голову, Гюльсабах. Что делать? Все бросить? Уйти? Но как бросить? Куда уйти?

За сценой поют:

Не впутывай меня в беду, я так несчастен,
Не называй меня неверным, роза, верный я.
Страдаю я из-за тебя, цветок мой, роза,
За милую отдаю я жизнь, не жалко, щедрый я.
Секрета не могу открыть тебе,
Влюблен давно в тебя, но я робею...

Гюльсабах. Встряхнись, Кудрат.

Кудрат. Невозможно, Гюльсабах. Я потерял сам себя. Я потерял ощущение времени. Я не могу нащупать пульс эпохи, артерии жизни. Я не понимаю, что происходит вокруг. Знаю: жизнь—борьба. Как и прежде, хочу участвовать в ней, стать командиром. Но баррикады с такой быстротой переходят из рук в руки, что я не знаю, куда деваться. Да, Гюльсабах,—время несется с такой

скоростью, что я даже мыслью не могу за ним поспеть. Пиню сегодня что-нибудь, мне гонорят: мечта, фантазия. А через день смотрю: вещь уже на века устарела.

Гюльсабах. Пролетарские массы, охваченные творческим, созидательным подъемом, строят социализм.

Кудрат. Эх, это и я знаю. Я привык отдавать свои мысли народу и вести его за собой. А теперь мы поменялись местами, сам народ наступает на меня. Он вколачивает в мой мозг мои же мысли и говорит с такой быстротой, что я, как посредственная стенографистка, не успеваю всего записать. Обязательства какого-нибудь завода в один день разбирают мысли, которые я вынашивал годами. Два года я трудился над пьесой о неграмотности. Не успел опубликовать, смотрю: школы переполнены учащимися. Курера и те зачитываются газетами. Написал пьесу о раскрепощении женщины. Думал, она должна обязательно прожить, хотя бы до той поры, пока чадра не будет раз и навсегда сорвана у женщины с головы. Смотрю: а женщины давно уже ходят с открытым лицом. Наконец, начал писать о пятилетнем плане. Думал, уж он-то меньше пяти лет не продлится. Прошло два с половиной года... План выполнили, а моя пьеса так и осталась недописанной. Вот и получается: то недоделал, это недоделал, все недоделал...

Гюльсабах. Мысль писателя должна опережать века.

Кудрат. Нет, Гюльсабах, это утопия, фантазия! В своем воображении я много раз строил бесклассовое общество. А теперь мне это общество дали в руки. «На,— говорят,— создавай свой рай!» А я не могу, ибо это не фантазия, а действительность. Всю свою жизнь я бился над тем, как бы уничтожить старое общество. О созидательной работе совсем не думал.

Входит Турач, с удивлением слушает разговор.

Гюльсабах. Ты погибаешь, Кудрат. Брось эту гнилую среду, уйди от нее. Ты омеетанился. Брось все, пока не поздно. Входи, беги. На фабрики, на железные рудники, на чугулитейные заводы. Там артерия эпохи. Послушай меня, Кудрат, ты угасаешь. Сегодня ты не живешь, с пролетарской массой. Ты забыл ее нужды. Я ухожу. Подумай, Кудрат. Теперь ты не прежний лев. Ты должен выбраться из-под этих гнилых досок. Ведь для

тебя это гроб. Кидайся в жизнь. В этом потоке, сотрясающем века, ты станешь действительно сильным и могучим. Тогда я опять полюблю тебя, опять буду поклоняться, как истинному художнику, как могучей силе. *(Подходит к двери в соседнюю комнату.)* Пошли, Заман, уже поздно.

Кудрат. Постой, Гюльсабах, не уходи! Ты перевернула вверх дном всю мою жизнь. Моя семья, мой ребенок... Нет, не уходи, Гюльсабах, мы еще не закончили разговор.

Гюльсабах. Уже поздно, надо идти. Если захочешь, приходи...

Турач. Нет, он не придет! Куда ты хочешь, увести его?

Гюльсабах. Я хочу столкнуть его лицом к лицу с живой действительностью. Хочу воскресить в нем художника. Ты душишь его. Кто он сейчас для общества? Мираж, призрак, живущий только своим прошлым изменем.

Турач. Я люблю его безмерно. Моя жизнь принадлежит ему. Зачем ты хочешь разрушить нашу мирную жизнь? Зачем ты гасишь наш очаг? Ведь я тебе не сделала ничего плохого.

Гюльсабах. Я не враг ни тебе, ни ему, Турач. Я хочу вытащить его из-под этих могильных камней. Он должен уйти.

Турач. Нет, он никуда не пойдет. Ты не пойдешь, Кудрат. Правда, ведь? *(Кудрат молчит.)*

Входит Гамар и Гюляр.

Гамар. Извольте радоваться. Вот особа! На лодке сидит с лодочником же деретка.

Гюльсабах. Твоя лодка идет в ничто, мчится к смерти. Это не лодка, а гроб!

Турач. Он не пойдет. И я умру, и он умрет, но не пойдет с тобой.

Гюльсабах. Это покажет будущее. Пошли, Заман.

Гюляр. Заман не пойдет с тобой. Он пойдет со мной.

Гюльсабах. Ты еще маленькая дочка, Гюляр. У тебя еще бантик не развязали на голове. Ты не можешь идти в ногу со временем. У него слишком огромные шаги.

Г а м а р. Не смей отвечать ей, Гюляр. Это что еще за фокусы? Пренриаться с каждой встречной?..

Г ю л я р. Нет, это не первая встречная. Она очень сильная. С ней надо раз и навсегда свести счеты. Я уже не ребенок. Если этот бантик придает тебе смелость, так на, вот... *(Срывает с головы бантик, бросает на пол.)* Мы еще встретимся! *(Порывисто уходит.)*

Г ю л ь с а б а х *(нервно смеется)*. Ха-ха-ха!.. Жизнь— это не разряженная невеста. Она пугает и друзей, и врагов.

Г а м а р. Ты смеешься над моим несчастьем! До сих пор она не смела сказать при мне даже двух слов. Ты направила ее на меня. Хорошо же, придет время, мы еще встретимся!

Г ю л ь с а б а х *(нервно смеется)*. Ха-ха-ха!.. Придете—встретимся. Пошли, Заман...

Хочет уйти. Кудрат вежливокает с места.

К у д р а т. Пстой, Гюльсабах. Я напишу пьесу. Я еще не умер. Подожди, я тоже иду!

Г ю л ь с а б а х. Я в театре. Приходи, буду ждать. *(Уходит.)*

К у д р а т. Погоди, Гюльсабах! Я тоже иду с тобой. Я хочу тебя проводить.

Т у р а ч. Нет, ты не пойдешь!

К у д р а т *(в замешательстве)*. Турач...

Кудрат визжит назад, словно на него наступают с огнем. За спиной кто-то поет... Кудрат трет лоб, будто очнулся ото сна.

Смотри-ка, куда шагнула жизнь. Вчера эти мальчишки преклонялись пред моими мыслями, девушки заучивали наизусть мои стихи, а сегодня Гюльсабах и Отгюн бросают вызов моим мыслям, идут против меня. Смотрите, как далеко ушел народ! Как я отстаю! Стой, Гюльсабах! Стой, не уходи! Я тоже иду.

Т у р а ч. Ты нас бросаешь? Куда ты?

К у д р а т. Я еще вернусь, Турач.

Хочет уйти. Турач выталкивает вперед ребенка, широко распахивает рука, пытается задержать мужа.

Т у р а ч. Не уходи, Кудрат! Ты хочешь бросить свой дом, своего ребенка?.. Хочешь оставить нас?.. Ведь я всег-

да была предана тебе. Нет, Кудрат, ты не пойдешь, ты не осмелишься сделать этого! Правда же?

К у д р а т. Это невозможно, Турач. Она взбудоражила меня, перевернула мою душу. Я задыхаюсь. Я должен идти, Турач, должен! *(Легким движением отталкивает жену и выходит. За сценой слышится его голос.)* Стой, Гюльсабах, не уходи, я тоже иду!

Турач застывает на месте. Девочка удивленно смотрит на мать.

Т у т у. Мама, куда ушел папа?

Т у р а ч *(после долгой паузы, сдерживая слезы)*. Не знаю, не знаю... *(Плачет навзрыд.)*

Д А Н А В Е С

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Театр. Кабинет директора.

И л ь я с. Вот, я все написал. Прямо в ЦК. Наркомпрос не имеет права нарушать единоначалие.

А м р у л л а. Напиши также, что и я назначен сюда партией. А Наркомпрос подсунил мне эту склочницу, которая бьет всех наотмашь. Не доставай рукою—камень кидает. Я сам во всем виноват. Сам просил ее в наш театр.

Х у р ш и д. Мало тебе! Вот и наказан. Расплачивайся теперь.

А м р у л л а. Откуда я, несчастный, мог знать? Думал: что особенного? Молодая азербайджанка... С образованием... Актрисе у нас нет... Придет, скромно опустит голову, будет работать... Кто знал, что у нее нет ни капли стыда? Ни капли! Вот и кусаю теперь себе локти. Пойду в Наркомпрос, молить буду: родные, миленькие, ошибся, маху дал. Возьмите ее назад, пошлите куда хотите. Отправьте в Нахичевань. Не могу же я допустить, чтобы все артисты разбежались, она одна осталась.

А л и м у х т а р. Да, это верно. Пусть уезжает в Нахичевань и там проповедует свою диалектику.

А м р у л л а. Я здесь приличного дикта не могу найти, а она пришла—я, говорит, с московскими театрами должна соревноваться!

Алимухтар. Утверждает, что она лучшая артистка на свете, а лучший режиссер—Баирам. Клянусь вам, здорово подобрались. Два санюга—пара.

А с я. Одна—дочь кузнеца, другой—сын токаря. Вот они и хотят обгасить нас, как бревна.

Хуршид. Конечно, если Баирам отдаст мне всех «героинь», я тоже скажу, что он лучший режиссер на свете.

А с я. Да ведь роли распределяет не он, а Гюльсабах. Она скажет ему: умри, он умрет. Скажет: воскресни,—оживет.

Алимухтар. Господи, вот несчастье свалилось на нашу голову. Приходят музыканты, говорят мне, что этот молодкосос Мурсал написал нечто бессмысленное и они не могут играть. Тут выскакивает Гюльсабах, кричит, что это национальная форма и они ничего не понимают. Спрашиваю ее: милая, кто ты такая? Директор, режиссер, музыкант, кто ты, кто?. Если ты артистка, так опусти вниз голову и делай свое дело. Увы, разве она стала слушать меня?

Ильяс. Вот уже полчаса прошло, а их все нет.

Хуршид. Да... Вы не слышали?. На днях эта особа отправилась в дом к Кудрату. Как только гости увидели ее, тотчас поднялись и разошлись. Жена Кудрата случайно заглянула в другую комнату, а Гюльсабах там целуется с ее мужем. Бедная женщина вцепилась ей в волосы. А Кудрат взял да и откололтил жену. Потом оба ушли... С тех пор человек домой не приходил.

Алимухтар. А потом за все это театр будет отвечать.

Хуршид. И тогда же Гюльсабах обругала дочь Гамар-ханум. Вчера Гамар сказала мне: мы, говорит, знали, что за кулисами безобразия творятся, но такого не предполагали.

Амрулла. Вот подобные люди и губят дело!.. Приглашай после этого дочерей Азербайджана на сцену. Ильяс, ты об этом случае тоже напиши туда. Только подпусти в письмо что-нибудь из супрематизма, диалектики и марксизма, чтобы убедительнее было. Если не помнишь, спроси у Арифа Хикмета. Он мастер на такие словечки.

Входят Ариф Хикмет и Саян.

Ариф Хикмет. На какие словечки?

Саян. Вроде супа и ревматизма.
Хосмамед. Невежда! Опять начал ехидничать?
Ильяс. Это я написал. Это мне не трудно.

Входит Мирза Джамал.

Мирза Джамал. Знаете новость?

Амрулла. Что еще случилось?

Мирза Джамал. Есть новость. Наша госпожа Гюльсабах-ханум настроила в Наркомпрос донос, будто в театре все оппортунисты, а председатель месткома—бюрократ. Написала, что тут не дают развиваться пролетарским кадрам, артисты неграмотные, директор неопытный. Словом, целая петиция. Наркомпрос вынес решение назначить директором театра Гюльсабах-ханум.

Амрулла. Директором?.. Пусть назначают! Клянусь вам своей дочерью, я буду рад, если избавлюсь от этой обузы. В тот день я куплю огромный торт и всех вас приглашу в гости.

Мирза Джамал. Не знаю, про кого она там говорила, про директора или председателя месткома, но надо, говорит, уволить...

Амрулла. Что? Председателя месткома уволить?

Мирза Джамал. Не знаю, как уж там... Но хочет, чтобы она за всеми наблюдала. Да... Хочет стать инструктором. Наркомпрос вынес решение направить в театр особую комиссию.

Амрулла. Будь она неладна! Честное слово, клянусь своей дочерью, мне жаль ее. Раз на то пошло, заявляю: не быть мне мужичиной, если она останется у нас в театре больше двух дней. Что мы, дети?

Алимухтар. Будь она неладна! Какой же дурак после этого придет в театр?

Алимурад. Не хочет признавать местком! Да я сейчас пойду в Союз работников искусства и все расскажу там.

Амрулла (звонит). Эй, Алаббас.

Входит Алаббас.

Алаббас. Кто звонил?

Амрулла. Ступай к этой Гюльбадам-ханум, скажи, что ее ждет бюро ячеек. Пусть потрудится, пожалует к нам.

Алаббас. Кто такая Гюльбадам-ханум?

Амрулла. Тыфу, перепутал! Не Гюльбадам—Гюльсабах-ханум.

Алаббас. Позвать эту партизанку? Она наверху срывается.

Амрулла. С кем еще?

Алаббас. С художником. Она и Байрам—оба налетели на художника. А тот разошелся и кроет их почем зря.

Амрулла. Лян-ляхи-иль-лялях-кабирэ!.. Эй, мусульмане, что же это делается? Ступай, зови ее сюда!

Алимухтар. Слушай, товарищ Амрулла, растолкуй ей. Я столько лет работаю в этом театре. Вчера она подошла, подседа ко мне и шепчет на ухо: «Товарищ Алимухтар, Мирза Джамал не так говорит роль. Наверное, он смысла не понимает». Глянул я на нее, хотел было отчитать, да сдержался. Двадцать лет человек играет роль, а она пришла и начала: «Не так, плохо, нет классового образа!» Скажи ей, чтобы она потрудилась не лезть в мои дела.

Амрулла. Я тысячу раз говорил: заденет тебя—иди ко мне, я сам разберусь.

Ася. Она и ко мне на днях прицепилась. «У тебя,—говорит,—цвет блузки не гармонирует с цветом юбки». Я ей ответила на это: «Не сегодня—завтра в театре откроют красильню, мы все выкрасимся и станем красными».

Мирза Джамал. Постой, постой... Это я не так говорю роль? Я не знаю, как говорить?

Алимухтар. Ну, да.

Мирза Джамал. Хорошо, раз она считает, что мы неверно говорим, пусть просветит нас своей диалектикой... Тоже мне, выскочка нашлась! Ты смотри, какие времена настали. Яйца курицу учат.

Ариф Хикмет. Ее собственная экспозиция никак не соответствует экспликации. А когда она проводит спецификацию, то не может получить субординацию. Центр тяжести и центр внимания тоже не совпадают.

Мирза Джамал. Арабский язык знаю, персидский знаю, азербайджанский знаю, русский тоже... А она что знает? Неужда!

Входит разгневанный художник театра Староверов.

Староверов. Товарищ директор, вот мое заявление, а вот я сам. Прошу дать расчет. Не хочу больше у вас работать.

Амрулла. В чем дело? Что случилось?

Староверов. Каждый молокосос будет учить меня? К черту всем! Я на них плевать даже не хочу!

Амрулла. Товарищ Староверов, что случилось? Расскажите, мы во всем разберемся.

Староверов. Не желаю и работать, вот и все. Поручил маленькому Судейману макет, а тот пошел поговаривался с Байрамом и смастерил какую-то дурацкую штуку. Я говорю: не годится. А режиссер и эта актриса заявили ко мне и твердят: «Это национальная форма!» Я тридцать лет работаю в театрах. Если я прав, значит они ошибаются. А если правы они, тогда, выходит, мне здесь нечего делать.

Амрулла. Вот видите, дорогие, видите, что она со мной вытворает? А возьмешь, вышвырнешь вон, придет какой-нибудь иуч и начнет: «Вы не даёте дорогу дочерям Азербайджана!»

Мирза Джамал. Подлецом буду, если хоть раз сыграю у этого режиссера Байрама.

Сапан. Не играйте. Я могу сыграть все ваши роли.

Мирза Джамал. Дудки! Не видать вам этого, как своих ушей!

Хуршид. Говорю заранее: в пьесе, где Гюльсабах будет играть, а Байрам режиссерствовать, мне делать нечего.

Ариф Хикмет. Что с того, что она дочь Азербайджана? Нечего дезорганизованней заниматься. У нас в Москве, в театре, без разрешения директора никто рта не смел открыть.

Амрулла. Эй, Алаббас, где же эта склочница?

В дверь заглядывает Кудрат.

Кудрат. Гюльсабах-ханум здесь?

Амрулла. Да умертвит аллах твою Гюльсабах-ханум! Не знаю, как от нее избавиться.

Сапан. Входите, товарищ Кудрат, присаживайтесь.

Кудрат. Нет, мне нужна Гюльсабах-ханум. (Уходит.)

Алимухтар. Нужна, так ищи.

Сапан. А что здесь такого? Может, у него дело есть.

Амрулла. А тебя, товарищ Сапан, прошу не отвечать каждому встречному. Я здесь сижу, как дурак, а ты

говорить: «Входите, присаживайтесь». Может, я вовсе не собираюсь впускать его в мой кабинет.

Сапан. Да ведь это кабинет.

Мирза Джамал. А где он раньше был? Приехала Гюльсабах-ханум и он заявился.

В кабинет заглядывает Отгюн.

Отгюн. Гюльсабах-ханум здесь?

Амрулла (рисованно). Нет, товарищ, нет. Закройте дверь, у нас собрание.

Мирза Джамал. Гюльсабах заставляет бедного парня и работать, и писать. Утром тащится на завод, а после работы пишет для нее пьесу.

Алимухтар. Конечно, будет писать. Клянусь вам, удивительное дело! Все стало наоборот. Писателей делают кузнецами, кузнецов—писателями.

Хуршид. Сунет под мышку тетрадь и шепчется с ним то в одном углу, то в другом.

Ася. И никто не знает, никто не спрашивает, о чем они шепчутся.

Хуршид. А спросят, она скажет: разговор идет о пьесе.

Мирза Джамал. Бедная та пьеса, которую напишет этот пустоголовый.

Ася. Говорят, на днях они так прижались в углу друг к другу, что губы их едва не касались. Мне кажется, пьесу можно писать и на расстоянии.

Алимухтар. Я не могу понять, кто здесь эта Гюльсабах-ханум? Драматург идет к ней, художник идет к ней, музыкант идет к ней. Если так, пусть занимает наши должности, а мы уйдем, займемся другими делами.

Мирза Джамал. И займет. Судя по ней, судя по Наркомпросу, видно, что займет.

Амрулла. Я только радоваться буду. Клянусь своей дочерью, куплю вот такой огромный торт и приглашу всех в гости.

Входит Гюльсабах. На ней простой, но изящно сшитый рабочий костюм.

Гюльсабах. Вы меня звали?

Амрулла. Два часа уже ждем тебя. Нельзя так. Входи. Мы ведь тоже заняты. И у нас есть дела.

Гюльсабах. Что случилось?

Амрулла. Как что? Эти товарищи жалуются на тебя.

Мирза Джамал. Я не жаловался.

Хуршид. Кто она такая, что я на нее буду жаловаться? Ни директор, ни режиссер.

Амрулла. Что вы, дорогая моя, с утра затеваете бучу? Во-первых, садись. Я сам тебя вызвал. Ведь так нельзя. Ты здесь всех взбудоражила. То музыканты лезут ко мне, то художник, то Кудрат, то этот пустоголовый мальчишка-писатель. Разве так можно?

Гюльсабах. Товарищ директор, я сейчас на работе. Когда закончу, тогда готова всех выслушать.

Амрулла. Вот, смотрите... Любитесь... И это дочь Азербайджана!. Аллах, аллах!. Клянусь святым Аббасом, сейчас пойду, приму яд, покочу с собой и напишу, что в моей смерти виновна Гюльсабах.

Гюльсабах. Вы, конечно, имеете полное правовливать себе в горло яд. Вот если бы вы захотели опонить ядом театр, тогда, разумеется, нашлись бы, кто схватил вас за руку.

Амрулла. Кто меня схватит за руку?

Гюльсабах. Кто? Я!

Мирза Джамал. Кто ты такая? От горшка два вершка, а считаешь себя владыкой мира. Будто без тебя, без твоей диалектики дело не шло. Я создал этот театр. Теперь ты пришла на готовое...

Хуршид. Яйца начали учить курицу!

Хосамед. Кроме того, ты ничего не понимаешь в литературе. Тебе не нравятся мои стихи. Товарищ Амрулла, умоляю, скажи, «бульвары-шаровары»—рифма или нет?

Алимурад. Товарищ Гюльсабах-ханум, я, как председатель месткома, уже сообщил в Союз Рабис и вам говорю, что вы загибаете влево, суетесь в работу каждого, обижаете специалистов, мешаете жизни театра.

Гюльсабах. Моя бабушка тоже специалист. Когда она сидит у прялки, от трескотни ее примитивного станка оглохнуть можно. Мы хотим заставить их делать коверкот, а они хотят заставить нас носить шерстяные чулки, как в стародавние времена. Не быть тому, товарищ председатель месткома!

Амрулла. Хорошо. Допустим, артист не понимает, артистка, музыкант тоже не понимают. Но ведь худож-

ник, милая, из Москвы приехал. Неужели и он тоже ничего не понимает?

Гюльсабах. Что поделаешь, если молодой художник лучше его схватывает жизни!

Староверов. У меня есть постановки всех московских театров. Покажи мне подобную комбинацию, и тогда хоть глаза выколи.

Байрам. Это невежество! Если ученик будет считать все, чему учил его учитель, абсолютным законом, то жизнь не двинется вперед. Такова диалектика. Если молодой парень нашел то, чего не могли найти его учителя, никто не ударит его по руке, не посмеет.

Алимухтар. Вы смотрите! Теперь она говорит, что и в Москве ничего не понимают. Это же возмутительно!

Амрулла. Значит, и в Москве никто ничего не понимает? Одна ты понимаешь?

Мирза Джамал. Сама от горшка два вершка, а хочешь здесь распорядиться! Ко всем пристаешь, всем мешаешь. Думаешь таким образом стать директором или режиссером? И не мечтай!

Амрулла. Тебя прислали сюда работать, а не бегать по инстанциям.

Алимухтар. Что ни слово, то подпускаешь про диалектику, про революцию. Пугаешь нас.

Гюльсабах. Я не бегу по инстанциям.

Мирза Джамал. Не бегаешь? А донос? Кто написал в Наркомпрос донесение?

Гюльсабах. Я не писала доноса. Я просто изложила свое мнение.

Ильяс. Мы переберем ноги тем, кто будет лезть в кабинеты через задние двери.

Гюльсабах. Время тратует своего. И никому не удастся остановить его напор.

Ильяс. Значит, ты здесь сколотила себе группу?.. Групповщиной занимаешься?

Гюльсабах. Я в Наркомпрос написала не тайком. Копия у вас. Вот она, лежит под бумагами.

Амрулла. Милая, родная, хорошая, неужели я ошибаюсь? Не успела приехать, сразу начала мутить воду. Оторвала от работы одного из членов Союза пролегарских писателей Азербайджана, учинила скандал в доме Кудрата, весь театр перевернула вверх дном. Тут художник обижается, там музыкант недоволен...

Хуршид. Дочку Гамар-ханум изводишь.

Амрулла. А потом за все театр придется отвечать.

Ариф Хикмет. Нельзя так, ведь это директор. Его нельзя абстрагировать.

Амрулла. Что нельзя делать?

Ариф Хикмет. Абстрагировать.

Амрулла. Товарищ Ильяс, об этом тоже напиши туда!

Алимуррад. Я, как председатель месткома, говорю, что они здесь занимаются групповщиной.

Байрам. Сами вы групповщик.

Ильяс. Ты не хочешь признавать местком. А сам замаскировался. У вас в Крепости есть двухэтажный дом. Ты—частный собственник. Настоящий оппортунист.

Сапани. Сам ты, Ильяс, настоящий оппортунист.

Хосмамед. Нет, это ты оппортунист. Я пишу стихи про то, как женщины пудрятся, а ты говоришь, что рифмы нет. Эй, люди, ради счастья своих детей, скажите: булвары-шаровары—рифма или нет?

Алимуррад. Товарищи, это все второстепенные вопросы. А я, как председатель месткома, хочу знать, когда нам эта дирекция выплатит эту зарплату?

Гюльсабах. Товарищ директор, у нас нет времени для пустой болтовни. Мы должны работать.

Амрулла. Кто это—мы?

Хуршид. Их группа.

Заман. Здесь группы нет. Есть сила, борющаяся за прогресс театра. А вы хотите втянуть нас в склоку.

Хуршид. Мы еще увидим, кто занимается склоками.

Сапани. Пошли, товарищи. Когда нас вызовут, мы свое слово скажем.

Заман. Мне все-таки интересно знать, что вам нужно?

Мирза Джамал. Ты великолепно знаешь... Мы вот что хотим... Тридцать лет я играю роль Амрастанбека. Я создал образ. А теперь вы пришли и хотите напиль мне на голову плоскую кепку и прицепить хвост в виде диалектики. И все это по милости Гюльсабах-ханум. Режиссер отобрал у меня роль и отдал тебе, Заман.

Байрам. Заман работает по новому методу, по новой теории. А ты не хочешь так работать. Не можешь.

Мирза Джамал. Интересно получается! Трид-

цать лет могли, а стоило прийти сюда тебе и Гюльсабах-ханум, как мы не можем. Я отлично могу. Просто не хочется юртить образ.

З а м а н. Тридцать лет назад и моя бабушка была девицей.

А р и ф Хикмет. Но что же получается? Я всегда играл положительные роли. Сам Станиславский в Москве говорил... А теперь, сколько ни есть отрицательных ролей, все мне дали. Уйду из этого театра! Не буду играть отрицательные роли!

Г ю л ь с а б а х. Товарищ директор, я иду работать.
А м р у л л а. А нельзя ли узнать, как это вы там работаете?

С а н а н. Мы учимся. Гюльсабах-ханум и Байрам преподают нам.

З а м а н. Готовимся к соревнованию.
А м р у л л а. Хорошо. А кому вы об этом сказали?
С а н а н. Местному.

А м р у л л а. Ваш местком ничего не смыслит! Не хватает мне только соревноваться с московскими театрами. Я без того горю. Горю! До борьбы ли мне?

М и р з а Джамал. А Гюльсабах-ханум и Заман будут бороться.

Г ю л ь с а б а х. Да, Заман будет бороться. У него крепкая голова. Борьба пугает тех, у кого слабенькие череп. А мы будем драться. И победа будет за нами.

И л ь я с. Вот увидите. Я добьюсь... Или этот театр закроют или завтра же ее ноги здесь не будет. Вот и все! Сейчас пойду прямо в Союз Рабис. *(Берет портфель, идет к выходу.)* До самой Москвы доберусь! *(Кидает портфель под мышку и выходит.)*

З А Н А В Е С

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната Гюльсабах. Входят Гюльсабах и Заман.

Г ю л ь с а б а х *(раздеваясь)*. Устала я, Заман. Как они меня изводят!

З а м а н. Ты очень строга и непреклонна, Гюльсабах. Ты ведь знаешь, Мирза Джамал—театральный бог. До

сего времени никто не смел ему перечить. Везде его знают, всюду он знаменит. Если дело дойдет до серьезного, все ему поверят. Он принудит театр подчиниться его прихоти. Надо этот вопрос серьезно обсудить на явечке.

Г ю л ь с а б а х. Они не в состоянии овладеть новым методом работы и потому боятся потерять свои места. Мы должны объяснить им, что мы боремся только за прогресс театра.

З а м а н. А они думают только о себе. Бегают в Наркомпрос, туда, сюда, жмут на беднягу Амрулла.

Г ю л ь с а б а х. Амрулла растерялся. Он неопытный, бонитса. Думает, если несколько человек уйдет—театр развалится.

З а м а н. Его здорово прижали. Байрам всего один раз пришел чуть-чуть навеселе, так они воспользовались случаем и выгнали беднягу из театра. Теперь очередь за тобой, потом за мной.

Г ю л ь с а б а х. Здесь дело не в выпивке, а в борьбе систем. Что делать? Это война. Сдаваться? Бежать?

З а м а н. По-моему, вначале надо помягче.
Г ю л ь с а б а х. Нет, Заман. Бежать с поля боя—удел трусов. Нож джигита должен поражать врага не в спину, а в грудь. Байрама прогнали, но пусть это никого не пугает. Революция не бывает без жертв. Только бы Кудрат написал пьесу. Он сейчас здорово работает. Говорил мне на днях, что у него замечательная тема.

З а м а н. История с Кудратом еще больше подпортила дело. По всему городу ходят слитки: Гюльсабах увела Кудрата из его родного дома, разрушила его семью...

Г ю л ь с а б а х. А почему?

З а м а н. Кому ты что докажешь? И если бы только одна эта неприятность.

Г ю л ь с а б а х. Верно говоришь, Заман. Врагов много. Я замечаю, что люди, которые раньше разговаривали со мной по-дружески, теперь обходят меня, сторонятся.

Вчера я ходила в Наркомпрос хлопотать за Байрама, так секретарь меня не принял. Я всю ночь до утра не спала. Голова лопается от дум.

З а м а н. Сейчас, когда мы шли сюда, мимо вашего дома проходила Голяр.

Г ю л ь с а б а х. Голяр? Она видела нас?

З а м а н. Не знаю.

Г ю л ь с а б а х. Я не предполагала, что Голяр тебя

любит. Она хочет со мной сразиться. Эх, Заман, в жизни бывают очень сложные вещи. Если эта девушка станет со мной драться, на чьей стороне будешь ты? А, Заман?

З а м а н. Я?..

Г ю л ь с а б а х. Нет, не отвечай, Заман, я не хочу.

З а м а н. Я должен рассказать тебе все, Гюльсабах. Давно хотел.

Г ю л ь с а б а х. Нет, я не хочу слушать. Ни слова не говори! Все зависит от пьесы, которую напишет Кудрат. Подожди, Заман, я зажгу керосинку, поставлю чайник.

З а м а н. Нет, Гюльсабах. Ты очень устала. Я сам поставлю чайник. Лучше сядь и сыграй ту мелодию, чтобы нам не забыть.

З а м а н идет в соседнюю комнату. Г ю л ь с а б а х садится за пианино. Входит К у д р а т.

К у д р а т. Я был в театре, Гюльсабах. Искал тебя. Почему-то мне опять ответили очень холодно.

Г ю л ь с а б а х. Что хорошего?

К у д р а т. Так, ничего... Сегодня не видел тебя, скупчал.

Г ю л ь с а б а х. Как твои дела?

К у д р а т. Замечательно, Гюльсабах. Сделал уже польесье. Грандиозность темы очень помогает мне.

Г ю л ь с а б а х. А с Турач виделся?

К у д р а т. Эх, не напомнивай мне о ней, Гюльсабах. С того самого дня не видел. В голове будто туман. Вся вселенная кружится у меня перед глазами, кружится с такой скоростью, что я не могу ничего разглядеть. Сегодня был на заводе. Смотрю: колеса вертятся, моторы работают, все движется. Вот и все. Больше я ничего не смог увидеть. Только движение!

Г ю л ь с а б а х. Да, движение, скорость, темп... Движение—самое главное в жизни.

К у д р а т. Вы просили отрывок из пьесы?

Г ю л ь с а б а х. Какое-нибудь стихотворение, этого достаточно. У нас есть молодой композитор, отдай ему.

К у д р а т. Я принес. Молодой рабочий поет своей невесте.

Г ю л ь с а б а х. Понятно. Песня новых людей. Нам как раз это и нужно. А ну, прочти.

К у д р а т. Сейчас... *(Достаёт листочки)*. Я написал песню по дороге на завод.

Моя милая—красавица,
Волосы из золота,
Жемчуг на груди,
В венце зеленый изумруд.

Г ю л ь с а б а х. Золотые волосы—изжеванный образ. К тому же это купеческое выражение, не сегодняшнее выражение.

К у д р а т. Как же написать? Может, чугунные волосы?..

Г ю л ь с а б а х. Не знаю, возможно, так и надо написать: чугунные.

К у д р а т. Золотые волосы, шелковые волосы—это самые распространенные сравнения в восточной литературе.

Г ю л ь с а б а х. Так было вчера.

К у д р а т. Хорошо, я исправлю.

Г ю л ь с а б а х. Твоя невеста, разукрашенная жемчугом, в изумрудном венце, не сможет ни траву косить, ни на дизеле работать. Она годится только для гарема.

К у д р а т. Почему? Разве у работниц не бывает свободного времени?

Г ю л ь с а б а х. Свободное время работниц принадлежит им самим. Нас же сейчас интересует общественное положение женщины. Общественная жизнь—это боевой фронт. Ну, дальше...

К у д р а т.

На белой, как мрамор, груди
Пуговики алого яхонта,
Царский взгляд у любимой,
Каждого покорит.

Г ю л ь с а б а х. Во-первых, твоя невеста походит на дочь ювелира, которая утащила у отца все драгоценности и нацепила на себя. Затем... царский взгляд тоже не современное выражение.

К у д р а т. И ты, Гюльсабах, уподобляешься некоторым. Как же написать? Может, дворницкий взгляд, или жнецкий?

Г ю л ь с а б а х. Не могу сказать. Я ведь не поэт. Знаю только, что сейчас нет ни царя, ни царских взглядов.

Кудрат. Хорошо, и это исправлю.
Гюльсабах. Дальше.
Кудрат. Дальше...

Напишу письмо и отдам
Журавлям, в небе летящим,
Пусть отнесут любимой.
Прекрасного скакуна
Уберу луговыми цветами,
Пусть мчится скорей за любимой.

Ну, на это ты, надеюсь, ничего не скажешь.

Гюльсабах. Кудрат, ты, кажется, ищешь артерию эпохи? Она, конечно, не здесь. Новый человек не посылает своей любимой письма с журавлями и голубями. И неест теперь не увозят на скакунах... Не это идеал новых людей. Темп, скорость, железо, сталь, мощь, движение!

Слова свои говорю
Мощным радиоволнам,
Пусть донесут до любимой!
Крылья украшу я
Летающего самолета,
Пусть примчит мне любимую.

Вот так могут думать новые люди. И это еще не все, так будет не всегда. Жизнь—движение. Диалектика не знает конца.

Кудрат. Понимаешь, Гюльсабах, я написал эти стихи перед тем, как пойти на завод. А пришел туда и чувствую: завод не дал мне ничего, никаких мыслей. Вышел на улицу, прочитал эти стихи и они мне не понравились. Почему? Сам не знаю... Скажи мне, Гюльсабах, отчего ты выглядишь такой усталой?

Гюльсабах. Меня обижают, Кудрат, очень обижают... Кто там? Уж не Турач ли?

Кудрат. Турач?

Гюльсабах. Похоже на нее. *(Встает, хочет подойти к двери.)*

Раздается стук. Кудрат вскакивает с места.

Кудрат. Постой, Гюльсабах, постой... Не открывай. Я не хочу с ней встречаться. *(Выходит в другую комнату.)*

Гюльсабах открывает дверь. Бледная, измученная Турач с дочерью на руках входит и молча останавливается у порога.

Гюльсабах. Входи, Турач.

Турач. Извините меня, я пришла без приглашения, как и вы приходили к нам в дом без приглашения.

Гюльсабах. Входи, Турач, садись.

Турач. Я пришла не сидеть. Хочу поговорить с тобой!

Гюльсабах. Садись, Турач, садись, поговорим.

Турач. Я хочу спросить у тебя только одно: ты его любишь?

Гюльсабах. Турач, я свободная женщина и могла бы ответить, что это не твоё дело, хлопнуть дверью и ничем не разговаривать. Но мне хочется с тобой потолковать, узнать твоё горе и разделить его.

Турач. Хочу спросить, что я тебе сделала плохого? Зачем ты разрушила мою спокойную жизнь?

Гюльсабах. Спокойная жизнь—смерть, Турач. Твой муж—писатель, он не может жить без волнения, без шума, без борьбы.

Турач. У меня, кроме него, нет никого на свете. Я люблю его.

Гюльсабах. Послушай меня, Турач. Его любит еще один человек. И почему этот человек должен отдать тебе Кудрата? Почему этот человек должен уступить тебе свое счастье?.. Допустим, он отдаст тебе Кудрата, но разве это не будет милостью? Ну, отвечай, Турач. Я говорю с тобой не как с врагом. Представь себе: я сильнее тебя, я схватила сильными руками жизнь. Почему же я должна отдать ее тебе? Подумай, Турач, подумай сама, подумай хорошенько.

Турач. Не знаю. Я не могу тебе ответить.

Гюльсабах. Ты бессильна, Турач, вот ответ. Что же теперь делать? Говори!

Турач. Не знаю. Я всегда думала только о его покойе. И он меня любил. Но появилась ты, он ушел и больше не вернулся.

Гюльсабах. Послушай, Турач. Если бы речь шла только о моем личном счастье, я бы вернула его тебе без промедления. Но что делать? Наш театр соревнуется. Где же ты хотела его видеть—мужем возле себя, или же солдатом с победным знаменем в руках во главе боевой колонны?

Турач. Моя дочь уже неделю горит в лихорадке, не спит по ночам. Когда она зовет отца, сердце мое разрывается на части. Она не сходила с его рук, а теперь...

Гюльсабах. Я все понимаю, Турач. Но что делать? Ты можешь взять мужа только в бою. Чтобы завоевать его, нужно расти, работать, драться. Чьи кулаки будут сильнее, тот и победит.

Турач. Из родительского дома я пошла в школу, а из школы — в дом мужа. Я не видела борьбы, не приехала...

Гюльсабах. Учись, готовься, Турач. Я помогу тебе. Иди работать, иди на фабрику, в консерваторию.

Турач. Я ничего не хочу, если мой ребенок не увидит отца... Сколько дней уже Туту ищет его по комнатам. Наконец, вчера я сказала, что отведу ее к отцу.

Гюльсабах. Ничего не поделаешь, Турач. Сейчас твое личное счастье идет во вред людям. Я должна была вырвать Кудрата из общества Гамар-ханум. Я должна была зажечь в нем новый огонь. Не знаю, может, я ошибаясь, может, он не сможет ничего написать. Прогресс немалым без ошибок, без промахов, без жертв.

Турач. Чем виноват мой ребенок?

Гюльсабах. Дорога к счастью полна жертв, Турач. Если бы для счастья народа должны были погибнуть и мой ребенок, я не колебалась бы ни минуты.

Турач. Каждый день, проснувшись, она идет на улицу и ждет: «Вот сейчас папа придет с работы, принесет мне браслетик, принесет ботиночки». Ты не мать, Гюльсабах. Ты ничего не поймешь. В лучах заходящего солнца бледнеет небо. И лицо моей девочки тоже бледнеет, но она не спускает глаз с дороги. Пусть Кудрат вернется домой. Пусть не ходит на работу. Я не хочу. Буду просить милостыню, готова сделать все, что угодно, лишь бы он мог писать.

Гюльсабах. Нет, Турач, это очень сложно. У него пелена на глазах. Кудрат не может увидеть подлинную жизнь. Идет на завод и ничего не видит. Не чувствует, что каждый поворот этих маховиков, которые вертятся с невиданной скоростью, есть удар сердца нашего народа, педущего борьбу. Кудрат смотрит на борьбу издалека. Его надо схватить за шиворот и затащить в первые ряды. Он должен сам убедиться: если его пуля пролетит мимо, вражеская пуля угодит ему в лоб. Нет, Турач, нет. Это

очень трудное дело. Это борьба, битва. Здесь нет места состраданию. Если сможешь, старайся, беися со мной. Беися, как ливня, борись. Посмотрим, кому улыбнется счастье.

Турач. Хорошо, пошли, доченька. Счастье улыбается тебе, Гюльсабах. Ну, что ж, смейся, смеися каждое утро, а я каждый вечер буду плакать. Пошли, доченька, здесь нет твоего папы. Он пошел домой.

Туту молча идет впереди матери. Гюльсабах срывается с места, обнимает девочку.

Гюльсабах. Ты расстроила мое сердце, Турач. Что делать? Этого хочу не я. Так хочет смена, жизнь. Ну, хорошо, пусть будет по твоему. (Девочке.) Иди, детка, иди. Даю слово, твой папа сегодня же придет к тебе. Верь, Турач, твой муж вернется. Я приложу все силы, честное слово.

Турач. Мне не нужна милостыня. (Протягивает Гюльсабах перевязанный пакет.) Если увидите Кудрата, передайте ему это и записку. Пошли, дочка!

Уходят. Гюльсабах застывает на месте. Издали доносится грустное вение. Медленно, понуро входит Кудрат и молча останавливается посреди комнаты. За спиной поют:

Обвито сердце локоном твоим, эй, роза!

Рабыня ты в чужом дворце, эй, роза.

В саду ты, но кругом колючие кусты,

И невозможно в сад к тебе сойти, эй, роза.

Я думал, счастье принесет твоя любовь,

Я погибая, жизни без тебя нет, роза!

Кудрат (тошкливо). Ушла! (Гюльсабах передает ему пакет и записку. Кудрат читает.) Девочка была больна... Я продала пианино... Может, ты без денег? Я принесла тебе...

Гюльсабах. Ты тоже иди! Иди, Кудрат. Вернись к своей семье.

Кудрат. Уйти? Вернуться? Куда вернуться? Нет, Гюльсабах, путь отрезан. Возвращаться нельзя. Что делать? Стрела, пущенная из лука, не возвращается.

Гюльсабах. Иди Кудрат, иди. Вернись. Это очень опасный путь. Кто знает, как все может обернуться.

Кудрат. Гюльсабах, ты убила меня, как мужа и отца. Все только и говорят об этой истории. А теперь вер-

нуться?.. Как можно вернуться с пустыми руками? Нет, Гюльсабах, не могу. Подожди, вот закончу песню...

Гюльсабах. Вернись, Кудрат. У тебя девочка больна. Наша жизнь это горный поток, он очень мощный. После уже не сможешь вернуться. Поздно будет. Пока не упущено время, поворачивай назад.

Кудрат. Хорошо, Гюльсабах, я пойду.

Весело смеясь, входит Заман.

Заман. Получив приказ, наша рота поднялась из окопа! Наша цель—враг, окопавшийся на горе перед нами.

Иль на горе взвоется наше знамя,
Иль смерть найдем в родной земле,
Наша рота шла, врага сметая,
Как могучий, пенистый поток.
Все в огне, земля покрыта дымом,
Гром орудий вздыбил эскадрон.
Кони в страхе ржут, кося глазами,
Пулеметы бьют нам в лоб, противник злобен.
Я иду, прижав к груди винтовку,
Сквозь огонь, сквозь дым, сквозь смерть и ад!
Пулеметы бьют нам в лоб, противник злобен,
Осыпает нас свинцовым градом,
Землю вспаривают снаряды,
Справа, слева, спереди и сзади.
Словно смерть, раскрыв свои объятия,
Мне кричит: «Вернись! Вернись! Вернись!»
А в сознании моем мелькают—
Отчий дом, очаг,
Мои жена, ребенок,
Не спускающие глаз с дороги.
А в сознании моем мелькают—
Смерть костлявая с косой,
Град свинцовый, воющие пули,
Руки, ноги, кости, черепа.
Все кричат, кричат мне в один голос,
Молят все: «Вернись! Вернись! Вернись!»
Не вернусь! Есть смерть, но нет назад дороги.
На врага! Вперед, вперед, вперед!
Пушки наши нам пришли на помощь.
Вот уж первые ряды с врагом сцепились,

Смогли вражеские пулеметы,
Враг бежит, бежит, бежит. Ура!
Все сметая на пути, несемся.
И взвилось над вражеским окопом знамя.
На вершине я стою, в руках винтовкой,
Кажется, долины мне улыбки дарят,
Осыпают мне лицо цветами.
Кажется, с высокого холма
Утреннее солнце
Резвыми лучами
Щеки мне целует.
Кажется, моя отчизна—родина бескрайняя,
прекрасная

Шлет мне свой привет: «Ты победитель!
Победитель! Победитель!»

Вот, выучил стих, пока чайник закипел. Ну, как, хорошо, Гюльсабах?

Кудрат с шапкой в руке идет к двери.

Кудрат. Прощай, Гюльсабах.

Гюльсабах (взволнованно). Есть смерть, но нет назад дороги!

...Все сметая на пути, несемся.

И взвилось над вражеским окопом знамя.

Не уходи, Кудрат. Тела, падающие к нам под ноги, головы, руки, ноги не могут задержать нас в пути. Если солдат, идущий в атаку, будет думать только о домашнем уюте, ему в конце концов придется поднять белый флаг. Пиши, Кудрат, пиши!

Входят, переругиваясь, Хосмамед и Сапан.

Хосмамед. Отстань ты от меня, бессовестный! И чего привязался? Вот и Кудрат-эфенди здесь. Ведь против него ты ничего не скажешь... Салам алейкум! Заклинаю тебя твоими детьми, товарищ Кудрат-эфенди, скажи мне: бульвары-шаровары—рифма, или нет?

Заман. Чай готов, Гюльсабах.

Гюльсабах. Рифма, товарищ Хосмамед. (Садится к пианино).

Хосмамед. Товарищ Гюльсабах-ханум, лично я сам—крупный артист, и таланта во мне есть сколько угодно. Я вижу, что вы правильно говорите. Сколько раз вы втолковывали мне, учили уму-разуму... Я размышлял

про себя, убедились: хорошо выходит. Однако друзья мои—народ отсталый. Да... Прошу вас, не обижайте меня. Как вы скажете, так и буду играть. Только скажите, чтобы мне вернули мою роль.

Гюльсбах. Да кто я такая, Хосмамед? Роли распределяет режиссер. Твою роль переименл Байрам. А его сейчас уволили.

Хосмамед. Нет, опять взяли. От партии пришла бумажка. Байрама восстановили. Честное слово, клянусь кораном. Когда поеду на дачу, привезу тебе огромную корзину нижира. Не унижай меня перед товарищами, Гюльсабах-ханум.

Заман. Вот это чудесная вещь. Замечательно! Значит, мы не одни. Дай-ка сюда твой стакан, товарищ Хосмамед, налью тебе чаю.

Хосмамед. Клянусь, товарищ Гюльсабах, нехорошо получается... Дайте мне, если у вас есть, корзину. Буду возвращаться с дачи, захвачу для вас винограду.

Гюльсбах. С нижиром и виноградом ничего не выйдет, товарищ Хосмамед. Ты лучше работай, учись, совершенствуй свою профессию. Тот, кто не овладел хорошо своей профессией, не может называться мастером, творцом. Он может только подражать другим.

Хосмамед. Я учусь, учусь... Все, что ни скажете, буду делать... Вот, я еще стихи написал...

Сапан. Больно много ты пишешь. А в стихах твоих нет ни рифмы, ни ритма.

Хосмамед. Эх, бессовестный! Проклятье отцу дгуна. Товарищ Гюльсабах, прошу тебя, скажи, бульвары-шаровары—рифма или нет?

Сапан. Будь там, например, бульвары-самовары, было бы еще ничего.

Заман. У меня поднялось настроение. Значит, Байрама восстановили! *(Вдохновенно поет):*

Река, ты чья?—Того, кто мост построил!
О солнце, чье ты?—Того, кому нунно я!
О небо, чье ты?—Тех, кто ищет крылья!
О жизнь, скажи, ты чья?—Того, кто познает меня,
Кто может, кто берет!

Хосмамед *(достает тетрадь)*. Дальше можно рифмовать так: кто берет, кто дает, кто поет, кто идет, кто грядет...

Заман. Что бы там ни говорили, а Отгюн написал неплохую пьесу.

Открывается дверь. В комнату порывисто вбегают Гюляр, Гюльсабах и Заман вскакивают с мест.

Заман. Гюляр!

Гюльсбах *(удлилась, но серьезно)*. Ага, и вы пришли! Что вам нужно, девочка?

Гюляр. Я не девочка, я не ребенок. Я такой же человек, как и ты. Я пришла показать тебе свою силу!

Гюльсбах. Вы бы лучше пошли в цирк и там показывали свою силу.

Гюляр. Нет, я хочу драться с тобой! Хочу сражаться с тобой! Ты сказала Турач, что у тебя крепкая лапа. У меня тоже крепкая лапа.

Гюльсбах. Лапа-то крепкая, а вот сердечко слабое. Дело не только в силе, но и в мужестве, смелости.

Гюляр. Мое сердце, как камень. Чем ты воюешь? Где твоё оружие? Знания? Умение? Я готова к борьбе. Играть на шанно умеешь? Я тоже. Петь? Я тоже!

Гюльсбах. Ты еще маленькая, ты девочка. Ты маленькая дочка. Твоему папску могут противостоять не только живые, но и мертвые.

Гюляр. Никто не сможет противостоять моему папску. Чем ты хочешь сражаться? Говори. Я ночью не сплю. Учусь.

Гюльсбах. Талант, может, у тебя и есть, а вот смелости нет. Я разорвала покрывало целомудрия, которое в вашем обществе считается священным, и взялась за дело, которое никому не нравилось. Я поступила на сцену. Ты этого не сможешь. Ты не пойдешь.

Гюляр. Нет, пойду!

Гюльсбах. Ты не сможешь со мной сражаться, девочка. Ты завалена трупами. Тебе не перепрыгнуть через них. Тебе трудно будет пробиться вперед.

Гюляр. Кто эти трупы?

Гюльсбах. Твоя мать, твоя тетка, твоя бабушка! Тебя страшат их слезы.

Гюляр. Меня ничего и никто не страшит. Если сена—поле сражения для нас, я готова! Вы не думайте, что это все из-за него. *(Указывает на Замана.)* Вы задели мое человеческое достоинство, вы назвали меня слабым существом, надсмеялись надо мной. Однако я современ-

ная девушка и хочу показать вам, на что я способна. Я буду работать для нашей сцены, для нашего народа. Я протру свои глаза, протру свои мозги. Не буду спать ночами. Буду работать, буду учиться. И в конце концов я возьму в свои руки жизнь, как об этом говорил Заман.

Гюльсабах. Что ж, иди к нам, Гюляр, я помогу тебе.

Гюляр. Я не нуждаюсь в твоей помощи. Я сама научусь всему. Я обойдусь без тебя.

Гюльсабах. Иди к нам, Гюляр. Сцена это поле сражения. Там мы встретимся с тобой.

Кудрат (*подходит с газетой*). Вот и здесь опоздал... Я еще не закончил второго действия, а завод своими обязательствами смешал мне все карты. Ремни вертятся, маховики вертятся, моторы вертятся. Они хотят меня смять, задушить, убить. Нет, пока я жив, я не сдаюсь. У меня талантливая голова. Я остановлю ваш ход. Я напишу... Я напишу совсем другое.

Дверь тихонько открывается. Входит Алаббас.

Алаббас. Товарищ Гюльсабах, вот, пожалуйста. (*Передает записку*). Товарищ Амрулла велел передать.

Гюльсабах (*читает*). «Товарищ Гюльсабах, по известным вам причинам, вы освобождаетесь от работы. Можете получить расчет».

Алаббас. Он говорит: «Завтра выходной. Пусть придет сегодня, не оттягивает».

Гюльсабах (*после длительной паузы*). Хорошо, я приду.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЯТАЯ

Театр. Сцена. Сидит Хуршид и вяжет чулок. Заман ходит возле нее и, размахивая руками, беззвучно декламирует, Ася заглядывает на сцену, манит к себе Хуршид пальцем.

Ася. Эй, Хуршид, иди сюда!

Хуршид. У меня клубок в руках, не могу встать. Иди сама сюда. В чем дело?

Ася. Иди, тебе говорю. Скажу что-то.

Хуршид (*подходит к Асе*). Ну, в чем дело?

Ася. Ты не представляешь, какой был скандал! А мы-то не знали ничего.

Хуршид. Что за скандал?

Ася. Неделию тому назад жена Кудрата Турач пошла к Гюльсабах и отчитала ее как следует. А та—се. Нет таких слов на свете, которыми бы они не обменялись!

Хуршид. Здорово поругались?

Ася. Ну, да... Наверное, родители обеих ворочались в гробах. Еще немного, и стали бы волосы выдирать друг у друга. Это мне Гамар рассказала. Потом, говорит, пришла Гюляр, и тоже отругала Гюльсабах как следует.

Хуршид. Не может того быть.

Ася. Клянусь. Говорят, эта Гюляр хоть и маленькая, но бедовая особа.

Хуршид. Будь она неладна! Хочет показать себя революционеркой. Ее надо осадить, а то после скажет, что Шекспир ей в подметки не годится.

Ася. Только весь этот разговор—между нами. А то потом скажут, что мы сплетничаем. Опять Мишаввар пристанет к нам.

Хуршид. Мне-то что... Пусть все они катятся в ад. Пусть сами расхлебывают кашу, которую заварили.

Ася. Я пошла, расскажу обо всем Мирзе Джамалу. (*Выходит, сталкивается с Алимухтаром*). Тише, ты, голову мне расшибешь.

Алимухтар. Ты куда? Сейчас репетиция начинается.

Ася. Я приду, приду... У меня важное дело. Вы начинайте, я подойду сейчас. (*Выходит*.)

Алимухтар. А где наши господа? Еще не соизволили появиться?

Хуршид. Иди сюда! (*Пальцем отзывает Алимухтара в сторону*). Ты что, не знаешь?

Алимухтар. О чем?

Хуршид. Скандал был огромный. А мы ничего не знаем.

Алимухтар. Какой скандал?

Хуршид. Слушай. Несколько дней тому назад жена Кудрата Турач взяла бутылку с кислотой и пошла к Гюльсабах... открывает дверь, и видит, что Кудрат и Гюльсабах лежат вместе в постели. Как она это увидела,

вытащила пробку из бутылки и прямо на них кислотой. Те головы под одеяла. Одеяло тотчас вспыхнуло.

Алимухтар. Да что ты?!

Хуршид. Клянусь... Бесстыдница вскакивает с кровати. Кудрат тоже. Гюльсабах кидает в Турач стул—один, другой. А тут убегает дочь Гамар, вцепилась в волосы Гюльсабах. Та схватила кипящий чайник и на голову девочки. Кипяток шльвается и обжаривает все тело бедняжки. В этот момент Турач швырнула примус в голову Гюльсабах, керосин разливается, вспыхивает пожар. Еще немного, и дом сгорел бы. В конце концов прибежали соседи и погасили огонь.

Алимухтар. Ужас какой!

Хуршид. Разумеется, вызвали скорую помощь и отправили девочку в больницу... Вот уже несколько дней она там. Говорят, умрет. А эту бесстыдницу посылают в район, она сейчас на поруках.

Входит Амрулла.

Амрулла. Репетиция закончилась?

Алимухтар. Откуда? Все господа ушли на перерыв, вот уже целый час никого нет.

Хуршид. Ты начинай репетировать, я сейчас приду.

Алимухтар. Товарищ Амрулла! Как же быть с этой склочницей? Клянусь, невозможно работать. Ты дал слово, что она ни во что не будет вмешиваться, а она еще хуже вытворляет. На каждом шагу фокусничает... Почему это так, а не эдак? Зачем этот стоит так?.. Начинается перепалка, которая заканчивается огромным скандалом.

Амрулла. Не знаю, клянусь вам, кого мне слушать—партию, правительство или вас? Или не видите сами? Вы мне сказали—я выгнал эту особу. На другой день возвращается с такой вот бумагой в руках. А следом за ней комиссия.

Входит Гюльсабах и Отгюи.

Гюльсабах. Товарищ Амрулла, этот товарищ написал пьесу. Столько времени бьется, никто не посмотрит, не подскажет.

Амрулла. Написал пьесу? Пусть принесет, посмотрим, дадим ответ.

Отгюи. Я принес, отдал вам, вы ее передали в ху-

дожественно-политический совет, а там сказали: не годится.

Амрулла. Не годится, значит не годится. Что я могу еще сделать?

Отгюи. Мне кажется, они ее даже не прочитали, а сказали—не годится.

Амрулла. Этого не может быть, товарищ. Раз вещь поступает к ним, они читают, смотрят, думают и уж после этого говорят—да или нет.

Гюльсабах. Товарищ Амрулла, он молодой, только начинает. Для него недостаточно «да или нет». Ему надо сказать о его недостатках и показать правильный путь. Ведь они—хозяева будущего. Наш завтрашний день зависит от них.

Амрулла. Прошу тебя, Гюльсабах-ханум, заклинаю тебя твоими усопшими родными!.. Как товарищ говорю тебе: не вмешивайся в каждое дело... Зачем тебе это нужно? А потом все будут нападать на тебя. (Отгюи.) Вы идите, товарищ. Приходите после, принесите пьесу, мы вам ответ дадим.

Отгюи. Гюльсабах-ханум, а с вами нельзя поговорить?

Гюльсабах. Я бываю дома, можете приходите ко мне когда угодно. Принесите вашу пьесу. Вместе прочитаем.

Отгюи. Хорошо, до свидания. (Уходит).

Амрулла. Он вас оторвал от работы, а вы еще защищаете его. Я ведь знаю этого шалопая. Говорят, настоящий пройдоха. Четыре пьесы у тебя есть, еще одну пишет Кудрат. Это уже пять.

Гюльсабах. Кудрат—сам по себе, а этот парень—сам по себе. Может, завтра он будет сильнее Кудрата.

Амрулла. Эх, поلودжи, не умирай мой ослик, придет весна, созреет клевер!.. Горе тому театру, который будет нуждаться в таких пройдохах.

Гюльсабах. Он не пройдоха, товарищ Амрулла. Я с ним много разговаривала. Очень любознательный и способный юноша. И неплохо пишет, я читала кое-что.

Амрулла. Вот что, Гюльсабах-ханум, прошу тебя... У тебя еще нет детей. Заклинаю тебя здоровьем моей дочери, перестань ты скандальничать. Ты говоришь, критикуешь, а артисты недовольны. Меня направили работать сюда. И что я вижу?.. Все развалилось. А ведь потом с

меня спросят. Скажут, что я не справился. Если ты найдешь что-нибудь не так, ты придь и скажи мне тихонько, а уж я дипломатично приму меры.

Гюльсабах. Тихонько, дипломатично... Так революцию не сделаешь, товарищ Амрулла. Здесь нужен сильный толчок. Если железо сунуть в воду, предварительно не раскалив, то сталь не получится.

Входит Алимухтар.

Алимухтар. Когда же у них кончится перерыв? Сколько можно обедать? Можно подумать, люди не ели еду вечно.

Амрулла. Товарищ Алимухтар, для перерыва отводится определенный час. Действительно, это безобразно.

Алимухтар. Ты им говоришь, а они не слушают. Сам найди, скажи...

Гюльсабах. Товарищ Алимухтар, вина ваша. Вы сами не можете зажечь их творческим огнем. Во-первых, большую часть времени они проводят в пустых разговорах...

Алимухтар. Да хватит, ради бога... Не лезьте в каждое дело! С вами никто не разговаривает. Что бы ни случилось, вы всегда суетесь... Не можете зажечь!.. Иди, стань сама режиссером. Кидай всем на головы примусы! Подожги всех, как дочь Гамар-ханум. Нет, скоро мое терпение лопнет! Уж тогда я скажу тебе все, что думаю. Ты узнаешь меня!

Амрулла. Хватит, товарищи, хватит. Не стыдно ли вам? Товарищ Алимухтар, нельзя так разговаривать с актрисой. (Уходит.)

Гюльсабах. Я не боюсь ваших угроз. Кто роет ближнему яму, сам в нее попадет.

Алимухтар. Ах-ах-ах!.. Испугался я тебя! Простите. Еще не родился такой, кто бы мог сладить со мной. Смотри, не сломалась бы твоя рука!

Гюльсабах. Моя рука—рука коллектива. Твои гнилые зубы ее не сломают. Одного укусишь, на его место встанут миллионы.

Алимухтар. Хорошо, пойдь, скажи, пусть Заман попробует сломать мне зубы.

Гюльсабах. Заман уже давно сломал тебе зубы.

Ты теперь жалишь деснами. Однако смотри, останешься и без десен! (Уходит.)

Алимухтар. Иди, иди отсюда!.. Ну и люди!.. Только вчера появилась здесь, а уже командует!.. К дьяволу всех!

Входит Заман.

Заман. Товарищ Алимухтар, это ты сказал, будто Гюльсабах ударила Гюляр примусом по голове, та загорелась и ее увезли в больницу?

Алимухтар. Ну, сказал. Или это секрет? Ведь завтра беднягу будут хоронить...

Заман. Было бы лучше, товарищ Алимухтар, если бы вы занялись делом, вместо того, чтобы сплетничать и выдумывать всякие небывлицы. А то ходите и распространяете ложь...

Алимухтар. И правильно делаю! А ты не учи меня, мальчишка!

Входит Алаббас.

Алаббас. Гюльсабах здесь? Какая-то женщина спрашивает ее на улице.

Заман. Пусть войдет.

Алаббас. Нет, товарищ, у нас другой закон. Я не могу впустить ее. Пусть директор скажет—тогда впускаю.

Заман. Пошли, посмотрим, кто это?

Выходят. Появляется Хуршид. У нее на руках дочь Кудрата.

Хуршид (Алимухтару). Клянусь тебе, пришла Турач-ханум. Сейчас такое начнется! Вот будет представление.

Алимухтар. Э, к черту вас всех! Превратили театр в караван-сарай.

Хуршид. Эй, Ася, Ася!.. Дьявол!.. Да иди же сюда!.. Что сейчас будет!.. Тише... Давайте спрячемся, вот сюда...

Входят Заман и Турач. Хуршид и остальные прячутся.

Заман. Гюльсабах-ханум, вас спрашивают.

Входит Гюльсабах.

Гюльсабах. Турач?

Спрятавшиеся актеры и актрисы высовывают головы, переглядываются.

Турач. Гюльсабах, мне захотелось еще раз поговорить с тобой.

Гюльсабах. Ты бы лучше зашла ко мне домой, Турач. Ну, хорошо, в чем дело?

Турач. Я хочу проверить твои слова. Ты говоришь, что стараешься только для коллектива?

Гюльсабах. Я говорю правду, Турач.

Турач. Ты говорила: «Чтобы завоевать коллектив, нужно работать, сражаться».

Гюльсабах. Говорила.

Турач. Ты говорила, что сможешь мне.

Гюльсабах. Помогу, Турач, отдам все свои силы.

Турач. Своему врагу?

Гюльсабах. Ты мне не враг.

Турач. Я хочу проверить твои слова. Хочу работать, сражаться, хочу быть, как ты говоришь, человеком, готовым к бою. Помогни мне, укажи путь. Что я должна делать?

Гюльсабах. Прежде всего ты должна расстаться с мешанским болотом, в котором завязла. Надо перестать быть игрушкой для забавы в руках мужа. Возьми свою жизнь в свои же руки.

Турач. Что я должна делать? Укажи путь.

Гюльсабах. Иди работать.

Турач. Куда?

Гюльсабах. Что ты умеешь делать?

Турач. Пока очень немного—играть на рояле,петь... Я училась только тому, что помогало мне развлекать моего мужа.

Гюльсабах. Запомни, Турач, для тех, кто хочет сражаться и жить, нет слов «не умею», есть слово—«научусь».

Турач. Я научусь.

Гюльсабах. Ты обладаешь замечательной профессией, Турач.

Турач. Какой?

Гюльсабах. Играешь, поешь. Ты замуровала свою профессию в четырех стенах. Это воровство, Турач. Твое умение принадлежит народу. Ты прячешь от народа свой красивый голос, свой замечательный талант.

Турач. Что же мне делать?

Гюльсабах. Иди на сцену.

Турач. На сцену?.. Нет! На сцену я не пойду. Ты

хочешь, чтобы все смеялись надо мной. Что скажут, если услышат?

Гюльсабах. Пусть говорят, что хотят. Гюляр смее тебя, Турач. Плюнь на всех. Будь выше предрассудков. Кидайся! Иди на сцену! Не бойся! Покажи свой талант! Покажи свою силу! Скажи своему народу, что ты живешь. Люди соревнуются. Покажи, что ты их боевая рука, что ты на фронте. А пока знаешь, кто ты, Турач? Иждивенка...

Входит Амрулла.

Амрулла. Верю она говорит, сестра. Клянусь твоей дорогой жизнью, клянусь моей дочерью, ты—талант. Я слышал, как ты поешь, Турач. Мне даже плакать захотелось, когда ты пела.

Гюльсабах. Примите ее в театр, товарищ Амрулла. Я тоже слышала ее голос, слышала, как она играет. Турач может стать замечательной актрисой.

Амрулла. Приму. Дурак тот, кто не примет. Хоть сейчас приму.

Турач. Ты мне сможешь?

Гюльсабах. Помогу, Турач. Даю слово.

Турач. Нет, я не могу сделать этого. Вдруг Кудрату не понравится.

Амрулла. Так все... А потом говорят: вы не вербуете азербайджанок. Сестра, клянусь честью, знай, что нам в этом году дали мизерную дотацию. Смету нашу тоже урезали. Но я опять говорю, к чертовой матери всех!.. Нам нужны кадры, еще пять-шесть человек...

Турач. Право не знаю. Я только из-за него...

Гюльсабах. Когда Кудрат бросил тебя и ушел, он спросил у тебя разрешение? Что лучше—замуровать себя в четырех стенах, ждать его со слезами на глазах, превратиться в несчастную женщину, которая вымаливает у мужа милость и сострадание, или, как победитель, выйти под аплодисменты миллионов масс на сцену, перед ним, и сказать: «Вот я кака!..»? Иди, Турач, иди!.. Не бойся! Верь, твоя протянутая рука не повиснет в воздухе. Мы поможем тебе.

Турач. Хорошо, я пойду. Теперь мне нет возврата назад. Видно, правду сказал Кудрат: «Стрела, пущенная из лука, назад не возвращается».

Амрулла. Вот и чудесно, мир праху твоего отца...

Клянусь честью, я давно хотел сказать: «Гюльсабах-ханум, быстрее приведи ее, заключим договор, а то она после откажется...» Клянусь святым Аббасом, завтра куплю для вас в Баксоюзе вот такущий торт!..

На сцену выходит рассерженная Хуршид, подталкивает к Турачу ее дочь.

Хуршид. На, возьми своего ребенка. (*Уходит, ворчит под нос себе.*) Мало у нас всякой дряни. Вот еще одна...

Алимухтар. А теперь уходите со сцены. Начнем репетицию.

В тот момент, когда Турач покидает сцену, появляется Кудрат. Увидев жену, застывает, пораженный.

Кудрат. Турач?..

Турач оборачивается, однако, быстро берет себя в руки и проходит мимо. Появляется Хосмамед, что-то заучивает.

Хосмамед. Диалектика—это движение, обыкновенное, поступательное продвижение вперед и толчок. Тезис—это положение, антитезис—противоречие, отрицание... Синтез... Синтез... Вот черт, забыл, что такое пролятый синтез!.. Товарищ Заман, как Гюльсабах-ханум говорила про синтез?

Заман. Синтез—это...

Мирза Джамал. Синтез—это башка твоего деда. Скажи мне, ради аллаха, дорогой, выходит, до сих пор, пока не было этой диалектики, эти люди не были артистами?.. Значит, если ты выучишь диалектику наизусть, сразу станешь артистом, так?

Хосмамед. Дело как раз в том, чего мы никак не могли понять. Если ты—старая форма, то-есть, если ты—тезис, то сторонники Гюльсабах-ханум—это антитезис. Антитезис—значит отрицать... Понял? То-есть, если ты—сапожник и вот уже сто лет шьешь чарыхи, значит, ты—тезис. Теперь она приезжает и говорит, что чарыхи это плохо, давайте, мол, шить ботинки. Значит, она стала антитезисом. Понял? А синтез—это я. То-есть, вы будете бороться, а новая форма, которая получится в результате этого, это я. Постой, кажется, не так... Ну, ничего, вечером на уроке я спрошу Гюльсабах-ханум, а после объясню тебе.

Мирза Джамал. Как же так, дорогой?.. Ты стал диалектикой, а пишешь стихи, у которых нет ни рифмы, ни ритма.

Хосмамед. Разве ты понимаешь, что такое рифма? Я теперь твердо знаю: оказывается, в моих стихах рифма есть. Товарищ Заман, умоляю тебя всеми святыми, скажи: бульвары-шаровары—рифма или нет?

Мирза Джамал. Ты лучше меня послушай, Хосмамед. И перестань нам всем морочить голову. Публика требует от артиста не диалектику, а игру.

Хосмамед. Игру, говоришь, требует? Конечно... Только твою игру! Публике нужны не чарычники, не сапожники, а мастера модельной обуви. Понял?

Мирза Джамал. Может, и портные ей нужны?

Хосмамед. Эх, что с тебя, малограмотного, взять? Знаешь ли ты, что такое диалектика? Диалектика—это движение. А движение—это... это... Это когда ты просто идешь... И затем—когда скачешь, когда прыгаешь... Например, навалилась на спину человека тяжесть—он сбросил ее... Это революция. Революция—значит сбросить. Понял?.. Ты сейчас тезис, то есть, ты—есть, но тебя не будет. А Гюльсабах-ханум—это антитезис, то есть, ее не было, а теперь она будет. Я—тоже есть. Я—есть! Я—есть!

Алимухтар. Уйди со сцены, говорят тебе... Тезис, антитезис!.. Значит, если нет петуха, то и утро не наступит?

Хосмамед. Ты тоже тезис! (*Убегает*).

Алимухтар. Ну, начинайте, товарищи. Будем репетировать вторую картину третьего действия.

Гюльсабах (*по роли*). Наступило утро, и горизонт заалел, словно мак. С земли соскользнуло черное покрывало ночи, и, казалось, вся вселенная радостно улыбается.

Мирза Джамал (*по роли*). Разве ты не знаешь его? Разве ты не знаешь его?.. Говори правду... Ты видела его или нет?

Гюльсабах (*обычным голосом*). Кого?

Мирза Джамал (*обычным голосом*). То-есть, как кого?

Гюльсабах. Не знаю. Вы спрашиваете про кого-то. Я тоже спрашиваю, кто он?

Мирза Джамал. Откуда я знаю, кто? У меня в

роли так написано: «Ты видела его?.. Затем идет мой реплика: «Он смеялся».

Гюльсабах. Вы должны спросить это не у меня, а у Дурни.

Мирза Джамал. Кто такая Дурна?

Гюльсабах. Дурна — Хуршид-ханум.

Мирза Джамал. А где же Хуршид-ханум?

Гюльсабах. Откуда я знаю, где? Вы спросите у режиссера.

Мирза Джамал. Товарищ Алимухтар-эфенди, где же Хуршид-ханум?

Алимухтар. Сейчас... Сейчас...

Гюльсабах. Вы должны говорить это не в третьем действии, а в следующем, товарищ Мирза Джамал.

Мирза Джамал. Да, действительно... Я ошибся... Смотрю, у меня по тексту реплика: «Он смеялся».

Гюльсабах (*Заману*). Давай остальное сами сейчас пройдем. (*По роли*) Я ждала тебя всю ночь, не смыкая глаз.

Заман. (*По роли*) Я должен был быстро вернуться, Чинар, но не мог отделаться от них. Они преследовали меня. Они меня преследовали. (*Своим голосом.*) Что там такое?

По сцене бежит Алимухтар.

Алимухтар (*кричит*). Эй!.. Эй!.. Товарищ Ариф Хикмет! Там светопреставление!

Заман. Товарищ Алимухтар, ведь мы здесь работаем.

Алимухтар. Клянусь тебе, там Ариф Хикмет и Байрам поругались. Ариф Хикмет так стукнул кулаком по столу, что стекло разлетелось вдребезги. И осколок отлетел прямо в глаз Байраму. Вижу, дело скверное. Я тихонько улизнул. Зачем мне это нужно? Я человек бедный. Еще вдруг ударят, расколют мне голову, кто тогда будет содержать мою семью?

Заман. Товарищ Алимухтар

Алимухтар. Сейчас, сейчас... Вы говорите, я слушаю вас.

Входит Амрулла.

Амрулла. Товарищи, нельзя же так. Почему вы вовремя не приходите на работу?

Заман. Мы пришли, товарищ директор. А вот наш режиссер занят чем-то посторонним. И Ариф Хикмет там сражается.

Амрулла. То есть, как сражается? Товарищ Алимухтар!

Алимухтар. Сейчас, сейчас... Значит, получается... Один килограмм стоит рубль семьдесят... Это будет восемь рублей... Так... И дорога—семьдесят копеек.

Входит Шовги.

Шовги. Товарищ Амрулла, там дело серьезное. Ариф Хикмет стукнул и разбил настольное стекло. Теперь Байрам заливает себе глаз йодом, а Ариф Хикмет складывает стекло.

Вбегает взволнованный Ариф Хикмет.

Ариф Хикмет. Товарищ директор, оказывается, ты тоже здесь?.. Я при всех хочу выразить тебе свою экспозицию. Нельзя же так, чтобы его центро-тяжесть упала на меня, а центро-внимание—на другого!

Амрулла. То есть, как это—экспозицию? Какую такую экспозицию? Почему ты ушел с репетиции? И зачем ты бьешь стекла?

Ариф Хикмет. Товарищ Амрулла, моя спецификация всем известна. Я за стекло заплачу тридцать два рубля, а отрицательные роли играть не буду.

Амрулла. То есть, как это не будешь играть отрицательные роли? Не понимаю, что ты говоришь.

Шовги. То есть, если ему дадут роль святого Аббаса, он будет играть, а если дадут роль черта—нет!

Хосмамед. Святой Аббас—тезис, черт—антитезис. А я—синтез.

Ариф Хикмет. Конечно, Байрам все положительные роли дает своим друзьям. Хочет, чтобы девушки и женщины благоволили к нему. А я не сумасшедший, чтобы играть отрицательные роли. Я вырву свою роль у него.

Гюльсабах. Это не метод, товарищ Ариф Хикмет!

Ариф Хикмет. Не твоё дело. Мы живем в революционную эпоху. Прошло то время, когда каждый делал все, что хотел. Когда я был в Москве, сам Сталинский сказал мне: «Если враг не сдастся, его уничтожат!»

Заман (*с пафосом*). Эй, ты, из стада обезьян, возвысивший до человека!..

Ариф Хикмет. Конечно, вы хотите здесь, вместо суперматизма, внедрить метод суперфосфата. Однако...

Гюльсабах. Вместо того, чтобы заучивать слова, вы бы, дорогой мой, лучше заучивали их смысл. Суперфосфат это не метод, а удобрение, порошок такой, которыми посыпают огороды?

Ариф Хикмет. Что?.. Что?.. Порошок?.. Посыпают огороды?

Шовги. Ты только что пробил голову бедняге Байраму и превратил ее в суперфосфат.

Гюльсабах. Мы ждем вас, товарищ режиссер.

Алимухтар. Зачем вы ждете меня? Кто говорит? Ариф, говори свои слова.

Ариф Хикмет. Скажи, Чинар, это слагаемость?

Гюльсабах *(своим голосом)*. Какая такая слагаемость? Что такое слагаемость?

Ариф Хикмет. Откуда я знаю, что такое слагаемость? У меня так по роли написано, не выдумываю же я.

Гюльсабах. Не может быть, чтобы «слагаемость». Наверно там — «случайность»?

Алимухтар. Да говори ты свою роль, Ариф! Какая разница — слагаемость или случайность?! И то, и другое — бред. Видно, автор писал в нетрезвом виде. Продолжайте. Кому надо — тот поймет... Впрочем, можно пропустить это место. Данай дальше, Ариф.

Ариф Хикмет. Товарищ Алимухтар, откровенно говоря, сейчас у меня нет настроения.

Алимухтар. Хорошо. Кто дальше?

Хосмамед. Дальше — я.

Алимухтар. Говори свои слова.

Хосмамед. Товарищ Алимухтар, мне хотелось бы знать, к какому классу я принадлежу? Из какого я класса?

Алимухтар. То есть, как к какому классу? Брось откалывать номера: «Из какого я класса?» Крестьянин ты...

Гюльсабах. Не ясно, товарищ режиссер. Крестьяне бывают разные. Есть бедняки, батраки, середняки, кулаки...

Алимухтар. Ах, вот вы о чем! Кулаки, бедняки... Это не имеет значения, это не такой уж важный человек.

Хосмамед. Нельзя так. Кулак — это тезис, бедняк — антитезис. Надо выяснить социальное лицо образа. Не так ли, Гюльсабах-ханум? Стой, я достану тетрадь.

Алимухтар. Аллах всемогущий! Тезис, антитезис, социальный образ!.. Выходит, если люди до сих пор не

знали про социальный образ, то они и играть не умели? Не позволю учить себя! Я здесь режиссер. Говори свою роль.

Хосмамед *(по роли)*. Чинар, дорогая, хозяйин идет... *(Убегает, неожиданно останавливается и говорит своим голосом)*. Где же она?.. Почему я ни с кем не столкнулся?

Алимухтар. То есть, как это — ни с кем не столкнулся?

Гюльсабах. Он должен был, убегая со сцены, столкнуться с Хуршид.

Шовги. Я обыскал весь театр, Хуршид нигде нет. Она пошла покупать туфли, еще не вернулась.

Алимухтар. Хорошо, пропустите это. Кто после? Шовги. После — Мирза Джамал. Мирза Джамал, пожалуйста.

Мирза Джамал. Интересно, где это?

Гюльсабах. Ах, ты, ангел небесный!

Мирза Джамал. Да, да... Это самое место... *(Роется в карманах, достает роль, листает)*. Стой, сейчас найду... *(Снова, роется, находит)*. Ах, ты, ангел небесный, прекрасное земное создание, чудесная фея, скрытая за покрывалом невинности! Ведь ты, как я слышал, на закате выходишь в сад, а на утренней зорьке скрываешься за покрывалом невинности. Почему же ты сегодня опоздала?

Гюльсабах. Товарищ Мирза Джамал, вы играете или шутки шутите?

Мирза Джамал. Как это — шутите? Что я — шут, чтобы шутки шутить?

Гюльсабах. Зачем вы так кричите?

Мирза Джамал. А что же мне делать?

Гюльсабах. Вы должны говорить это иронически. Вы хотите колючими словечками ужалить меня. А потом идут мои слова: «Я устала сносить твои насмешки. Убей меня, убей!»

Мирза Джамал. Хорошо, скажи ты вместо меня. Посмотрю, как надо говорить. Может, научусь чему-нибудь.

Гюльсабах. Войдя в комнату, вы секунду смотрите молча, затем с фальшивой улыбкой в глазах и на губах, спокойным, но ядовитым голосом говорите: «Ах, ты, ангел небесный, прекрасное земное создание!» Потом вдруг кричите: «Отвечай мне!»

Мирза Джамал. Я, моя дорогая, не могу так сказать. Я двадцать лет играю эту роль и публике всегда нравилось.

Гюльсабах. Товарищ Мирза Джамал, ведь каждая роль должна иметь свой социальный образ, классовую маску.

Мирза Джамал. Я, дорогая, с диалектикой играть не могу. Берите, играйте сами. Я так играть не буду. Я актер, а не дипломат, товарищ Алимухтар!

Алимухтар. Товарищ Гюльсабах, я тебе тысячу раз говорил, не режиссерствуй за меня. Советь надо иметь и стыд. Человек двадцать лет играет эту роль, а ты теперь пришла и мутнишь здесь воду.

Гюльсабах. Вы вставляете палки в колеса театру, товарищ режиссер. Мы не допустим этого.

Алимухтар. Кажется, она опять хочет вывести меня из себя!.. Мы жалеем тебя, мол, ты—дочь Азербайджана. Смотри, мы сыграем с тобой такую шутку, что ты в два дня сбегешь отсюда с треском.

Гюльсабах. Не сбегу, товарищ Алимухтар. Я пришла на эту боевую сцену не для того, чтобы отступить.

Мирза Джамал. Хорошо, милая, родная, не надо скандалить. Я уйду, буду работать в клубе. Тяните сами сцену, посмотрю, как вы потянете ее.

Санаи. Ну, поработаешь там день, другой...

Заман. Никуда вы не сможете уйти, Мирза Джамал.

Алимухтар. Тогда, дорогие, пусть Гюльсабах будет режиссером. Прощайте. Я отказываюсь проводить репетицию.

Мирза Джамал. Вот свалилась напасть на нашу голову! Яйша учат курицу!

Гюльсабах *(раздраженно)*. Вы, товарищ Мирза Джамал, похожи на человека, который хочет добраться до неба, ухватившись снизу за хвост самолета. Высота увеличивается, а вы разжали руки на поддороге и отряхиваете свой костюм. Уверю вас, вы свалитесь вниз и разобьетесь вдребезги.

Мирза Джамал. Хорошо, увидим!

В это время на сцену вбегает радостный Амрулла.

Амрулла. Товарищи, товарищи! послушайте меня. Вот уже несколько месяцев товарищ Кудрат Арслан ра-

ботал над своей новой пьесой. Наконец он закончил ее, принес и отдал нам. Второй экземпляр пьесы он отослал в Москву, в конкурсную комиссию. Завтра дирекция и худлитсовет рассмотрит его новую работу. Если есть желающие из актеров, они тоже могут прийти на это обсуждение. Из Москвы получена телеграмма о том, что решением конкурсной комиссии пьесе присуждено первое место.

Гюльсабах. Есть еще одна пьеса, которую написал молодой парень. Актеры должны познакомиться и с ней.

Алимухтар. Бедный тот театр, который захочет иметь дело с пьесой этого пройдохи Отгюна.

Мирза Джамал. Актеры народ доверчивый, их легко обмануть всяким хитрецам.

Гюльсабах. Я тоже приду на обсуждение пьесы, товарищ Мирза Джамал. Я не из тех, кто пасует перед насмешками.

Заман. Товарищи, по предложению ячейки, постановка новой пьесы должна быть поручена Гюльсабах-ханум.

Хуршид. И героиня пусть она сама играет.

Амрулла. Роли будут распределяться не по минимым заслугам, а по способностям актеров. Что же касается режиссера новой постановки, дирекция придерживается того же мнения.

Мирза Джамал. Вы хотите превратить театр в игрушку. У актера с двадцатилетним стажем режиссер должен быть не менее как с тридцатилетним. Кто будет моим режиссером? Вчерашний ребенок? Нет, товарищи, я сделаю так, как сказал. Я здесь работать не буду.

Амрулла. Театр живет не на отдельных людях, товарищ Мирза Джамал. Кто не хочет, не надо. Вас не будет, придут молодые кадры и будут играть со всей душой. Товарищи, постановку пьесы поручаем молодым кадрам. Пусть покажут свое умение и способности. Как, товарищи, справитесь?..

Хосмамед. Они—тезис, я—антитезис. Я готов!

Голоса. Мы все готовы!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Кабинет директора театра.

Амрулла. Товарищи, итак, вы прочли обе пьесы. Одна написана товарищем Кудратом и посвящена колхозной жизни, другая—товарищем Отгюном Заманбейли и посвящена театральной жизни. Пьеса товарища Кудрата была послана в Москву на конкурс. Кто хочет высказаться по этой пьесе, прошу говорить коротко и ясно, чтобы не терять времени, чтобы все прошло с пользой.

Хикмет Кямал. Товарищи, мы видим, что эта пьеса, если ее рассматривать с точки зрения современной методологии, чужда нам и нашей пролетарской идеологии. Это говорит о том, что товарищ Кудрат Арслан не смог вырвать свое мирозерцание из тисков чуждого влияния. Так как сам товарищ Кудрат никогда не стоял за станком, то и произведение его несет на себе клеймо мелкобуржуазного индивидуализма. Он подошел к творчеству с субъективной точки зрения, поэтому от его взора ускользнул объективный анализ.

Фикрет Кямал. Ничего подобного! Товарищи, хотя товарищ Хикмет Кямал и является членом Азапа, занятая им позиция противоречит генеральной линии Раппа. От имени Азапа я заявляю протест этой позиции Хикмета Кямала. Тот, кто сам не пролетарий, не может быть и пролетарским поэтом. Если даже Хикмет Кямал выдвинет рапповские аргументы, стоя на субъективных позициях, он самым объективным образом пократится к вражеской теории.

Амрулла. Товарищи, нельзя же так... Говорите понятнее, чтобы и мы могли вынести какой-нибудь результат...

Сапан. Скажите яснее, что вы думаете об этих пьесах.

Фикрет Кямал. С точки зрения методологии, они построены на идеалистической школе.

Хикмет Кямал. Товарищи, эти вещи критиковать нелегко. Наша дискуссия—теоретическая, философская дискуссия. Мы видим, что товарищ Амрулла боится большевистской критики и хочет проташить вещь чуждую нам с точки зрения методологии. В таком случае мы вынуж-

дены передать вопрос на рассмотрение партийной общест-венности и в прессу.

Амрулла. Ах, дорогой!.. Да критикуйте же. Клянусь честью, клянусь жизнью моей дочери, я не понимаю ваших слов. Критикуйте еще лучше, сейчас я пошлю нашего курьера, велю купить для вас торт.

Кямал Фикри. Товарищи, я, как критик, обязан отметить, что в этих произведениях... Кажется, речь идет о двух произведениях, не так ли? Так вот. В этих произведениях, в каждом из них, имеются мусаватистские тенденции. Кроме того, в них есть немного и левацкого уклона и правого уклона.

Гюльсабах. Например. Докажите на фактах.

Кямал Фикри. Я, товарищи, к сожалению, не был здесь, когда читались пьесы. Я запоздал. Смог попасть уже только на вашу дискуссию. Но хочу сказать, что я с 1920 года работаю как критик. Я знаком с прежними произведениями товарища Кудрата. И по этому поводу я написал в 1914 году статью. Эту статью напечатала даже парижская газета «Пти-Паризьен», а гонорар прислала мне по почте. Поэтому, хотя я и не читал этих пьес, однако, знаю наверняка, что от пантюркизма и панисламизма они, по крайней мере, не свободны. Следовательно, требовать от меня факты—значит ломиться в открытую дверь.

Гюльсабах. Товарищ критик, к вашему сведению, одну из этих пьес написал Кудрат, а вторую—Отгюн Заманбейли.

Кямал Фикри. Ага... Значит, они не обе написаны Кудратом?! Тогда пардон, я говорю только о пьесе товарища Кудрата. Впрочем, я знаю, товарищ Кудрат считает это за личную вражду. Ибо, к несчастью, однажды... Однажды—это значит: в июле месяце 1923 года... Однажды моя жена поругалась на курорте в Агдаме с его женой. И товарищ Кудрат до сих пор не здоровается с моей женой и всегда везде распускают слухи, будто Кямал Фикри в трезвом состоянии не может прочесть рецензии, которые он пишет в нетрезвом состоянии. Однако, вместе с этим, все, сказанное мной, есть мое искреннее убеждение, и я в любую минуту готов это доказать.

Мирза Джамал. Товарищи, а нам можно сказать?

Амрулла. Можно, товарищ, пожалуйста.

Мирза Джамал. Я скажу по-простому, я не знаю, кто с кем ругался, но мне кажется, что пьеса про музлу и про кулаков, которую написал товарищ Кудрат, хорошая. А та пьеса, что про артистов и про театр, пьеса этого выскочки, она не стоит и ломаного гроша. Ложь от начала до конца! У нас в театрах нет ни таких артистов, ни таких безобразных дел. Этот выскочка все придумал от себя. У него у самого не хватает одного винтика в голове.

Хуршид. Книга этого выскочки написана в угоду некоторым личностям. Она написана по заказу. Мы все очень хорошо знаем это.

Ариф Хикмет. Товарищи, еще никогда ни в одном театре не было подобного. Товарищ Кудрат наш уважаемый писатель, и он хорошо написал... А вот другой товарищ еще молод, у него нет политической закалки. Пока что в его пьесе экспозиция не соответствует экспликации. Пьеса написана с импрессионистическим уклоном, а потом переходит в экспрессионизм. Под конец же она впадает в супрематизм, и центр тяжести не совпадает с ее центром внимания. Разумеется, наша партия подобные произведения... Я сам хоть и беспартийный, но все-таки говорю это... Наша партия подобные произведения не может принять. Ибо в наших театрах таких людей решительно нет. Это от начала до конца клевета на нас.

Хуршид. Мы знаем, чей это заказ.

Санин. Не понимаю, если ты не ела лука, почему же у тебя горит нутро?

Хуршид. Потому что тебя в пьесе хвалят. А если бы и про тебя написали всякий вздор, ты бы заговорил по-другому.

Заман. Ведь имени твоего там не упоминают.

Алинухтар. Как не упоминают? Там написано, что режиссер в рабочее время ездит в кооператив покупать рис. А кто покупал рис в тот день, когда Гюльсабаханум вела ренетацию? Я покупал. Или человек не должен есть? Оказывается, мы должны вытягиваться по стойке «смирно» перед Гюльсабаханум!..

Ариф Хикмет. Не упоминают, говорите? А кто разбил в театре стекло? Я разбил. Ведь я человек, у меня нервы...

Мирза Джамал. Ты что, Заман, прикидываешься?! В пьесе написано, что режиссера называют мальчиш-

кой. Я говорил так Байраму и душу из него вытрясал. Я тридцать лет, как легендарный Фархад, работаю киркой на сцене. А теперь, выходит, что бы в театре ни случилось, нужно зрителям докладывать. Вы делайте, как знаете, я тоже буду делать, как знаю. Этот проходимец четырежды сбежал из сумасшедшего дома. Да и мать родила его уже после смерти отца. У меня в руках факты.

Амрулла. Эй, товарищи!.. Прошу вас, ведь наше дело осталось в стороне, а вы, я не знаю, о чем говорите!

Хуршид. Мы очень хорошо знаем, о чем говорим. А тебе, Амрулла, рот замазали. Конечно, если есть девочки помоложе нас... Было время—ты сам увольнял ее из театра, а теперь клянешься ее именем.

Амрулла. Товарищи, послушайте меня. Кто будет плохо работать, с тем я тоже буду плох, кто хорошо—с тем и я хорош.

Эльдар. Товарищи, я простой рабочий. Я давно слушаю вас внимательно. Молодой товарищ написал пьесу о театре. Пьеса рассказывает не только о жизни театра, но и о том, с какой скоростью движется вперед наш строй. Перед этой скоростью пасует даже мечта поэта. Она не может поспеть за такой скоростью. Очень плохой прием. Это дерзание. Но в пьесе, по-моему, не хватает одного действия, это как раз сегодняшней дискуссии. Я предлагаю, пусть автор введет в пьесу наше сегодняшнее собрание. Я не литератор, однако, чувствую, что в его пьесе есть еще много недостатков. О них, конечно, скажут наши критики-марксисты. Но только не вы, товарищ Фикрет Кямал. А тем, кто пропускает в печать статьи, написанные подобными вам критиками, руки надо отрезать. Однако я верю в то, что так было вчера. Завтра возмужавшее пролетарское общество даст вам, товарищ Фикрет Кямал, по мягкому месту за такую критику, которую пишете вы. Я, товарищи, рабочий. Может, я грубо говорю, но только я думаю, что пьеса, которая разоблачает, в которой каждый узнает себя и чувствует себя не в своей тарелке, стоящая пьеса, нужная пьеса. Вот мое мнение. Пьеса товарища Кудрата тоже, можно сказать, неплохая пьеса. Она, правда, немного устарела, но играть ее можно.

Мирза Джамал. Пусть хоть земля треснет, а пьеса Отгюна написана по заказу! Грош цена ей!

Хикмет Кямал. Пьеса нужна нам с точек зрения методологии и идеологии.

Кямал. Фикрет. Если бы я прослушал пьесу товарища Кудрата, и бы в два счета мог доказать, что она насыщена панторкизмом. И я уже доказал это через печать в 1924 году.

Гюльсабах. Товарищи, я ничего не поняла из всей этой критики. Похоже, что люди боятся высказывать свои собственные мысли и играют мыслями других, как орешками. Это, товарищи, кризис мыслей. Ты говори свое мнение. Если что не так, тебя поправят. Ведь если ни к селу, ни к городу прилетает чужие, где-то услышанные мысли, шаблонные формулы и термины, это будет то же самое, как если бы к коверкотовому костюму пришли латку из куска горской шали. Я так думаю: обе эти пьесы могут послужить делу. Однако пьесу товарища Кудрата надо немного исправить, ибо она чуть-чуть устарела. Сейчас в нашей жизни нет уже таких духовных лиц, ахундов и кулаков. Их следует пропустить через педилку сегодняшнего дня. Пьесу надо поручить сильному режиссеру. Женские роли очень трудные, поэтому артисткам театра предстоит серьезно поработать над собой.

Алимухтар. У нас нет режиссера! Пусть пьесу сыграет Байрам и Гюльсабах.

Хуршид. И все женские роли пусть сама играет. Мирза Джамал. А мужские—Заман и Сапан. Сапан. Я готов.

Хосамед. А я что?. Я ведь еще не умер. Мирза Джамал. Играй, играй... Зарифмуй их пьесу своими рифмами!

Хосамед. Проклятые отцу лгуна! Товарищи, вы все здесь литераторы. Прошу вас, ради ваших детей, скажите, бульвары-шаровары—рифма или нет? Вы все—чистейший тезис.

Заман. Товарищи, недостатки, выявленные пьесой Отюна, есть у нас. Не годится скрывать и утаивать их. Но трупы боятся открыто глянуть в лицо своим же недостаткам. Мы должны играть обе эти пьесы.

Входит Алаббас.

Алаббас. Товарищ Амрулла, срочная телеграмма.

Амрулла читает телеграмму.

Хикмет Кямал. Ни одно из этих произведений не годится для нашего пролетарского общества.

Мирза Джамал. Ломаного гроша не стоят они! Хуршид. И к тому же мы знаем, по чьему заказу все это написано.

Амрулла. Товарищи, товарищи, слушайте. Повторная телеграмма из Москвы. Из театральной конкурсной комиссии. Закончен просмотр пьес, присланных из всех республик.

Гюльсабах. Результаты есть? Амрулла. Есть. Пишут, что первое место заняла пьеса из Азербайджана.

Гюльсабах. Название пьесы? Амрулла. Название пьесы не указано. Гюльсабах. Мы послали на конкурсную комиссию обе пьесы.

Мирза Джамал. Нет, товарищи, раз такое дело, надо сказать прямо, что обе пьесы написаны хорошо и художественном отношении. Дальше... В одной из них рассказывается кое-что про актеров. Это ничего. Если разобраться, там много правды. Напрасно мы обижаемся. Говорят, в театре бьют стекла. Верно говорят. Есть некоторые неосознательные товарищи, которые действительно бьют стекла.

Ариф Хикмет. Товарищ Мирза Джамал, допустим, я разбил стекло. Зато ты весь театр водишь за нос. Ясно?

Мирза Джамал. Я не только не бил стекла, но и на режиссера не набрасывался с кулаками.

Ариф. Хикмет. Я тоже считаю, что пьеса на высоте в художественном отношении. Да, я разбил стекло, об этом написали. Актриса—слетница, верно. Но разве, Мирза Джамал, не говорили мне в тот день, будто Гюляр умерла и что, мол, сегодня ее похоронят? А?

Хикмет Кямал. Товарищи, коль скоро эти пьесы заняли первые места в комиссии, тогда, конечно, их нужно вынести на обсуждение широких масс и поставить во всех районах.

Голоса. Конечно, конечно!.. Обе пьесы!.. Заман. Товарищи, есть предложение ячейки поручить постановку пьесы Гюльсабах-ханум.

Мирза Джамал. И пусть она соберет и отдаст вам все главные роли!

Ариф Хикмет. Пусть все положительные роли отдадут вам, а отрицательные роли—нам.

Хуршид. А героинь пусть сама играет.

Амрулла. Товарищи, дирекция того же мнения.

Мирза Джамал. Все это прожектерство! Вы хотите превратить театр в игрушку. Для актера с двадцатилетним стажем должен быть режиссер, по крайней мере, с тридцатилетним стажем. Кто будет моим режиссером? Вчерашний ребенок? Нет, товарищи, я как сказал, так и будет. Меня здесь нет.

Амрулла. Вы одни—еще не театр, товарищ Мирза Джамал! Кто не хочет, не надо. Не следует твердить нам об этом каждую минуту. Вас не будет, на ваше место найдется другой человек. Постановка пьесы поручается Гюльсабах-ханум. Надо проверить ее способности. Справится, значит, хорошо, не справится, скажем: «Не можешь, сиди, товарищ, на своем месте, а не хочешь сидеть—до свиданья!...»

ЗАНАВЕС

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

На сцене идет репетиция пьесы, которую поручили Гюльсабах.

Заман. Какой густой туман! Все заволок вокруг. Хосмамед. Зашевелился враг на склоне, пробуждайся, друг!

Заман. Бригада, к наступлению готовы! Гюльсабах. Опоздал, Заман. Нарушен ритм текста. Сначала! Музыка. Не опаздывай, Заман.

Заман. Бригада, к наступлению готовы! Сапан. Выкатывай пушки, ружья заряжай! Заман. Установить пулеметы! Наводчик не зевай! Бригада, вперед!

Все. Ур-а-а!
Гюльсабах. Еще раз подружнее! Музыка, начинайте. Давай реплику, товарищ Мирза Джамал.

Мирза Джамал. Смелее, молодцы! Вся деревня вооружилась, мы с вами.

Заман. Бригада, вперед!

Все. Урра!..

Гюльсабах. Хорошо. Сцена готова.

Мирза Джамал (*спрыгивает с мосточка*). Да позил тебе аллах жалость к нам, Гюльсабах-ханум. Из сил выбились. Я весь в поту.

Гюльсабах. Это творческий пот, товарищ Мирза Джамал.

Мирза Джамал. Клянусь тебе, я вошел в такой азарт, что—прикажи, хоть сто раз—все равно буду подниматься по этим ступенькам и спрыгивать вниз. Ты так воодушевляешь, что мне начинает казаться: действительно идет война... и я настоящий солдат!..

Гюльсабах. Большое спасибо, товарищ Мирза Джамал, это-то нам и нужно.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Открытая сцена. Гюльсабах, в костюме и гриме, осматривает сцену перед игрой. Входит Шовги.

Гюльсабах. Шовги, приспусти немного задний занавес, а боковые чуть-чуть уберите. Во время атаки желтый свет переходит в красный. Не перепутай!

Шовги. Все будет в порядке.

Гюльсабах. Сцена тоже готова. Шовги, посмотри, все наши на местах? (*Шовги хочет выбежать*). Постой! Попроси Байрама, чтобы он помог Гюляр и Турач. Гюляр-то расторопная, она все умеет. А вот за Турач надо присматривать. Иди, узнай, пришла она?

Шовги. Кто, Турач? Пришла давно, уже в шесть часов вечера была здесь. Гриммуется, затем все стирает с лица. А Гюляр, кажется, еще не пришла.

Гюльсабах. Не может этого быть. Иди, узнай точно и скажи мне. Скоро будем начинать.

На сцену, переругиваясь, входят Хосмамед и Хуршид.

Хосмамед. Да отвяжись ты от меня, тезис ты раз-эдакий!

Гюльсабах. Что еще случилось, товарищ Хосмамед?

Хосмамед. Да ничего особенного... Хуршид взяла пояс бедняжки Турач и повязала ее сама. А та, несчастная, ищет пояс с самого утра... плачет. Послушай, Хуршид, ведь твоя роль антитезисная. Этот пояс совсем не подходит тебе. И бедняжку Турач жалко. Этого никакая диалектика не стерпит. Понятно тебе? Впрочем, разве ты знаешь, что такое диалектика?..

Гюльсабах. Действительно, этот пояс вам не подходит, Хуршид-ханум. Он хорош для Турач.

Хуршид. Пожалуйста!.. Очень он мне нужен!.. Отнесу, кину ей в лицо. Пусть разрядится!.. Пусть она нравится всем, а мы—нет.

Входит Заман.

Заман. Хуршид-ханум, у вас пояс Турач? Несчастливая ищет, совсем в отчаянии.

Хуршид. Пожалуйста, возьмите... *(Снимает пояс, бросает.)* Отнесите ей. Можете все разрядить ее! Кстати, и муж выгнал ее... Может, сегодня вы отдадите ее замуж, чтобы развязать себе руки?..

Хуршид-ханум, рассерженная, уходит со сцены.

Заман. Хуршид-ханум!

Гюльсабах. Заман!

Заман. Нет, Гюльсабах-ханум, вы не поняли, что она хотела сказать. Она хочет сказать, будто вы, Кудрат, Турач...

Гюльсабах. Я отлично все понимаю, Заман. Если бы каждый, кто бросает камень, попадал в чью-либо голову, не осталось бы целых голов. Будь выше таких мелочей. Готовы ребята? Сегодня у нас экзамен, Заман. Будьте молодцами, иначе нам никто не поверит.

Заман. Не бойся, Гюльсабах. Ребята наши—как сталь. Кто бы мог подумать, что даже Мирза Джамал знает свою роль наизусть, как соловей!

Гюльсабах. Только передай актерам, чтобы они все время на сцене думали о Турач и Гюляр. Если кто из них собьется, вы должны помочь.

Заман. За Гюляр не бойся. Она—как огонь. А вот за Турач я немного опасуюсь. Бедняжка очень стеснительная.

Входит Сапан.

Сапан. Вот увидите, сегодня Гюляр заткнет за пояс всех нас. Это не Гюляр, а настоящий огонь, огонь!

Хосмамед. Она антитезис... А Хуршид тезис.

Вбегает Амрулла.

Амрулла. Товарищи, вы готовы или нет? Публика ждет. Ох, и людей же в зале!.. Комаров в лесу легче пересчитать, чем зрителей сегодня. Конкурсная комиссия, приехавшая из Москвы, точит свои ножи. Некоторые говорят: «Почему вы не поручили эту ответственную постановку людям, уже ранее проявившим себя?» Я говорю: милые, вы посмотрите, мы ведь тоже понимаем кое-что? Прошу вас, держитесь крепко, не то мы опозоримся на весь город! Они будут ко всему придраться, каждого обсуждать, всем жару дадут.

Хуршид. Нам-то что?.. Нас-то обсуждать не будут. Амрулла. Всех будут обсуждать. И работу художника, и работу актеров, и пьесу, и режиссера. Четыре человека получат премии. Ну, и страшная же это штука—соревнование! Сердце в груди так и разрывается: бах-бах!.. Прошу вас, постарайтесь, чтобы мы не опозорились!..

Гюльсабах. Не бойся, товарищ Амрулла, все роли в надежных руках.

Хуршид. Особенно надежны Турач и Гюляр. Только вчера с улицы пришли, а сегодня уже главные роли играют.

Гюльсабах. Не бойтесь за них. Их подготовил сам Заман.

Хуршид. Конечно, Заман все знает, если взялся их готовить!..

Амрулла. Ничего не хочу знать, Гюльсабах-ханум. Если что сегодня случится, я тебе задам перцу. Чтобы не сказали, будто молодые все испортили. Клянусь тебе своей дочерью, если спектакль пройдет хорошо, если не будет никаких дефектов, завтра я куплю тебе вот такую торт!..

Сапан. А где же автор?

Амрулла. Он там, у меня. В ужасном настроении. И, кажется, немного того... *(Щелкает себя пальцем по горлу, намекая на то, что автор подвыпил.)* Ну, я пошел, действуйте. *(Уходит.)*

Шовги. Товарищ Гюльсабах-ханум, ребята готовы. Только Турач сидела и плакала. Я успокоил ее, она оделась и тоже готова.

Гюльсабах. А Гюляр?

Шовги. Ее я не видел.

Гюльсабах. Как это не видел? Ведь сейчас спектакль начинаем.

Шовги. Не знаю, клянусь, у меня голова кругом идет. Тут Турач плачет, а про Гюляр я забыл.

Заман. Пойду посмотрю. А то вдруг не придет, тогда оскандалимся.

Шовги (*бежит за ним*). Вот и я говорю то же самое.

Входит загромированная и переодетая Турач.

Гюльсабах (*улыбаясь*). В чем дело, Турач? Говорят, ты плакала? Ох, ну и красавица же ты получилась, Турач! Аппетитная молодка, да и только!

Турач. Я потеряла пояс... И загримировалась плохо. Думала, ты придешь, увидишь—опять будешь смеяться.

Гюльсабах. Когда я смеюсь, ты обижаешься, Турач?

Турач. Нет, я знаю, ты зря не смеешься. Я пришла, чтобы ты взглянула на мой костюм. Может, я опять забыла что-нибудь?

Гюльсабах. Нет, Турач, все хорошо. Только пояс подними чуть повыше. И под глазами подчеркни немного. Чуть-чуть...

Турач. Мне стыдно, Гюльсабах. Мое сердце все время так бьется, что я вчера проплакала всю ночь. Как я выйду на глаза стольких людей? Все меня узнают, будут смеяться. Иногда мне вдруг начинает казаться, что во время игры у меня перехватит горло и исчезнет голос.

Гюльсабах. Недельку посмеются, Турач, а затем будут поклоняться твоему таланту.

Турач. Вот уже два дня я ничего не ем от страха. Забыла всех и все—дочку, дом, даже его...

Гюльсабах. Даже его?

Турач. Нет, его я не забыла. Но как только начинаю думать о том, как я появлюсь перед таким количеством народа, он отходит на второй план. Скажи, он здесь?

Гюльсабах. Здесь.

Турач. И он тоже увидит меня?

Гюльсабах. Когда он увидит тебя такой, он сойдет с ума. О, Кудрат будет преследовать тебя. Однако назад дороги нет, только вперед, Турач!

Турач. Ты верно говоришь, Гюльсабах. Раньше я просто томилась от безделья, а сейчас занята с утра до вечера. Хочется работать, бороться. В голову приходят тысячи мыслей. Я хочу, чтобы он увидел меня и понял, что я тоже человек.

Гюльсабах. Если он вдруг придет к тебе, простишь ли ты его?

Турач. Его?. Не знаю, Гюльсабах. Сейчас я думаю только о том, как мне выйти на сцену. Больше ни о чем не могу думать. А это хорошая пьеса?

Гюльсабах. Так себе, Турач. Говорят, она заняла в Москве первое место, но я не верю этому. Мы ее изменили немного. Кудрат сам еще не знает. Но мне кажется, он получил такой толчок для понимания жизни, что или он умрет или вырастет духовно.

Турач. Я готова на любую муку, лишь бы он вырос. Гюльсабах (*с улыбкой*). Эх, Турач, Турач... Я очень рада, что ты такая красивая и такая умная.

Турач (*смотрит на Гюльсабах, затем вдруг кидается к ней, целует*). Я люблю тебя, Гюльсабах. Верь, что я люблю тебя больше, чем его. Когда мне тоскливо дома, я встаю и бегу к тебе. Как только увижу тебя, сразу делается легче.

Шовги. Гюльсабах, дорогая, уже восемь часов, а Гюляр еще не пришла.

Гюльсабах (*испуганно*). Как это не пришла?

Шовги. Не знаю. Не пришла и все. Что же делать? Время начинать спектакль.

Вбегает Амрулла.

Амрулла. Милая, этой твоей новой девушки нигде нет.

Шовги. Боже, вдруг она не придет! Тогда опозоримся.

Амрулла. Я не желаю ничего знать. За нее ручалась Гюльсабах.

Гюльсабах. Быть не может, чтобы Гюляр не пришла!

Шовги. Но ведь не пришла.

Амрулла. А заменить нельзя ее?
Гюльсабах. Заменить невозможно. Свободных нет никого. Все актрисы заняты.

Вбегает Заман.

Заман. Гюльсабах, Гюляр не пришла.

Вбегает Сапан.

Сапан. Гюльсабах-ханум, что же это такое? Гюляр не явилась. Что же теперь будет?

Амрулла. Клянусь честью, у меня даже горло пересохло. Опозоримся на весь город. Зрители—это еще ничего, но ведь и Наркомпрос пришел, комиссия пришла, из учреждений пришли, все хотят узнать, как работают молодые? Просто срам!

Вбегает Байрам.

Байрам. Гюльсабах-ханум, что делать? Гюляр не пришла, а уже восемь.

Гюльсабах *(потрясенная, некоторое время думает, затем решительно говорит)*. Байрам, жди еще пять минут, проверь всех товарищей. Мы сейчас вернемся. Пошли, Заман.

Заман. Куда?

Гюльсабах. К ней домой.

Заман. Ты пойдешь к ней домой?! Да ведь она не разговаривает с тобой.

Гюльсабах. Пойду.

Заман. Но ведь у них дома... у них дома никто не знает, что она пошла на сцену.

Гюльсабах. Все равно. Сегодня последний экзамен...

Заман. Ты прямо так и пойдешь? В гриме?

Гюльсабах. Прямо так. Времени нет.

Амрулла. Умоляю вас, сделайте так, чтобы мы не опозорились! Клянусь честью, Гюльсабах-ханум, если ты сегодня все устроишь, я тебе завтра куплю в Баксоюзе вот такуший торт!..

Гюльсабах. Пошли, Заман.

Уходят.

Хуршид. Ждите, так вам эта Гюляр сейчас и придет!

Мирза Джамал *(огорченно)*. Бедняжка Гюльсабах! Как она побледила... Даже сердце заняло у меня.

Хуршид. Вы посмотрите на него! С каких это пор твоё сердце начало ныть?

Мирза Джамал. Да хватит тебе об этом, Хуршид! Работает Гюльсабах здорово. Молодец! Такая еще юная, а жизнь за сцену отдала. И знает много и все умеет. Справедливая. Возрастку она меня научила! Верно говорят: ум не в возрасте, а в голове.

Шовги пробегает через всю сцену.

Шовги. Ах, господи, что мы будем делать, если Гюльсабах тоже не придет?

Мирза Джамал задумчиво смотрит на Шовги, затем вдруг, словно решившись на что-то, решительно наклоняет со стула и уходит со сцены.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Дом Гамар-ханум. Комната Гюляр. Гюляр нервно ходит по комнате, напекает.

Гюляр.

Пусть улыбнется солнце, бросит свет на небо!
Пусть улыбнется, осветит вселенную.
Скорее отступай со скал далеких, эй, туман!
Конец тебе пришел, конец!
Лучи блестящие на синем небосклоне
Разгонят тьму, прогонят злую ночь!

Гамар. Гюляр, доченька, что ты поешь?

Гюляр. Я пою свою роль.

Гамар. Какую такую роль? Чья роль? Что такое роль? Ты что, спятила, дочка? В последнее время ты что-то чудишь. Видно, та встреча с Гюльсабах оказала на тебя действие.

Гюляр. Подействовала, мама, очень подействовала. И сейчас я иду встретиться с ней.

Г а м а р. Встретиться с ней? Я тебе запрещаю говорить со мной таким тоном. Кто тебе дал право встречаться с ней? Разве ты не знаешь, что про нее говорят?

Г ю л я р. Все это ложь. Так могут говорить только низкие люди. Она выше их всех. Она сильная женщина. Она—сила, она—жизнь.

Г а м а р. Какое у тебя может быть дело с ней?

Г ю л я р. Я хожу сражаться с ней, хожу работать.

Г а м а р. Ты, кажется, заговариваешься. В своем ли ты уме? А ну-ка, дай мне твою руку, я гляну, нет ли у тебя температуры.

Г ю л я р. У меня нет температуры. И ум мой на месте.

Г а м а р. Кто она такая, что ты льнешь к ней?

Г ю л я р. Я тебе говорю, что она—сила. С ней не так-то легко справиться. У нее железная рука. Ее мозг—из стали.

Г а м а р. Ты просто рехнулась.

Г ю л я р. Она ждет меня на сцене.

Г а м а р. Ты пойдешь к ней за кулисы?

Г ю л я р. Не за кулисы, а прямо на сцену.

Г а м а р. Как, прямо на сцену?! Неужели на сцену?

Г ю л я р. Прямо на сцену. Она смеется надо мной.

Она меня ни в грош не ставит. Мама, ты связала меня по рукам и ногам, ты душишь меня в этих четырех стенах. Я задыхаюсь. Я хочу вырваться к жизни, хочу биться, сражаться. Гюльсабах разлучает меня с моим любимым.

Г а м а р. То есть, как это с любимым? Ты смеешь любить без моего разрешения?! Марш в темную комнату!

Г ю л я р. Нет, мама! Убей меня, но я больше не пойду в ту темную комнату. Я хочу света! Мне нужны свет, театр, сцена!

Г а м а р. Вот как?! Теперь мне ясно, почему, когда ты читаешь книги, то запираешься на ключ. Что это за книги?.. «Актёр и режиссер», «Советский театр»... У тебя только одно на уме—театр, артисты... Не хватало еще, чтобы ты пошла и сделала актрисой!

Г ю л я р. Я больше не хочу скрывать, мама. Я буду актрисой, я буду всегда работать в театре.

Г а м а р. Хорошенькое дело! Пойдешь на сцену и вступишь в кого-нибудь из актеров?

Г ю л я р. Я уже люблю.

Г а м а р. Уже любишь?.. Кого?..

Г ю л я р. Одного из актеров.

Г а м а р. Ой, какой позор! Это все ее влияние!.. Гюльсабах разрушила дом Турач, а теперь протянула руку к нам. Что ты можешь?

Г ю л я р. Я все могу. Я научилась. Я не спала день и ночь, я прочла все эти книги. Я не сдамся ей. Я буду бороться. Время любит сильных. Время принадлежит сильным. Я покажу ей, что я не такая бессильная, чтобы искать у нее защиты и милости. Я не Турач.

Г а м а р. Куда ты хочешь идти, Гюляр? На какую сцену? На чью сцену? На сцену Гюльсабах?

Г ю л я р. Я иду на нашу сцену! *(С улицы доносится музыка, звуки марша. Гюляр подбегает к окну.)* Смотри, мама!.. Вон ряды девушек, все они здоровые и сильные, как тигрята. На плечах у них винтовки: проходят, как отважные бойцы. Я учусь в школе не хуже, чем они. А придя домой—у меня опускаются руки, я забываюсь в угол, как трусливый заяц. Я не хочу больше такой жизни! Я хочу жить, жить, бороться, сражаться!

Г а м а р. Сражаться?! С кем?

Г ю л я р. Не знаю. Со всеми... С теми, кто захочет закрыть мне дорогу. Может быть, даже с тобой. Я хочу, наконец, стряхнуть с себя эту могильную пыль. Я хочу сбросить с себя этот кладбищенский камень.

Г а м а р. Хватит, Гюляр. Я выбилась из сил, воспитывая тебя без отца. А ты теперь хочешь опозорить меня перед всем светом.

Г ю л я р *(встает)*. Мне пора, мама! В трусливый глаз щенка залетает. Пусть говорят, что хотят. Это сорошюанне. Народы соревнуются. Народ протягивает мне руку. Я дочь народа. Я дала обязательство. Как можно сегодня, в этот решительный вечер, убежать с поля боя?! Нет, мама, умоляю тебя... *(Хочет уйти.)*

Г а м а р. Пока я жива, ты никуда не пойдешь. Стой, говорю тебе, стой! Вернись!

Г ю л я р. Уже поздно, мама. Я должна идти, мама.

Г а м а р. Ты никуда не пойдешь. Я не пущу тебя на сцену, в этот безнравственный притон, туда, где бывают такие известные всему городу женщины, как Гюльсабах. Не пущу!

Г ю л я р. Я покончу с собой, мама!

Г а м а р. Лучше быть в могиле, чем на сцене. По крайней мере уйдешь с чистым именем.

Г ю л я р. Ты хочешь моего поражения, мама?

Г а м а р. Клянусь, Гюляр, если ты переступишь порог, по возвращении увидишь мой труп. Теперь можешь идти.

Гюляр возвращается, отбрасывает в сторону книги, припадает к столу и плачет.

Г а м а р. Ты пойдешь и будешь там продавать свое тело, будешь продавать свою красоту и зарабатывать этим себе на хлеб?.. Нет, я не хочу этого.

Гюляр. Театр не базар, мама. Это храм искусства. Там происходит состязание. Каждый бросает свои знания, свою силу на поле соревнования. А я прячу свой талант, свои силы от своего народа. Верно говорят Гюльсабах, это воровство. У меня нет права так делать. Нет, мама, нет!

Г а м а р. Ты еще будешь цитировать ее?! Знай, Гюляр, если ты переступишь этот порог, по возвращении ты увидишь мой труп.

Открывается дверь, входят Гюльсабах и Заман. Гюляр вскакивает с места.

Г а м а р. Что вы хотите? Что вам нужно в моем доме?

Гюльсабах. Мы пришли не к вам. Мы пришли за Гюляр.

З а м а н. Пошли, Гюляр. Занавес поднят, люди ждут тебя.

Г а м а р. Она никуда не пойдет. Если вы спешите, можете идти.

Гюльсабах. Слово за тобой, Гюляр. Мы ждем тебя.

З а м а н. Если ты не придешь в театр, пьеса не сможет начаться.

Гюльсабах. Не верю, Гюляр, что ты прибегнешь к такому способу мести. Это было бы низко.

Гюляр *(спокойно, избегая взглядов Гюльсабах и Замана)*. Я не пойду!

Г а м а р. Молодец, доченька! Я готова целовать твои руки и ноги.

Гюльсабах *(спокойно, поборов в себе гнев)*. Ваши поцелуи страшнее для нее, чем поцелуй змеи.

Г а м а р *(зло)*. Я не допущу, не позволю, чтобы моя дочь как и ты, ходила в этот вертеп безбрастности и раскрашивала свое лицо, будто оно продажный товар.

(Указывает на грим Гюльсабах.) Я не допущу, чтобы моя дочь стала жертвой вашего заулисного разврата. Я не допущу, чтобы она размалевала свое лицо для публичной продажи. Как вот ты сейчас!

Гюльсабах *(все больше раздражаясь)*. Я работаю в этом гриме. Для меня он всего лишь инструмент. Это мой молот, моя игла. Но я хотела бы знать, для чего вам вот это?.. *(Указывает на драгоценности и парфюмерные принадлежности на столе.)* Для чего вам эти серьги, эти браслеты, эта пудра, эта помада, эта сурьма, эти щипцы для завивки, вот это, вот это?.. Разве они нужны не для того, чтобы краситься, не для того, чтобы замазывать свои морщины, не для того, чтобы нравиться своим любовникам? О да, вы женщина из высшего общества! Вы человек избранного круга людей. Вы светская дама, которая ежедневно размалевывает себе лицо и переходит из рук в руки, от одного любовника к другому. И никто этого не видит, никто этого не знает. Ведь вы никому не известны, кроме самой же себя и своих любовников. Ну, а актриса постоянно в центре внимания всего общества. Стоит ей чуть-чуть споткнуться, как все безрассудные мозги, все ядовитые языки находят причину для злословия. Актриса всю жизнь работает для вас, не жалея сил, и в конце концов получает от вас в награду кличку «распутная».

Г а м а р. Я запрещаю вам говорить такие слова в присутствии моего ребенка!

Гюльсабах. Она не наша, она—наша. Если не сегодня, так завтра Гюляр станет окончательно нашей. Ее воспитало наше общество. Вы же плесень, мертвец. Ваш голос идет из могилы. Мертвецы приказывают живым!.. Смешно.

Гюляр *(сдвинув брови)*. Я не хочу, чтобы вы говорили так в моем присутствии. Она моя мать.

З а м а н. Гюляр, подумай! Если ты сейчас не пойдешь с нами, все погибнут—и она, и я, и вся наша молодежь. Больше нам никогда ничего не поручат. Сегодня вечером решается наша судьба. Неужели ты хочешь, чтобы мы опозорились на весь свет?

Гюляр. Я не пойду.

Гюльсабах. Ребенок. Я ведь тебе сказала, что ты еще ребенок. Ты не можешь драться со мной. Перед тобой воздвигнута стена из трупов. Ты не то, что через жи-

вых, даже через мертвых не можешь перескочить. А руки и головы тех, кто идет в атаку, должны быть твердыми и непреклонными. Пошли, Заман. (Гюляр.) Тебе следует знать, что не каждый может быть сильным. Герой должен иметь сердце—широкое, как вселенная, голову и руки—крепкие, как сталь.

З а м а н. Пошли, Гюльсабах. А что же будет с сегодняшним спектаклем?

Г ю л ь с а б а х (едва сдерживая гнев). Пошли, Заман, пошли, мне душно здесь.

Уходят.

После небольшой паузы Г а м а р падает на колени перед Гюляр.

Г а м а р. Спасибо тебе, доченька. Ты спасла мою честь. Мне много лет, но видишь—я припадаю к твоим коленям, целую их и благодарю.

Г ю л ь а р (порывисто вскакивает). Нет, жизнь меня ждет! Меня ждет народ! Меня ждет борьба! Ты отняла у меня оружие и отдала его Гюльсабах. Ты опозорила меня перед ней. Ты погубила меня. Мама, ты убила меня!

З А Н А В Е С

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Театр. Сцена.

Ш о в г н. Ах, боже мой!.. Уже девять часов. Что делать, если они не придут?!

С а п а н. Честное слово, сердце разрывается от страха. Вдруг Гюляр не придет, что тогда будет?

Ш о в г н. Какой ужас! Это будет позор. Кошмар! Хоть под землю провались.

С а п а н. Да нет, все будет хорошо. Явится. Наверное, Гюляр проснала. Бедная Гюльсабах, просто на смерть стала похожа—такая бледная! Как она переживает!

Ш о в г н. Боюсь, в конце концов отвечать за все придется мне.

Входят Хосмамед и Хуршид.

Х о с м а м е д. Опять прицепилась ко мне, тезис ты راستес! Дожила до таких лет, а диалектику не знаешь. Х у р ш и д. Подумаешь!.. Хорошо, что ты отвязался от своего супрематизма.

С а п а н. Эй, Хосмамед, прилепни-ка рифму к слову «супрематизм». Ревматизм, активизм... Что еще?

Х о с м а м е д. Ах ты, бессовестный!.. Тезисни ты сын! Слушай, Шовги, ведь ты помощник режиссера. Прощу тебя, ради твоих будущих детей, ответь, бульвары-шаровары—рифма или нет?

Ш о в г н. Милый, родной, какое мне дело до чьих-то шаровар!

Х у р ш и д. Ты, Хосмамед, иди, спроси это у своего режиссера.

Х о с м а м е д. И спрошу! Если у человека есть талант, знания, голова, то его нельзя свалить! Ты на него навалишься, а он вывернется—и опять вскочит на ноги. Нет, наша Гюльсабах—молодец! Талант!

Х у р ш и д. Талант, талант! Подумаешь!.. Набрала с улицы каких-то проходимцев: вот вам, я готовлю кадры! И вот результат всего этого. Провал постановки!

Вбегает Амрулла.

А м р у л л а. Дорогие, ну как?.. Не пришли еще?

Ш о в г н. Клянусь, мы дрожим от страха. Не знаю, что и будет?

Х у р ш и д. Да разве они придут?! Отдашь вожжи в руки детишек—всегда так получится.

А м р у л л а. Аллах мой, а вдруг Гюляр не придет, что я буду делать? Опозорюсь на весь Наркомпрос, на весь Совнарком, на весь СССР! Сказал я этой негоднице, что этим молокососам нельзя доверять. Нет, говорит, я ручаюсь. Клянусь, они так на меня нажимали, что я от страха поддался им. Хорошо, а где же она сама? Где Гюльсабах?

Х у р ш и д. Что если и она удерет?

С а п а н. Не удерет, не удерет... Она в гриме, не удерет.

А м р у л л а. Что я теперь, сукин сын, скажу публике?

Входит Алаббас.

А л а б б а с. Товарищ Амрулла, в ложе Наркомпроса говорят: «Если спектакль не состоится, то мы уходим!»

Амрулла. Аллах всемогущий, помоги!

Входят Гюльсабах и Заман.

Шовги. Вот и пришли! *(Кидается навстречу)*. Ну, как дела?

Амрулла. Умоляю вас, ох!.. Сердце разрывается... Скажите быстрее, что случилось?

Санаи. Пришла?

Заман. Не пришла.

Амрулла. Не пришла?!

Гюльсабах *(после глубокого молчания)*. Да, не пришла.

Амрулла. Ай, аллах! Как же я теперь буду оправдываться? Ведь, больше никто не знает ее роли.

Заман. Никто.

Турач. Гюльсабах-ханум, если бы мне не надо было встречаться с ней во второй картине, я бы сыграла и ее роль. Я знаю весь текст наизусть.

Шовги. Молодчина, Турач! Совсем недавно в театре, а все роли выучила.

Хуршид. Выскачка!.. Еще никто не знает, как она справится со своей ролью, а она уже хочет играть сразу две.

Алимурад. Спектакль надо отложить.

Амрулла. Как?! Да ведь тогда мне конец! И без того все ругали меня: «как ты доверил постановку молодым?» Говорим: молодые кадры, кадры!.. А в результате—позор. Хорошо это?

Заман. Что же делать?

Гюльсабах. Что делать?.. Гюляр сама хотела соревноваться со мной. Но она не может найти в себе смелость развалить стену из трупов в своем мешанском обществе. Она испугалась, трусливо отступила, повернула назад, сбежала!

В это время на сцену вбегает Гюляр.

Гюляр. Я не сбежала, я здесь, товарищ Гюльсабах!

Шовги. Смотрите, да она здесь оказывается!

Гюляр. Я развалила стену. Я только что перепрыгнула через труп своей матери. Пришла... Я не борюсь с вами, а соревнуюсь. Поднимайте занавес, я готова!

Все. Ура!

В это время за кулисами слышится шум. Входит Мирза Джамад.

Мирза Джамад. Где Гюльсабах?.. Вот уже тридцать лет, как я отдал свою жизнь этой сцене. И я не оставлю в беде тех, кто работает для нее, пусть это будет даже ребенок. *(Выталкивает руками на сцену пожилую женщину)*. Иди, иди сюда!.. Вот это моя жена. Я вытащил ее из постели, привел в театр. Может, сгодится на что-нибудь.

Гюльсабах *(с подъемом)*. Сгодится, товарищ Мирза Джамад! И она сгодится. На все сгодится. Начиная! Занавес!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Спектакль начался. Турач, в крестьянской одежде, работает и напевает. Кудрат и Амрулла сидят в директорской ложе. Зал полон. За кулисами суфлер и актеры—Шовги, Заман, Санаи и другие.

Турач.

Разлука сердце иссушила,
В глазах улыбку погасила.
Любовь пришла. Откуда?
Пришел разрыв. Откуда?

О счастье сердце так мечтало,
Ждало так счастья—и устало.
Любовь пришла. Откуда?
Пришел разрыв. Откуда?

Хотело сердце исцелиться,
Из родника любви напиться.
Любовь пришла. Откуда?
Пришел разрыв. Откуда?

Но что ты мне дала, любовь?
Разлука сердце иссушила,
В глазах улыбку погасила...

Кудрат (*из ложи*). Да ведь это голос Турач!.. Уж не схожу ли я с ума?

Амрулла. Клянусь честью, клянусь твоей жизнью. Кудрат, клянусь здоровьем моей дочери, я в жизни не слышал такого голоса. И сама она такая аккуратная... Я сразу проникся к ней большим уважением. Пока я здесь, ее пальцем никто не тронет. Я не допущу, не бойся!..

Кудрат. Это ее голос... Это поет Турач...

Амрулла. Да, это она... Твоя жена. А ты что, не знал разве?

На сцену выходит Гюльсабах в костюме и гриме.

Гюльсабах. А, здравствуй, девушка!

Турач. Здравствуйте.

Гюльсабах. Где твой отец?

Турач. Отец живет не здесь. Это дом моего мужа.

За кулисами радостный шепот.

Шовги. Ох, молодчина!.. Совсем, как соловей...

Сапан. А я говорю—собьется.

На сцене.

Гюльсабах. Где твой муж? Ты писала заявление?

Турач. Писала. За год два заявления подала.

За кулисами.

Шовги. Эй, где же Гюляр!.. Вдруг она забудет... Сейчас ее выход.

На сцене.

Гюльсабах. Где же твой муж?

Турач. В село ушел.

За кулисами.

Шовги. Ну, что с Гюляр?

Сапан. Вот она, выходит.

Шовги. Молодец!

Гюляр выходит на сцену.

Гюльсабах. Вы кто такая? (*Гюляр молчит.*)

За кулисами.

Шовги. Ужас!.. Кошмар!.. Она забыла слова!..

Суфлер. Я прокурор, приехала из города... Шовги. Ужас! Какой ужас!.. Эй, суфлер, говори громче... Она забыла слова...

Сапан. Она не забыла. Язык одеревенел.

На сцене.

Гюльсабах (*сменив интонацию*). Я вас спрашиваю, кто вы?

Гюляр молчит, делает попытку сказать, но не может.

Суфлер. Эй, девушка!.. Новенькая!.. Говори... Я прокурор, приехала из города.

Гюляр молчит. Гюльсабах подходит к Гюляр и тихо шепчет.

Гюляр (*тихо*). У меня язык отнялся, рта не могу разжать.

За кулисами.

Хуршид. Шовги, прошу тебя, помоги ей. Пусть она стоит на сцене, а ты отсюда скажи ее слова.

Заман (*тихо*). Гюляр...

Суфлер. Говори, девушка... Я прокурор, приехала из города.

На сцене.

Гюльсабах (*жестко и сердито*). Я вас спрашиваю, кто вы такая? Отвечай, тебе говорят. Говори!..

Гюляр. Гнев может разорвать вам горло. Я не обязана отвечать вам, как солдат.

Гюльсабах. Я не сержусь, я спрашиваю, кто вы такая?

Гюляр. Я тоже хочу знать, кто вы такая?

Гюльсабах. Я председатель сельсовета.

Гюляр. А я прокурор, приехала из города.

За кулисами.

Шовги. Ура!.. Bravo!.. Ты видел, Заман, как она вышла из положения?

Заман. Тихо, не кричи.

На сцене.

Гюльсабах. Вы не имеете никакого права делать что-нибудь, не поговорив вначале со мной. В этом селе я судья.

Гюляр. Я и вас привлеку к ответственности.

Гюльсабах. Мы еще увидим это. Кодекс не сон, который можно толковать по-разному.

Гюляр. Как тебя звать, девушка?

Турач. Меня зовут Лалэ.

Гюляр. Ты давно замужем?

Турач. Год и два месяца.

Гюляр. Ты сама вышла замуж или тебя насильно выдали?

Турач. Меня заставили. Отец был должен мужу, ничего больше не оставалось делать...

Гюляр. Товарищ председатель сельсовета, год тому назад в вашем селе продали живого человека, а вы не сочли нужным сообщить об этом.

Гюльсабах. Извините, я всего лишь десять дней как приехала в это село. Вчера только наткнулась на ее заявление, сегодня вот пришла.

Гюляр. Девушка, вечером скажи мужу, чтобы он пришел в сельсовет.

Гюльсабах. Не надо. Мы сами вызовем его. (*Занавес опускается.*) Спасибо, Гюляр!.. Я так перепугалась, когда ты молчала.

Гюляр. У меня язык отнялся. Мне казалось, когда я заговорю, все начнут смеяться. Если бы ты не закричала и если бы я не разозлилась, так и не заговорила бы.

Турач. У меня не было ошибок?

Гюльсабах. Нет, Турач, хорошо играла.

В ложе.

Кудрат. Этих слов в пьесе не было.

Амулла. Тут немного подправили.

Кудрат. В моей пьесе нет женщины прокурора и женщины председателя сельсовета. В моей пьесе вовсе нет сельсовета. Нет никакого суда!

Амулла. Это ничего. Их чуть-чуть сделали.

Кудрат. Но я об этом не знал. Я буду протестовать перед публикой, через печать!

Амулла. Прощу тебя, комиссия приехала... Опозоримся!.. Пусть кончится пьеса, тогда мы соберемся,

поговорим. Если у тебя будут возражения или замечания, мы всё обсудим и исправим.

Кудрат. Может быть, так даже лучше... Но только это не мои мысли, а кого-то другого.

Амулла (*радостно*). Ну, а раз лучше, то и отлично.

Кудрат. А какова Турач!.. Была безликой, безязыкой женщиной! Когда ей приходилось петь при чужих, она краснела, как рак. Двух слов не могла связать! А сейчас перед всем народом поет, как соловей, говорит. А Гюляр!.. Разве та девушка не Гюляр?

Амулла. Да, да, это Гюляр, Гюляр. Она просто дьявол. Огоны! Я совсем недавно нашел ее.

Кудрат. Она еще вчера только ходила с бантиком на голове. А сейчас у нее такая сила в голосе!.. Нет, я прямо-таки ошарашен!..

Амулла. Это работа нашей молодежи, это их постановка. Знал бы ты, сколько они работали! Бедняжка Гюльсабах утром приходила в театр, а уходила в полночь. Клянусь тебе, сейчас, когда я присутствую на репетициях, у меня просто сердце радуется. Просто хочется взять и поцеловать Гюльсабах. А после думаю: не стоит, а то еще скажут что-нибудь.

Кудрат. Но мне все-таки, не надо чужих мыслей. Это не мои мысли.

Поднимается занавес. Канцелярия сельсовета. На сцене—Турач, Худайр, мулла Рахман и Абдул.

Абдул. Доченька, Лалэ, да ведь это обычай народа. Сделали дело—и все. А ты хочешь отдать нас под суд. Умоляю тебя, доченька... Я умру у твоих ног. Не позорь нас!..

Турач. У меня спросили, я сказала, как было.

Мулла Рахман. О всемогущий, просим твоего заступничества и покровительства!

Худайр. Возьми свои слова назад. Скажи, что наврала.

Турач. Я училась в сельской школе, работала в клубе, хотела стать человеком, а ты купил меня на свои деньги и заточил в четырех стенах.

Мулла Рахман. Просим твоего заступничества и покровительства!.. Дочь моя, побойся алаха. Пожалей хоть меня. Скажи, что ты солгала. Не отдай нас на крью-

нок проклятым. Мне говорят, зачем ты скрепил брак, когда не было бумаги из ЗАГСа?

Абдул. Смотри, доченька, смотри! Человек ни за что, ни про что идет под суд.

Мулла Рахман. Заступничества и покровительства!

Турач. Я не хочу сидеть в этой черной тюрьме. Отпустите меня по доброй воле. Я хочу пойти на работу. Я буду работать и отдам ему долг.

Худаяр. Если ты хочешь выйти за кого-нибудь другого, выбрось эту мысль из головы! Меня посадят, но я тебе не дам развода, и ты до смерти будешь гнить соломенной вдовой.

Турач. Я не собираюсь ни за кого выходить. Но я не хочу также идти к тебе в дом. Это моя тюрьма, тюрьма!

Абдул. Доченька, смотри, я обтираю своей белой бородой твои ножки. Я кладу тебе под ноги свою папаху. Умоляю тебя!.. Пощади меня в мои годы...

Турач. Почему ты не думал раньше, отец? Как я тебя умоляла!.. Ты не внял моим слезам. И сельсовет не внял... Я молила этого косоного муллу. Никто из вас не обратил на мои слезы внимания, потому что этот человек всех вас кушил. Что же я должна теперь делать?.. Жалеть вашу белую бороду или свою искалеченную жизнь?

Абдул. Я не знал этого, доченька. Я пойду на могилу твоей матери, припаду к надгробью, буду целовать землю.

Турач. Хорошо, отец. Пусть гибнет моя жизнь. Я откажусь от своих слов.

Мулла Рахман. Вот они, идут, идут!.. Просим твоего заступничества и покровительства!..

Входят Гюляр и Гюльсабах, оглядывают присутствующих.

Гюляр. Все здесь.

Мулла Рахман. Просим твоего заступничества и покровительства!

Гюляр. Говори только правду. Они насильно выдали тебя замуж? А брак скрепил без разрешения ЗАГСа вот этот мулла?

Мулла Рахман. Просим твоего заступничества и покровительства!

Турач. Нет, я сама пошла. *(Опускает стыдливо глаза.)*

Гюляр. Сама? Не бойся, девушка. Ничего не бойся. Говори правду.

Турач. Я сама пошла.

Гюльсабах. Но ведь ты говорила, что тебя выдали насильно.

Турач. Я обманывала.

Худаяр. Дорогая, в наше время даже курицу невозможно поймать насильно.

Гюляр. Глупая девушка. Наверно, они весь вечер упрощали тебя, и теперь ты хочешь принести свою жизнь, свое молодое сердце в жертву этим мольбам. Ты можешь работать, как свободная женщина, и быть здоровым, достойным членом общества. Твоя жертва очень велика. Это вся твоя жизнь! Мы всё знаем! Подумай. Отвечай честно. Ты не хотела выйти за него?

Турач. Пусть будет что будет. Я скажу правду. Да, я не хотела выходить за него замуж.

Кудрат вскакивает в ложе.

Кудрат. Хватит, остановитесь!.. Опустите занавес!.. В моей пьесе нет этих слов!.. У меня девушку выдают насильно и увозят... Опустите занавес!

Амрулла. Умоляю, покой!.. Сейчас все кончится...

Кудрат. Нет, я не хочу. Я не нуждаюсь в чужих мыслях. Она сдастся их силе.

Гюльсабах оборачивается на сцене.

Гюльсабах. Так было раньше, товарищ Кудрат. Сейчас другое время. А закон, а правительство, а революция, а свобода, данная женщинам?! Или ваши глаза не видят этого?

Кудрат. Я не знаю такой дочери Азербайджана, которая могла бы затонать белой бороду своего отца. Таких нет.

Гюльсабах. Есть! Вы их не видите.

Кудрат. Где они? Кто это?

Гюляр *(решительно выступает вперед)*. Например, я. Я только что перешагнула через тело своей матери и пришла сюда.

Голоса в зале. Эй, а кто он такой?! Что случилось?.. Не шумите!.. Тихо!.. Не мешайте!..

Гюльсабах. Идите, Кудрат, на сцену и посмотрите в зал. Это все слабые женщины, которые вчера жили в своих чадрах, тоскуя по солнечному свету. Время изменилось. Века столкнулись лбами. Веревки лопнули. Все люди вышли к жизни. Жизнь, движение, скорость, темп, революция!.. Ты не видишь всего этого?! Жизнь, о которой ты пишешь, прошла.

Кудрат. Если все это прошло, то и все мои труды тоже пошли прахом.

Гюльсабах. Колесо истории остановить нельзя, товарищ Кудрат Арслан. Все это уже прошло. Откройте глаза. Стрела, пущенная из лука, назад не возвращается.

Голоса. Вывести его из зала!

Гюльсабах. Опустите занавес.

Занавес опускается.

Амрулла (в зале). Товарищи, представитель конкурсной комиссии хочет сказать вам несколько слов.

Дашдемиров. Явление, наблюдаемое нами сегодня, не случайное, товарищи! Время движется вперед. Вчерашние таланты не могут устоять перед обновленными мыслями, перед растущими интересами народа и теряются. Такое положение, если внимательно присмотреться, можно наблюдать повсеместно. Мы должны были проверить положение в республиканских театрах и выяснить, могут ли они принять участие в грандиозном всесоюзном соревновании. Мы проверили все театры и нашли возможным допустить к соревнованию только пять из них. Сегодня мы с большой радостью объявляем, что ваш театр занял первое место в республике. Силы творчества, наблюдаемые сегодня нами, особенно у двух ваших актрис, талант, темперамент всего коллектива, эта благородная битва за совершенство искусства, которую мы видели здесь—все это ярко свидетельствует о том, что пьеса поставлена талантливым режиссером. Мы должны радоваться тому, что театр горит в творческом огне. Да, наличие творческое горение. Налицо натиск. Сражаются поколения. Сражаются системы. И в конце, я уверяю вас, будет победа. Если так будет продолжаться и дальше, несомненно, ваш театр сможет завоевать всесоюзное звание победы.

Амрулла. К тому же, товарищ Дашдемиров, наша пьеса заняла первое место в Москве.

Дашдемиров. Да, ваша пьеса заняла первое место. Но не эта пьеса, другая. Я с ней знаком. На всесоюзном конкурсе первое место заняла пьеса, которую написал Отгюн Заманбейли. Пьеса называется «Столкновение веков».

Шовги. Не торопитесь расходиться, товарищи. Сейчас поднимется занавес, и вы увидите последнее действие пьесы.

Кудрат. Нет, не поднимайте занавес. Это старая пьеса. В столкновении веков она была раздавлена и погибла.

Голоса. Выведите его из зала, он пьян!..

Турач (жалобно). Он болен!

Кудрат (вскидывая задумчивый взор на Турач, страдающую). Я не болен, Турач. Нет, я не болен! Я герой большой драмы. Стойте, товарищи!.. Не поднимайте занавес. (Кидается на сцену, хватая руками движущийся занавес.) Послушайте меня!.. Когда-то я был знаменитым Кудратом. Я был непобедимым львом. А кто я сейчас? Победенный лев. И кто победил меня? Время. Меня победили народ, темп, скорость, движение, с которыми я не считался, про которых я забывал. Меня победил Отгюн Заманбейли, никому неизвестный студент, мой ученик. Здесь говорят, я пьян. Нет, напротив, я только что протрезвел. Я не думал о жизни. Я потерял ее пульс, ее артерию, и вот только сейчас нахожу Гюльсабах, Гюляр, Турач, Отгюн, сталкивание эпох... В этой борьбе я был кораблем без паруса, генералом без армии. Я не знал, что, когда сражаются эпохи, слабые, неумелые головы бьются раздавлены в борьбе. Я—герой подобной трагедии. Теперь я напишу о своей трагедии. Она не устаревает, ибо могучий горный поток невозможно остановить. Никакая сила не уймёт его!

Гюльсабах. Иди вместе с народом, Кудрат Арслан, твое спасение только в строю.

Кудрат. Я спал, ты пробудила меня, Гюльсабах. Ты вновь вернула меня к жизни. Ты дочь революции. Рука твоя—железная лапа эпохи. Твое дыхание—созидательная сила революции.

Гюляр. Она и меня вернула к жизни!

Турач. И меня тоже!

Хосамед. Если бы не она, я был бы чистейшим тезисом!

Кудрат. Отныне я не отделим от народа. Я—его боевая рука. (*Выступая вперед, к публике.*) Товарищи! Отныне я—солдат, идущий с народом нога в ногу, сражающийся пером на созидательном фронте! Будем же вместе сражаться, будем вместе разрушать и строить!

Дашдемиров. Условия соревнования—улучшить качественно репертуар и постановки.

Кудрат. Я готов!

Гюльсабах. Я тоже готова!

Гюляр. Н я готова!

Турач. Я тоже!

Актеры. Мы все готовы!

Гюльсабах (*обращаясь к залу*). Рабочие, трудящиеся, молодежь! Мы начинаем решительную борьбу, чтобы обновить сцену! Ваш долг помочь нам.

Зал. Мы готовы!

Гаснет свет. На сцене остается один Заман. Декорации изображают восход солнца.

Заман. В атаку на всю вселенную, на земной шар, на воду и реки!

В атаку на землю, которая покоряется нашему общему удару!

ЗАНАВЕС

НЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ,
ВОСЬМИ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

●

Я шар }
То грул } молодые инженеры-лаборанты.
Таня }
Белодуров — профессор.
Иванов — профессор.
Васильев — аспирант.
Медведев — аспирант.
Имамьяр — колхозный кулак.
Нияз — брат Имамьяра, колхозник.
Ягут — дочь Нияза.
Нигяр — девушка в доме Нияза.
Нусрет — председатель сельсовета.
Амиркулу — колхозник.
Шарабаны — его жена.
Тюрбат }
Мирзакулу } колхозники.
Аливерды }
Гасан }
Сафар }
Прокурор.
Председатель }
Защитник }
Рабочие, крестьяне.

ДЕЙСТВИЕ
ПЕРВОЕ

КАРТИНА
ПЕРВАЯ

Просторная лаборатория. Везде сосуды, склянки, приборы. Работают инженеры-химики, студенты-практиканты. За отдельными столиками сидят Таня и То грул. То грул часто вскакивает, достает из ящика какие-то склянки, пузырьки, изредка выбегает в соседнюю комнату, затем возвращается, думает, чешет затылок, потом вдруг радуется, листает тетрадь, читает, опять принимается за опыты.

То грул. Гражданка лягушка, ты напрасно на меня серднишься. Клянусь честью, я так сделаю укол, даже не почувствуешь.

Таня. То грул, с кем ты разговариваешь?

То грул. С лягушкой. Я влил в нее грамм туберкулезных микробов. Смотрю: недовольна! Так сердито поглядывает.

Таня. Что ты опять задумал?

То грул. Ничего! Хочу убить туберкулезные палочки электричеством. Но так, чтобы сама лягушка осталась жива. Умолю, лягушечка, клянусь тебе своим дипломом, если ты не умрешь под током, я достану тебе кавалера с зеленым носом и поженю вас. А сам женюсь на Тане. Свадьбу сыграем вместе.

Таня. Эй, То грул, не забывайся!

То грул. В чем дело, дорогая? Ты противишься браку лягушек? Эх, Таня, если эта лягушка не умрет, я нушу под ток всех туберкулезных. Микробы будут убиты, а люди останутся живыми и здоровыми.

Таня. Ой, что с ней, То грул?

То гр ул. Стой, Таня, не мешай. Плохо дело. Только приложу электрический провод—квакает проклятая! *(Напевает.)*

На небе есть одна звезда,
Нептун ее зовут.
Забралась девушка туда,
Где люди не живут.

Но сердце ждет ее одну!
Я на звезду взлечу,
Миную солнце и луну,
Любимую схвачу.

Таня. Сам-то, что расквасился, как лягушка? Придет Иванов—опять начнет ворчать. Не любит, когда в лаборатории поют.

То гр ул. Пропади он пропадом! Только на нервы действует. Позавчера проводит опыты, а я смотрю. Голорит мне: «Отойди, взорвется, лицо обожжет!» Будто его лицо из железа, а мое из теста.

Таня. Может, действительно могло взорваться?

То гр ул. Ну и что ж? Что мне от взрыва будет? Пугает инженера током! Подумаешь, страшно как! Волков бояться—в лес не ходить! Нет, Таня, я знаю, рано или поздно я ему устрою баню. Только не знаю, когда!

Таня. Ты прав, То гр ул. Он какой-то неискренний. Однажды Яшар спросил у него что-то. Вижу: не хочет отвечать. А потом сказал, да неверно. У Яшара весь опыт насмарку. А тут как раз идет Белокуров... Идет и штаны подтягивает.

То гр ул. Пуговицы, как всегда, расстегнуты.

Таня. Как начал он крыть Иванова. «Яшар, говорит, еще молодой, неопытный! Видишь, он работает над большой проблемой, а ты вместо помощи сбиваешь его!»

То гр ул. Яшар с головой ушел в работу. Не ест, не спит.

Таня. Как Белокуров его любит! У него уже четыре важных открытия. Разве легко? Если последний опыт удастся, это будет революция во всей химии...

То гр ул. Эх, Таня, дай и мне свести счеты с моими лягушками! А как ты думаешь, когда мы догоним Америку?

Таня. Судя по тебе, скоро догоним.

То гр ул. Непременно догоним! А я так уже скоро перегоню ее...

Таня. Перегони, То гр ул, перегони!..

То гр ул. Ах, голова садовая! Что я наделал! Включил ток, а ты меня заговорила...

Таня. Может, это ты меня заговорила?

То гр ул. *(подходит к аппарату, мимо пробегает Яшар.)* Эй, Яшар! Яшар, слышишь?.. Тебе говорят!

Яшар. погоди, То гр ул, не мешай! Я всыпал серу в уголь, получился настоящий порох.

То гр ул. А ты что хотел бы, уж не золото ли?..

Яшар. Мне надо совсем другое. *(Хочет отойти.)*

То гр ул. Слушай, Яшар, почему эта проклятая лягушка так квакала?

Яшар. Может, ток очень сильный? Стой, да ведь она сдохла!

То гр ул. Как это сдохла? Почему сдохла?

Яшар. Так, сдохла... Не видишь разве?

То гр ул. Ах, Таня, проказница! Заговорила меня, а лягушка тем временем околела.

Яшар. При чем здесь Таня? Уменьши вольтаж...

То гр ул. Слушай, Яшар, я хочу тебя послать сватом к Тане. Ах, как она меня любит! Просто умирает по мне!

Яшар. Откуда ты это знаешь?

То гр ул. Ну, может, сейчас еще не умирает. Но вот я и прошу тебя, расскажи ей, какой я прекрасный парень! Объясни, мол, блестящее будущее! Не муж будет, а золото!

Таня. Вот именно, чистое самоварное золото.

Яшар уходит.

То гр ул. Это почему же? Красивый, пригожий! И стройный, и лицом удался! Не сегодня-завтра сделаю открытие...

Таня. С помощью дохлой лягушки.

То гр ул. Будь она неладна, проклятая лягушка! Ничего, одна еще жива. А захочет умереть—все равно не дам!

Яшар *(вносит аппарат, подходит к другому.)* То гр ул, встань у трансформатора. Таня, а ты подойди к вольтмет-

ру, регулирую реостат. Делайте все, как я скажу, не бойтесь...

Таня. Нет, Яшар, не надо как вчера!.. Ты, кажется, хочешь уробить себя. Вель это электричество, Яшар. С ним шутки плохи!

Тогурул. Оно превращает человека в уголь.

Яшар. Не бойтесь, не бойтесь! Начинай, Тогурул. Я буду считать, а ты увеличивай ток. Только останавливаться нельзя, слышишь? Начали, ну! Раз, два, три!.. Таня, ты тоже увеличивай. Раз, два...

Тогурул. Эй, куда считаешь? Раз, два—больше невозможно.

Яшар. Включай, включай, не бойся! Вправо, еще, еще...

Тогурул. Яшар, взорвется! Что ты делаешь?

Таня. Изолятор горит! Яшар, остановись!

Яшар. Таня, ты—назад. А ты, Тогурул, увеличивай. Раз, два...

Тогурул. Ты что! С ума спятил? Считаешь, будто орехи. В составе пороха.

Яшар. Пороха нет, есть сера. Таня, прибавь вправо... Раз, два...

Таня. Яшар, стой! Изолятор сгорит. Стой, говорят!

Яшар. Не сгорит. Тогурул, увеличивай ток.

Тогурул. Больше не могу, не буду. Взорвется—крышка тебе, умрешь. Сам хоть в ад катись, но кто же светом пойдет?

Яшар. Увеличивай ток, тебе говорю. Не бойся, держись!

Таня. На вольтметре предел!

Яшар. Не бойся, Таня, давай еще! Раз, два, три...

Тогурул. Да что ты делаешь? Стой, тебе говорят. Стой, взорвется.

Из колбы вырывается пламя. Происходит взрыв.

Тогурул и Таня (вместе). Ой! Что случилось?

Яшар. Ничего не случилось. Не бойтесь! Приподни-ка это, Тогурул. Еще, еще... Стоп, хватит... Спасибо!

Тогурул. Будь ты неладен, Яшар. Я от страха язык проглотил. В следующий раз будешь делать такие опыты—напиши завещание. Тогда только начинай.

Яшар выходит.

Таня. Яшар, упорно работает... Молодец!
Тогурул. А я, значит, не молодец? Да я самого Эдисона затмить могу.

Таня. Чем?

Тогурул. Как чем? Не сегодня-завтра что-нибудь открою. Да, я сведу счеты с этой лягушкой... Это решено, Таня. К концу второй пятилетки или я посрамлю Эдисона, или Эдисон—меня. Постой, ты опять разболталась! Хочешь, чтобы и эта сдохла?

Таня. Старайся, Тогурул, старайся.

Тогурул. Я растворил в ее крови палочки Коха и положил под ток...

Таня. Ну и что выйдет?

Тогурул. Хочу убить туберкулезные микробы электричеством. Ты понимаешь, Таня, что это значит? Я избавлю человечество от туберкулеза.

Таня. Смотри, как бы твоя лягушка опять не скончалась.

Тогурул. Не скончается! Эх, Таня, мы докажем всему миру, что и у нас голова работает! (Напевает: «На небе есть одна звезда»... Подходит к своему столу, потом выходит.)

Появляется профессор Иванов.

Иванов. Работать в лаборатории и петь! Странные люди...

Таня. Такой уж характер, профессор. Без песни не может. Вы бы их дома видели. Яшар на таре играет, а Тогурул поет.

Иванов. Яшар, Яшар! Ваш Яшар за два месяца на две тысячи рублей минералов загубил. Хочет изменить природу соли! Этого Менделеев не сделал, Белокуров не сделал, англичане не сделали, французы не сделали. А Яшар делает... Как же!

Таня. Профессор Белокуров одобряет опыты Яшара.

Иванов. Белокуров только опыты проводит. А знать людей—это не его дело!

В лабораторию доносится песня Тогурула:
«На небе есть одна звезда, Нептун ее зовут»...

Иванов. Опять он горланит. (Идет к двери, стучится с Тогурулом. У последнего из рук выскальзывает

колба, разбивается.) В лаборатории нужно ходить, а не летать! (Уходит.)

Тогрул (вслед). Простите, профессор, у меня лягушка съела. Я растерян. Нашел профессора, Таня. Идет сюда, подтягивая штаны.

Вбегает Яшар.

Яшар. Профессор!.. Таня!.. Тогрул!..

Тогрул. Что с тобой, Яшар? Может, ты спятил? В чем дело?

Яшар. Где профессор, Тогрул?

Тогрул. Как ты возбужден! Почему у тебя язык заплетается? Не ударило ли тебя током?

Таня. Ты такой бледный, Яшар!

Яшар. Таня, я нашел!..

Тогрул. Что нашел?

Яшар. Сам еще не знаю, что. Язык не поворачивается сказать! Ах, даже руки дрожат.

Тогрул. Может, тебя все-таки садануло током?

Яшар. Нет, нет, со мной ничего не случилось. Но я растворил соль, вы понимаете?

Тогрул. Ого, действительно, героический поступок! А я думал, что случилось? Подумаешь, растворил соли! Положи ее в воду, она сама растворится.

Яшар. Ты не понимаешь. Я уничтожил соль совсем.

Тогрул. То есть проглотил? Так же каждый уничтожит. Я здесь всех лягушек уничтожил, и то не хвастаюсь.

Яшар. Да не проглотил я, а изменил ее природу. В колбе была соль, а теперь ее нет. Нет ни грамма. Ты понял?

Таня. Не может быть, Яшар! Профессор Белокуров пять лет ломает над этим голову, ничего не может сделать... А профессор Иванов утверждает, что изменить природу соли невозможно. Ты, наверно, ошибаешься, Яшар!

Яшар. Я сам не верил, что получится. Однако вышло. Я кладу в колбу соль, лью раствор, мешаю—и соли нет. Я даже не верю себе. Пусть придет Белокуров и проверит.

Тогрул. Ждите. Я сейчас поймаю его и приведу. (Убегает.)

Яшар. Ты понимаешь, Таня, что это значит? Уничтожить соли! Рядом с нашей деревней лежат бескрайние

солончаковые степи. Кроме колючек там ничего не растет. Я превращу эти солончаки в плодородные поля. Я превращу обширные просторы нашей родины и цветущие сады, зеленые луга, хлопковые поля.

Таня. Яшар, пусть сначала посмотрит профессор. Что он скажет? На днях я получила удушливый газ. Белокуров посмотрел и говорит: «Им только комаров дунуть».

Яшар. Эх, Таня! (Обнимает ее.) Ты ведь знаешь, как я вас с Тогрулом люблю. Я и тебя возьму с собой. Поедешь? Ты, я и Тогрул

Таня. Пошлют—поеду.

Входит Тогрул.

Тогрул. Профессор идет... Эй, эй... да вы обнимаетесь?... (Закатывает рукава, будто собирается драться.) Смотрите, это тебе не соль, которую—раз и проглотил. Таня, закрывай глаза. Умереть мне на этом месте, у профессора опять расстегнуты пуговицы... Брюки падают.

Подтягивая штаны, входит Белокуров.

Белокуров. Где же соль?

Таня. Какая соль, профессор?

Белокуров. Какая соль? Кто говорит—соль? Я спрашиваю, где Яшар? Яшар где? Тогрул утверждает, что ты изменил природу соли. Это верно, Яшар? Или вы обманули меня, чтобы затащить сюда?

Яшар. Не знаю, профессор. Но я всыпал соль в пригволенный мною раствор, размешал, и соль исчезла. Ни один из приборов не регистрирует ее.

Белокуров. Не может быть! Да ты понимаешь, что это значит? Изменить природу соли! Это революция во всей химии! Это историческое событие! Но ты, не ошибся, Яшар?

Яшар. Не знаю, профессор.

Белокуров. Неси раствор, посмотрим. (Яшар уходит.) Ну, а ты что делал, Тогрул?

Тогрул. Я открыл в электричестве силу, убивающую за две секунды туберкулезные палочки.

Белокуров. Убивает, говоришь?

Тогрул. Моментально, за две секунды...

Белокуров. О, это не пустячное дело! Как ты проводишь эксперимент? Запиши, Таня, состав протокол.

Таня. Пожалуйста.

Белокуров садится к столу.

Тогрул. Сначала я исследовал кровь лягушки под микроскопом. Кровь оказалась хорошей. После этого ввел ей в вену грамм туберкулезных палочек.

Белокуров. А сердце лягушки проверил?

Тогрул. Проверил, профессор. Сердце было в норме. Сначала я положил лягушку под переменный ток, потом под постоянный, и все время увеличивал напряжение.

Белокуров. Так, дальше.

Тогрул. Через две секунды я сделал новый анализ крови. Микробы погибли.

Белокуров. А лягушка?

Тогрул. Лягушка? Тоже...

Белокуров. То есть сдохла? Понятно. А ты вычислял силу человеческой крови?

Тогрул. Вычислял, профессор.

Белокуров. Ну, и как? Умрет человек, выживет?

Тогрул. Микробы погибают. Только и человек, будь он не ладен, тоже погибает...

Белокуров. Работа интересная, надо продолжать.

Входит Яшар.

Яшар. Вот, профессор, смотрите. Видите, это соль. Не так ли?

Белокуров. Погоди, погоди... Дай-ка мне это сюда, Тогрул... *(Бросает в пробирку щепотку соли.)* Гэй, верно... Записывай, Таня.

Таня ведет протокол.

Яшар. А вот это—приготовленный мною состав. Капаю десять капель... Смотрите, есть соль?

Белокуров. Сейчас... *(Взвешивает пробирку.)* Стойте, стойте. Минуточку... *(Подходит к прибору, поверяет.)* Соли нету! Погодите. Проведем снова. Вот соль... Очень хорошо... Таня, пиши. Капай, Яшар... Исчезла! Соль исчезла! *(В лабораторию входит Иванов.)* Иван Григорьевич, исчезла! Вы видите, что вышло?

Иванов. Что исчезло, Александр Васильевич

Белокуров. Яшар исчез! Яшар! Тьфу, соль исчезла! Исчезла соль! Это сделал мой ученик! Смотрите, Иван Григорьевич. Вот соль. Взвесьте... Верно? Так, а это состав... Капаем. Взвесьте теперь. Видите, соль исчезла!

Иванов. Да, Александр Васильевич, исчезла.

Белокуров. Спасибо тебе, Яшар! Таня, живо протокол! Надо тут зафиксировать всем советским лабораториям, всему миру. Соль превращена!.. Спасибо, Яшар! Молодец, сынок!

Тогрул. Эдисон на лопатках.

Таня. При чем здесь ты?

Тогрул. Как, причем? Не сегодня-завтра я тоже что-нибудь открою...

Таня. Поздравляю, Яшар. Я так рада!

Белокуров. Нет, нет, вы не понимаете, что это значит! Изменить природу соли... Ведь это революция! Покажи мне составные части раствора.

Яшар *(читает по тетради)*. Вот, сера—шесть, фосфор—двадцать четыре, кислород—два, водород—восемь.

Белокуров. Погоди, погоди, сейчас я сравню со своим составом.

Таня протягивает Белокурову тетрадь, профессор сравнивает.

Иванов. Поздравляю вас, молодой инженер! Ваш опыт окажет большую услугу научному миру.

Тогрул *(тихо Тане)*. Слава аллаху, поздравил. А я уж хотел вытрясти из него душу.

Белокуров *(вскакивает)*. Стойте, стойте! Не может быть... Этот же самый состав я раз двадцать испытывал различными способами. И все безрезультатно!.. Вот, сера—шесть, фосфор—двадцать четыре, кислород—два, водород—восемь. Одно и то же...

Яшар. Я смешал состав с кислотой и пропустил через него электрический ток. Получился химический раствор.

Белокуров *(хлопает себя по лбу)*. Ах, вот что!.. Электричество!.. Как это не пришло мне в голову? Пять лет бился впустую. Ну, ничего! Таня, Тогрул, Иван Григорьевич, поздравьте его. Соль превращена! Спасибо, Яшар. *(Целует ученика.)*

Иванов. Я уже поздравил его, Александр Васильевич... Приятно, что это всемирно важное открытие сделано в нашей лаборатории.

Я шар. Этим составом я уничтожу бескрайные солончаки возле нашего селения! Я превращу их в хлопковые поля.

Иванов. Не так все просто, Я шар. Для этого, прежде всего, нужна сверхмощная электростанция. Ведь верно?

Я шар. Электростанцию можно построить. Я уже думал об этом. Возле нашего селения есть река. Ее надо взять в каменные берега и построить электростанцию.

Белокуров. Погоди, Я шар! Ты хочешь этим раствором обрабатывать солончаки?

Я шар. Ну да, профессор. Конечно, потребуются большие расходы—постройка электростанции, тонны минералов. Но потом это все с лихвой окупится. Я уже все продумал.

Белокуров. Нет, нет, Я шар. Это утопия. Уничтожить твоим составом солончаки—невозможно.

Я шар. Почему невозможно?

Белокуров. Невозможно, и все! Состав дает эффект только в лабораторных условиях. На открытом воздухе он непригоден.

Я шар. Объясните, почему, профессор? Я изменю природу почвенной соли, превращу ее в землю.

Белокуров *(встает)*. Ничего не выйдет, Я шар! Ты не учитываешь действия солнца.

Иванов. Ваши слова—только предположение, Александр Васильевич. Я уверен в успехе. Такое большое и полезное дело негодится рушить на основании одного голого предположения.

Белокуров. Для меня это не предположение, а факт...

Я шар. Я с вами не согласен, профессор. Дайте мне научные доказательства.

Белокуров. Ты не учитываешь действия солнца.

Иванов. Это еще не доказательство, профессор.

Белокуров. Я высказываю свою точку зрения. Швырнуть на ветер миллионы денег, забыть человеческий труд... Нет, Я шар... Слишком большая ответственность. Я этого не допущу... Запиши мое мнение, Таня.

Я шар. Я буду драться, профессор. Я не сомневаюсь в правильности моих расчетов.

Тогрул *(на ухо Яшару)*. Не обращай внимания. Он ошибается... Старик упрям, как черт.

Иванов. Я думаю так: пусть соберется открытое собрание нашей академии, и Я шар выскажет свои доводы. А мы посмотрим... *(На ухо Яшару)*. Не бойся, Я шар, я поддержу тебя.

Я шар. Спасибо, Иван Григорьевич.

Тогрул. А я к тому же поставлю этот вопрос на партбюро. Иначе нельзя.

Белокуров. Тогрул, перестань!

Я шар. Я все обосную научно, хоть сейчас. Тогрул давай принесем приборы.

Тогрул и Я шар выходят.

Белокуров. Таня, зайди ко мне в кабинет, на столе лежит книга, принеси ее. *(Таня выходит)*. Нет, Иван Григорьевич, я не верю в эту затею. Это утопия.

Иванов. Я сам знаю, что утопия, Александр Васильевич. Но ты их не переубедишь. Пусть выбросят на ветер миллионы денег. Они поймут только тогда, когда пойдут под суд.

Белокуров. Нет, Иван Григорьевич, я это так не оставлю. Что же получается?.. Я протестую!

Иванов. Какое нам до этого дело, профессор? *(Входит Таня)*. Все эти земли принадлежат не нам, а им. Азербайджанской республике. Пусть делают что хотят. Это их дело!

Белокуров. Нет, это наше общее дело. Да, да, Иван Григорьевич. Я обязательно скажу свое мнение. Это преступление!..

Таня. Да, Иван Григорьевич, эти земли не ваши. Возможно когда-то они и принадлежали вам. Но это было при царской России, которая угнетала народы. А сейчас мы живем в Советском Союзе. Он объединил в одну семью братские нации. Вы должны это знать, профессор.

Иванов. Ты не поняла меня, Танечка. Я говорил, что они, молодые инженеры, хотят благоустроить свою республику. И мы не должны мешать им.

Таня. Ну, конечно, профессор. Всякий опыт может иметь два результата. На то он и опыт... Я поняла вас по-другому. Уверена, партия тоже поддержит это дело.

Входят Я шар и Тогрул.

Я шар. Вот, профессор, смотрите...

Белокуров. Послушай, Я шар, конечно, я уже

стар... Но я всю жизнь бился над этим составом. Твоя идея неосуществима.

Яшар. Ладно, созовите открытое собрание академии. Я представлю свои аргументы, вы—свои.

Тогул. Тانيا, надо и членов партбюро пригласить на собрание.

Белокуров. Пусть приходят все. Я выскажу свое мнение. Швырять на ветер миллионы, заведомо зная, что ничего не выйдет?.. Нет, я буду протестовать! Я не допущу этого.

Иванов. Подготовься, Яшар. *(На ухо.)* Может, ты как раз и нашел то, что не мог найти профессор, работая столько лет. Конечно, ему немного неприятно. Но ведь это не может приостановить нашего социалистического строительства. Я так и скажу на собрании.

Яшар. Благодарю вас, профессор. А к собранию я готов.

Тогул. Надо всех оповестить. Я сейчас... *(Выбегает.)*

З А Н А В Е С

КАРТИНА ВТОРАЯ

Актовый зал. В президиуме Белокуров, Тانيا, Тогул, инженеры, преподаватели. В первых рядах сняты Нусрет и еще несколько колхозников.

Яшар. Я придерживаюсь науки и не имею права верить необоснованным догадкам профессора Белокурова. Белокуров. Это не догадки. Я в этом не сомневаюсь.

Голоса *(из зала)*: «Пусть нам покажут!.. Где?.. Превратили соль?»...

Яшар. Вот, смотрите, товарищи! Это соль. Всем видно? Так... А это состав... Смотрите теперь, есть в колбе соль?

Голоса: «Исчезла!.. Где же она?.. Исчезла!.. Соль исчезла!.. Bravo, Яшар!»

Тогул. Как не бывало!..

Белокуров. Вы упускаете из виду действие солнца. Клянусь вам, что...

Яшар. Нужны доказательства, профессор.

Тогул. В научном споре клятва—не доказательство.

Тانيا. Факты нужны, профессор.

Иванов. Вопрос ясен, товарищи! Молодой инженер конкретно и научно обосновывает свое изобретение и проект будущей работы. Можно подумать, что профессор Белокуров еще не освободился от влияния гнилой расовой теории и никак не может примириться с тем, что угнетаемый вчера азербайджанец совершил сегодня великое открытие...

Белокуров. Постой, постой... Выходит, я шовинист? Так?.. Нет, враки! Только глупцы поддаются угару великодержавия.

Голоса: «Верно!»

Иванов. Простите, профессор, я говорю: можно подумать... Но это не мои слова. Так могут сказать другие... Например, скажут, что открытие Яшара очень важное, что над тем же вопросом вот уже пять лет работает и сам профессор Белокуров, но у него пока еще ничего не вышло, что сегодня молодой инженер обогнал его, и, конечно, заслуженному профессору это немного неприятно...

Белокуров. Ты лжешь! Это не зависть!.. Я люблю его, как сына. Пусть сам скажет. Яшар, скажи ему!.. Мне только жалко миллионы, которые будут брошены на ветер.

Иванов. Яшар научно подтверждает свои доводы. Доводы серьезные...

Тانيا. Верно, верно!..

Белокуров. Да, товарищи, пока у меня нет веских доказательств. Я только высказываю свою точку зрения, делюсь своими мыслями. Ну, что же, пусть Яшар экспериментирует. Возможно, я и ошибаюсь. Я тоже буду работать. Но я уверен, что его затея не осуществима!

Тانيا. Будущее покажет!

Васильев. Нечего спорить, товарищи. Все ясно. Молодой инженер сделал важное открытие. У профессора Белокурова нет веских доказательств. Действительно, потребуются миллионные расходы, много человеческого труда. Но трудности не должны нас пугать. Реализация проекта принесет колоссальную пользу!

Голоса: «Верно, верно. Bravo, Яшар! Bravo!..» (Аплодисменты.)

Медведев. А может, он нарочно хочет швырнуть на ветер наши деньги?

Яшар. Клянусь вам своей головой!..

Васильев. Опыт—крылья успеха. Конечно, мы еще поговорим перед большой аудиторией на эту тему. Но наше сегодняшнее решение—дать возможность молодому инженеру претворить свой проект в жизнь.

Голоса: «Bravo!» (Аплодисменты.)

Иванов. Итак, товарищи, весь наш коллектив во главе с парторганизацией признает ценность открытия товарища Яшара. Проект молодого инженера принимается единогласно.

Белокуров. Я от своего мнения не отказываюсь и заявляю еще раз: задуманное Яшаром дело не осуществимо! (Встает, выходит.)

Таня (вслед). Факты говорят обратное, профессор!

Голоса: «Bravo, Яшар! Bravo!» (Аплодисменты. Все выходят.)

Тогул. Иванов молодец! Ты слышал, как он отбрил Белокурова?

Яшар. Иванов не в праве говорить так о Белокурове. Я не согласен с ним. Профессор ошибается, но говорит искренне.

Тогул. Ты утер ему нос. Наше сегодняшнее решение уже завтра будет послано в Центральный Комитет партии. Считай, что дело улажено.

Яшар. Тебя, Таня, и тебя, Тогул, я беру с собой. Ставлю этот вопрос перед парткомом. Поедете?

Таня. Всегда готова. Яшар.

Тогул. Раз Таня едет, я тоже... Полечу!

Яшар. Пошли, товарищи. Завалить дело после такого шума—равносильно смерти. Надо срочно писать проект, утрясать смету, готовить раствор... Ух, просто голова кругом идет!..

Иванов (подходит к Яшару). Вы довольны мной?

Яшар. Спасибо, профессор...

Яшар отходит. К Иванову подходит Медведев.

Медведев. Иван Григорьевич, я не понял вашего выступления. Вы так горячились!

Иванов. Поймете потом. Если вся молодая тройка

не угодит на скамью подсудимых, значит, я ничего не понимаю в жизни.

Медведев. Так вы разделяете мнение Белокурова? Иванов. Белокуров прав. Я советовал ему молчать. Но он не послушался меня. Что ж, пусть едут и выбрасывают миллионы денег в бесплодную степь. Они еще вернуться. Каждый кирпич, затраченный зря—наш выигрыш, наша победа. Белокуров прав. Они задумали неосуществимое!

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Большое селение на берегу Куры. Дом Имамьяра. Ягут и Нияр занимаются уборкой. Ягут напевает.

Полила водой я у крыльца,
Жду сегодня в гости молодца.
Милый, приходи ко мне тайком,
Чтобы сплетен не было потом.

Тихо поиграй на кеманче,
У тебя вздремну я на плече,
И не стану обижать шутя,
Милый мой еще совсем дитя.

Нияр. Верно говоришь, Ягут. Все трое еще дети. А какие симпатичные, ах! И тот, и другой... И девушка тоже приятная.

Ягут. Я ходила за водой и видела одного. Это Яшар. Я его знаю.

Нияр. Я всех троих видела. Пролетели в антамбуле... Ф-р-р-р-р!..

Ягут. Дядя рассказывает, они несколько лет будут здесь жить, строить электростанцию, руководить земляными работами. Говорит, индженары это.

Нияр. Интересно, девушка тоже индженарка.

Ягут. Не знаю. Может, она жена одного из них?

Нияр. Нет, женой она не может быть.

Ягут. Почему?

Нияр. Потому, что всех троих распределили по

колхозным домам. Если бы один из ребят был мужем этой девушки, они бы поселились вместе.

Ягут. Дядя говорит, самый главный будет жить у нас. Живо, живо, Нияр! Поправь кровать, а то сейчас придут... Дядя убьет меня.

Голос Имамьяра за сценой: «Эй, девушки!.. Ягут!» Вбегает Нияз.

Нияз. Скорей уходите, мужчина идет...

Ягут. Ах, уже пришли!

Нияз. Быстро, быстро! Мужчина идет, ступай в ту комнату.

Входит Имамьяр.

Имамьяр. Ну, что случилось? Убралась?..

Ягут. Сейчас.

Нияз. Быстро, говорю! Иди отсюда...

Имамьяр. Куда ты ее гонишь? Слуг у нас нет. Кто присмотрит за гостем? Ягут не конфетка. Кто ее проглотит?

Нияз. Нет, нет!.. Я говорю, мужчина идет.

Имамьяр. Ну и пусть идет. Ягут ходит в клуб, на собраниях бывает. Разве она людей не видела?

Ягут. Я прибрала в доме, могут идти.

Имамьяр (*Ниязу*). Зови в дом. (*Нияз выходит.*) Чай поставила?

Ягут. Целый самовар кипит.

Имамьяр. Слушай, Ягут! Ты на отца не смотри. Он человек старых взглядов. Делай все, как другие. Люди приехали к нам работать, полезное дело делать. Напоем гостя чаем, поухаживай за ним, постели постель. Пусть отдохнет с дороги. Сама, понимаешь...

Ягут. Говорят, один парень из нашего селения?

Имамьяр. Он-то у нас и будет жить. Сынок Сулеймана-киши. Инженером стал. Сама видишь, автомобиль, уважение... Он самый главный у них. Меня в райком вызывали, говорят: этого ты должен взять к себе.

Ягут. А девушка тоже индженарка?

Имамьяр. Не знаю. Ну, ладно, потом поговорим. Ты все поняла?

Голос Нияза: «Вот, пожалуйста сюда!»

Имамьяр. Просим, просим.

Входит Яшар, Нияз, Нусрет и еще несколько колхозников.

И м а м ь я р. Извините уж. Это ведь дом колхозника. А вот моя племянница, девушка хорошая, только озорная. Всех копирует—голос, походку... (*К Ягут.*) Шевелись, девушка, шевелись! Неси ребятам чай, угости чем-нибудь.

Я ш а р. А здесь неплохо. Комната хорошая. Я уехал из деревни совсем маленьким. Деревня мне всегда представлялась законченной саклей. Оказывается, я отстал. Не думал, что у нас такой замечательный колхоз!

Н у с р е т. О, наш колхоз—самый передовой в районе. А товарищ Имамьяр—один из самых активных колхозников. Можно сказать, он больше всех трудится на благо колхоза. Дважды был премирован. Что и говорить, передовой товарищ. Поэтому я и направил вас в этот дом.

Я ш а р. Вот как! Очень рад.

Н у с р е т. Правда, в прошлом его отец был кем-то вроде кулака... Но сам он тут ни при чем.

И м а м ь я р. Кто же сейчас идет дорогой отцов и дедов? Вот, к примеру, отец товарища Яшара ездил на скрипучей арбе. А сейчас, слава аллаху, от фырчания его автомобиля уши глухнут.

Я ш а р. Автомобиль не мой. Его нам дало правитель-ство.

И м а м ь я р. Это все равно. Да, милый!. Рассказы-вают, однажды сын падишаха напился вдребезги и свалился в грязь. А черный раб воспользовался случаем и стал падишахом. Вот едет он во главе своего войска на коне. Сын падишаха поднял голову из грязи и говорит: «Подумаешь, расхвастался! Твой отец был черным рабом, а мой—падишахом!» Раб рассмеялся и в ответ: «Чем вспоминать наших отцов, лучше посмотри на нас самих!» Теперь у тебя, да будет так вечно, есть автомобиль, а мы занимаемся своим колхозом! Если аллаху захочется, будет у нас кусок хлеба—последим. Что делать? Раз плова нет, буду есть хлеб с сыром. Лишь бы тем, кто придет после нас, жилось хорошо.

Н у с р е т. Да я пошутил, товарищ Имамьяр.

И м а м ь я р. Эй, Ягут, Ягут! Где же чай? Проказни-ца совсем не похожа на яхонт¹. Ну, я пошел. Надо узнать, как разместились другие. Приду, тогда поговорим.

Н и я з. Товарищ Нусрет, мне кажется, товарища Яшара надо перевести в другой дом.

Н у с р е т. Почему же? Здесь очень хорошо. И к рай-кому близко, и...

Н и я з. Неужели других домов нет?

Н у с р е т. Да зачем? Что за причина?

Н и я з. Причину сказать не могу. Мне кажется, здесь кровля ветхая и стены подгнили.

Н у с р е т. Нет, товарищ, вы не беспокойтесь: колхоз-ник Имамьяр самый активный член нашего Правления. Ну, счастливо, товарищ Имамьяр.

И м а м ь я р. Иди спокойно, дорогой. Слава аллаху, ты меня знаешь. (*Нусрет уходит.*) Ну, племянничек, ты, слава аллаху, человек образованный. Сам знаешь, сейчас у нас «твое-мое» нету. В народе говорят: «Чей конь?.. Того, кто на нем сидит. Чей дом?.. Того, кто в нем живет. Чья жена?.. Того, кто ей руки-ребра ломает...» Отныне этот дом—твоя собственность, а мы здесь только гости.

Входит, переругиваясь, Шарабаны и Амиркулу.

Ш а р а б а н ы. Входи, входи в дом. Околеешь—все равно не отпущу. Где Нусрет? Иди сюда, говорят, сукин сын! Я тебе покажу!

А м и р к у л у. Отпусти, Шарабаны! Не рви чуху. Что мне сделает Нусрет? А?.. Может скажет: «Пусть жена тебя колотит, а ты стой и смотри!» Да?..

Ш а р а б а н ы. Где Нусрет?

А м и р к у л у. Стой, тебе говорят! Не рви чуху!

И м а м ь я р. Эй, что случилось, Шарабаны-орнад?

Ш а р а б а н ы. Этот сукин сын—кулак. Он меня эксплуатирует.

А м и р к у л у. Это ты кулачка, и твой отец кулак!

Ш а р а б а н ы. Нет, это твой отец кулак! У него было восемь овец, четыре козы и один осел.

А м и р к у л у. У твоего отца тоже был осел. И уши у него были вот такой длины...

Ш а р а б а н ы. Что, что? Это кто был длинноухим: мой отец или осел?

А м и р к у л у. Оба!..

Ш а р а б а н ы. Сам ты длинноухий! А ну, пошли со мной. Не будь я дочерью своего отца, если не сведу тебя сейчас в сельсовет!

А м и р к у л у. Не рви чуху, говорят! Клянусь святым Аббасом, сейчас я подсвечу тебе и второй глаз!

¹ Ягут — по-азербайджански яхонт.

Ш а р а б а н ы. Будь ты проклят! Да я сотню таких, как ты, могу разом сунуть в теидар!

И м а м ь я р. Тише. Объясните, что случилось?

Ш а р а б а н ы. Что случилось? Этот сукин сын—кулак. Он эксплуатирует меня. Мы оба колхозники: и он, и я. Но мне от него дома нет покоя! Чурек пеки, тесто месит, печь растапливай!..

А м и р к у л у. Бессовестная ты женщина! Уж не хочешь ли ты, чтобы я засунул рукава и месил для тебя тесто?

Ш а р а б а н ы. Я из тебя душу выну, а заставлю месить! У тебя в голове осталась старая закваска.

Я ш а р. Да ведь это настоящая класовая борьба.

И м а м ь я р. Скажу тебе, что у них обоих в голове осталась старая закваска. Прежде женщина дома сидела и с утра до вечера занималась мелким хозяйством. А сейчас, бедняжка, прибегает с работы—чай надо ставить, тесто месить, воду таскать... Я ведь знаю. Где же справедливость? Я считаю, если она тесто месит,—ты ребенка качай! А иначе будет нечестно. Разве не так, племянничек? Или я плохо кумекаю?

Я ш а р. Правильно говорите, товарищ Имамьяр.

А м и р к у л у. Хорошо, допустим, я качаю ребенка... А вдруг он заплачет? Что я ему суну в рот?.. Спина у меня есть, голова тоже, а вот...

Ш а р а б а н ы. Начинаешь с ним говорить, он налетает и колотит по чему попало!..

А м и р к у л у. А когда ты меня бьешь, ничего? Разве есть закон, чтобы жена била мужа?

Ш а р а б а н ы. Ступай вперед, говорю! Я доставлю тебя в сельсовет.

И м а м ь я р. Стойте, а кто кого побил?

А м и р к у л у. Откровенно говоря, она меня... Приходим с работы, и вдруг ей взбрело в голову... «Я,—говорит,—муку буду просеивать, а ты тесто месит».

И м а м ь я р. Что ж особенного? Мужчина должен и муку просеивать, и тесто месить.

А м и р к у л у. Говорю ей: «Стану я тебе в мон-то годы тесто месить!» А она хватить из печи головешку и на меня. Я тоже схватил головешку. Тогда она бросила свою—и врукопашную. Ее позиция была удобней, повалила она меня, вижу: искалечит!.. Что мне оставалось делать? Как дал ей ногой...

Ш а р а б а н ы. Эх, ты, несчастный!.. Дал он мне!.. Да я тебе так могу дать, что твой крик аллах на небе услышит.

И м а м ь я р. Я считаю, Амиркулу, чем вступать в это дело других, лучше самому уступить. И все будет хорошо. Разве не так? Или я плохо кумекаю?

Я ш а р. Верно, верно, товарищ Имамьяр.

А м и р к у л у. Негодица! У нее две отеч были кулаками... Это ничего... А вот ко мне пристает.

И м а м ь я р. Да покарает тебя аллах, Амиркулу. Все-то тебе шуточки, а потом говоришь: виновата Шарабаны-арвад. Как же ей не бить тебя после этого?..

А м и р к у л у. Выходит, я говорю неправду?..

И м а м ь я р. Ах ты, митарник!.. Ведь надо знать, где шутить... К нам чужие люди приехали, хоть бы постеснялся... А потом смотришь: действительно ерунда получается. Ну, иди, иди... Пошли в ту комнату. Выьем чайку. А то парень с дороги, пусть здесь отдохнет немного. Там я расужу вас. Не бойся, помирю тебя с женой.

Ш а р а б а н ы. Не надо мне никакого чаю. Он не уйдет у меня из рук. Ступай вперед. Сведу тебя в сельсовет.

А м и р к у л у. Говорю тебе, Шарабаны, не рви чуху. Клянусь святым Аббасом, сейчас я тебе присвечу и под другим глазом.

Выходят.

И м а м ь я р. Ладно, пошли, разберемся, в чем дело. Эй, Ягут, где же твой чай?

Я г у т (из другой комнаты). Сейчас, сейчас.

И м а м ь я р. Ты уж извини, племянник, жены у меня нет... Девушка одна хозяйничает в доме. Говорит: «Сейчас, сейчас!», а получается через час. Что поделаешь?.. Таковы уж современные девушки. Начнешь наставлять—говорит: «Совсем не дам, иди, сам несн...» Ну, пока...

Я ш а р. Ничего, даи, я не тороплюсь.

И м а м ь я р уходит. Яшар, насниставая, открывает чемодан, выкладывает на стол папиросы, вешает на стену тар, подходит к окошку, смотрит во двор. За сценой поют.

Я г у т (вносит чай, улыбается). С приездом. Добро пожаловать!

Я ш а р. Спасибо.

Я г у т (ставит на стол чай). Что там говорил мой дядя? Наверно, ругал меня?

Яшар. Мне очень понравился ваш дядя, Ягут. Приветливое лицо, улыбается...

Ягут. Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Яшар. Еще с детства.

Ягут. И я тебя знаю. Ты—Яшар. Мы вместе играли с тобой маленькими. Помнишь?

Яшар. Конечно, помню. Всегда, когда я думаю о родном селе, мне вспоминаются наши игры, Ягут. Ты была тогда такой крошечной!

Ягут. Да, ты постарше меня. А какой был проказник! Однажды ударил меня камнем по голове, даже шрам остался. Посмотри вот... (Снимает с головы платок, наклоняется к груди Яшара; Яшар смеется, смотрит). Всегда, когда я причесываюсь, я вспоминаю тебя...

Яшар. И, наверно, всегда ругаешь?

Ягут. Нет, не ругаю... А кто эта девушка—приехала с вами?

Яшар. Мой товарищ.

Ягут. Твой товарищ, то есть твоя жена?..

Яшар. Нет, у меня нет жены, я не женат. Холостяк.

Ягут. Теперь и мужья-то обращаются к своим женам не иначе, как «товарищ». Чего ждешь?.. Чай стынет, садись...

Яшар. Не хочу, Ягут. Мне скоро на собрание.

Ягут. Говорят, собрание будет вечером. Я пойду, а ты раздевайся, отдохни... Сними пиджак.

Яшар. Да я не устал...

Ягут. Снимай, снимай! Пойдешь позже. Собрание не убежит. Снимай, говорю.

Ягут хочет расстегнуть пиджак; при этом ее руки как бы обнимают Яшара. Яшар, чтобы не упустить, хватается Ягут за плечи. В окне мелькает голова И мамыра.

Яшар. Стой, Ягут! Свалишь меня.

Ягут. Тихо, дядя идет!

Ягут убегает; Яшар раскладывает на столе приборы.

Ягут поет за сценой:

Но через горы

И леса

Лечу к тебе,

Моя краса.

Ты—моей жизни

Ясный свет,

И без тебя

Мне счастья нет.

Яшар. Эх, надо идти.

Тогрул (с улицы). Эй, Яшар, Яшар! (Входит Тогрул и Таня). Ты еще не спишь?

Яшар. Куда там спать?!

Тогрул. Что, комары одолели? Надо было тебе, Таня, захватить с собой свой удушливый газ, тот, что против комаров.

Таня. Смейся! Лучше вспомни своих лягушек.

Тогрул. Клянусь вам своей жизнью, я так здорово уснул, что, не разбудив меня Таня, проспал бы до вечера.

Таня. Я с утра на ногах. Обошла весь берег у села. Думала о твоём проекте, Яшар. Другого варианта быть не может.

Тогрул. Раз у тебя бессонница, Яшар, лучше бы уж сел и поработал. Слушай, а где же та девушка?

Яшар. Какая девушка?

Тогрул. О которой ты мне все уши прожужжал в городе. Как ее: яхонт, изумруд, фарфор?.. Ты еще однажды разбил ей голову камнем... А?..

Ягут приносит чай, хочет забрать стакан Яшара.

Яшар. Ягут, подлей мне еще чуть-чуть некрепкого...

Ягут выходит.

Тогрул. Ага!.. Ягут!

Таня. Какая хорошенькая! Не о ней ли ты говорил, Яшар?

Яшар. Она самая, Таня. Ну как, красивая? Мне кажется, она еще красивее, чем я думал.

Тогрул (закатывает рукава, принимает боксерскую стойку). Эй, эй, смотри у меня! Лучше не шути. На этой девушке я сам женюсь. Эх, не будь Тани, женился бы непременно.

Таня. При чем здесь я?

Тогрул. Как это, при чем? Не могу же я жениться сразу на двоих? Конечно, если бы ты меня не любила...

Таня. Кто это тебя любит? Смотри, Тогрул, еще раз ляпнешь такое, буду жаловаться на тебя.

Тогрул. Что ж, жалуйся... Но ведь ты первая калечишь мою семейную жизнь.

Т а н я. Какую семейную жизнь?

Т о г р у л. Как какую? Не сегодня-завтра я женюсь на тебе! Вот и будет семейная жизнь.

И м а м ь я р. *(Голос за сценой)*. Молчи, говорю тебе, молчи! Человек должен быть сознательным. Человек должен или сам кумекать, или слушать, когда другие говорят. *(Входит.)*

Я ш а р. В чем дело, дан?

И м а м ь я р. Так, это я со своими... Ну, и бесполокые люди бывают!

Т о г р у л. *(Яшару)*. Ну, поднимайся, поднимайся. Нусрет сказал, сейчас люди начнут собираться. Приготовь свои бумаги.

И м а м ь я р. Да... Все уже собрались на холме у реки.

Т а н я. Мы ждем тебя на улице. Выходи быстрее!

Т о г р у л. Живю, живю, я тоже жду тебя на улице. Не могу бросить Танию одну.

Я ш а р. Я сейчас. *(Тогрул и Таня выходят.)* Кто это сейчас бранился, дан?

И м а м ь я р. Не стоит говорить об этом, дорогой. Братец у меня есть полоумный, так это он.

Я ш а р. А в чем дело? Что случилось? Что он говорит?

И м а м ь я р. Э, не стоит обращать внимания. У человека должен быть разум, человек должен быть отзывчивым, понятливым... А брат мой пришел, видит: дочь его чай разносит... Вот и принялся ворчать: я тебя изобью, я тебя изувечу... Говорю ему: «Милый, у каждого времени свои законы!» Было время, парень лез на свидание к невесте через забор, а подарок—яблоки в платке. Случалось, отец или брат невесты заметят—вот и начиналась пальба: трах!.. бах!.. А сейчас и время переменилось, и люди стали другими. Теперь женщины знают больше, чем мужчины. Разве не так, племянничек? Или я плохо кумекаю?

Я ш а р. Правильно рассуждаешь, дядя.

И м а м ь я р. Я ему говорю: «Братец мой, ведь этот парень не проходимец какой-нибудь. Он наш, свой... У каждого времени свои законы. Ты вырос в одно время, когда в жениха палили из ружья, а они воспитаны совсем по-другому. И потом, ведь они молодые люди!»... Разве не так, племянничек? Или я плохо кумекаю?

Я ш а р. Если ему не нравится, я могу переехать в другое место.

И м а м ь я р. О чем ты говоришь, дорогой?.. Дом-то ведь мой. Не нравится—пусть сам переезжает куда хочет. А я своего гостя в обиду не дам.

Т о г р у л. *(с улицы)*. Эй, Яшар, что с тобой? Уж не умер ли ты?.. Кончай!..

Я ш а р. *(кричит)*. Сейчас. Хорошо, дан, после потолкаю.

И м а м ь я р. Только смотри, не издумай обижаться, племянничек. Брат мой все по недомыслию говорит. Проходи, проходи, племянничек. Давай мне бумаги, я понесу...

Я ш а р. Нет, дан. Эту папку я всегда ношу сам. И проекты, и другие расчеты—все здесь. Четыре года я трудился над этим. Не дай бог, потеряется—тогда все пропало. Ни я, ни кто другой ничего не сможет сделать...

И м а м ь я р. О-о-о, вот как!.. Тогда, прошу тебя, храни эту папку, как зеницу ока. Не дай господи, потеряется—худо будет. Проходи, пожалуйста, проходи...

Яшар и Имамьяр уходят. Появляется Ягут, берет стаканы, рассматривает химические колбы Яшара, трогает пальцем струну тара, садится на диван, смотрит в окно, пост:

Я слышал,
Люди говорят:
«Душа красотки—
Суший ад.

Любить красавицу—
Беда.
Не верь, не верь
Ей никогда».

Но через горы
И леса
Лечу к тебе,
Моя краса,

Ты моей жизни
Ясный свет,
И без тебя мне
Счастья нет.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Собрание перед сельсоветом. Слева — река, болотистая местность, сады—селение, деревья, горы.

Нусрет. Ну, товарищ Яшар, а теперь объясни нам получше, какое дело вы задумали?

Яшар. Товарищи, вы ведь хорошо знаете нашу реку. Каждый год она разливается, орошает поля, затем опять спадает. Поэтому земли у нас плодородные, но от разливов образуется много болот. И наша местность является опасным для всего края рассадником малярии.

Имамьяр. Верно, дорогой, верно! Все село малярией.

Тогрул. Таяя, ты и реплики записывай.

Таяя. Все схватить невозможно. Ты говори, что самое главное, я буду писать.

Входят Амиркулу и Шарабаны.

Шарабаны. Где этот Нусрет? Эй, товарищ Нусрет!..

Нусрет. Постой, погоди, тетушка Шарабаны. Сядь и ты, послушай. У нас здесь собрание.

Шарабаны (Амиркулу). Садись на землю, ты от меня не уйдешь!

Яшар. Ясно, товарищи, если наладить дело с орошением, малярию можно уничтожить. А пустим трактор—повысится производительность труда, урожай станет богаче.

Гасан. Вот именно! Таково и наше мнение. Основываясь на этом...

Амиркулу. Погоди, постой, Гасан-соловей! Не мешай.

Яшар. Но сейчас я хочу сказать о другом, товарищи. Предположим, мы пустим даже трактор, но и тогда удастся вспахать только близлежащие земли. Это очень мало. Мы не должны зарываться в кустарное хозяйство, особенно теперь, во второй пятилетке, когда наша страна прилагает много усилий для построения бесклассового общества. Только с помощью механизации станет возможным максимальное использование богатств природы. Третье селение от нас вниз по течению—Алакэнд. Слева от него начинаются бескрайние солончаковые степи. Они бесплодны и тянутся на сотни километров.

Имамьяр. Верно, верно... Солончаки... Бескрайние солончаки.

Яшар. Цель нашего приезда—сделать эти солончаки плодородными.

Нияз. От этих солончаков проку не будет!..

Имамьяр. Имейте терпение. С вами говорит ученый человек, он школу окончил... Или, может, он знает меньше твоего? Уж, конечно, знает, если говорит...

Яшар. Будет прок, товарищи! Наша лаборатория избрала такой химический состав, который нейтрализует соль.

Амиркулу. Что, что? Кого это кладут в соль?

Нияз. Да стой ты! Кладут в соль!.. Не в соль, а в маринад!

Яшар. Погодите, товарищи, сейчас я вам все объясню письменно. (Пишет мелом на доске.) Смотрите, это натрий хлор— NaCl , то есть соль. А вот состав: $\text{NaCl} + \text{NO} + \text{N}_2\text{SO}_4$. Теперь, если к соли прибавить H_2O ... Вам понятно?

Амиркулу. Плов-то мы знаем, а вот что такое «О»?

Яшар. Это не плов, товарищи, это «аш», то есть водород, гидрожон. Поняли?

Имамьяр. Поняли, поняли, племянничек. Говори, не стесняйся.

Тогрул. Гидрожон—это значит водяной газ.

Амиркулу. А что такое «О»?

Яшар. «О»—значит кислород, оксигон. Поняли? То есть кислый газ... Понятно?..

Амиркулу. Ага, кислый... Кислый—это ясно. Зна-

¹ Аш — по-азербайджански плов.

чит, там плов, а здесь маринованный гусь¹. Вместе выйдут—жаркое с гарниром.

И м а м ь я р. Эх ты, Амиркулу! А потом жалуешься: жена бьет!

А м и р к у л у. Будь она неладна! Пусть еще хоть раз сунется—наставлю ей фонарей!

Ш а р а б а н ы. Это мне фонарей?! Ах ты, кулак, сын кулака!

А м и р к у л у. Да погоди ты, дочь бесстыдника! Не слышишь?.. Говорят, крестьянам дадут жаркое с гарниром...

Ш а р а б а н ы. Обжора! Сдох вчера петух, я сварила его, подала, так он меня чуть не убил...

А м и р к у л у. Ну, и непонятливая ты баба!.. Разве сейчас про петуха говорят? Про гусяное жаркое... Понятно тебе? Только хочь умри, а кастрюлю я мыть не стану.

И с л а м. Погодите, товарищи, нельзя ведь так!

Т о г р у л. Стой, Яшар! Сейчас я им все объясню. Товарищи! Яшар избрал одно лекарство. Если им облить соль, она растворяется, превращается в землю. Понятно? Г о л о с а. «Понятно! Понятно!..»

Т о г р у л. Продолжай дальше, Яшар. Только прошу, говори попроще. Что эти бедняги понимают в кислороде? Я ш а р. Итак, этим раствором, как удобрением, надо поливать солончаки. Соль уничтожается. В деревне следует соорудить химический завод и электростанцию. Река будет перегородена плотной. Вода сначала поступит на электростанцию, а затем в эти бескрайние степи. Таким образом, скоро солончаки превратятся в хлопковые поля.

И м а м ь я р. Погоди, погоди, племянничек! Хорошо, допустим реку перегородят плотной, а откуда же будут брать воду наши три деревни?

Я ш а р. Они останутся без воды.

Т ю р б а т. А как же посевы, сады?

Я ш а р. Мы должны принести их в жертву! Здесь мы потеряем триста гектаров, а там мы выиграем сто тысяч!..

И м а м ь я р. Ах, вон как... Г о л о с а. «Не бывать этому!..» «Мы здесь трудились, создавали колхоз, а теперь ты лишаешь нас воды!» «Скажите, солончаки хочет оросить!..»

Я ш а р. Другого пути нет, товарищи!..

И м а м ь я р. А нельзя ли, племянничек, чтобы и нам с водой быть, и солончаки оросить?..

Я ш а р. Нет, так не выйдет. Мы много ломали голову над этой проблемой. Середины быть не может.

Г о л о с а. «А если так, то нечего огород городить!» А м и р к у л у. То есть как это? Чьи интересы важнее: наши или правительства?..

Н и я з. Мы, крестьяне, все, как один, не согласны! Г а с а н. Великодушно извините, друзья! Тут получается недоразумение. Основываясь на этом, пусть нам объяснят... Возможно ли, чтобы из-за орошения солончаков деревня осталась без воды? Однако в то же время и вместе с этим можно оросить и то, и другое!..

А м и р к у л у. Что ты чушь несешь?

Т ю р б а т. Пусть лучше нас жаживо похоронят, чем лить воду!

А м и р к у л у. Эй, люди, вы сначала разберитесь, выкиньте в суть дела. Может, нам от него будет только польза! Ведь не сумасшедшие они! Не могут же они нас ни с того, ни с сего лишить воды.

Т ю р б а т. Эй, да что там выкидать! Нам сказали: колхоз,—организовали. Говорят: давайте зерно,—даем. А теперь им божья вода мешает. Течет себе спокойно, так нет, загородить хотят.

Н и я з. Мы, крестьяне, все, как один, протестуем против такого безумного плана!

А л и я р. Только сами себя позорят!..

Н у с р е т. Колхозники! (Все оборачиваются.) Центральные Комитет пишет, чтобы мы оказали этим товарищам всестороннюю помощь. Но там не написано, чтобы три села ни с того, ни с сего были лишены воды. И мы не допустим этого. Завтра же мы запросим центр.

Я ш а р. Товарищи, ведь вы ничего не теряете. Это же колхоз. До сих пор вы трудились здесь, сеяли хлеб. А теперь вы будете трудиться там, выращивать хлопок. Сюда приехали четыреста рабочих. Мы построим электростанцию и уедем назад. И все останется вам... Вы будете давать нашим фабрикам хлопок, а фабрики вам—ситец.

Т ю р б а т. Нет, здесь зарыты кости наших предков. Мы не бросим их, не поедем в солончаки.

А м и р к у л у. Почему же не поедем? Я поеду, но с условием... Хлопок выращивать буду, и все. До грязных

¹ Газ — по-азербайджански «гусь».

тарелок мне дела нет! А если жена опять начнет издеваться, пусть разрешат мне наставить ей фонарей!

Ш а р а б а н ы. Ах, проходитец! Товарищ Яшар, я первая поеду, только знайте: этот кулак врет!

Т ю р б а т. Вы обращаетесь к нам, крестьянам? Отвечаем: мы не согласны! А если вы хотите издеваться над нашими бородами, тогда посмотрим!..

Н и я з. Колхозникам и здесь неплохо. Куда вы нас хотите еще загнать?..

Я ш а р. Товарищи!..

Г а с а н. Итак, основываясь на этом, крестьяне не согласны, и никто не согласен... Вместе с этим...

А м и р к у л у. С кем вместе? О чем ты, эй?..

Ш а р а б а н ы. Вас вместе с ним на кладбище потащат.

А м и р к у л у. Закрой рот. Шарабаны! Клянусь аллахом, я сейчас наставлю тебе фонарей.

Т ю р б а т. Мы, крестьяне, не согласны, и точка!

Г о л о с а. «Мудрят там что-то!»

Т о г р у л. Товарищи!..

И м а м ь я р. Извини, племянничек... Эй, люди! Сначала надо разобраться, а потом уже кричать. Ведь не сумасшедшие они. Не могут же нас ни с того, ни с сего лишить воды! Значит, они что-то надумали... Разве не так, племянничек? Или я плохо кумекаю?

Т о г р у л. Так, даи...¹

Т ю р б а т. Что там разбираться? Они хотят оставить нас без воды!

И м а м ь я р. Да, воды не будет. Но здесь мы теряем десять аршин земли, а там получаем тысячу! Как в лотерее: кидаешь двугривенный—выигрываешь тысячу рублей. Разве не так, племянничек? Или я плохо кумекаю?

Я ш а р. Так, даи, так!

И м а м ь я р. Вот и получается, что правительство здесь ничего не теряет, а только выигрывает. Что же касается нас, колхозников, думаю, забрав воду, правительство не даст нам умереть с голоду, как мышам. Оно скажет: «Вы работали здесь, колхозники, а теперь идите, работайте там. Вы сеяли хлеб, а теперь выращивайте хлопко!» Разве не так, племянничек? Или я плохо кумекаю?

Я ш а р. Так, так, даи! Верно!

Т о г р у л. Верно!

И м а м ь я р. Только есть здесь одно «но». Представь, мы здесь сеяли пшеницу, во дворе у нас растут яблони, черешни... Часть мы отдавали правительству, остальное или продавали, или ели сами. А как же теперь будет? Хлопок-то на базар не повезешь, не продашь! И есть его нельзя. Надо сдавать государству. Конечно, государство должно за это снабжать нас хлебом и другими вещами. Но может получиться так: сегодня оно тебе даст—ты сыт, а завтра вагон опоздает—вот и сиди голодный!

Т ю р б а т. Если у крестьянина нет в запасе зерна, считай, что он голодный.

И м а м ь я р. Ничего не поделаешь! Ты здесь четвертак теряешь, а государство миллионы получит. В чем состоит наш долг? Ясно, все терпеть... Сейчас нам немного трудно, зато детям нашим будет хорошо. Ну, и фабрика, конечно, нужен хлопок. Откуда, ты думаешь, у тебя этот сидец?.. Словом, несколько лет будет трудно, а потом все наладится. Что делать? Подтянем животы, будем экономить. Нам, беднякам, не привыкать. Нет плава—идем бозбаш!

А м и р к у л у. То есть, как это?.. А кто же будет есть того маринованного гуся?.. Опять вы?

Н у с р е т. Не перебивайте, товарищи!

И м а м ь я р. Нельзя думать только о своем желудке, Амиркулу. Надо помышлять и о благе народном. Разве не так, племянничек? Или я плохо кумекаю?

Я ш а р. Верно, даи! *(Аллодирует.)* Я очень рад, что простой крестьянин, колхозник, так хорошо разбирается в обстановке!

Н у с р е т. Постойте, товарищ Яшар... Вот вы хотите ни с того, ни с сего оставить без воды три села. Но ведь никакая парторганизация не пойдет на это.

И м а м ь я р. Три села пропадут, зато вместо них вырастут сотни богатых сел.

А м и р к у л у. Да зачем нам вода, если все будут заниматься хлопком? Разве только для теста... Но Шарабаны еще не умерла! Принесет.

Ш а р а б а н ы. Будь ты неладен! Стану я таскать тебе воду! Товарищ Нусрет, это кулак... Он эксплуатирует меня. А когда начинаешь ему говорить, набрасывается и бьет куда попало.

А м и р к у л у. Проклятие отцу лгунихи! Товарищ

¹ Даи — по-азербайджански даяя.

Нусрет, клянусь могилкой твоего отца, скажи мне, разве имеет жена право бить по голове мужа? Ты мне всю чуху изодрала. Быть мне последним псом, если я не искромсаю твою юбку!

Ш а р а б а н ы. Идол ты окаянный! Кулак проклятый!
Н у с р е т. Товарищи, внимание! Эй, тетка Шарабаны! Будем кончать. Поговорим еще в центре, там станет ясно...

А мир кулу. Я бедняк, я согласен... Какая разница?.. Сеял пшеницу, а теперь буду сеять хлопок. Лишь бы хлеб давали! Но стряпней заниматься не буду.

Ш а р а б а н ы. Идол окаянный...
Н у с р е т. Хорошо, на этом кончили. Давайте расходиться. (Уходит.)

Т о г р у л. Странно, что же получается? Сели, поговорили и ушли!..

Т а н я. Нужно обо всем написать в центр.
Я ш а р. Да, напиши, Таня. Завтра отошлем.

И м а м ь я р. Знаешь, племянничек, это все от несознательности. При чем здесь партийность? Будь я председателем сельсовета, я бы не допустил этот вопрос до широкого обсуждения.

Т а н я. Я застенографировала все выступления. Это тоже отошлем в центр.

И м а м ь я р. Отошли, я не боюсь. Я говорю то, что думаю. Скажут мне: «Неверно! Ошибаешься!»—закрою рот, буду помалкивать.

Я ш а р. У меня ноги подкашиваются.
Т а н я. Я тоже устала...

Я ш а р. Пошли, Тогрул. Хочу осмотреть берег реки. Мы еще соберемся и поговорим.

Т о г р у л. Да, пошли... Так ничего и не вышло. Кого ждем-то?

И м а м ь я р. Идите, идите!.. Эй, Ягут!.. Куда ты пропала, чертовка? Ты тоже ступай, приготовь что-нибудь парню поесть. А то вернется усталый... Отдыхать ему надо.

Все выходят, кроме Имамьяра, Миракулу и Тюрбата.

Т ю р б а т. Как ты думаешь, Имамьяр?.. Мне кажется, с этим делом покончено.

И м а м ь я р. Так-то и покончено! Плохо у вас головы варят. Разве не видите, из них никто хорошо не разбира-

ется в сути дела!.. Если партия не поддержит, они ничего не сделают. Не так-то все просто. Ну, а если партия скажет «да», тогда возражать не приходится...

Т ю р б а т. Какой нам прок от хлопка? Его ведь надо сдавать правительству... Тебе Наджафулу обрабатывает участок на берегу... А как же теперь будешь?..

И м а м ь я р. Не одному мне обрабатывают участок на берегу... Тебе тоже, и тебе... А разве у тебя нет сада?.. Нет фруктовых деревьев? Мне-то что? Я как-нибудь выкручусь. А вот кое-кто пострадает.

Т ю р б а т. Лучше живым лечь в могилу, чем сеять хлопок и сдавать его государству.

М и р а к у л у. Как же теперь быть?

И м а м ь я р. Кто хочет действовать, тот не нуждается в советах. А если что и делать, так только Яшару. Без него другие ничего не стоят. И если уж делать, то так, чтобы его в чем-нибудь обвинили и выгнали с работы. Или надо так устроить, чтобы Яшар сам отказался от работы. Но я лично против этого.

Т ю р б а т. А как это сделать?.. Каким образом?..

И м а м ь я р. Кто захочет, тот найдет пути... Вредить грешно, но уж если человек решится на это, то способов есть много!.. Например, можно впутать в это дело Ягут... Или еще что-нибудь придумать... Э, да мне-то что?.. У меня всего каких-нибудь два батмана земли, могу и не сеять. Я, мой дорогой, не хочу вредить правительству.

Т ю р б а т. Без воды наши сады и посевы погибнут, Имамьяр! Ты должен что-то придумать.

И м а м ь я р. Нет, дорогой, вы меня в это дело не впутывайте. Я вам ничем помочь не могу. Вернись, могу, но для чего мне это нужно? Ну, а тот, кто будет действовать, должен ничего не бояться. Нужно будет стрелять—пусть стреляет, понадобится убить—убивает!..

Т ю р б а т. Умирать—так умирать, но только не мучиться!.. Как бы там ни было, а их затею надо сорвать—вот и все! Что ты на это скажешь?

И м а м ь я р. Клянусь вам, что я могу сказать?.. Делайте, как знаете... Я между адом и раем. Их бросить не могу, но и вас мне жалко. Не будет у вас своего хозяйства, чего вы стоите?

Т ю р б а т. Не хочешь?.. Хорошо... Я сам все сделаю.

ЗАНАВЕС

**КАРТИНА
ПЯТАЯ**

Строительство плотины на берегу реки. Здание электростанции наполовину закончено. На стройке сотни рабочих.

Г о л о с а. «Раз, два, взяли!.. Раз, два, взяли!.. Тащи камни!.. Держи бревно!.. Где пила?.. Тяни доску!.. Накладывай цемент!.. Раз, два, взяли!..»

Входят Имамьяр и Тюрбат.

И м а м ь я р. Кто положил гнилые бревна в основание деревянной плотины?

Т ю р б а т. Ты сам их выбрал и дал нам, вот мы и положили. Чуть тронешь, плотина ляжет... Горе тому, кто окажется рядом!

И м а м ь я р. Но я дал и хорошие бревна. Разве нельзя было выбросить гнилые?..

Т ю р б а т. А я решил, ты специально.

И м а м ь я р. Что я, с ума сошел? Ладно, черт с ним... Дело сделано. Только помалкивай. А то, я знаю, впутаете меня потом в какую-нибудь историю! Ну, я пошел, а ты здесь присматривай.

Расходятся. Появляется Т о г р у л. Из караульной будки выскакивает Яшар с циркулем в руках.

Я ш а р. Кого ищешь, Тогрул?

Т о г р у л. Ищу классового врага.

Я ш а р. А зачем тебе классовый враг?

Т о г р у л. Хочу бороться. Разве это дело: приехать в село и не сразиться с классовым врагом!

Я ш а р. Займись лучше делом. В селе все колхозники. Откуда здесь быть классовому врагу?

Т о г р у л. А что газеты ежедневно пишут? Пойман классовый враг. Кулак... Вместо ног—деревяшка. И портреты их печатают. Вот такие зубы, глазница—во! Я теперь только и смотрю по сторонам: у кого лошадиные зубы? На днях встретил одного, передний зуб показался мне слишком большим... Пошел за ним. Кого ни спрошу, все говорят: бедняк это, голодранец что ни на есть!.. Так и шел за ним до самого райкома. Мне кажется, в этом беднячком селе, как назло, нет ни одного человека с лошадиными зубами. У всех зубы маленькие, словно жем-

чужины. Особенно у нашей Ягут. У той так будто на иголку наизаны.

Я ш а р. Эй, эй!.. (Засучивает рукава.) Смотри мне!.. Т о г р у л. Что с тобой, милый? Это не по-товарищески... Давай, дружок, с тобой поменяемся. Я жениюсь на Ягут, а ты на Тане. Ведь она удушливый газ избобрала. Она ради тебя в один миг всех комаров уничтожит.

Я ш а р. Слушай, довольно болтать. Пошли быстрее человека в село Чинаркенд, пусть свяжут там бревна и спустят по реке. Мы их здесь выловим. Где Таня?

Т о г р у л. С крестьянами ругается. Не хотят работать, черти. Как только кто из нас появится, начинают: «Где хлеб?.. Где сахар?.. Где чай?.. Как с зарплатой?» Я вижу дело такое,—тут же сбежал. Таня—девушка, ее хоть немного стесняются.

Я ш а р. Телеграмму дали в Баку?

Т о г р у л. Подряд четыре.

Я ш а р. Если и сегодня деньги не придут, дело плохо! Рабочие-то понимают, а вот крестьяне знать ничего не хотят.

Т о г р у л. Честное слово, не будь Имамьяра, ни один дьявол не работал бы. Одного уговаривает, другого бранит, третьего подбадривает, четвертому разяясняет. Бедняга прямо из кожи лезет...

Я ш а р. Да, он умница, смывленный, активист!

Т о г р у л. Это хорошо, что ты поручил ему охрану и хозяйство.

Я ш а р. Послушай, Тогрул, сходи в райком, возьми у них на два-три дня взаимы несколько тысяч. Подбросим рабочим.

Т о г р у л. Нет, дружок, я уже взял у них восемь тысяч. Теперь сам иди.

Я ш а р. Я с Нусретом не в ладах. Еще в первые дни назвал его оппортунистом. Недолюбливает он меня.

Т о г р у л. В центре ему тогда выговор залепили... Но со мной он ладит.

Входит Тюрбат.

Т ю р б а т. Вы здесь стоите, товарищ Яшар, а там рабочие работу бросили, уходить хотят.

Т о г р у л. А Имамьяра там нет?

Т ю р б а т. Имамьяра нет. Будь там Имамьяр, он бы их как-нибудь уговорил.

Т о г р у л (Яшару). Ладно, иди к рабочим, а я побегу в райком. Посмотрим, может, мне удастся уговорить Нулета и вырвать несколько тысяченок! (Уходит.)

Я ш а р (Тюрбату). Пошли, живо.

Т ю р б а т. Крестьяне говорят: нельзя работать голыми, без сахара, без чая!..

Уходит. Входит Нияз, Имамьяр и Ягут.

Н и я з. Клянусь святым Аббасом, ты опозорила меня на все село! Кто он такой, что моя дочь носит ему еду? Каждый поровнит меня уколоты. Я бедняк, и очень хорошо. Плевать мне, что он инженер. Клянусь святым Аббасом, всех перебережу!

И м а м ь я р. Ладно, дорогой, кончай, потом я скажу.

Н и я з. Я считаю, это ты ее испортил! Каждый только и говорит об этом. Это моя дочь, не твои!..

Я г у т. Не понимаю, что я сделала? Почему вы на меня сердитесь?

Н и я з. Молчи, сукина дочь! Как дам—зубы проглотишь. Клянусь святым Аббасом, искромсаю на кусочки.

И м а м ь я р. Послушай меня... Кончай. Чего надрываешься?.. Нельзя же по каждому пустяку хулить ребенка?.. Зачем порочишь дочь?.. Застал ее за дурным делом—бей, убей даже... Я буду на твоей стороне. Но ведь сейчас бедняжка ни в чем не виновата! Что страшного, если она ему носит обед?

Н и я з. Не хочу! Вообще не хочу, чтобы она с ним разговаривала! А ты что, в адвокаты ее записался? Это моя дочь, не твоя!

И м а м ь я р. Дорогой, что этот парень сделал тебе плохого? На работу тебя устроил. Ты чуху себе справил...

Н и я з. Я свою честь не продаю. Все работают, и я тоже. При чем здесь моя дочь?

И м а м ь я р. Милый, надо всегда по другим равняться! Разве не видишь: люди чадру со своих жен сняли, а ты хочешь молодое дитя в клетку упрятать! Как увидишь сделала что-нибудь не так,—бей, убей! Ничего не скажу.

Н и я з. Ладно, посмотрим... (Идет прочь.)

И м а м ь я р. Ступай, ступай... Работай. Нечего баклуши бить. Хватит языком болтать. Сотни глаз смотрят... (Нияз уходит.) А тебе будет лить слезы. Опять что-нибудь натворила?

Я г у т. Нет. Ничего. Отец говорит: «Зачем с ним разговариваешь? Надо мной Сафар смеется!»

И м а м ь я р. И верно говорит. Все вы на одну колодку. О последствиях не думаете. Никакой осторожности! Послушай меня... Твой отец сумасшедший, ударит, наделает глупостей, попадем в беду. Вы с этим парнем будьте осторожны. Если у него действительно серьезные намерения, скажи, чтобы увез тебя подобра-поздорову. Пусть уезжает отсюда. Не то может случиться неприятность.

Я г у т. Он не хочет ехать.

И м а м ь я р. А ты говорила с ним? (Ягут утвердительно кивает головой.) Откровенно говоря, парню тоже нельзя много верить. Привез с собой какую-то русскую девушку... Что у них за отношения?.. Кто она ему?

Я г у т. Говорит, никто.

И м а м ь я р. Говорить можно все... А там кто их знает. Если между ними ничего нет, что они делают вместе у обрыва? Послушай меня... Нияз сошел с ума... Мне уже надоело возиться с ним. Записал тебя в клуб—скандал! Послал тебя в школу—скандал! Наконец, послали к нам этого парня. Как же, начальник! Ты уприсила... И опять неприятности! Я не возражаю. Если он серьезно надумал, скажи, чтобы увез тебя. Пусть уезжает. А иначе: будет неприятность—я руки умою. Делайте, что хотите!

Входит Яшар.

Я ш а р. Эй, дан, ты здесь? Крестьяне опять шумиху подняли. Едва унял их.

И м а м ь я р. Я сам от них сбежал. Человек должен быть сознательным. Человек или сам должен понимать или, других слушая, ума набираться. Каждый заботится только о своем желудке, о завтрашнем дне никто не думает. Мы здесь социализм строим, а эти молодчики за фунт хлеба глотку готовы перегрызть.

Я ш а р. Ах, как есть хочется!

И м а м ь я р. Девушка принесла тебе... Садись, перекуси. Не жалейте ты себя: не ешь, не спишь. Разве так можно? Здоровье на улице не валяется.

Я ш а р. Сам видишь: дела не ладятся.

И м а м ь я р. Не понимают, дьяволы, что сестра на осла—стыд, а упасть с него—два стыда! Раз уж мы взяли за это дело, плохо ли, хорошо,—нужно довести до

конца. Посмотрим, что получится? Как говорится, назвался груздем—полезай в кузов... Ну, ешь, а я пойду гляну, что там делается. *(Уходит.)*

Ягут протягивает Яшару еду.

Яшар. Я сейчас руки помою... *(Уходит.)*

Амиркулу и Шарабаны вкатывают повозку.

Шарабаны. Эй, старик, плохо толкаешь! Или у тебя прострел в пояснице? Может, ты хочешь, чтобы я одна тащила?

Амиркулу. Ах, ты, дочь негодника! Куда же мне толкать? Под колесо камень попал. Откинь его, я и буду толкать.

Шарабаны. Ты на камень не смотри! Навались лучше!..

Амиркулу. Пропади ты пропадом! Как я могу навалиться? Откуда силу взять? Рожу ее, что ли?.. Откинь камень, дай дорогу, я и навалюсь.

Шарабаны. А ты что, сам не можешь подойти и откинуть камень?

Амиркулу. Ты ведь впереди... Проклятье тому, кто сунул нас в одну бригаду!

Шарабаны. Выродок кулацкий! Ты и здесь хочешь меня эксплуатировать?.. Навались, говорю тебе!.. *(Хватает лопату, бежит за мужем.)*

Амиркулу *(убегая)*. Эй, Шарабаны, не подходи с лопатой! Положи лопату на землю, говорят! Клянусь святым Аббасом, я тебе наставлю фонарей!..

Шарабаны. Кому фонарей? Мне?..

Супруги дерутся врукопашную.

Амиркулу. Отпусти чуху!.. Чуху не рви, говорят тебе!..

Шарабаны. Кому фонарей? Мне? Ах, ты, сволочь кулацкая! *(Валит мужа на землю.)*

Входит Яшар.

Яшар. Когда ты отучишься обзывать кулаком, Шарабаны?

Шарабаны. Товарищ Яшар, я не хочу с ним работать. Это кулак! Он притворяется, не желает толкать, не

тянет. Дайте мне другого напарника. Вот я сейчас пойду в сельсовет и спрошу, почему ты не толкаешь.

Амиркулу. Ладно, проклятая баба. Я тоже иду в сельсовет. Быть мне поганым псом, если я не добыю, чтобы тебе задрали юбку и всыпали по мягкому месту! Ступай вперед. *(Уходит.)*

Яшар *(садится, ест)*. Вот спасибо, Ягут. Молодчина! Кончим работу—сразу же увезу тебя в город. И дядю твоего. Поедешь?

Ягут. Да ведь не пустят.

Яшар. Как это не пустят? Я же не просто так увезу тебя... По-хорошему, на машине!

Ягут. Да, да, увези меня, Яшар. Увези скорей... Сегодня же! Сам потом вернешься. Нет, и сам не возвращайся. Не приезжай сюда. Это нехорошее село.

Яшар. Нехорошее? Почему же? Отличное село. Все у вас колхозники... Река!.. Природа!.. Только вот комары немного кусаются.

Ягут. Здесь столько комаров! Тебе нельзя оставаться...

Яшар. Нет, Ягут, *(хоть убей, но сейчас я отсюда никакуда не поеду!*

Ягут. Не можешь с ней расстаться?

Яшар. С кем?

Ягут. С той девушкой, Таней. Ты каждый день с ней гуляешь.

Яшар. Ха-ха-ха!.. Она вовсе не моя девушка, Ягут. Мы с ней хедим смотреть землю. У меня там опытный участок, хлопок посажен. Хочешь приходи после работы, вместе пойдём...

Ягут. Нет, меня не пустят.

Яшар. Кто? Твой дядя?

Ягут. Нет, отец... Дядя ничего, а вот отец не пустит.

Яшар. У тебя хороший дядя, Ягут. Умница!

Ягут. Нет... Мой дядя... *(Хочет что-то сказать, не решает.)* Уведем отсюда, Яшар. Уведем, убежим!..

Яшар. Зачем бежать? Мы тебя по-хорошему увезем. Только вот дай закончить работу. На мне ведь лежит ответственность. Ты знаешь, что такое ответственность, долг?.. Это и есть работа!.. Стой, хочешь я здесь для тебя выращу такой сад!..

Входит Таня.

Т а н я. Ты здесь, Яшар? Нет, это уже слишком!.. Ступай домой, поешь, отдохни. Нельзя же все время без сна. Так и умереть можно. Я сама умираю от голода.

Я ш а р. Садись, Таня, садись. Ягут приготовила чудесный борщаш.

Т а н я. Нет, Яшар... Живо ешь и иди посмотри... Мы не можем свою забить. Течение сильное, сбивает. Из-за этого вся работа стоит. *(Таня откусывает кусочек хлеба.)*

Я ш а р. Пошли, пошли.

Т а н я. Сначала поешь.

Я ш а р. Потом поем. Нельзя, чтоб работа стояла. Берни котлету, Таня. Чудная котлета. Ягут прямо волшебница!

Т а н я *(берет котлету)*. Ягут славная девушка.

Входит Т о г р у л.

Т о г р у л. Вот это да!.. Меня за деньгами услад, а сам тут нежится в окружении девушек. Клянусь тебе, Таня, я напишу в контрольную комиссию, что ты за одну котлету разрушаешь мою семейную жизнь.

Я ш а р. Сядь, поешь... Ну, как с деньгами?

Т о г р у л. Откуда я знаю как? Нусрет сказал: сейчас привезу. Нехорошо, Яшар, рушишь мое семейное счастье! То ты вводишь ее к обрыву, то котлетой угощаешь... Клянусь, Таня, будешь меня сердить—жизнь на Ягут... Пусть тогда Яшар кончает самоубийством.

Т а н я. Миллион раз говорила тебе: не люблю. Я люблю Яшара... Понятно?

Т о г р у л. Ах вот как?.. Вот оно что?.. Тогда увидите, кто кончит самоубийством!..

Я ш а р. На, бери котлету, и пошли глянem, что там со сваей.

Т о г р у л. Не хочу. К черту твою котлету! *(Уходит)*.

Я ш а р. Смотрите, ревнует... С ним не шутите! Пошли, Таня, глянem. Ягут, я сейчас вернусь. Впрочем, ты можешь идти...

Я г у т. Нет, я подожду. Мне надо посуду забрать.

Я ш а р. Хорошо, я быстро. Только спрошу у этой сваи, почему она не хочет лезть в воду.

Яшар и Таня уходят. Ягут смотрит им вслед, затем опускает голову, принимается плакать. При этом она что-то чертит палкой по земле. Вдали слышится песня. Входит И м а м ь я р.

И м а м ь я р. Ну, в чем дело? Ты еще не ушла?

Я г у т. Жду посуду...

И м а м ь я р. О чем вы тут говорили?

Я г у т. Ни о чем...

И м а м ь я р. Зачем же ты мое имя упоминала?

Я г у т. Я сказала: мой дядя хороший человек, а отец сердится...

И м а м ь я р. Твой отец с ума спятил. Мы с ним здорово поругались!.. Ах, если бы вы с Яшаром уехали!..

Я г у т. Он не хочет.

И м а м ь я р. Не хочет?

Я г у т. Да. Говорит: пока не кончу работу, никуда не могу поехать!

И м а м ь я р. Врет он, чертов сын! Верно, спутался с этой русской девчонкой... Не видит, что весь свет ополчился против него. Ладно, уже вечер... Придет он, пусть быстренько ест, отнесешь домой посуду. Он, конечно, домой не пойдет. Видно, опять условился с русской девчонкой, попрутся к обрыву.

Имамьяр уходит. Ягут сидит, задумавшись, грустно поет. Входит Я ш а р.

Я ш а р. Ты еще не ушла, Ягут? Что случилось? Ты плачешь?

Я г у т. Уедем отсюда, Яшар. Я не могу тебе всего рассказать... Уедем отсюда.

Я ш а р. Что с тобой, Ягут? Почему ты плачешь?

Я г у т. Уедем Яшар. Умоляю тебя, уедем. Мне страшно здесь оставаться. Я боюсь за тебя!

Я ш а р. Не плачь, Ягут. Какая ты странная! Чего боишься? Я поговорю с твоим отцом и отправлю тебя в город, к нам домой. Дядя отвезет тебя и вернется. Вытри слезы. Ну-ка, подними голову, я посмотрю. *(Вытирает девушке слезы.)*

Входит Н и я з, Т ю р б а т, А м и р к у л у, Ш а р а б а н и и еще несколько рабочих. Ниязу кажется, что Яшар ласкает его дочь.

Н и я з. Ах, бесстыдник! Ты что, за людей нас не считаешь?.. Прямо среди бела дня... *(Кидается к молодым людям.)*

А м и р к у л у. Стой, Нияз... *(Хватает Нияза.)*

Н и я з. Пусти меня, говорю тебе!.. Я не потерплю бесчестия!

Входит И м а м ь я р.

Имамьяр. Что случилось? В чем дело? Ты что, Нияз, собрал вокруг себя народ? Что произошло?

Нияз (*Имамьяру*). Я тебе дам, негодник! Это все ты мне пакостишь! Пустите меня!..

Имамьяр. Что случилось, глупец? Человек должен быть сознательным. (*Амиркулу*). Сбегай живо, найди Нусрета или еще кого-нибудь. Зови их сюда. Может, они заткнут рот этому дуралею. (*Амиркулу убегает.*) Позорит нас только.

Нияз. Пустите меня, говорю вам!

Имамьяр (*Ягут*). В чем дело, негодница? Что здесь произошло? Ты нас позоришь.

Ягут (*всхлипывая*). Я плакала...

Имамьяр. Плакала, плакала... (*Тихо*.) Скажи, что он схватил тебя насильно. Иначе мы не заткнем рот этому крикуну. Всех перебьет.

Нияз. Клянусь своим отцом, я искромсаю тебя на кусочки. Пусть меня потом расстреляют. Ты меня опозорила!

Имамьяр. Да образумься ты, наконец. Успокойся. Не смехи людей!

Яшар. Послушай меня, Нияз...

Нияз. Не хочу я тебя слушать, сукин сын...

Имамьяр (*Ягут*). Ты поняла, что я сказал?

Ягут. Но ведь...

Имамьяр. Молчи, негодница. Теперь уже поздно... Говори, как я велел. После я все улажу. Ты слышишь или нет?

Ягут. Слышу.

Входит Нусрет, Тоғрул, Гасан и Алияр.

Нусрет. Кто здесь скандалит? (*Ниязу*.) В чем дело? Что случилось?

Нияз. Стреляйте в меня!.. Все равно один конец!..

Нусрет. Да говори ты, в чем дело?

Тюрбат. Верно говорят люди, милок... Ты инженер, приехал сюда работать, ну и работай. А зачем пристаешь к нашим женщинам?

Тоғрул (*Яшару*). Послушай, в чем дело? Что ты натворил?

Яшар. Абсолютно ничего. Человек разума лишился.

Нусрет. Прежде всего давайте успокоимся.

Тоғрул (*рабочим*). В чем дело? Что случилось?

Алияр. Как что случилось? Воды он нас лишает, сахару не дает, чаю не дает, да еще пристаёт к нашим женщинам.

Имамьяр. Не понимаю, что с вами стряслось? Чего глотки дерете? Мой ребенок, нам-то что?

Нияз. Ребенок не твой, а мой! Негодяй!.. Это ты меня опозорил!

Имамьяр (*Нусрету*). Прошу вас, заткните ему рот. Разве так можно что-нибудь понять? Надо разобраться, опросить, и все станет ясно.

Нусрет. Тише, говорю. В чем дело, Нияз? Что случилось? Или ты хочешь, чтобы тебя в каталажку посадили?

Нияз. Сажайте!.. Стреляйте!..

Нусрет (*Яшару*). Яшар, в чем дело? Что случилось? Яшар. Клянусь, ничего не понимаю. Просто ошашен.

Алияр. Как ничего не понимаешь? Значит, это я обнимал девушку?

Имамьяр. Тебе-то что? Болван! Скажите, какой прокурор нашелся!..

Алияр. Мы говорим то, что видим. Подумаешь, ругается еще!..

Нусрет. Пстой, Имамьяр! (*Алияру*.) Расскажи, в чем дело?

Алияр. Да так, ничего... Имамьяр послал нас за досками. Мы пошли... Я, Нияз, Амиркулу и еще несколько человек. Подходим, видим: этот схватил Ягут за голову и давай обнимать. Нияз сразу как бросится... Мы едва поймали его...

Нусрет. Теперь ты, Амиркулу, расскажи, что видел?

Амиркулу. Я видел только то, что они обнимались. А уж кто кого, не разглядел. Врать не хочу.

Алияр. Нет, а я разглядел хорошо: парень обнял девушку, а девушка вырывалась у него из рук.

Имамьяр. Распиши, распиши!.. Они же молодые. Что здесь такого? наших дочерей насильно похищают со стрельбой, и то мы ничего... А тут... (*Насмешливо*.) Парень обнял девушку!..

Алияр. А ты чего сердиться, дорогой? Нас спрашивают, мы и говорим то, что видели...

Амиркулу. Спросите лучше у самой девушки. Зачем запутываете дело?

Нусрет. Послушай меня, Ягут. Что ты здесь делала?

Ягут (плача). Я обед принесла...

Гасан. Вместе с тем, основываясь на этом... Как получилось, что вы обнялись?

Голос Тани. «Яшар!.. Яшар, что случилось?»

Вбегает Тания.

Тогрул. Постой, Тания.

Нусрет. Отвечай, Ягут, не бойся. Он тебя насильно обнял или...

Имамьяр смотрит пристально на Ягут.

Ягут. Насильно...

Нусрет. И это наш инженер!.. Приехал в село работать, а сам—дело по боку, и начал...

Нияз. Постой же, сукина дочь, я с тобой поговорю!..

Шарабаны. А что бедняжка могла поделать? Она ведь говорит, что он насильно схватил.

Слышется крики. Вбегают Тюрбат и еще несколько крестьян.

Тюрбат. Эй, на помощь!.. Помогите!.. Рухнула плытина!.. Людей придавило!..

Тогрул. Что?! (Убежает.)

Нусрет. Кого придавило?

Тюрбат. Человек пять.

Гасан. Насмерть?

Тюрбат. Неизвестно... Разве узнаешь, что там под бревнами.

Нусрет (Яшару). Вот она—ваша работа! Пошли, посмотрим, что случилось...

Вбегает Тогрул.

Тогрул. Всех вытащили. Жертв нет. Но я не понимаю, как это произошло.

Имамьяр. Дорогой, да ведь в плотину гнилые бревна укладывали. Может, даже нарочно... Врагов-то у нас много!

Нусрет. Ясно. Инженер амуры крутит, вот и развалил работу. Мы завтра же сообщим в центр, чтобы приняли меры.

Яшар. Товарищ Нусрет, моя совесть чиста.

Гасан. Вместе с тем, надо разобраться...

Нусрет. Разберутся, где надо.

Имамьяр. Тут же ничего нет особенного! А вы человека на тюрьму обрекаете.

Нусрет. Это уже не твое дело, товарищ Имамьяр. Я не могу допустить, чтобы в руки крестьян попал материал для сплетен.

Яшар. Я в таких условиях не могу и не хочу работать...

Нусрет. Не хочешь?

Яшар. Да, не хочу.

Нусрет. Не хочешь, как хочешь... Тогрул, примешь у него дела.

Имамьяр. Да разрушит аллах дом злодея, который погубил парня!

Нияз. Нет, это ты разрушил мой дом!

Имамьяр. Милый мой братец, что тебе надо? Ты ведь живешь в моем доме. Поэтому твою дочь и в клуб посылаю, и в школу. Не нравится—ступай, живи в другом месте, чтобы я тебя не видел и не слышал. Дома у тебя своего нет, жили вместе, а теперь уходи, проваливай!..

Гасан. Пошли в исполком, товарищ Яшар.

Все расходятся.

Имамьяр. Ягут, скажи, что он схватил тебя не насильно. Пропадет ведь парень.

Тогрул. Уверю вас, товарищ Нусрет, все это не так...

Нусрет. Возможно, Тогрул. Но раз уж крестьяне начали об этом говорить, так это дело оставить нельзя! Ничего, потом все прояснится.

Тогрул. Яшара сюда партия прислала.

Нусрет. Прошу тебя, не вмешивайся в мои дела. Принимай полномочия, и конец. Я сам за все отвечу.

ЗАНАВЕС

ДЕ ЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРИНА ШЕСТАЯ

Дом Имамьяра. Вечер. Имамьяр подсаживается к столу Яшара, заглядывает в его папку, затем лезет под стол, где стоит ящик с динамитом. Входит Тогул.

Тогул. А Яшара нет?

Имамьяр. С бедным Яшаром такую шутку сыграли, что он места себе найти не может. Не ест, не спит. Ах, злодей, погубил человека!

Тогул. Нет, даи, не говори так. Нияз хороший человек. Я в этом убедился. Правда, пошуметь любит немножко. Мы с ним так подружились!.. Я ему на днях свой ивджак подарил и старую кепку. Надел он и говорит: «Ну, теперь я женюсь!» Целый день он возле меня.

Имамьяр. Человек должен быть сознательным. Ягут прячется?.. На стройку к вам приходит?.. Бывает у вас?..

Тогул. И на стройку приходит, и к нам. Вовсе она не прячется. Как-то принесла мне из дома на работу бумаги. Чудесная девушка!

Имамьяр. Напрасно она погубила бедного парня. Вот и ты раньше заходил каждый день, а как беднягу отстранили от работы, неделями не появляешься. Мой отец всегда говорил: «Чужой человек — не брат родной».

Тогул. Да нет же... Честное слово, дел столько, что голова кругом идет. На днях заканчиваем электростанцию. Сегодня плотину кончили. Теперь будем чаще видеться.

Имамьяр. Видеться — это одно, а вот ты бы поехал и уладил его дело.

Тогул. Я сразу же отправил в Баку письмо.

Имамьяр. Ведь вы у него все спрашиваете. Без него вы ничего бы и не сделали.

Тогул. Проект-то его. Да и пока что еще ничего не известно. Положение серьезное. Яшар засадил опытный участок. Ты ведь знаешь.

Имамьяр. А как же!.. Бедняжка день и ночь там... Кажется, и сейчас туда пошел.

Тогул. Он посадил хлопок. По его подсчетам участок должен был уже зазеленеть, но пока ничего нет. Кажется, даже еще не взошел...

Имамьяр. А вдруг так и не взойдет. Что тогда?

Тогул. Если не взойдет — плохо дело. Тогда и этой станции, и этой плотине — грош цена.

Имамьяр. Выходит, строили, строили, а теперь разрушать придется.

Тогул. Нет, я думаю, Яшар все устроит. А может, нам придется вызвать профессора Белокурова.

Имамьяр. Он больше вас знает?

Тогул. Он профессор!.. Наш учитель!

Имамьяр. Нет, нехорошо вы поступили. Обидели человека! Я ведь знаю, сколько он выстрадал.

Тогул. Сам виноват. Влез в эту историю. Не понимает, что это село. С крестьянами надо вести себя осторожно. А когда говоришь ему, обижается. Ты заметил, он и со мной в последнее время холодно разговаривает?

Имамьяр. Откровенно говоря, вы сами очень плохие товарищи. Убей меня, я бы ни за что не согласился его замещать. Ведь он столько трудился, старался.

Тогул. Что я могу сделать?.. Так или иначе, на днях заканчиваем строительство, начинается второй этап работы... А вдруг его так и не допустят к работе, тогда что? Не могу же я оставить дело наполовину незаконченным?

Имамьяр. Значит, справитесь и без него?

Тогул. Нет, только с помощью его бумаг... С ними все получится. А без них никто ничего не сможет сделать. Даже сам Яшар оказался бы бессилем.

Имамьяр (*встаёт*). Бедняга в таком состоянии... Вчера говорит мне: «Эх, так бы и спалил все бумаги... А сам: раз — и в реку!»

Тогул. То есть, как это «спалил бы»?!. Сумасшедший!.. Надо все забрать, а то еще вдруг ударит ему в голову!.. Ну, я пошел, даи. Вернется Яшар, скажи, чтобы приготовил бумаги. Отдадим Таие, пусть снимет копно. Я забегу на стройку и скоро опять вернусь. Караульные на местах?

И м а м ь я р. Не беспокойся. Я ночью раз пять наведаюсь туда. Шутка ли?!. Сколько денег вложили в стройку. Сам только что оттуда.

То г р у л. Ну, и чудесно. Спасибо, даи. Так ты передай ему: я скоро приду.

Тогул уходит. Имамьяр копается в бумагах, заглядывает в ящик с динамитом. Далеко в горах поют чабаны. Со двора доносятся шаги. Имамьяр отскакивает от стола. Входит Яшар.

И м а м ь я р. Это ты, племянничек? Тогул был, только что ушел.

Я ш а р. Что передавал?

И м а м ь я р. Просил тебя приготовить бумаги. Велю, говорит, копно переснять...

Я ш а р. Зачем?

И м а м ь я р. Не знаю.. Вам-то самим виднее... Говорит, возможно, ему и дальше придется работать самому. «Яшара,—говорит,—не хотят допускать к работе».

Я ш а р. А, к черту все!.. Бумаги вот в этой папке. Пусть забирает.

И м а м ь я р. Эх, племянничек, каждому было бы тяжело на твоём месте!.. Ты трудишься, стараешься, а тебя ни за что ни про что выгоняют с работы, отшвыривают в сторону... И передают твою работу другому! А что сделаешь?.. Надо терпеть. Ничего, племянничек, как говорят, терпение и труд все перетрут. Терпи, казак,—атаманом будешь. Несчастье с каждым может приключиться.

Я ш а р. Клянусь, даи, если бы не ты, я бы совсем захирел. Порой так бывает тяжело, что хочется спалить все бумаги, подорвать динамит, разом положить всему конец. Вот только долг меня останавливает. На мне лежит ответственность.

И м а м ь я р. Нет, племянничек, неправильно ты рассуждаешь... Мы в строительство кучу денег вложили... А без твоих бумаг грош цена всему этому. Без них ведь ничего не сделаешь... Разве не так?.. Или я плохо кумекаю?

Я ш а р. Все в этой папке. Без этих бумаг я и сам бы ничего не сделал.

И м а м ь я р. А заново нельзя написать? Разве не ты все это придумал?

Я ш а р. Придумал-то я, но мне над этим пришлось работать пять лет. Здесь тысячи всевозможных расчетов. Столько-то кислоты, столько-то воды. Все рассчитано. Чуть больше перелил—вот и не вышло ничего. Разве все это удержишь в памяти?

И м а м ь я р. Тогул сказал, что у тебя хлопок не растет. «Профессора,—говорит,—нужно звать».

Я ш а р. А, ну их всех к черту!.. Устал я, даи. Ты понимаешь, сломан морально.

И м а м ь я р. Откровенно говоря, будь Тогул хорошим товарищем, он бы не взялся за твою работу.

Я ш а р. Нет. Тогул не виноват. Нельзя же было приостановить строительство.

И м а м ь я р. Видишь ли, племянничек, и люди ничего не делают бескорыстно. Когда ты возглавлял строительство, все было возле тебя. Таков уж мир. Взять хотя бы моего родного брата... К нам его дочь не показывает-ся, а возле Тогула она с утра до вечера крутится. И отец ей ничего не говорит. Потому что Тогул подарил ему пиджак и шапку. Подарок все решает. Как говорится, были у тебя в саду сливы, все тебя приветствовали: «Салам алейкум», кончились сливы—нет и «салама алейкума».

Я ш а р. Значит, Ягут бывает у Тогула?

И м а м ь я р. Конечно. С утра до вечера вертится возле него. Носит ему на работу чертежи, чай подает... Тогул ее в автомобиле катает. Ты понимаешь?.. По его мнению, Низя—самый замечательный человек на свете... *(На пороге появляется Ягут.)* Что тебе? Входи, входи, нечего в прятки играть.

Я г у т *(опустив голову)*. Тогул послал меня узнать, дома ли Яшар. И просил тебя прийти...

И м а м ь я р. Ты была с Тогулом? *(Ягут молча проходит в дружую комнату.)* И отвечать не хочет, девчонка! Яблоко от яблони недалеко падает. *(Яшар молчит. Вдали кто-то играет на таре и поет.)* Проклятые комары совсем взбесились!

Я ш а р. Ночью так жалят, заснуть невозможно!..

И м а м ь я р. Постой, я сейчас подпалю шенки и бу-

магу. Комары от дыма разлетятся. А то ночью не дадут тебе спать. *(Разжигает печь.)* Черт! Бумаги нет нигде... *(Яшар хватает со стола какие-то листочки, швыряет их в печь.)* Что это? Будь повнимательней. Ты сейчас расстроишь... Может, это нужные бумаги, а ты и не доглядишь.

Яшар. Э, к черту все!.. Пусть горят.

Имамьяр. Дьявольщина! Что за едкий дым, глаза лопаются.

Яшар. Я пройдусь немного, пускай дым выветрится. Глаза ест.

Имамьяр. Я тоже выйду. Голова болит.

Яшар. Только смотри, чтобы пламени не было. Под столом динамит. Упадет искра—все к черту полетит!

Имамьяр. Прошу тебя, вернешься, спрячь динамит куда-нибудь подальше. В доме ведь всякие люди бывают, приходят, уходят...

Яшар и Имамьяр уходят. Немного погодя из соседней комнаты раздается голос Ягута: «Дядя!.. Дядя!..» Не получив ответа, она входит в комнату, роется в бумагах на столе, затем быстро убегает. Появляется Имамьяр, прикрывает окно, хватая со стола папку Яшара, кидает ее в огонь. Затем снова отворяет окно и выходит в соседнюю комнату. Входит Тогрул.

Тогрул. Где Яшар, Имамьяр-дан?

Из соседней комнаты появляется Имамьяр.

Имамьяр. Не знаю, племянничек. Кажется, пошел к реке. Он жег здесь свои бумаги. Затем мы вместе вышли... Я вот только-что вернулся...

Тогрул. Какие бумаги?.. Что за бумаги?.. Какие бумаги жег?..

Имамьяр. Клянусь, не знаю. Какие-то свои бумаги.

Тогрул. Понимаешь, что ты говоришь, дан?! Не дай бог, он еще спалит все свои расчеты, дурак! Где его бумаги?

Имамьяр. Не знаю. Вот все у него здесь, на столе...

Тогрул подбегает к столу, ищет.

Тогрул. Папки нет. Только что здесь была, а сейчас нет. Куда он пошел?

Имамьяр. Спустился к реке. Каждый вечер туда ходит. Я все думаю, как бы бедняга не сделал с собой чего...

Тогрул. Ах, черт!.. Спалил бумаги!.. *(Выбегает из комнаты.)*

Имамьяр приносит стакан чаю, пьет. Входит Яшар.

Имамьяр. Так ты не был у реки?

Яшар. Не дошел. Вспомнил, что Тогрул должен прийти, вернулся с дороги.

Имамьяр. А я прихожу, смотрю—Тогрул уже здесь.

Яшар. Ну, и что?

Имамьяр. Не знаю, перерыл весь стол, ящики осмотрел и ушел.

Яшар. Ящики стола? *(Смотрит на стол, улыбаясь.)* Забрал расчеты... Видно, сам хочет довести до конца работу. Будто я не отдал бы...

Имамьяр. Понятно, бонтася...

Яшар. Ну, ничего, все равно он в них не разберется. Опять придет ко мне.

Имамьяр. Кто это? Да вот и он сам.

Входят Тогрул и Таня.

Тогрул. Слушай, где ты был?

Яшар *(насмешливо)*. К речке ходил топиться.

Тогрул. Сам ты—что хочешь... Говори, где расчеты?

Яшар. Не понимаю, вы над собой издеваетесь или надо мной? Вы же знаете, где они. Чего шутки шутить?

Тогрул. Какие там шутки, Яшар? Говори правду, где папка?

Яшар. Отстаньте, ради бога! Где папка?! Спалил я вашу папку...

Тогрул. То есть, как спалил? Ты с ума спятил? Говорю тебе, давай сюда расчеты!

Яшар. Бумаги у вас, хотя они принадлежат мне.

Тогрул. Они принадлежит не тебе, а народу.

Имамьяр. Бросьте ребята, чего шумите? Говорите потихоньку. Разве можно из-за ерунды враждовать?..

Тогрул. Отдай расчеты, говорю тебе. Потом хуже будет!

Яшар. Не пугай. Говорят тебе, проект мой.

Тогрул. А я говорю, не твой! Он принадлежит народу.

Таня. Без проекта и станция ни к чему.

Яшар. К черту и станцию...

Тогул. Отдай проект, говорю. Я завтра же сообщу прокурору.

Яшар. Вас самих надо передать прокурору!

Тогул. Хорошо, посмотрим...

Яшар. Посмотрим...

Таня и Тогул выходят.

Имамьяр. Ну и шумели вы, дорогой! Почему они хотят замотать твои бумаги? Сколько средств зря пропадает!

Яшар. Проект у них. Просто они ищут повод поспорить со мной.

Имамьяр. Пойди, сообщи об этом куда следует. Разве не так, племянничек? Или я плохо кумекаю?

Яшар. Да ну их всех к черту.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

У построенной электростанции.

Тогул. Таня, сейчас рабочие придут сдавать инструменты. Будь там сама. Считаю хорошенько. Ничего не должно пропасть. Пусть и Имамьяр-дан посмотрит, чтобы складывали аккуратно. Он знает сколько чего было.

Имамьяр. Иду, иду, племянничек. Это же как раз по моей части. Не сказал бы, все равно я пошел бы туда.

Тогул. Ну, вот и станция готова. И плотина тоже. Завтра к колхозникам пожалует гость — электрический свет. Итак, я переплюнул Эдисона!

Таня. Теперь только остался вопрос с хлопком... Я очень беспокоюсь, Тогул.

Тогул. Мне кажется, проект у Яшара. Он его спрятал и не хочет нам давать.

Таня. Я ему вчера послала записку, чтобы он принес его сегодня. Конечно, он обиделся за то, что его отстранили от работы, и спрятал проект. Ничего, рано или поздно отдаст.

Тогул. Да, Имамьяр-дан, хорошо, что вспомнил... Цемент на плотине еще не затвердел. Пусть ребята смотрят в оба. И ты сам поглядывай. Не дай бог, появится где трещина — станцию тут же зальет водой. Все пойдет насмарку!..

Таня. Вчера вода сильно поднялась в реке.

Тогул. Сейчас все время прибывает.

Имамьяр. Весна, племянничек. Самое время разлива. Здесь каждый год все превращается в море.

Таня. А долго ли держится вода?

Има мьяр. Эти дни—самое опасное время. У нас говорят: река взбесилась. Потом постепенно начинает входить в свои берега.

Тогрул. Тانيا, надо на всякий случай два-три дня придержать рабочих. А то вдруг плотина даст трещину, мы не сдержим напор воды. Действительно, река сейчас, словно бешеный пес. Стены грызет...

Тانيا. А не сможет вода перелиться через плотину?

Има мьяр. Нет. Плотина высокая. Доверху не достанет. А вот стену пробить может.

Тогрул. Так не забудь, Имамьяр-дан, смотри за ребятами. Достаточно маленькой трещины—как и станция, и весь опытный участок Яшара будут снесены.

Има мьяр. Не беспокойся, племянничек.

Тогрул. Как только вода спадет, я тебе вот такую благодарственную бумагу накааю!

Има мьяр. Зачем мне благодарности? Ведь для самих себя же делаем... Разве не так, племянничек? Или я плохо кумеаю?

Тانيا. Так, товарищ Имамьяр, верно.

Тогрул. Ну, иди, Тانيا. Уже вечер... Сейчас рабочие придут.

Има мьяр. Я соберу ребят, выставлю караул и тут же вернусь.

Гасан. Товарищ Тогрул, по случаю завершения столь грандиозного строительства исполком сельсовета зарезал шесть баранов и сегодня вечером устраивает банкет в местном масштабе для всех рабочих и крестьян... Основываясь на этом, то есть основываясь на этой плотине... И вместе с этим...

Тогрул. Ага, вот это замечательно!.. Давненько я по-человечески не ел шашлык!

Гасан. И вместе с этим в веселые примут участие все крестьяне, а также девушки и женщины из нашего клуба... Основываясь на этом...

Тогрул. Устраняйте, как знаете. Да и ночь сегодня будет тревожная. Как раз хорошо, если все будут бодрствовать. Ты иди, Тانيا.

Гасан. Вместе с этим... Я тоже позволю себе удалиться.

Тانيا и Гасан уходят. Входит Тюрбат.

Има мьяр (Тюрбату). Пусть все ребята возьмут винтовки и до самого утра патрулируют по площадке. Никто не должен сомкнуть глаз. Обращайте внимание на малейшую трещину, на мельчайшую пробоину.

Тогрул. Да, да, прошу вас... Будьте повинимательней.

Има мьяр. Не беспокойся, я сам там буду.

Входит Нияз.

Нияз. Ты здесь, товарищ Тогрул? Ну, я записал дочку в клуб.

Тогрул. Молодчина, Нияз. Таким и должен быть активист.

Нияз. Для меня твои советы—закон.

Има мьяр. Человек должен быть сознательным. Зачем ты тогда скандалил? Напрасно только парня шутили в неприязность.

Нияз. Он опять меня выводит из себя!

Има мьяр. Хорошо, хорошо... Человек должен быть сознательным.

Тогрул. Пошли, Нияз, потолкуем в дороге.

Тогрул и Нияз уходят.

Има мьяр (Тюрбату). Иди-ка сюда. Видишь: это динамитная шашка. В самый разгар веселья зарой ее под стеной плотины, подожги издали шнур, а сам беги...

Тюрбат. А потом не скажут, где были караульные?

Има мьяр. Эх, и голова у тебя!.. Стены у плотины вон какие длинные... Где были караульные?! В другом конце.

Тюрбат. Хорошо, но тут другое дело... Этой ночью все будут веселиться, спать никто не ляжет. Нельзя ли это отложить на другую ночь?

Има мьяр. Нет, нельзя. Все надо делать сегодня. Мы хотим, чтобы прорвало плотину. Тогда вода и электростанцию снесет, и опытный участок Яшара, и оросит поля. Как только вода спадет, мы сейчас же начнем сев. А если ждать до завтра—вода спадет, что нам толку? Только шашку надо подпалить в тот момент, когда сам Яшар будет на плотине. Пусть летит в реку.

Тюрбат. Как же так? А потом начнут дознаваться, кто это сделал?

Има мьяр. Эх, ты... Кто сделал?.. Я шар с товарищами поругался, вот и взорвал все от злости и зависти... А сам в реку кинулся... Ну, ты ступай. Вот он и сам идет. Я не хочу, чтобы он тебя видел.

Тюрбат уходит. Има мьяр считает лопаты. Входит Я шар.

Има мьяр. Запер двери дома, племянничек?

Я шар. Кажется, запер. Ключ у меня в кармане.

Има мьяр. Нас нет, ребятишки могут забежать, уташат что-нибудь... Куда собрался?

Я шар. Так просто пришел. Хочу плотину посмотреть. Сегодня, кажется, кончаются работы?

Има мьяр. Уже все кончили, племянничек.

Я шар. Сегодня целый день был у себя на опытном участке, устал. Хочу немного посидеть на плотине.

Има мьяр. Как с хлопком? Пророс?

Я шар. Нет, дан, пока ничего не возшло. Подождем еще денечка три-четыре.

Има мьяр. Далеко не ходи, сейчас торжество начнется. Сельсовет зарезал баранов, устраивает угощение...

Я шар. Нет, хочу на станцию заглянуть. Может, что забыли. Потом я буду на плотине. Все эти дни надо смотреть в оба. Бетон еще не затвердел. Треснет стена—вода всю станцию разнесет.

Има мьяр. И небо хмурится. Утром гром гремел. Наверно, дождь будет.

Я шар. Сейчас река самая страшная. Мне принесли записку, пишут, если я сегодня не принесу расчеты, завтра они сообщат прокурору. Я вот что думаю, дан... Может, бумаги упали со стола, а я не обратил внимания, поднял их и кинул в печь...

Има мьяр. Я же говорил тебе: лучше смотри, вдруг это нужные бумаги.

Я шар. Впрочем, нет, дан, мне кажется, расчеты забрал Тогрул. Хочет снять с них копию. А меня запугивает, чтобы я молчал.

Издали доносится музыка.

Има мьяр. Ну, вот, началось...

Я шар. Если плотина сегодня выдержит, тогда ничего не страшно. Разлив начался раньше времени... (Идет к плотине.)

Има мьяр (вслед). Не ходи далеко, племянничек. Ты не одет, простудишься.

Я шар уходит, входит Тюрбат.

Има мьяр. Дома никого нет. Иди... Как стемнеет, принесешь сюда...

Тюрбат. Сейчас.

Тюрбат уходит. Появляется Ягут. Вдали играют, поют, танцуют.

Има мьяр (Ягут). Что надо? Чего скачешь, как кузнечик? Там народ веселится, иди и ты туда, сиди себе...

А то опять впутаешь нас в какую-нибудь неприятность. Ягут. Я ишу отца. (Уходит.)

Сцена меняется. На ковре сидят Тогрул, Гани, Ягут, Нияз, Амиркулу и другие. Рядом жарится шашлык. В чашки наливают айран. Играет музыка, пляшут. Крестьянин поет:

За чабаном поднялся я на склон.

Спросил, мою красу не встретил он?

Средь тысячи других ее найду я след,

Но в сердце все равно красотке веры нет.

С ней надо обходиться осторожно,

Ее глаза блестят,

Ее слова манят.

Устами алыми ухнуть невозможно.

Последние две строчки повторяются хором.

Тогрул. Сегодня мы передаем трудящимся Азербайджана, Закавказья и всего Советского Союза первую районную электростанцию!.. Товарищ Има мьяр, на плотине есть люди?

Има мьяр. Конечно, конечно, племянничек. А как же?

Тогрул. Я хочу поблагодарить всех рабочих, колхозников, инженеров и техников, которые у нас работали, а также представителей организаций, приехавших нас поздравить.

Все: «Ура!.. Ура!..»

Нусрет. Товарищи, на этом торжественная часть окончена. Пусть за нас говорит наша работа. Было время, когда я и сам боялся этого строительства. Меня вызвали в центр и вразумили. Наша сегодняшняя победа доказы-

васт, что для нас нет ничего невозможного! Потеряли рубль—выиграли сто! А посмотрите сейчас на наш коллектив. Вчера наши женщины получали пенки от своих мужей, а сегодня они трудятся вместе с нами, как равные, плечом к плечу, работают, поют, пляшут, смеются...

Ш а р а б а н ы. А почему же никто ничего не говорит, когда этот кулак, сын кулака, изводит меня, эксплуатирует, бьет куда попало?

А м и р к у л у. Кулак—твой отец! Про это ты умалчиваешь, а вот ко мне прицепилась.

Н у с р е т. Повремените чуть-чуть со своей классовой борьбой, как говорит Тогрул, потом будете сражаться... Итак, товарищи, завтра эта новая электростанция украсит огнями наше село, где до сих пор коптели старые керосиновые лампы. Это дело наших рук, это наше слово!.. От имени райкома приношу благодарность всем, кто здесь работал, и в первую очередь товарищу Тогрулу, товарищу Тане, нашему активисту, колхознику товарищу Имамьяру, на долю которых выпали особые трудности!..

Т ю р б а т. Имамьяр работал больше всех!

Т о г р у л. Верно, больше всех!

А м и р к у л у. Вай, не могу терпеть!.. Дайте мне чашечку айрана!..

И м а м ь я р. Я беспартийный, но для нашего правительства, для нашей партии...

А м и р к у л у. Ты—где каша, там и ложка наша.

И м а м ь я р. Для нашей партии, за наш колхоз, за любое дело я готов отдать свою жизнь! Буду ходить годный-холодный, лишь бы дело шло!

Н у с р е т. Спасибо. Товарищи, я пойду к другим... Вместо меня здесь товарищ Гасан.

Г а с а н. Основываясь на этом, и вместе с тем... Я, ваш покорный слуга, как секретарь сельсовета, буду руководить банкетом!

А м и р к у л у. Хоть убей, не могу понять, о чем он говорит.

Г а с а н. Аркадаш,¹ вы всегда приводите мои слова к недоразумению. И ваше недоразумение наводит меня на подозрение...

А м и р к у л у. Назовите меня псом, если я хоть что-

нибудь понял. Ну-ка, отмочи еще что-нибудь, но так, чтобы мы поняли...

Г а с а н. Вместе с этим, играйте, пляшите... Разумеется, не все сразу.

Т о г р у л. Предлагаю: пусть Амиркулу споет несколько куплетов под аккомпанемент свирели.

А м и р к у л у (*поет*).

Мной в темных селеньях огни зажжены.

Я в ткань превращаю хлопок-сырец.

Но, братцы, спасите меня от жены,

Иначе герою—конец.

Скажешь добром,—все, проклятой, не так,

Ей слово—она тебе добрый тумак.

Прогнал я султанов и беев,

А перед бабой робео.

К чухе, как колючка, пристала,

Всю в клочья чуху изодрала.

Наверное, хочет из бедной чухи

Сделать себе одеяло.

А если к ней с лаской: «Голубка!»,

Она просит шерсти на юбку.

Свидетель аллах, что ягненком я был,

И рта перед ней никогда не открыл,

Руки никогда на нее не поднял,

Швырнет головошку—как рыба молчал,

И скалкой огреет—молчал...

Ш а р а б а н ы. Проклятый обманщик! Молчал, говоришь, а кто же мне тогда глаз подбил?

А м и р к у л у. Не знаю. Или, может, я не мужчина? Ты меня колотишь, а я стоять и смотреть буду?

Т о г р у л. Есть предложение. Ягугт знает хорошие песни. Пусть нам споет.

Г о л о с а: «Браво! Верно!»

Я г у т. Не хочу петь...

Г о л о с а: «Нет!.. Пой!.. Пой!..»

Г а с а н. Вместе с этим, вы обязаны петь...

Музыканты играют.

¹ Аркадаш — товарищ (*турецк.*).

И я з. Пой, дочка!.. Просьба молодца—закон! Для
хорошего человека ничего не жалко...

Я г у т *(нехотя поет)*:

Я слышал,
Люди говорят:
«Душа красотки—
Суний ад.

Любить красавицу—
Беда.
Не верь, не верь
Ей никогда».

Но через горы
И леса
Лечу к тебе,
Моя краса.

Ты моей жизни
Ясный свет,
И без тебя мне
Счастья нет.

Все паяшут и поют:

Черный туман спускается с гор
И чертит странный узор.
Это—дорога к любимой в сад,
Мечты мои к ней летят.

Злую колючку
Топчут и рвут,
А розы в саду
У любимой цветут.

Небо темнеет все больше и больше. Сцена меняется. Яшар в задумчивости сидит на плотине. Издали доносится пение Ягута, хор, выкрики танцующих. Начинается гроза, сверкает молния. К плотине крадутся три человека. Двое отходят, третий протягивает шнур, подлаживает его и убегает. Яшар поднимает голову, замечает тень, вскакивает на ноги.

Я ш а р. Эй, кто там?.. Что тебе надо?.. Стой, говорят!

Раздается взрыв. Вверх летят камни, земля. Яшар падает. К нему кто-то кидается. Вдали гремят выстрелы.

И м а м ь я р. Кто это?.. Не шевелесь!.. *(Хватает Яшара, хочет сбросить в реку.)*

Я ш а р. Пусти меня, пусти...

И м а м ь я р. Нет уж, не отпущу. Бандит! Мы сюда вложили столько денег! Шнур гниди!.. А ты все уничтожил!.. Я тебе покажу, злодей!

Я ш а р. Кто взорвал?.. Это не я. Тот убежал... Пусти, говорю тебе...

Среди пирующих переполох. Вспыхивают факелы. С винтовками в руках бегут Тугрул и Мирзакулу.

И м а м ь я р. Эй, Яшар, Яшар!.. Тогрул! Нуcret! Сюда!.. Я поймал его!.. Погубил нас, проклятый!.. Вода все заливает... Сюда!..

Вбегают Тогрул, Нуcret, Тая и Ягут.

Т о г р у л. В чем дело? Кто это?

И м а м ь я р. Вот он! Поймал здесь. Взорвал плотину! Погубил нас, злодей!

Т о г р у л. Кто же это? *(Подносит факел.)* Яшар?!. Тыфу, собака!.. *(Изю асех сил бьет Яшара по лицу.)*

Возгласы удивления: «Яшар?..»

И м а м ь я р. Яшар? Ах, злодей!.. Что ты наделал?.. Ты погубил нас...

Я ш а р *(взволнованно)*. Надо остановить поток!.. Быстро!.. Станция погибнет!..

Ягут смотрит на Яшара, закрывает лицо руками, прислоняется к стене.

Т о г р у л. Быстро, давайте камни! Наполняйте мешки!..

Г о л о с а: «Вода поднимается!..»

Г а с а н. Вода! Вода! Спасайтесь!

Я ш а р. Стойте! Что вы делаете? Станцию погубите! Эй, бригада, слушай меня!

Г о л о с а: «Вода поднимается!»

Ш а р а б а н ы. Вода, подступает, бежит!

Я ш а р. Молчать! Бригада, слушай!.. Восемь человек, приготовься! У верхнего поворота разобрать запруду старого канала! Мешки назад, они не нужны! Пусть вода пойдет по старому руслу...

Т о г р у л *(кричит)*. Что ты делаешь, Яшар? Здесь все пропало, теперь там хочешь разрушить?..

Я ш а р. Пусть рушится. Там канал пропадет, а здесь—

станция!.. Эй, бригада, слушай меня!.. Разобрать запруду у поворота!..

Тогрул. А ведь верно, Яшар!.. Мне это в голову не пришло. Таня, живо наверх!

Таня убегает.

Нияз. Помогите! Мою дочь унес поток!

Голоса: «Ягут унес поток!»

Яшар. Веревку!.. Тюрбат, в воду!..

Тюрбат. Что? В этот ад? Да разве можно? Это же верная гибель!..

Нияз. Люди, спасите! Мою дочь унесло!

Таня. Яшар! Яшар!

Яшар. Разобрали?

Нияз. Запруду разобрали... Станция спасена, но Ягут унесло водой!..

Никто не решается броситься в реку.

Яшар. Я спасу ее! *(Кидается в воду.)*

Возгласы: «Ах! Ох!..»

Таня. Яшар!

Нусрет. Утонул...

Нияз. Нет, вынырнул...

Нусрет. Кидайте веревку.

Гасан. Схватил девушку...

Нусрет. Веревку кидайте!

Гасан. Тяните, тяните!..

Вытаскивают Яшара и Ягут.

Нусрет. Дайте пальто!

Таня. Вот...

Нусрет. Напор уменьшился.

Яшар. Вода спала, теперь кидайте мешки!

Тогрул. Станция спасена!

Нусрет. А этого героя сразу же за решетку!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Общий вид электростанции. Идет суд. Яшар на скамье подсудимых. Он задумчив, курит. За столом председатель суда, прокурор, эксперт, Нусрет и другие. Крестьяне слушают. Встает прокурор.

Прокурор. Уничтожив проект и взорвав плотину, подсудимый Яшар Сулейман-оглы совершил покушение на общественную собственность. В советском кодексе законов говорится, что общественная собственность является священным и неприкосновенным достоянием народа. Покушение на народное достоинство должно наказываться самым суровым образом. Я, как народный обвинитель, решительно этого требую.

Гасан. То есть прокурор требует расстрела...

Председатель. Подсудимый Яшар, итак, вы отрицаете, что сожгли проект и пытались взорвать электростанцию?

Яшар. Да, отрицаю. Я не сжигал проект. И плотину взорвал не я. Еще раз повторяю, я здесь ни при чем.

Прокурор. Подсудимый Яшар, вы ведь сказали своим товарищам Тогрулу и Тане, что спалили расчеты. Это верно?

Яшар. Я им ничего не говорил...

Прокурор. Гражданин председатель, позвольте задать несколько вопросов свидетелям.

Председатель. Пожалуйста.

Прокурор. Я хочу спросить у гражданина Тогрула... *(Тогрул встает.)* Что вам говорил подсудимый Яшар в отношении проекта и станции?

Тогрул. Яшар заявил, что он сжег проект. Он сказал: «Проект принадлежит не народу, а мне. Это моя собственность!» Откровенно говоря, я тогда ему не поверил, да и сейчас никак не могу поверить. Я был просто в недоумении. Хорошо, но если он этого не сделал, и я не сделал, кто же тогда?..

Прокурор. Он объяснил вам, почему сжег свои бумаги?

Тогрул. Нет, причина мне неизвестна. Но я думаю, его задело, что начатую им работу поручили мне. Как раз с того времени он начал ко мне холодно относиться.

Прокурор: Гражданка Тая Свиридова! *(Тая встает.)* Говорил подсудимый Яшар в вашем присутствии о проекте? Вы слышали что-нибудь?

Гаяя. Да, слышала... Он сказал: «Проект мой, я его сюжет». Но откровенно говоря, я тоже не могу поверить...

Прокурор: Это ваше личное дело. А нам нужны факты. Подсудимый Яшар Сулайман-оглы, если вам недостаточно этих свидетелей, мы можем выслушать других.

Яшар. Нет, теперь я припоминаю... Они правы. Я действительно так говорил.

Прокурор: Прошу записать слова подсудимого!

Яшар. Но я сказал это просто так...

Председатель: Как это, просто так?

Яшар. Не знаю. Я тогда ничего не соображал... Не помню хорошо... Не могу понять, почему я это сказал. Наверно, со злости...

Прокурор: Разумеется, в спокойном состоянии вы не доложили бы им о своих делишках! Итак, вы рассердились? Вам не понравилось, что ваше дело поручили Тогурулу! Потому вы и сказали про проект? Прошу записать и это.

Председатель: Вы сожгли проект дома незадолго перед тем, как взорвать плотину? Так?

Яшар. Я не сжигал его. Я бросил в печь ненужные бумаги.

Председатель: Может, вы были так сердиты, что не заметили и сузили в огонь и свой проект?

Яшар. Не думаю... Действительно, я был очень сердит... Но я припоминаю, что товарищ Имамьяр сказал мне: «Будь повнимательней. Может, это нужные бумаги...» По-моему, эти слова заставили меня смотреть внимательнее.

Прокурор: Почему вы тогда были сердиты?

Яшар. Было много причин.

Прокурор: Например.

Яшар. Во-первых, меня совершенно несправедливо отстранили от работы. Я был вынужден со стороны наблюдать за начатым мною делом.

Прокурор: Прошу занести в протокол и эти слова!

Яшар. Но главная причина не в том. Я тогда только что вернулся со своего опытного участка. По моим под-

счетам, хлопок должен был давно взойти, а ростков и в помине не было. Потому-то я и был раздосадован.

Прокурор: Прошу занести в протокол и это!

Яшар. Так что, если хотите знать, я был не сердит, а просто расстроен. Да и они сами говорили со мной очень грубо. Ну, я и разозлился...

Прокурор: Все это не имеет никакого значения.

Председатель: Подсудимый Яшар, что вы делали один на плотине в ночь взрыва, когда все нессялись?

Яшар. Я хотел осмотреть стройку и немного отдохнуть.

Председатель: Почему вы не пошли на банкет?

Прокурор: Может, у вас было более важное дело?

Яшар. Нет, никакого дела у меня не было... Просто мне было обидно... Ведь я этой стройке всю душу отдал. Если бы я даже и был в чем-нибудь виноват, все равно они могли бы меня пригласить после окончания...

Прокурор: Выходит, это вас задело?

Яшар. Немного...

Прокурор: Прошу занести и это в протокол... То есть его не пригласили, а он обиделся.

Яшар. Обиделся, но не так уж очень... Чуть-чуть...

Прокурор: Степень не важна.

Гаяя. Вместе с тем и однако мы никого не приглашали особо.

Председатель: Затем, уходя вечером из дома, вы заперли дверь... А где был динамит?

Яшар. Когда я уходил, динамит лежал дома. Дверь я запер, ключ все время был у меня в кармане...

Председатель: И, несмотря на все эти обстоятельства, вы отрицаете, что взрыв был произведен вами? Хорошо, если это сделали не вы, то кто же?

Яшар. Мне не удалось разглядеть, кто это был...

Прокурор: Можно задать вопрос свидетелю?

Председатель: Пожалуйста.

Прокурор: Свидетель Имамьяр Рагим-оглы, скажите, питает ли к вам, подсудимый, какую-нибудь неприязнь? Нет ли между вами вражды? Если есть, то почему?

Яшар. Между нами нет никакой вражды.

Тогурул. Товарищ Имамьяр—первый из колхозников, кто высказался за наш проект. Он и работал лучше всех. Он больше всех помог нам.

Амиркулу. Имамьяр—молодчина. Ничего не скажешь!

Прокурор. Гражданин Имамьяр, расскажите, почему вы, подоспев к месту происшествия, сейчас же схватили Яшара Сулейман-оглы?

Имамьяр. Да ведь там, кроме него, никого больше не было. Сидела я его не узнал... Разрешите, я расскажу все по порядку.

Прокурор. Пожалуйста, пожалуйста, рассказы-вайте.

Имамьяр. Я тоже был вместе со всеми на празднике. Вдруг слышу: трах-бабах!.. Взрыв!.. Кидаясь к плотине, смотрю: кто-то ползком удирает... Я бросился на него, мы сцепились... Он меня, я его... Вижу: нет, не справиться мне с ним. Позвал я на помощь, подбежали ребята, принесли фонарь, смотрю: Яшар. Думаю: хорошо, что так получилось, а то ведь мог оглушить парня и кинуть в реку...

Прокурор. Подсудимый Яшар, почему вы убежали? Почему вы ползли?

Яшар. От взрыва я упал... Темно было, споткнулся и упал. Тут он меня и схватил.

Прокурор. Отлично. Прошу записать, что подсудимый удирал ползком. Гражданин Имамьяр, расскажите нам, почему подсудимый в последнее время был расстроен?

Имамьяр. Честное слово, товарищ, просто не знаю, как и объяснить. Откровенно говоря, другие тоже виноваты. Например, во многом виноват сам Тогрул. И вот почему... Слышу, Яшар затвердил: сожгу, уничтожу!.. Пошел я к Тогрулу и все рассказал. Если бы он сразу же обратился к Яшару, тот бы отдал бумаги по-хорошему. Разве это не халатность?

Тогрул. Товарищ Имамьяр говорит правду. Он сказал мне, дал знать... Но он говорил об этом в такой мягкой форме, что я не обратил внимания. Да я и думать не мог, что Яшар способен на такое... Даже сейчас не верится. Ведь я его так хорошо знаю. Мы вместе учились, были друзьями...

Имамьяр. Теперь другой момент... Ты ведь знал, Тогрул, что парень, справедливо или несправедливо, попал в историю из-за девушки. Зачем же после этого брать и катать ее на машине, дружить с ее отцом, дарить ему

пиджак, кепку?.. Такое заденет каждого... Что же касается отца девушки, он хоть и брат мне, но большая свинья. Нияз. Эй!.. Опять он выводит меня из себя!..

Председатель. Тихо. Не кричите, товарищи.

Прокурор. Гражданин Тогрул, вы катили на машине гражданку Ягут Нияз-кызы? Если да, то зачем?

Тогрул. Хотел задобрить. Я взял шестфто над отцом и дочерью. Нияз—бедняк, он немного горяч, но человек хороший. Я хотел завоевать их расположение, чтобы они отступились от Яшара.

Прокурор. Значит, вы считаете, что он не мог к вам ревновать?

Тогрул. Мог. Но тогда мне это не пришло в голову. Впрочем я считаю, здесь вопрос гораздо сложнее...

Прокурор. А именно?..

Тогрул. Именно, я вот как думаю. Мы по проекту Яшара построили электростанцию, соорудили плотину, затратили на это дело миллионы рублей. По этому же проекту Яшар создал опытный участок, но хлопок не пошел. Во время опытов в лаборатории соль превращалась, а на открытом воздухе—нет. Опасение профессора Белокурова подтвердилось. Вот Яшар и решил устроить взрыв, чтобы все уничтожить и выйти сухим из воды. Думал, все сойдет гладко.

Прокурор. Прошу это занести в протокол.

Тогрул. И все-таки даже сейчас как-то не верится. Я просто поражен. По-моему, тут замешана рука классового врага... Прошу пролетарский суд помочь нам разобраться в этом деле.

Яшар. Но ведь поток остановил не ты, а я!..

Прокурор. А что вам еще оставалось делать после того, как вас поймали на месте преступления?

Яшар. Эта стройка, этот проект были для меня дороже родной матери!.. Как же я мог их уничтожить?

Прокурор. И последний вопрос, подсудимый. За чем вы обнимали эту девушку?

Амиркулу. Гм!.. А как вы думаете, зачем люди обнимают друг друга?.. Это ведь не Шарабаны, которая обнимает меня только для того, чтобы толкнуть в корыто с извостью.

Шарабаны. И хорошо делаю, правильно делаю!..

Председатель. Тихе, товарищи!

Я шар. Я не обвинял ее... Она плакала, я хотел ее успокоить.

Прокурор. А почему она плакала?

Я шар. На этот вопрос я не хочу отвечать.

Председатель. Подеудимый Яшар, прокурор обвиняет вас в покушении на народное имущество, а вы не желаете защищать себя, отвечать на вопросы... В результате этого будет высшая мера наказания.

Прокурор. Закон требует фактов. Свидетели и все обстоятельства ясно подтверждают, что проект сжег Яшар и плотину взорвал тоже он. Поэтому-то ему и нечего сказать.

Я шар. Обвинить меня в уничтожении того, что я сам же создавал?! Судить меня как врага пролетариата?! Обвинять в контрреволюции на пятнадцатом году Советской власти?! Пусть меня расстреляют, я не отвечу больше ни на один вопрос!..

Ягут. Стойте, товарищи!.. Я сама отвечу на этот вопрос.

Голоса: «Кто это?.. Что она говорит?.. Это Ягут!»

Председатель. Ты что хочешь, девушка?

Ягут. Яшар ничего не знает... А мне все известно. Разрешите, я отвечу вместо него.

Имамьяра. Не лезь, девочка!

Ягут. Нет, довольно!.. Пусть меня убьют, но я все скажу. Слушайте, Яшар ни в чем не виноват. Это все построили другие. Пусть же, я все скажу, а там будь что будет!..

Председатель. Не бойся, девушка, говори. Говори все, как есть.

Ягут. Я плакала и умоляла Яшара уехать из села... Я ему не говорила, боялась... Его хотели убить.

Голоса: «Кто?.. Кто?..»

Ягут. Вот они!.. Вот они!.. Смотрите: они!.. Они!.. И вот этот!.. (Указывает на Имамьяра, Тюрбата, Мирзакулу.) Яшар не обвинял меня. Это он (указывает на Имамьяра) уговорил меня сказать, будто Яшар схватил меня насильно. Он и папку сжег... А ящик с динамитом утащили из дома вот они... Дядя послал их... Я проследила... Они залезли в окно и унесли.

Прокурор. Значит, проект сжег твой дядя? Ты это видела?

Ягут. Я знала про их план. Когда Яшар ушел из

дома, я смотрела в окно... Он (показывает на Имамьяра) вернулся, схватил папку и кинул в огонь...

Прокурор. Значит, проект сгорел?

Ягут. Нет, не сгорел. Вот он, у меня. Я перед этим вместо него положила в папку другие бумаги. Вот ваш проект.

Я шар (взволнованно). Это он, мой проект!..

Имамьяра. Ах, так!.. Получай... (Стреляет из пистолета. Амиркулу хватается Имамьяра за руку, пуля летит вверх.)

Председатель. Взять его!

Голоса: «Взять его!.. Держите других!» (Вредителей разоружают.)

Тогура. Ах, мерзавец!..

Амиркулу. Черт возьми, Тогура!.. Ты смотри, что получилось!.. Я же говорил вам, что его морда мне не понравится, подозрительный тип. А вы твердили: нет!

За кулисами слышится шум. Голос Белокурова: «Где Яшар?..» «Где Яшар?» Выходит профессор Белокуров. Он возбужден, ищет глазами Яшара. Увидел, издаётся, обнимает.

Белокуров. Яшар, я ведь нашел проклятый минерал. Знаешь, что это?.. Мел, мел!.. Я засеял участок и уехал в Ростов. Вчера вернулся, смотрю хлопок взошел! Обыкновенный мел!

Председатель. Что вы делаете, гражданин? Что вы делаете?

Белокуров. Да, мел, мел! И больше ничего... Прежний состав, плюс мел... Разве я не выручил тебя?

Таня. Он перед судом, профессор.

Амиркулу. Еще чуть-чуть и бедняге задали бы жару, поставили бы к стенке...

Белокуров. То есть, как это перед судом?.. Какой такой суд? Я его никому не отдам. Это мой лучший ученик. Пять лет я мучился над ним, терпел фокусы, как его родная мать. Нет, я вам его не отдам, я его не отпущу. (Волнуется, обнимает Яшара, затем вдруг, что-то аспоную, восклицает.) Стой, стой!.. Мел и еще уголь. Уголь, уголь, уголь!.. Как я про него, проклятого, забыл? (Вытаскивает из-за кулис большой ящик, в котором растет хлопок.) Вот, посажен на открытом воздухе. Будет замечательный хлопок! А это твоя электростанция, Яшар?

Таня. Станция и все прочее готово, профессор.

Белокуров. И ты здесь, Таня!? Да здесь все наши! *(Здоровается со всеми.)* Теперь, что это за суд?

Председатель. Вопрос ясен. Действительность подтверждает слова гражданки Ягут Нияз-кызы. Прокурор снимает с гражданина Яшара все обвинения. Истинные преступники привлекаются к ответственности. Уведите их. Вместе с этим суд отмечает, что некоторые руководители местной партийной организации оказались слепыми перед оппортунистическими действиями классового врага, а соответствующие органы не смогли этого вовремя заметить... Гражданин Яшар, вы свободны.

Все: «Ура!».

Тогрул. Ну, товарищ Нияз, как ты на все это смотришь?

Нияз. Сукин сын, сбил меня с толку. Ничего, негодяй получит по заслугам...

Тогрул. Спасибо, товарищ Ягут.

Яшар. Спасибо, Ягут. Я не думал, что ты такая смелая!

Амиркулу. Эй, Шарабаны! Чего же мы стоим? Давай и мы мириться! *(Целуется с Шарабаны.)* Только, чур, без грязных тарелок...

Белокуров. Теперь все в порядке, Яшар. Пускайте в работу станцию. Хлопок будет!

Сцена постепенно темнеет. Внезапно электростанция и все дома по соседству озаряются ярким светом. Рядом с электростанцией раскинулось огромное хлопковое поле. Работают парни и девушки.

Звучат песни.

Я—сын свободной счастливой страны.
Пусть слава гремит о народных делах,
Стальные оковы Куре суждены,
Бесплодные степи утонут в садах.
Железо в машины трудом животворным
Мы знаем и силой своей воплотим.
Мы завоюем мир новый, просторный,
Мы скоро в небесные дали взлетим.
Железные крылья взметнуться хотят,
И звезд недалеко уже свет.
Я—армии смелых железный солдат,
Для нас неприступного нет!

СОДЕРЖАНИЕ

Айдын (перевод Аз. Шарифа)	3
Невеста огня (перевод С. Беглярбековой)	56
Севиль (перевод И. Печенева)	131
1905 год (перевод И. Печенева)	187
Алмаз (перевод автора)	263
Поворот (перевод И. Печенева)	327
Яшар (перевод И. Печенева)	423

●
Чафар Гафар оглу Чаббарлы

ПЈЕСЛАР

●
Редактор *В. Касумова*
Художественный редактор *М. Касумов*
Технический редактор *С. Миркишьева*
Корректоры *Р. Чагина, Н. Фидлер*

Сдано в набор 7/II-1969 г. Подписано к печати 28/IV-1969 г.
Формат бумаги 84×108^{1/2}₃₂. Физ. п. л. 15,5. Условн. п. л. 26,040.
Учетн. изд. л. 26,0. Заказ № 43. Тираж 3000. Цена 1 р. 12 коп.

Государственный Комитет Совета Министров
Азербайджанской ССР по печати.
Азербайджанское государственное издательство
Баку, ул. Гуси Гаджиева, № 4.
Типография „Красный Восток“. Баку, ул. Ази Асланова, № 89.

2

230114